Владимир Великий

Клятвоотступник

Владимир Великий. Клятвоотступник: Роман. - Дніпропетровськ: Пороги, 2008. – 337 с. (ISBN 978-966-525-917-6). Книга издана в июне 2008 года.

Владимир Великий

Клятвоотступник

Роман

Группа советских войск в Германии, Западная группа войск - форпост защиты завоеваний социализма в Европе. Почти за полвека существования самой мощной военной группировки в мире в ее рядах прошли ратную закалку около 7 миллионов советских военнослужащих, из них - 540 тысяч офицеров и генералов, 180 тысяч прапорщиков и более 5 миллионов солдат и сержантов. В разные годы здесь работало более 400 тысяч рабочих и служащих - врачей, инженеров, медицинских сестер. Надежным «тылом» военной группировки были члены семей военнослужащих, которых насчитывалось 1 миллион 500 тысяч человек. Всего на территории Германской Демократической Республики жили и работали почти 8,5 миллиона наших соотечественников. Все они с честью выполнили свой долг перед Родиной...

Их же было совсем немного, около шестисот человек. Они изменили военной присяге. Они не вернулись домой, остались на Западе... Их называли предателями, изменниками Родины, дезертирами. Дома их ждала тюрьма. Среди бывших классовых врагов они искали простого человеческого счастья...

Настоящая книга посвящена одному из тех, кто по своей воле очутился на чужбине.

Сей труд посвящаю Берте Теодоровне Фрай, моей любимой женщине...

Владимир Великий

Глава первая. Сынок, не опозорь светлую память о нашем прадеде...

« Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил СССР, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином..., клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине...». Слова из текста Военной присяги раздавались в разных концах большого строевого плаца. Очередное молодое пополнение Западной группы войск, название которое она унаследовала 29 июня 1989 года от Группы советских войск в Германии, давало торжественную клятву на верность своей армии, своему народу.

Среди молодых солдат был и рядовой Александр Кузнецов. Он с нетерпением и с тревогой ожидал команды командира роты, который вот-вот должен был пригласить его для принятия присяги. Юноша в военной форме то и дело шевелил губами, повторяя про себя текст торжественного обещания, который он, как и многие его товарищи, знал наизусть. Свою фамилию молодой солдат услышал как-то неожиданно. Он тотчас же сильно ударил левой рукой по плечу впереди стоящего солдата и строевым шагом вышел из строя. Сделав три шага вперед, Кузнецов замер и встал навытяжку. Капитан строевым шагом подошел к новобранцу и передал ему папку, в которой был текст присяги. Затем громко дал команду:

- Рядовой Кузнецов, к принятию Военной присяги приступить...

Молодой солдат в правую руку взял папку, левой сжал приклад автомата. Он прочитал только два абзаца текста, как сильно рванул ветер. Папка неожиданно выпала из руки солдата и мощный поток ветра понес ее по плацу. Новобранец неожиданно для себя услышал хохот. Кто-то из военнослужащих, скорее всего, это был «дед», громко прокричал:

- Смотрите-ка, этот салага даже принять Военную присягу по-человечески не может. А что у него будет потом?...

Дальнейшее изречение «деда» прервал командный голос офицера:

- Рядовой Макулов, прекратите разговоры... Лучше бегите за папкой и принесите ее ко мне, как можно быстрее...

Из строя неспеша вышел солдат, который то и дело корчил гримасы, что явно смешило стоящих в строю «стариков». Кузнецов искоса посмотрел на вышедшего, тот был казах. В национальности армейского старика он нисколько не сомневался. В его родной деревне Найденовке казахов было предостаточно. Они стали валить сюда гурьбой особенно тогда,

когда в стране началась перестройка. Поход за папкой продолжался недолго, минуты три. Макулов ускоренным шагом подошел к офицеру и доложил о том, что лист с текстом присяги в нескольких местах порван и залеплен грязью. Запасной папки у офицеров не оказалось, не было таковой и у соседей. Замполит роты, офицер с очень бледным лицом, скорее всего, он чем-то болел, стремительно помчался в казарму за резервной папкой, которая находилась в канцелярии подразделения. На какое-то время торжественная обстановка улетучилась, кое-кто в строю зашушукался.

Выход из создавшегося положения нашел ротный командир. Он весело улыбнулся и спросил стоящего навытяжку «неудачника», который чуть-чуть не плакал:

- Рядовой Кузнецов, я надеюсь, что Вы текст Военной присяги знаете наизусть... Или нет?

Солдат сначала на вопрос офицера никак не прореагировал. Он какие-то доли секунды молчал, словно еще раз проверял свои возможности наизусть прочитать текст присяги. Затем громко ответил:

- Так точно, товарищ гвардии капитан...

После этих слов солдат напыжился, глубоко вдохнул и выдохнул. Затем, словно на него смотрел весь человеческий мир, он начал громко чеканить:

- Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил СССР, принимаю присягу и торжественно клянусь...

Рядовой Кузнецов, единственный сын простой крестьянской семьи Антониды и Николая Кузнецовых, действительно искренне и честно клялся на верность своей Родине, своему народу. Он был настолько взволнован, что его суровое лицо стало розовым. На широком и прямом лбу выступили большие капельки пота. От громового голоса высокого деревенского парня, одетого в военную форму, стали даже разлетаться в стороны птицы, которые до этого мирно сидели на больших раскидистых каштанах.

- Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа...

Последний абзац присяги солдат произнес с особым вдохновением и пафосом, у него даже в это время почему-то учащенно забилось сердце, запершило в горле. На несколько мгновений наступила тишина, все и вся вокруг затихло. Молчал и тот, который только что громовым голосом отчеканил текст священной клятвы. Кузнецов сам не мог осознавать, как он ее прочитал, хорошо или плохо. Он только тяжело дышал и напряженно смотрел в одну точку перед собою. Куда солдат смотрел и почему он туда смотрел, никто из его сослуживцев не знал. Да и знать не мог потому, что этого не знал и сам Александр Кузнецов. Молодой человек в солдатской шинели крепко сжимал обеими руками автомат и молчал. Из его глаз текли слезы. Волнение подчиненного и, конечно, его слезы моментально заметил капитан Макаров. Он улыбнулся и немного крякнул, затем очень громко скомандовал:

- Рядовой Кузнецов, к подписанию присяги приступить!

Команда офицера, словно молния, пронзила голову солдата. Кузнецов строевым шагом подошел к столу и взял авторучку. Затем наклонился над папкой и с трудом отыскал свою фамилию. От волнения его правая рука почему-то сильно дрожала. Александр с трудом преодолел волнение и как можно четче и красивее сделал свою подпись. Он впервые так старательно и очень ответственно подписывался под первым, как сейчас он считал, самым важным в его жизни документом. Раньше Санька несколько раз расписывался, однако тогда серьезного значения своей подписи паренек не придавал. В этот же день эта подпись для повесы из глухой сибирской деревни очень многое значила. И не только значила, но и многому, очень многому его обязывала. После того, как солдат сделал подпись, он повернулся лицом к строю и опять замер. Приведенный к присяге ждал очередной команды от своего командира, ее почему-то не было. И это заставляло молодого солдата опять волноваться. Кузнецов, словно истукан, стоял навытяжку и смотрел поверх строя солдат роты, в которой ему с этой минуты предстояло служить. Неожиданно до него донеслась четкая команда капитана:

- Рота, смирно! За усердие, проявленное в период подготовки и принятия Военной присяги, рядовому Кузнецову от лица службы объявляю благодарность...

Затем офицер повернул голову в сторону почти двухметрового солдата, который, скорее всего, еще не мог понять того, почему и за что ему объявили впервые в его жизни благодарность. Кузнецов медленно и с недоумением повернул голову в сторону командира и громко произнес:

- Служу Советскому Союзу!

После отбоя рядовой Кузнецов еще долго не мог заснуть, хотя очень сильно хотелось спать. Последнюю неделю на сборах молодых солдат, перед тем, как его направили служить в первую роту первого мотострелкового батальона, он спал практически по три-четыре часа. Командир первого отделения сержант Тонконос был очень строг к молодым солдатам. Подчиненный из его отделения «отбивался» только после того, как четко и без всякой запинки рассказывал наизусть обязанности солдата или текст присяги. Младший командир не тратил свое драгоценное время для сна ради каких-то салаг. После отбоя к нему устремлялись двое-трое новобранцев, желающих сдать зачет. Сдача, как правило, заканчивалась неудачей. Стоило солдату где-то запнуться или нечетко выговорить слово, как экзаменатор взмахивал рукой. Это означало, что следующий прием будет только через два дня. Неудачник с понурой головой направлялся в Ленинскую комнату учить устав. Очередной контроль осуществлялся по его же личной инициативе и почти всегда включал в себя своеобразный «предбанник». Если ученик был уверен в своих силах, то сначала шел к дневальному. Внутренний наряд на сборах молодых солдат состоял из старослужащих. Дневальный не удосуживал себя тщательным прослушиванием и восприятием того, что говорил его собрат. Он просто-напросто сидел на тумбочке и презрительно, а то и с

сожалением, смотрел на салагу в новенькой военной форме, который, словно заводной, в пятый, а то и в десятый раз чеканил вслух обязанности солдата или текст Военной присяги. Оценка дневального, как правило, не всегда была объективной. «Салага» опять уходил в Ленинскую комнату и зубрил устав, зубрежка длилась еще пару часов. Сдавать экзамен ночному экзаменатору повторно категорически запрещалось. В независимости от исхода экзамена для салаг следовал «довесок», они должны были до блеска вычистить часть территории, закрепленной за внутренним нарядом. Это был, как правило, туалет или коридор. Продолжительность военной «барщины» длилась иногда довольно долго, вплоть до подъема. Были и исключения. Барщину мог прервать дежурный по части или офицеры роты, которые иногда контролировали ночной покой своих подчиненных или несение службы внутренним нарядом. Отработку мог прервать и командир отделения, который по естественной нужде выходил из спального помещения. После информации дневального тот лично принимал решение о помиловании или наказании своего подчиненного. Счастливчик мгновенно бежал в спальное помещение отсыпать последние часы или минуты долгожданного сна. Тот, кто не был помилован, вынужден был вновь идти «советоваться» с вождем мировой революции...

Желание хорошо выспаться было и у рядового Кузнецова, который только что начинал обживаться в новом подразделении и на новом месте. После команды:«Рота, отбой!», Александр сразу же ринулся в спальное помещение. Через пару минут он уже лежал в постели, кровать находилась на втором ярусе. Приятный запах чистых простыней благоприятствовал сну молодого солдата, в просторной комнате также было тихо. Только кое-где раздавался храп или тихий полушепот. Вскоре стало тихо и в коридоре. Дежурный офицер в прямом смысле загонял подчиненных в спальные помещения, которые по разным причинам еще продолжали бродить по казарме.

Относительная тишина способствовала притоку все новых и новых мыслей в голову армейского салаги. Кузнецов про себя улыбнулся, когда начал думать, что он, скорее всего, впервые в истории Вооруженных Сил, пусть даже в истории этого мотострелкового полка, за столь короткое время службы получил благодарность от командира роты. Хотя ему за знание текста присяги денежного довольствия не добавили, но такой «взлет» приводил его к мысли, что через полгода он получит звание младшего сержанта и будет командовать целым отделением. Большого желания получать звание ефрейтора у сибиряка не было, служивому солдату не хотелось ходить с одной «соплей» и видеть ухмылки своих однополчан.

От мечты стать младшим командиром солдат перенесся к воспоминаниям о гражданской жизни, которую, как ему казалось, он покинул уже очень давно. Кузнецов закрыл глаза и ему сразу же представилась его родная деревня. Перед ним возник Петька Сорокин, который первый сообщил ему о том, что его забирают в армию. Пятиклассник от своего дома бежал

во всю прыть на самую окраину деревни к покосившейся деревянной постройке, в которой находились последние пятьдесят совхозных коров. Саша вместе со своей матерью управлялся со скотиной. Пацан, увидев призывника на сеновале, закричал еще истошней:

- Ей, Кузнец, тебя сегодня в армию забирают... В армию тебя забирают... Ты, Санька, слышил?...

Двухметровый верзила, словно эта информация мальчишки его не касалась, спокойно продолжал дергать вилами сено из большого стога. Лишь после того, как школьник вручил ему в руки маленькую бумажку, Кузнецов несколько опешил. Ему не верилось, что этой осенью его заберут в армию. Об отсрочке от военной службы, правда, на неопределенный срок, Александру говорил сам районный военный комиссар. Майор отсрочку мотивировал тем, что пока не найдется отец призывника, его могут не взять в армию. Он оставался единственным ребенком у матери, к тому же, она очень часто болела. Женщина со слезами на глазах и с целой кипой всевозможных справок упрашивала офицера не брать сына в армию, хотя бы до появления мужа. Младший Кузнецов довольно часто плакал по отцу, свои слезы от матери скрывал. О странном исчезновении отца юноша узнал еще в профессионально-техническом училище, в котором учился без всякого желания. В итоге он его не закончил, несостоявшегося каменщика отчислили за неуспеваемость и за большой пропуск занятий.

Отец Саньки исчез неизвестно куда в конце сентября, буквально через неделю, после того, как он с женой в районном центре Изумрудное продал быка. Животину хотели продавать позже, однако жизнь заставила сделать это раньше. Деньги за мясо по крестьянским меркам были очень большие. Они были семье очень кстати, в деревне уже полгода люди не получали зарплату. Антонида очень тщательно готовила своего мужа к визиту в областной центр. Она исписала целых два листа из ученической тетради с перечнем необходимых покупок. Хозяин, прочитав многочисленные заказы хозяйки, весело засмеялся и с ухмылкой произнес:

- Ну и ты, паря, даешь... Антонида, ты хочешь, чтобы я все это за один раз на своем горбу принес к тебе в дом... Упаси Бог, такого не будет. В крайнем случае, я сделаю несколько ходок или попрошу своих знакомых горожан, которые все твои заказы привезут на машине...

Антонида предложения своего мужа встретила в штыки. Она, чуть не плача, с надрывом заголосила:

- Я тебя знаю, пьянь несусветная. Ты со своими городскими собутыльниками все деньги пропьешь. Меня и сына по миру без куска хлеба и без копейки пустишь... Я бы Сашку с тобою отправила, да он мне нужен позарез на ферме. Да и денег много надо на билеты...Ты же ведь, пьянь несусветная, знаешь о том, что у меня спина вот-вот откажет...

Больше жена своему мужу ничего не сказала, она только горько заплакала и вышла вон. Через час ей нужно было идти на ферму, предстояло еще найти и своего двухметрового

«балбеса». Так мать прозывала своего сына, который вообще отбился от родительских рук...

Через некоторое время хозяйка вернулась в дом обратно, болела душа за свои кровные. По ее настоятельной просьбе Николай деньги для сохранности завернул в носовой платок и еще застегнул булавкой внутренний карман потрепанного пиджака. Мужчина из областного центра Омино через день не вернулся, как об этом его просила Антонида. Не появился он в Найденовке ни через два дня, ни через неделю. Супруга забила тревогу, принялась бегать по деревне и расспрашивать односельчан. Никто из них ее мужа не видел: ни в городе, ни в деревне. Страшно забеспокоился и управляющий фермой, внезапно пропавший, хоть и пьяница, тому был нужен позарез. В деревне, в которой каких-то пять лет назад проживало свыше пятисот человек и было около полтораста дворов, осталось всего и вся с гулькин нос. Из почти сотни жителей часть была немощной. Местный чиновник исчезнувшего к числу последних не относил. С каждым часом терпение ожидать своего мужа у Антониды Кузнецовой лопалось, она принялась писать письма. В течение недели известила около десятка близких и дальних родственников, которые проживали во всех концах большой страны. Она бы и больше писем написала, однако не знала точных адресов, не было также денег для покупки конвертов с марками.

Антонида успела съездить и в районный центр. Ездила туда на совхозной кобыле верхом, Изумрудное находилось в двух десятках километрах от деревни. Специфический вид транспорта селянка выбрала не от хорошей жизни и не по своей прихоти или желанию. Ехать на лошадке пришлось из-за отсутствия денег, к такому транспорту прибегало все больше и больше селян. В совхозе после уборки урожая машины и трактора вообще стояли на приколе, не было ни бензина, ни топлива. Деревенская заправка была закрыта. Безработный заправщик дед Матвей довольно часто от безделья пил или спал в сторожке. Владельцы мотоциклов то и дело по-пешему приводили своих железных «коней» к цистернам, стучали по ним. Довольно звонкий гул оных никому настроения не прибавлял. Во времена совершенствования социализма маршрутный автобус приезжал в деревню утром и вечером, в условиях нарождающейся демократии он перестал ходить вообще.

Посещение районного отдела внутренних дел дало Антониде определенную надежду на успешный поиск своего мужа. После того, как она представилась и основательно рассказала причину своего визита в милицию дежурному офицеру, ее сопроводили в кабинет на второй этаж. Лысоватый майор, скорее всего, он был каким-то начальником, очень внимательно выслушал плачущую женщину. Во время беседы мужчина что-то помечал в своей записной книжке. В кабинете и возле выхода из здания серьезного учреждения начальник все время успокаивал еще относительно молодую посетительницу и при этом приговаривал:

- Антонида Петровна, Вы будьте спокойны, очень спокойны... Наша советская милиция всегда едина с нашим советским народом... Вашего мужа мы обязательно найдем... У нас на такого брата целая картотека. Завтра же все ответственные и безответственные работники

милиции нашей области будут знать о том, что пропал ваш любимый муж Николай...

На какие-то доли секунды офицер замолчал. Скорее всего, он запамятовал отчество пропавшего. Антонида уже было намеревалась открыть рот и сказать отчество своего мужа, однако офицер быстро нашел выход из неожиданно создавшейся пикантной ситуации. Он очень серьезно посмотрел на женщину и по-военному строго произнес:

- Мы во что бы то ни стало найдем Николая... Батьковича...

Посетительница и на этот раз от поправок родословной своего мужа воздержалась, ее душа в данный момент постепенно наполнялась спокойствием и радостью. Она с любовью смотрела на офицера и уже в успехе милиции нисколько не сомневалась. Завтра, а может даже и сегодня вечером, ее родной беглец будет найден и доставлен самим начальником. Майор несколько раз ее об этом сам заверял. Пропавшего мужа в Найденовку доставит только он сам лично. И никто иной. По дороге домой крестьянка свою лошадку не стегала прутом, она была во власти сладостных мыслей. Антонида намеревалась в корне изменить отношение к своему непутевому мужу. Мечтала о том, что завтра они будут жить лучше и любить друга друга будут слаще, чем это они делали раньше. Успела поразмышлять и о скромных подношениях большому начальнику. Но увы... Непутевого Антониде не доставили ни через месяц, ни через два... Не увидел родного отца и сын, который покидал свою родную деревню, чтобы с честью выполнить свой долг перед Родиной...

Теплые воспоминания молодого солдата о родной деревне неожиданно кто-то прервал, прервал очень грубо и нагло. Он сразу же это понял, как только его в темноте кто-то сильно ударил ниже пояса. Он от страшной боли вскрикнул и открыл глаза, затем быстро привстал. В его лицо тотчас же впился ослепительный луч электрического фонарика, Александр мгновенно закрыл руками глаза. И в этот же момент его опять сильно ударили, ударили чем-то тяжелым по голове. Он сразу же почувствовал, как на его макушке молниеносно вскочил волдырь. Ему захотелось его пощупать, однако этого он не успел сделать. Через несколько мгновений он почувствовал страшную боль в плече, затем между ног... Только сейчас он понял, что его просто-напросто избивают. Ему, парню двухметрового роста не верилось, что его в первую ночь, да еще в отличной роте прославленного капитана Макарова, будут бить. И это ему прибавило смелости и силы. Александр быстро спрыгнул с кровати и рванулся к выходу. Выбежать в коридор казармы ему не удалось. Кто-то подставил ему подножку, и он, словно подкошенный сноп, упал на пол. Из носа мгновенно появилась кровь. В этот же момент в спальном помещении вспыхнула электрическая лампочка. Кузнецов в окровавленном нательном белье лежал между двумя рядами двухъярусных кроватей и мутными глазами водил то по потолку, то вокруг себя. Неожиданно в углу возле окна он увидел четырех молодых парней, одетых в спортивные костюмы. В том, что они были «стариками», он уже нисколько не сомневался. Среди сидящих на кровати нижнего яруса он сразу же узнал армейского деда Макулова. Казах с презрением смотрел на

ниспроверженного великана и все время почему-то сквозь кривые зубы плевался. Наконец ему это занятие надоело и он ехидно произнес:

- Ну как, салага, дела? Почему ты нас не приветствуешь? Али ты забыл то, кто в нашей армии правит? Тебя, урод, что не научили армейской субординации на сборах молодых солдат?... Мой отец и тот когда-то почести Гречко отдавал...

На какое-то время казах замолчал, молчали и остальные старики. Молчал и «салага». Он только иногда прикладывал руку к своему носу, стремясь хоть как-то остановить кровь. Игра в молчанку надоела старослужащим. Один из них, который был очень тощий и даже, скорее всего, немощный, неожиданно встал и подбежал к лежащему. Затем с силой его пнул. Кузнецов от боли вскрикнул и сжался в комок, удары последовали еще и еще...

Последующие удары он уже не чувствовал. Ненависть к старикам, к этим извергам его переполняла. Мысль отомстить за себя, постоять за свое достоинство, как человека, мгновенно пронзила его сознание и душу. Он на какой-то миг вспомнил армейские «мемуары» своего отца, который довольно часто рассказывал своему единственному сыну о важности в драке бить всегда первым. Отец, проходя службу на китайской границе, ударил черпаком «старика» за то, что тот без всякого стеснения съел у него два белых куска хлеба... Все то, что происходило в дальнейшем, сын старшего Кузнецова уже не мог осознавать. Он молниеносно поднялся и рванулся к первой солдатской тумбочке, на которой лежал солдатский ремень. Затем, взяв ремень в свои руки, он стремительно бросился к «старику» Макулову, который продолжал мирно чесать свою спину и вести непринужденный разговор со своими сослуживцами. Двое ему подобных также сидели на кровати, и раскрыв рот, слушали армейские сплетни своего вожака. Тощий в это время стоял возле молодого солдата и ждал очередных указаний от тройки. Он и глазом не успел моргнуть, как увидел испуганную физиономию своего вожака, шея которого почему-то оказалась в прочных «объятиях» солдатского ремня. Попытка тощего прийти на помощь Макулову не увенчалась успехом. Не успел он еще и сделать трех шагов в сторону кровати, на которой восседали дембеля, как получил от салаги сильнейший удар ногой в живот. От удара дембель мгновенно присел и стремительно опустился на пол. Услышав истошный хрип казаха, сидящая двойка испуганно бросилась вон из помещения. Куда и зачем эти дембеля утекли, взбеленившемуся молодому солдату сейчас было не до этого. Он видел перед собой только очень смуглую рожу казаха и его кривые зубы. Кузнецов с силой стягивал оба конца ремня и истошно кричал:

- Ты, сука, еще меня только тронь... Убью сейчас тебя, чурка из кизяка... Ты понял сука...

Солдат второго года службы Макулов в ответ ничего не говорил, он сильно хрипел и только. Из его узких, черных глаз катились слезы. На какое-то время ему удавалось открывать рот и шевелить языком. О чем говорил или просил Макулов, «палач» двухметрового роста так и не мог понять, да и понимать он не хотел. Ему было сейчас не до

этого, жажда мести брала свое...

Развязка драки наступила минут через десять. Дежурный по части, седовласый майор, открыв дверь спального помещения, был ошарашен увиденным. В пустом помещении находилось трое солдат. Двое из них, один очень маленький, а другой длинный и тощий, лежали на полу. Между ними на корточках сидел с наголо остриженными волосами солдат и поочередно отпускал «почести» пряжкой солдатского ремня на голые задницы лежащих. Во время экзекуции старики издавали нечеловеческие крики и вопли...

Рядового Кузнецова с гауптвахты забрали только к вечеру. Дежурный по части решил дать время для обдумывания только что новоиспеченному солдату. Забирал молодого «старика» командир роты. Капитан был практически такого же роста, что и его подчиненный. Офицер был только значительно мощнее по фигуре, от этого он выглядел настоящим великаном. В этот вечер в канцелярии первой мотострелковой роты до поздней ночи горел свет. Никто из личного состава подразделения не мог знать содержание затянувшейся беседы между офицером и молодым солдатом. Не пытались делать «разведку» и старослужащие. Они просто-напросто очень боялись своего мощного командира, который уже порядочно «засиделся» на отличной роте. Продолжительная беседа была своеобразной игрой в одни ворота. Начальник задавал вопросы, подчиненный очень сухо на них отвечал. Александр, внимательно наблюдая за тем, как ротный старательно заносил его информацию в свой толстый «талмуд», иногда бросал изучающий взгляд на своего командира. На какие-то доли секунды их взгляды даже перекрещивались. Солдат первым не выдерживал и отводил свои глаза в сторону...

После завершения продолжительной беседы офицер встал из-за стола и крепко пожал руку своему подчиненному. Затем, немного подумав, он уверенно произнес:

- Знаешь, сибиряк... Бери сейчас свой матрац и неси его в зенитное отделение. Будешь продолжать службу у сержанта Дубровина. Он очень грамотный командир, да и ребята у него без всяких изъянов. Я этот перевод уже с замполитом обсудил, он также не против... Жалко то, что наш комиссар сегодня уехал в госпиталь...

Затем офицер опять присел за стол и снова придвинул к себе талмуд. Кузнецов, стоявший навытяжку, на обложке толстой тетради прочитал:« Книга индивидуальных собеседований с личным составом первой мотострелковой роты». Капитан непонятно почему улыбался и что-то помечал в своей тетради. Затем он ее закрыл, и откинувшись на спинку стула, оживленно проговорил:

- Кузнецов, у меня только-что идея в голове появилась... У нас скоро в полку соревнования по боксу будут. Наш полковой отец очень страстно любит бокс. Я ему уже порядочно приелся, да и возраст у меня уже не тот... Одним словом, я тебе даю возможность тренироваться. Тренировки только в свободное время. Как и где, это твои проблемы... В организации твоего бокса поможет сержант Дубровин. Я ему об этом скажу...

Офицер на прощание еще раз крепко пожал солдату руку и с гордостью произнес:

- Слушай меня, земеля... Я тебе честно скажу... Первый удар ротных дедов ты выдержал с честью... Ты действовал, как настоящий сибиряк... Ты, салага, наверное, не читал книги про героизм наших земляков. Они в годы войны шли в атаку в полный рост, именно сибирские полки спасли Москву...

Вторая ночь у молодого солдата Кузнецова в отличном подразделении прошла без всяких эксцессов, однако он опять всю ночь не спал. Причиной этому были уже не старики солдатской ранжирной системы. Думы о своих родителях, да и не только о них, заполоняли голову вчерашнего гражданского человека. Погруженный в эти мысли, он довольно часто смахивал рукой слезы...

После драки со стариками и беседы с ротным командиром Александр как-то по-другому стал воспринимать свое прошлое. Сейчас он очень сожалел, что не закончил десятилетку. Она могла бы открыть ему путь в институт. Время перед службой в армии он «просвистел». Даже в ПТУ по-настоящему не учился, к занятиям не готовился, довольно часто их пропускал. По этой причине он не стал каменщиком, его просто-напросто выгнали. Не задумывался он и над слезами матери, которая всегда плакала, когда получала письма от директора училища. Он не был помощником и в домашнем хозяйстве. Он даже не помогал родителям при заготовке сена или дров. Они, скорее всего, и сами не хотели по-настоящему приобщать к деревенскому труду своего единственного сына. Этим и пользовался он. Лишь после исчезновения отца Санька несколько исправился в лучшую сторону, он стал помогать матери на ферме. Скорее всего, у беззаботного детины тоже было сердце, ему надоели стоны матери по ночам. Еще довольно молодая женщина очень часто жаловалась на боли в спине. Антонида пару раз ездила в районную поликлинику, там не помогли. Она также сделала попытку полечиться у знахарки в областном центре. Она, взяв с собой областную газету с объявлением, согласно которому неизвестная доселе кудесница излечивала все мыслимые и немыслимые болезни, сломя голову, ринулась к своей спасительнице. Молодая особа очень приветливо встретила больную, спросила о житье-бытье. Затем попросила крестьянку раздеться по пояс и лечь на облезлый палас, который был расстелен на полу. От «простыни» сильно несло запахом кошачьей мочи. Врачевательница изгоняла болезнь без всяких уколов и таблеток. Она, держа в руках не то гвоздь, не то обрубок проволоки, сделала пару кругов возле лежащей и властно прокричала:

- Эй, Иван, заводи другую больную... Эта уже готовая...

Иван, мужчина лет сорока, муж хозяйки, а может, и ее сожитель, быстро открыл окно и также зычно прокричал в небольшую толпу больных, которые коротали время у входа в подъезд:

- Товарищи и господа! Кто из вас следующий? Давай беги к нам...

От очень короткого медицинского сервиса довольно симпатичной знахарки Антонида чуть

было не потеряла дар речи. Взяв в охапку бюстгалтер и кофту, она рванулась к хозяйке. Та открыть ей рот не дала. Кудесница мило улыбнулась и произнесла:

- У Вас, дорогая женщина, сейчас все будет в полном порядке... Боли исчезнут через пару недель... Свои денежные пожертвования положите в книгу, она лежит возле столика у входа...

Денежных пожертвований у пациентки из глухой деревни не было, в город она на электричке приехала «зайцем». Иван от двух гусиных тушек не отказался. Боли у крестьянки через две недели не прошли, не прошли они и через месяц, и через год...

Младший Кузнецов не оставил на своей родине и невесты. Он сейчас и сам, находясь в центре Европы, не мог понять, почему так получилось. Сашка себя к категории уродов никогда не относил. Все было даже, наоборот. Почти все его деревенские одноклассницы, да и многие девчата из ПТУ, были в восторге от силы молодого парня. На всевозможных танцульках Санька-Верзила всегда был в центре женского внимания, даже несмотря на то, что он не умел по-настощему танцевать. Александр сам никогда девушек на танцы или в кино не приглашал, он их страшно стеснялся. Они его сами приглашали. Кое-кто из представительниц слабого пола, разные по возрасту и по внешности, считали для себя честью потанцевать с парнем двухметрового роста. Некоторые просили его проводить, проводы заканчивались возле дома или у входа в общежитие. Побывать в квартире какой-либо девушки, не говоря уже переспать с ней, парню до армии так и не удалось. Девчата, вполне возможно, хотели просто-напросто позабавиться с ним, как с своеобразным чудом природы. Санька и сам не мог понять того, в кого он так сильно вымахал. Отец и мать были среднего роста, по словам родителей все предки были ниже их.

Только перед самым уходом в армию Александру Кузнецову впервые в своей жизни удалось поцеловать девушку, да и то немку. Полинка полгода назад приехала в Найденовку из Казахстана, ее родители ожидали из Германии вызов. Девушка денно и нощно тараторила своим деревенским сверстникам, да и не только им, о том, что в Германии очень хорошо жить. По ее суждениям оказывалось, что даже получатели социальной помощи ездят на современных машинах. Верзила тогда не имел большого желания во все эти сплетни вникать. Однако то, что безработные переселенцы из Советского Союза через какой-то год или даже через месяц ездят на машине, вызывало у молодого парня определенную зависть и уважение к тем, кто жил в этой богатой стране. В Найденовке ни у кого легковых машин не было, за исключением деда Семена Конотопа, участника войны. Дед свой «Запорожец» страшно любил и очень оберегал, на машине ездил только по сухой дороге. Зимой и в ненастную погоду автомобиль стоял в небольшом гараже, сколоченным из березовых горбылей. Не ездил Конотоп на персональной машине и на различного рода общественные мероприятия. Районные власти довольно часто приглашали его на юбилеи и торжества, связанные с победой советского народа в годы Великой Отечественной войны.

За дедом, как правило, из Изумрудного присылали легковую машину. К ученикам местной школы ветерана привозил лично сам управляющий на служебном мотоцикле с коляской. На все мероприятия одинокий мужчина одевался, как на военный парад. Он всегда был в строгом черном костюме, которому уже было, наверное, лет за пятьдесят. Дедок до блеска натирал свои немногочисленные медали и единственный орден. Старик получил его в мирное время, как участник войны. Мужчина также надевал и хромовые офицерские сапоги, которыми очень гордился. Где гвардии рядовой в отставке взял эти сапоги, никому не было известно. Кое-кто из селян пускал слух о том, что дедок лет десять назад, а то и раньше, эти сапоги выменял на грибы в районном центре у офицера, который был на уборке урожая. Семен с этим иногда соглашался, иногда и нет...

«Старики», которых в первой роте было около десятка, во главе с Макуловым держали совет целый день. Наглое поведение салаги не покидало их голову и во время занятий. Скорее всего, после отбоя рядового Кузнецова вновь могла бы ожидать настоящая экзекуция, если бы не замполит и командир роты. Именно эти два офицера по-настоящему противостояли дедовщине. Макулов и его окружение очень обрадовалось тому, что замполит в очередной раз поехал в групповой госпиталь. Политработника мучил желудок.

Капитан Макаров очень тяжело переживал случившееся в своей роте. Любое нарушение дисциплины среди подчиненных, особенно издевательство над молодыми солдатами, прибавляло седины на его голове. На следующий день в роту он пришел к подъему личного состава и вызвал к себе в канцелярию ефрейтора Макулова. Старослужащий, узнав о том, что его вызывают к командиру, решил действовать по-лисьи. В двух метрах от «резиденции» ротного он перешел на строевой шаг и остановился, затем легонько стукнул кулаком в дверь. Потом ее очень осторожно открыл и с заискивающей улыбкой прогнусавил:

- Товарищ гвардии капитан, Вы меня вызывали?

Офицер с иронией посмотрел на солдата и также тихо, и несколько с недоумением проговорил:

- А Вы, рядовой Макулов, будто и не чувствуете то, что Вас сегодня обязательно вызовут...

Разговор командира и «старика» получился явно недружеский. Начальник и подчиненный это прекрасно понимали и сами. Становление рядового Макулова, как солдата, происходило на глазах офицера. Некоторые моменты его службы он помнил до мельчайших подробностей. Кое-что даже вызывало у Макарова улыбку, когда во время своей первой стрельбы из автомата боевыми патронами новобранец явно испортил воздух. Испортил так сильно, что руководителю участка пришлось не только сильнее сдавливать между своими ногами вздрагивающее тело солдата, но и еще зажимать руками свой нос. На этот раз собеседование длилось не очень долго. Подчиненный, скорее всего, понял свою очередную ошибку и принял позу убиенного. Макаров с некоторым недоверием смотрел на казаха, он не верил в искренность этого человека. В том, что Макулов неоднократно издевался над

молодыми солдатами, офицер нисколько не сомневался. Он также прекрасно знал и то, что и сам салага Макулов когда-то получал «свое» от тех стариков, которые совсем недавно уволились в запас. Может и поэтому старослужащий мстил тем, кто только что пришел в подразделение. «Старик», преданно заглядывающий в рот офицера, откуда «исходила» очередная порция нравопоучений, даже во время беседы допускал возможность возмездия над рослым салагой. Макулов, своеобразный падишах над своими сверстниками по призыву, не хотел терять среди них свой авторитет. Этот авторитет солдат в прямом смысле заработал потом и кровью. Молодого паренька из далекого казахского аула в первый же день службы жестоко избили. Около трех месяцев он усердно подшивал подворотнички к куртке старика-дембеля. На этом причуды для молодого не заканчивались. Каждый дембель вырабатывал свой порядок и регламент отхода ко сну. Кое-кто из молодых после ухода из подразделения старшины или офицеров роты падал на колени перед лежащим в постели дембелем и пел песни, или рассказывал сказки. Известив старослужащего о том, сколько ему осталось до дембеля, молодой воин начинал громко кукарекать. Затем салага очень старательно чесал спинку своему сослуживцу и лишь после того, как «дед» засыпал, осторожно по-кошачьи шел к себе в постель...

В эту ночь капитан Макаров пришел домой очень поздно, где-то в час ночи. Жена и дочка уже крепко спали. Выпив стакан крепкого чая, он быстро разделся и лег на диван. Диван ему «доставался» довольно часто. Жена и маленькая дочка обычно ложились спать около десяти вечера. Татьяна, так звали жену офицера, не дождавшись мужа к этому времени, ложила ребенка к себе в постель. Женщина довольно частенько просыпалась рано утром и бросала взор на диван, он был пустым. Это означало, что ее Сашенька уже ушел на подъем личного состава своей отличной роты...

В эту ночь у Александра Макарова на душе было почему-то очень тревожно. Он все думал о содержании беседы с молодым солдатом и о тех, кто его так жестоко обидел. С «дедовщиной» в роте боролся не только он один. В его распоряжении и замполита были офицеры и сержанты, комсомольские активисты. К воспитанию подчиненных привлекались даже члены женского совета части, которые в праздники приносили солдатам торты и различные выпечки. Неоднократно все эти усилия сводились к нулю. В Макаровской отличной роте также не обходилось без чрезвычайных происшествий, не говоря уже о тех подразделениях части, которые «утопали» по самые уши в дедовщине или в других правонарушениях... Капитана в принципе сейчас даже радовало поведение молодого солдата Кузнецова. Очень рослый парень дал достойный отпор старикам, дал отпор, скорее всего, благодаря своему росту и силе. У новобранца появилась какая-то не то биологическая, не то человеческая реакция на защиту своего достоинства...

Капитан Макаров приехал в «китайский» полк из Забайкалья, из Даурии. Выпускник Омского высшего общевойскового командного училища через два года там получил роту, ею

командовал три года. Потом Германия, небольшой немецкий городок Дахбау. И опять рота. Итого получалось восемь лет в непосредственной близости с родным личным составом. Для толкового и знающего военное дело офицера это было очень много. Александр только скрежетал зубами, когда узнавал, что его однокашники за это время получили батальоны, кое-кто уже учился в академии. Переживала и Татьяна, когда ее муж приходил домой расстроенный и рассказывал о кадровых перестановках в части или в своей роте. Макаров себя к кастовым офицерам не относил, однако все надеялся на справедливость и порядочность социалистического строя. Супруги в очередной раз питали надежду на лучшее будущее. Командир отличной роты все больше и больше пропадал в казарме, он лишь изредка видел свою семью. Татьяна все это понимала и стойко переносила одиночество.

Александр Макаров в принципе всегда находил общий язык со своими подчиненными и это радовало всех. Ведущую роль Макарова, как честного и справедливого человека, видели и чувствовали не только офицеры, но и солдаты его роты. Капитан был везде и всегда первым. Великан быстрее всех запрыгивал в боевую машину пехоты и на отлично выполнял любые стрельбы. Не было ему равных и в вождении боевой машины, не отставали от ротного и командиры взводов. Старший по званию и по должности без остатка делился своим боевым мастерством и душой с каждым подчиненным...

Не было равных первой мотострелковой роте в части и в художественной самодеятельности. Сам ротный так пел, что кое у кого из офицеров и их жен появлялись слезы. Со слезами на глазах радовалась успехам своего мужа и его жена. Татьяна, достаточно вкусив прелестей забайкальской дыры, день и ночь проплакала, когда узнала о том, что ее возлюбленный направляется для службы в ГДР. Она, как и ее муж, в своей жизни, как говорят, звезд с неба не хватала. Своих родителей Татьяна никогда не видела, выросла в детском доме. У Макарова родители были. Мать и отец жили в деревне, там же на ферме работали.

Татьяна познакомилась с курсантом военного училища совершенно случайно в городском парке. Военный высокого роста ей сразу очень понравился. Буквально через месяц молодые люди начали строить очень большие планы на совместное будущее. Особенно в этих мечтах преуспевал молодой офицер, когда переступил порог Группы советских войск в Германии, знаменитой на весь мир. Макаров прибыл в полк осенью и буквально через день заявил о себе. Доселе «чепэшная» рота взяла обязательства стать отличной. Через год эти обязательства с честью были выполнены, в успехе была львиная доля бывшего забайкальца. Этого никто в части не отрицал, не отрицал этого и командир полка, который неоднократно ставил в пример только что прибывшего офицера. Очередное воинское звание «капитан» командир передового подразделения получил, правда, с опозданием на три месяца. В этот же год двое его взводных ушли в соседний полк на повышение. Прошел еще год, макаровцы звание отличной роты подтвердили в очередной раз. Об опытном

командире и коммунисте Макарове довольно обширный очерк поместила дивизионная газета. Портрет седого офицера «красовался» на Доске Почета в полку и в дивизии. О чемпионе Западной группы войск по боксу написала газета «Красная звезда».

Все эти почести, однако, не давали полного удовлетворения молодому мужчине. Добросовестный служака четко понимал, что через день или через два он станет «задвинутым» в военной карьере, задвинут навсегда. Александру не хотелось прозябать где-то в штабе и ждать военной пенсии, уволившись капитаном или в лучшем случае майором. Душевное состояние мужа прекрасно понимала и жена, она даже больше переживала за своего умного Сашку, чем сам великан. Нервное напряжение родителей довольно часто отражалось на малышке, которую они любили больше своей жизни. Вика в последнее время по ночам не спала и все время капризничала. Военный врач полка был бессилен чем-либо помочь ребенку. Молодые супруги решили обратиться к немцам, профессор принял больную. Через день девочка почувствовала себя значительно лучше, поднялось настроение и у молодых родителей. Но увы, радость была с горьким привкусом. О посещении семьей Макаровых немецкой поликлиники узнал командир полка. Майор Слюньков сразу же после развода позвонил в роту и недовольным голосом пригласил капитана к себе в кабинет.

Некогда прилежный младший офицер в один миг для старшего офицера стал настоящим врагом. Это сразу почувствовал мужчина-исполин как только постучал в дверь кабинета. Не успел еще вошедший доложить о своем прибытии, как начальник, словно его пчела укусила в одно место, сквозь зубы процедил:

- Товарищ капитан, кто Вам разрешил посещать немецкое учреждение?... На каком основании это было сделано?... Или Вы испугались своей жены?

Подчиненный от поставленных вопросов полкового командира опешил и поэтому молчал, приняв при этом строевую стойку. Он был красный, как рак. Макаров на какой-то миг стал даже сожалеть, что послушал доводы своей жены. Татьяна рассказала, что в тот же день рано утром полковой музыкант прапорщик Овечкин возил свою жену в ту же поликлинику. Да и он сам знал около десятка случаев, когда немецкие врачи оказывали помощь в лечении членов семей старших офицеров. Сейчас же тому, кто стоял в центре ковра и внимательно слушал нравоучения и ценные указания командира полка, было не до оправданий. Макаров только сейчас в этом кабинете однозначно и на все сто процентов понял и осознал, что при этом шефе, который был всего его на пять лет старше, ему будет не до карьеры. Командир первой мотострелковой роты в подчинении майора был два года и успел изучить все его повадки. О честолюбии плешивого ходили целые легенды. Один из управленцев полка рассказывал, что Слюньков просил начальника одной из кафедр военной академии дать телеграмму в Сочи, если ему придет приказ о присвоении очередного звания «майор». Холеный молодой человек, но с большой плешиной, уже припас для этого погоны с

большими звездами. Телеграмма пришла за день до отъезда, в тот день стояла сильная жара. Кое-кто из пляжников с недоумением смотрел на молодого мужчину в зеленой рубашке с погонами майора Советской Армии, на голове военного была соломенная шляпа... Немало было слухов и о том, что плешивый довольно часто таскался с женщинами... Да и о карьере полкового командира, о том, как тот зарабатывал свои звезды и ордена, в части по-разному судачили. Одни говорили, что плешивый начинал армию с какой-то партшколы, другие связывали карьерный рост с большими связями его супруги. Она имела не только туповатую физиономию, но и была довольной толстой женщиной. Макаров в принципе в содержание оных слухов и сплетен глубоко не вникал. Одно он знал точно, что Слюньков пришел в полк сразу же после окончания академии. У него же надежда на обучение в этом заведении улетучивалась с каждым днем...

Последнее указание командира у Макарова вызвало слезы, оно было для него унизительным и очень дерзким. Плешивый, словно перед ним стояло неземное существо, слегка прищурил глаза и с издевкой прошипел:

- Все то, что я тебе сказал раньше, капитан, ты должен к своему сведению принять... И еще запомни, это самое главное... Я, и только я, в этой части для всех начальник... Любое посещение немцев, в том числе и твоей женушки, должно происходить только с моего ведома...

Запас энергии и желание работать в подразделении после вынужденного визита к командиру части у некогда добросовестного офицера стал постепенно угасать. Это видела и Татьяна, от этого она довольно часто тайком от мужа плакала. В те короткие часы, когда молодые люди совместно проводили время, они раскладывали по «полочкам» заслуги и промахи Александра. К числу неудачников никто из них себя не относил. Супруги, исходя из увиденного и услышанного в этой части и в Забайкалье, все чаще и чаще приходили к далеко неутешительному выводу: выходцам из рабоче-крестьянских семей генералами не быть. К этому выводу они еще раз пришли после строевого смотра мотострелкового полка...

В этот день с самого утра зарядила жара. Слюньков вывел полк очень рано, дабы проверить готовность своих «китайцев». Затем ждали дивизионное начальство. Солнце стояло уже в зените, когда командир соединения со своей свитой приехал в военный городок. На этот раз капитан Макаров к строевому смотру готовил своих подчиненных особенно тщательно. Было все «намази» и у самого офицера: парадная форма и даже прическа. Он попросил ротного брадобрея сделать очень короткую прическу, дабы не попасть в немилость дивизионным начальникам. На семейном совете было решено, что Александру пришло время спросить у командира дивизии о своей военной перспективе. Оснований для этого предостаточно. Три года рота носит звание отличного подразделения, из нее за это время ушло на повышение пять взводных командиров. Да и сам капитан Макаров был еще в почете и наслуху... В расположении роты год назад были немецкие гости

из самого Берлина. К офицеру мощного телосложения подошел один из немцев и на чистом русском языке сказал:

- Хорошо служите, товарищ советский офицер...

Эти слова вызвали улыбки у всех членов многочисленной свиты. Командир части пожал руку опытному офицеру и крепко обнял. После этого у Макарова и у его жены в очередной раз появилась очередная надежда на следующую ступень военной карьеры...

Командир дивизии в сопровождении командира части как-то незаметно подошел к Макарову, который стоял на плацу на «своей» линии. Яркое солнце, как казалось ротному, способствовало настроению обеим начальникам. Молодой генерал довольно низкого роста, увидев перед собою статного великана, весело произнес:

- Слюньков, гляди-ка, какие у нас орлы в пехоте служат... Даже и не думал о том, что такой офицер-красавец может быть в моем подчинении...

После этого он заразительно рассмеялся, расцвел в обворожительной улыбке и командир части. Он, словна лиса, пригнулся перед старшим командиром и вкрадичво произнес:

- Гвардии капитан Макаров очень грамотный и исполнительный офицер. Его подразделение носит три года звание отличной роты....

Майор после этих слов опять широко улыбнулся, оскалив при этом два ряда кривых зубов. Капитан, чувствуя приподнятое настроение старших начальников, решил задать вопрос, над которым он вместе со своей боевой подругой думал чуть больше года:

- Товарищ гвардии генерал-майор, разрешите задать вопрос? - очень серьезно отчеканил офицер.

Услышав громовой голос капитана, генерал с удивлением посмотрел на статного мужчину и тихо произнес:

- Без проблем, капитан... Я слушаю...

Макаров после доклада командиров взводов о том, что оружие и личный состав в порядке, почти бегом рванулся домой. Он прекрасно знал, что его Татьяна с нетерпением ждет содержание ответа от командира дивизии, которому ее муж задал вопрос. У женщины сразу же стало неспокойно на душе, когда она увидела через окно кухни суровое и очень серьезное лицо своего любимого человека. В своих тревожных предчувствиях молодая женщина не ошиблась, как только ее муж открыл дверь. Александр, не снимая парадной формы, быстро прошел в комнату и сразу же опустился на диван. Он молчал и смотрел куда-то в потолок, вскоре на диван присела и хозяйка. Офицер и его боевая подруга сидели рядом друг с другом и молчали. Каждый думал в отдельности, но думал об общем, о том, что уже несколько лет не давало им спокойно жить. Это общее сейчас их очень страшило. Бесперспективность в службе угнетала не только Макарова, она угнетала и его жену. Татьяна, уже достаточно вкусив с мужем прелестей армейской жизни, понимала то, что ее Санька вот-вот может надломиться и скатиться вниз. На практике для него это означало

пьянство и невыход на службу. Такой своеобразный «протест» против армейских устоев она наблюдала со стороны некоторых молодых офицеров, которые буквально вчера были перспективными и командовали отличными подразделениями, а сегодня становились настоящими изгоями доблестных вооруженных сил. Многие «задвинутые» офицеры старшего возраста смирились со своей участью и ждали пенсии...

Макаров после обеда в роту не пошел, дома он не обедал и не ужинал. Он также не пришел в постель к любимой женщине, ни вечером и ни ночью. Татьяна изредка вздыхала, но не плакала. Женские слезы могли только усугубить психическое состояние мощного мужчины, который вкладывал в службу не только душу и сердце. На различные краски и латексы, да и не только на это, Макаров потратил ради отличной роты сотни немецких марок из своего собственного кармана. Мужчина-великан в эту ночь лежал на диване и тихо плакал. Ему до боли в сердце было обидно за то, что всего несколько часов назад с ним произошло. Капитан пришел к однозначному выводу: генерал и майор были очень далеки от его проблем. Командир дивизии, выслушав вопрос младшего офицера, дальше не соизволил утруждать себя личными проблемами какого-то командира, какой-то отличной роты. Он просто-напросто позвал своего ординарца и приказал ему занести личный вопрос офицера в талмуд. Прапорщик услужливо вытащил из папки тетрадь и также услужливо переспросил у седого капитана его жалобу. Старшие начальники тем временем уже заканчивали опрос жалоб и заявлений от своих подчиненных...

В эту ночь у командира отличной роты капитана Макарова к службе в армии впервые в жизни появилось двоякое отношение. Он уже нисколько не сомневался в том, что на верхушку армейского айсберга, который заполонен всевозможными чинушами с большими звездами, ему никогда не забраться. Для того, чтобы стать генералом, не обязательно быть командиром отличной роты или полка. Надо было иметь совсем другое, этого как раз и не было у сына колхозника...

Александр на какое-то время окунулся в свое недалекое прошлое, которое давало молодому юноше надежду на большое будущее. Санька Макаров еще в детстве был с определенными «завихрениями», что разительно отличало его от деревенских сверстников. Школьник не только добросовестно учился, но и вел очень скромный образ жизни. В отличие от своих ребят очень много читал, сельский клуб посещал очень редко. К девчатам также был равнодушен, стремился еще в молодые годы основательно подготовить себя к большой карьере. Мальчишка из маленькой сибирской деревни довольно часто мечтал побывать на самой главной площади великой страны. Красная площадь ассоциировалась у пионера с чем-то величественным, волнующим. Просыпаясь утром, он сразу же включал радио и слушал передачи. Особенно ему нравился бой кремлевских курантов. Школьник, как и подавляющее большинство селян, в Москве и на Красной площади не был. Причин для этого было множество. Самая главная из них - отсутствие денег и свободного времени.

Кратковременный отпуск родителей, как правило, стремительно пролетал из-за постоянных забот, свойственных жителю советского села. Одиночки, которым все-таки выпало счастье побывать на Красной площади, восторженно рассказывали о ней.

Санька Макаров выполнил свою мечту только после окончания училища, сразу же после свадьбы. Молодожены «медовый месяц» в столице провели очень скромно. На поездку использовали деньги, которые им подарили на свадьбу, таковых было очень немного. Родители уговорили своего сына ехать в столицу в военной форме, не против этого была и молодая жена. С замиранием сердца будущий забайкалец вступал на величественную площадь рядом с Кремлем. Офицеру тогда казалось, что с этим величественным строением, с этой площадью связана история и жизнь не только советского народа, но и всего прогрессивного человечества. Сибиряк внимательно смотрел на камни, которыми была выложена главная площадь страны и вдавался в историю. Перед ним невольно предстала целая эпоха борьбы за коммунизм - светлое будущее не только советских людей, но и других стран мира. Перед деревенским пареньком ожили образы большевиков, первых полков рабоче-крестьянской Красной Армии, вставших грудью на защиту интересов простого народа. Ему также казалось, что прошло всего только несколько секунд после звуков парадных маршей, известивших мир об исторической победе советского народа над фашизмом. Твердый, уверенный шаг парадных расчетов Победы подтверждал незыблемость Советской власти, власти справедливых и честных людей...

Без ума были молодожены также от красоты и четкости движений кремлевских курсантов, заступающих на пост № 1 - охраны Мавзолея В.И. Ленина. Этот главный пост великой страны для молодого выпускника командного училища по своему политическому содержанию и смыслу был глубоко интернационален. Он символизировал величие и незыблемость ленинских идеалов не только для народов одной шестой части суши, не только для всего прогрессивного человечества, но и для него, простого паренька из глухой сибирской деревни. Макаров до сих пор помнил тот момент, как он, крепко взяв за руку свою любимую девушку, в приподнятом настроении подходил к усыпальнице Ленина. Тогда он нисколько не сомневался, что в этой колонне к самому человечному человеку рядом с ним идут русские и немцы, поляки и американцы, белые и черные, богатые и бедные, молодые и старые. И каждый из них, идя в гости к Ильичу, по-своему сопереживал. Подавляющее большинство из них благодарило этого человека за все, что он создал и сотворил...

Молодой офицер впервые в своей жизни так близко увидел забальзамированное тело небольшого, лысого человека, со сложенными на груди руками. Макарову даже здесь не верилось, что только этому человеку и никому другому удалось повернуть колесо всемирной истории вспять. И начал он это делать в России, в стране жандармов, бедных и богатых, полуграмотных и забитых людей. Сын простого крестьянина, одетый в форму советского офицера, завидовал воле и неиссякаемой энергии умершего, который, невзирая на все

трудности, пошел навстречу историческому ветру перемен, чтобы дать счастье простым людям.

По-доброму завидовал лейтенант Макаров и творческому мышлению этого человека. Он на какое-то время вспомнил семинарские занятия по истории КПСС в военном училище, которые вел полковник Пастухов. Старший офицер был настоящим проводником идей великого Ленина. Курсантам иногда даже казалось, что их преподаватель знает наизусть все работы вождя. Курсант Макаров также с особым вниманием изучал и конспектировал ленинские труды, довольно часто выступал с рефератами. Именно в Мавзолее офицер дал себе слово работать также титанически, как работал создатель Коммунистической партии. Он также нисколько не сомневался в порядочности и честности продолжателей дела Ленина...

Молодая жена взводного командира искоса наблюдала за своим мужем, ее душа и сердце ликовали. У нее также было очень приподнятое настроение и возвышенные мысли, не говоря уже о Саньке. Она в какие-то мгновения даже не верила, что этот молодой и красивый военный в парадном мундире цвета морской волны ее муж. Лицо офицера было божественным, даже очень...

После посещения Мавзолея В.И. Ленина Александр и Татьяна подошли к Кремлевской стене, своего рода пантеону героев, отдавших свои жизни за правое дело. Все люди, лежащие в стене, для молодого офицера были своего рода символом. Макаров в душе благодарил погибших за свое светлое настоящее и даже сожалел о том, что они, став героями навеки, не имеют возможность жить сегодня. Молодой человек, медленно переходя от одной ниши к другой, также благодарил свою судьбу, что он живет в стране, где нет бизнесменов и господства толстого кошелька...

Сибиряки были не против еще поглядеть на тех, имена которых были высечены на граните. Однако серьезная физиономия прапорщика, внимательно наблюдающего за перемещением посетителей, вынудила их покинуть революционный некрополь. Молодая парочка с большим сожалением покидала священное место великой страны...

От Кремлевской стены офицер с женой вышел на улицу, по которой стремительно мчались «Чайки» из Кремля и обратно. Лейтенант Александр Макаров опять ударился в размышления. Он нисколько не сомневался, что люди, сидящие в машинах, очень заняты и очень напряженно работают. Он, как простой советский человек, как офицер доблестной Советской Армии, только на этой площади начал по-настоящему осознавать всю ответственность руководства партии и государства за судьбы простых людей, людей труда. Молодой коммунист на какой-то миг представил себе напряженный день работы членов Политического бюро ЦК КПСС. От их ума и способностей реализовать идеи Ленина зависело его будущее, будущее его любимой Татьяны, их детей и внуков. От этих мыслей, которые все еще не покидали голову великана, выходцу из простой крестьянской семьи,

идущему по улицам Москвы, хотелось еще тверже ступать и даже «печатать» шаг своими новыми черными туфлями армейского образца.

В столице великой страны выпускник высшего командного училища нисколько не сомневался, что он быстро станет генералом. И не без оснований. Деревенский паренек с отличием закончил учебное заведение, сам выбрал себе военный округ. Офицера, да и его молодую супругу, не пугали забайкальские степи. Они вместе и каждый в отдельности верили в свои силы. Верили в то, что в армии страны развитого социализма каждый человек имеет равные возможности стать большим начальником. Нужно только честно работать, служить и все... Макаровы из Москвы уехали домой поздно вечером, весь день бродили по огромному городу. В поезде еще долго не спали, обсуждали увиденное. Молодожены, побывав на Красной площади и «подышав» историей великой страны, рвались на восток. В этом же поезде супруги решили пока не обзаводиться детьми, инициатива исходила от молодого мужа. В Забайкалье он намеревался, как можно быстрее, получить батальон и поступить в Военную академию. Татьяна с мечтами любимого охотно согласилась...

По прибытию в родную деревню офицер с женой пошли на кладбище и возложили венок к могиле деда Михаила, участника Великой Отечественной войны. Для внука тот являлся своеобразным эталоном жизни. В том, что Александр решил стать офицером, была заслуга и капитана запаса Михаила Макарова. Предок Александра военных училищ не заканчивал, из деревни на войну ушел трактористом. Боевое крещение получил под Москвой, из роты в живых осталось только пятеро. Затем его направили на курсы, офицеров страшно не хватало. Внук очень гордился своим дедом, который был известен не только в деревне, но и далеко за ее пределами. В последние годы свой жизни Михаил подрабатывал, сторожил магазин. Сторожил исправно, не обходилось на этом поприще и без приключений. Александр одно из них вспомнил и улыбнулся. Дело было зимой, поздно вечером в магазин завезли водку, привезли на тракторе с прицепом. В те времена ее завозили в любом количестве и в любое время. Тракторист со сторожем быстро перекидали ящики в подсобное помещение, каждый за работу получил по бутылке. Михаил во время работы никогда не пил, держал марку порядочного человека. Раечка, так звали молодую продавщицу, быстро закрыла магазин и побежала к избушке бабушки Нюры, у той она снимала угол для жилья. Мороз на улице крепчал с каждой минутой. Сторож направился в небольшую деревянную будку, затем подложил дров в железную печку, натянул на себя тулуп и прилег на топчан. Рядом с собою положил одностволку, в ней был единственный патрон. Александра, так звали жену деда, боялась давать ему больше военного провианта. Она знала, что кое-кто из деревенских пацанов без ведома сторожа, довольно часто проникал в его каморку. Тот свое пристанище на замок никогда не закрывал.

Сторож проснулся в двенадцать ночи, проснуться заставила естественная нужда. Михаил,

оправившись по-маленькому, решил сделать большой обход, включавший в себя контору. Больший крюк совершался для большей бодрости и пущей важности. К крыльцу учреждения местной власти мужчина подходил почти всегда, иногда заходил и вовнутрь, старался показать управляющему свою работу налицо. Дед, несмотря на очень юный возраст начальника, всегда называл его по имени и отчеству. На этот раз старику повезло. Виктор Яковлевич еще был у себя в кабинете. Односельчане немного поболтали, выкурили по закрутке самосада и вновь принялись за свое дело. Сорокоумов начал что-то чертить на большом листе ватмана, Макаров направился к себе. Не успел он еще перейти шоссейку и приблизиться к магазину, как началась сильная пурга. Единственный керосиновый фонарь, висящий на столбе возле сторожевой будки, не был виден. Для страховки пожилой мужчина взял свое ружье наизготовку. Ему казалось, что в день водочного привоза кое-кто из деревенских жителей в такую непогоду может позариться на народное достояние. От поистине коммунистических мыслей старик еще сильнее сжимал в своих руках берданку. Для верности решил усилить бдительность, пошел на очередной круг обхода. Неожиданно возле складского помещения раздался не то скрип, не то шорох. Охранник остановился, прислушался и крадучись направился к двери. К его удивлению та была полуоткрыта. От страха перед возможным взломщиком дед сначала трухнул, за прошедшие пять лет службы на ответственном посту такой наглости он никогда не видел. Никто из местных магазин не пытался грабить. Бывало совсем другое, притом очень часто. Кое-кто из пьяных приходил в гости к сторожу, тот уступал ему свой топчан для сна. Трезвенник рано утром уходил к себе домой и благодарил деда за бесплатный гостиничный сервис. На этот раз история была совсем другая, без пальбы, как сейчас представлялось Макарову, не обойтись. Сторож подошел к двери, затаил дыхание и прислушался. Внутри кто-то ходил и почему-то тяжело дышал. Дедок сильно натужился и крикнул. Крика, как такового, у него не получилось, страх дал о себе знать. Этот же страх вынудил его быстро ретироваться от двери прочь. Сомнений не было, на складе находилось несколько грабителей, их численное преимущество было явным. От этого умозаключения у сторожа непонятно почему на некоторое время прибавилось смелости и оптимизма. Он невольно представил себя в образе настоящего героя, о котором завтра напечатают все газеты области, даже коммунистическая «Правда». В партию лейтенанта Макарова принимали на передовой, через час его рота подбила два немецких танка и уничтожила около двух десятков фрицев. Старик, погруженный в сладостные мысли о своем предстоящем героизме в мирное время, опять что-то прокричал, затем вновь, уже очень близко подошел к двери склада. Внимательно прислушался, затем поднял ружье вверх, взвел курок и с силой нажал на спусковой крючок... Выстрела не получилось, причиной этому явился не то старый пыж, не то сырой порох. Александра хранила банку с патронами на кухне под столом. Безоружный защитник социалистической собственности решил больше не рисковать собственной

жизнью, сразу рванулся в контору. Развязка наступила быстро и неожиданно. Двое мужчин некоторое время действовали так, словно им противостояла целая группа бандитов. Дедок имел опыт боевых действий на фронтах, управляющий пять лет назад уволился из рядов Советской Армии, три года был поваром в солдатской столовой. Завершающий этап поимки преступников чем-то напоминал американский боевик прошлого столетия. Управ, держа в руках одностволку деда, с силой ударил ногой дверь подсобки и стремительно рванулся во внутрь помещения. Сторож последовал за ним, в руках у него была деревянная лопата. Ей мужчина убирал снег возле магазина. Буквально через пару минут из помещения раздался громкий смех. Смеялись трое, двое мужчин и молодая девушка. Продавец Рая, приехав из солнечного Узбекистана в Сибирь на практику, не ожидала таких сильных морозов. Из-за того, что бутылки с водкой могли размерзнуться, она сильно переживала. Ночью ее терпение лопнуло, она с целой охапкой одеял и фуфаек направилась к торговой точке... Бдительность сторожа была поощрена управляющим осенью, от совхоза он бесплатно получил два мешка пшеницы и десять рублей премии. Деньги Михаил отдал своему любимому внуку Александру. Мальчишка учился очень хорошо и довольно часто помогал дедушке и бабушке по хозяйству...

Капитан Макаров, погруженный в воспоминания о недалеком прошлом из своей жизни, неожиданно для себя заснул. Проснулся рано утром, светящийся циферблат будильника показывал ровно пять часов. Командир отличной роты решил не идти на подъем личного состава, такое решение в своей жизни он принял впервые. Мужчина повернулся на бок, натянул на голову одеяло, в его глазах были слезы. На душе было очень скверно, сейчас ему даже не хотелось жить. Стремясь хоть как-то погасить внезапно возникшую апатию, Александр быстро встал с дивана и пошел на кухню. Открыл холодильник и с жадностью осушил бутылку холодного пива. Пить русскую водку, которую он когда-то привез во время отпуска из России, офицер не стал. Он нисколько не сомневался, что его сегодня обязательно вызовут на ковер к командиру части. Макаров прекрасно знал манеры плешивого. Майор не любил подчиненных, которые жалобились вышестоящему начальству.

Командир отличной роты не пришел в этот день и на развод. Он все утро, как и ночь, был погружен в раздумья. Чем больше офицер размышлял, тем сильнее кошки скребли в его душе. Иногда своих мыслей он даже боялся. Горький и страшный вывод был однозначен, он напрашивался сам. Годы офицерской жизни, наполненные всевозможными учениями, нарядами, смотрами и занятиями, у мыслителя пролетели прахом. Он был и, к сожалению, остался простым винтиком в этой общественно-политической машине громадной страны. Аналогичные мысли к нему пришли еще в прошлом году, когда он с женой и дочкой во время отпуска вновь побывал на Красной площади. Мысли седовласого мужчины в гражданской одежде, стоявшего возле Кремлевской стены, разительно отличались от наивных мыслей выпускника военного училища. Отрезок времени от молодого лейтенанта до опытного

капитана составлял почти десять лет, прожито немало. Плачущему великану, только что разменявшему «тридцатник», казалось, что в его голове никогда не было образа того молодого человека, который когда-то был полон надеж и оптимизма.

Макаров вновь и вновь анализировал, почему вся его офицерская жизнь прокатилась мимо, кто и что помешало осуществить ему благородные замыслы, они ведь были не очень плохими. Офицер служил очень усердно, не щадил живота своего. Имел много почетных грамот, даже ценный подарок, будильник. Он все и вся делал по уставу, также ни на грамм не сомневался в правоте идей Коммунистической партии. Ее членом был уже десять лет. Член партийного бюро батальона без всякого сомнения «рубил» правду, если кто-то пытался оспаривать руководящую роль великой, народной партии. Во время последнего отпуска сибиряк скупал почти все журналы и газеты, напролет все читал. Он не узнавал свою родную страну, в которой во всех уголках то и дело говорили о перестройке, переписывали историю. Отпускник, он же офицер, он же коммунист, преданный делу советского народа и партии, еще долго не мог заснуть. Александр все продолжал размышлять, есть ли правда в том, о чем так с рвением пишут перестройщики и демократы, которые занимали и продолжают занимать важные посты во всевозможных нишах государственной и партийной власти. Не из Кремлевских ли палат давались и даются указания, которые привели к тому, что общество осталось без истории прошлого и без истории будущего?

Макаров был предельно честным человеком, во многом с писаками и соглашался. Особенно из равновесия его выводил «скромный» образ жизни партийных и советских вождей, которые по сути дела от жира лопались. В то же время в стране простые смертные во всем и везде испытывали острый дефицит. Прилавки магазинов были пустыми. Терпение по беспределу у простого гражданина великой страны лопнуло, он решил что-то делать. Вновь и вновь перечитывал газеты, смотрел телевизор, обошел односельчан, расспросил их о своем житье-бытье. Те в один голос жаловались на местные власти. Отпускник просидел две ночи напролет в родительском доме, набрасывал заметки письма в Центральный Комитет партии. Честному человеку казалось, что верхи не знают всего того, что творится на местах, в многочисленных глубинках. Ему очень хотелось наказать чиновников, которые довели людей до нищеты, до настоящего разбоя на улицах. Армейский коммунист переписывал послание три раза, потом запечатал его в конверт. Отправить письмо в Москву помешала Татьяна. Она со слезами на глазах отговаривала мужа отказаться от осуществления этой никому ненужной затеи. В конце концов Макаров сдался, позже об этом нисколько не сожалел. И сейчас, погруженный в грустные размышления, он благодарил Бога за то, что у него есть такая жена и такая дочь. Без них он не мог бы прожить и часа на этой земле. При этом Александр почему-то горько улыбался...

Плешивый вызвал командира отличной роты к себе на ковер только к вечеру. Вместо

посыльного на квартиру к Макарову пришел командир взвода лейтенант Бабанин. Молодой офицер осторожно постучал в дверь, дверь никто не открывал. Татьяны в это время дома не было. Она, видя то, что ее Александр спит, решила с дочкой прогуляться по военному городку. Какие-либо парки или зеленые газоны на территории части отсутствовали. Многие жены в ожидании мужей со службы «кучковались» на детской площадке, та была для них и детей своеобразным парком культуры и отдыха. И не только. На небольшом «пятачке» происходило обсуждение всевозможных новостей и сплетен. Только после неоднократных стуков хозяин квартиры проснулся. Бабанин сегодня не узнавал своего командира, он был небритый, осунувшийся, под глазами темные мешки. Лейтенант впервые за время своей службы был в квартире своего командира, хотя вместе они уже «тянули» лямку в одной роте два года. Взводный себе эту субординацию на расстоянии в вину не ставил. Он сразу заприметил, что капитан Макаров со своими подчиненными был предельно строгий и не допускал какого-либо панибратства. Не исключением в этом плане были и другие офицеры роты.

Настойчивый стук в дверь разбудил Макарова, который раньше никогда не спал в дневное время, не спал даже и во время часового обеденного перерыва. Каждую лишнюю минуту офицер отдавал своей роте, та была для него всем и вся. Кивком головы хозяин пригласил незваного гостя войти в коридор и протянул руку для приветствия. Затем сухо спросил своего подчиненного:

- Тебя, наверное, командир части за мною послал?... Правильно я говорю?

Молодой офицер в ответ ничего не сказал, он только весело улыбнулся и кивнул головой. К плешивому капитан Макаров постучался в кабинет ровно в шесть вечера, как раз в это время начался развод караулов. Ротный командир за время службы по «инициативе» майора Слюнькова приглашался на ковер во второй раз, приглашался не для получения наград, приглашался для промыки «мозгов». В памяти офицера еще был довольно свежим визит к полковому отцу, связанный с посещением немецкой поликлиники. Этим же вечером седовласому капитану предстояло опять стоять навытяжку перед плешивым человеком только за то, что он по уставу задал вопрос командиру дивизии. Майор и на этот раз вел себя очень нагло. Он никак не прореагировал на приветствие младшего офицера и сразу же начал издевательски грубить:

- Макаров, ты что себе позволяешь?.. Как ты смел задать такой глупый вопрос генералу, командиру дивизии?... Неужели ты не знаешь о том, что все кадровые вопросы решаю только я и никто другой?...

Подчиненный не мешал высказываться своему командиру, он только стиснул зубы и еще «преданнее» смотрел в глаза представителю Советской власти в армии. О том, что сейчас говорил взбесившийся начальник, Александр Макаров прекрасно знал. Он знал, что при командире части существует даже специальная комиссия, которая призвана более

объективно рассматривать все вопросы, связанные с кадровым передвижением офицеров. Командир отличной роты также прекрасно знал, что после чрезвычайных происшествий в вооруженных силах или после совещаний в верхах, мгновенно создавались и создаются всевозможные комиссии. В их состав, как правило, входили и входят заместители командира полка и преданные плешивому подчиненные. Никто из этих людей особой принципиальностью не отличался. В Забайкалье и здесь капитан неоднократно убеждался, что судьбу простых смертных определяет только командир части и никто иной. Исключением для военного царька были только те офицеры, кто имел большие связи. Против кастовых офицеров «каратель» был бессилен. Получив звонок из дивизии, а то и выше, командир сразу же принимался в быстром темпе оформлять документы на очередного своего воспитанника, который еще до официального приказа, начинал паковать чемоданы. Члены комиссии безмолвствовали. Макаров к числу избранных и преданных плешивому себя не относил и поэтому продолжал усердно сейчас «глотать» все, что тот говорил.

Молчание высокого и статного капитана в какой-то мере радовало плешивого. Он даже сам удивлялся послушанию седого и к тому же, уже давно «задвинутого» ротного. Майор нисколько не сомневался, что этот великан и тысячи ему подобных, умрут простыми клерками, так и не вкусив настоящей власти. Он также не сомневался, что в каком-то «темном» углу этот молчащий великан его просто-напросто придушит или набьет морду. Поучительный монолог командира полка продолжался недолго, не по причине отсутствия новых поучительных или матерных слов. Буквально за десять минут до прибытия капитана Макарова Слюнькову позвонила жена. Она с радостью проворковала мужу, что его ждут русские пельмени. «Пельмешки», так любовно называл их плешивый, ему очень нравились. Вечером во время плотного ужина грозный майор, как правило, пропускал пару рюмочек русской водочки для сугрева и для постели с женой. Предстоящая пельменная трапеза в какой-то мере смягчила итог командирской «промывки». Плешивый встал из-за стола и несколько по-философски подытожил:

- Знаешь, капитан, это я тебе повторяю снова и снова... Тебе уже пора понять, что ты не рожден летать, а только ползать... И ползать ты должен очень прилежно...

После этих слов Слюньков на какой-то миг замолчал. Наверное, что-то еще мудрее хотел сказать, но не сказал.Он только почему-то громко крякнул и достал из кармана носовой платок, затем с наслаждением вытер свою лысину. Капитан, наблюдая за усердием своего начальника на поприще лысины, злорадно про себя подумал: « Слава Богу, что эту мразь хоть как-то Бог наказал». Командир полка осторожно надел на голову фуражку и стремительно вышел из кабинета. Макаров стоял еще несколько минут напротив стола командира части в самом центре темно-красного ковра и молчал. На душе было очень тревожно. Монолог плешивого наповал убил офицера, который всю жизнь верил в идеалы

социализма и своей родной партии. С партией он многое связывал не только из жизни советского общества, но и очень многое из своей личной жизни. Курсант Макаров очень сильно переживал во время торжественного вручения ему красной книжечки члена Коммунистической партии Советского Союза. Молодой коммунист от волнения даже расплакался, расплакался под оглушительные аплодисменты членов партийной комиссии. Армейский офицер всегда был активным коммунистом, за привилегиями или подачками не гнался, партийные взносы платил исправно. Очередная «промывка» в кабинете командира части только еще раз подтвердила правильность его вывода, этот вывод был обусловлен самой жизнью и самой системой...

Размышления офицера прервал стук в дверь, из-за двери показалась голова дежурного по штабу. Сержант, приложив руку к козырьку фуражки, громко протараторил:

- Товарищ капитан, я должен закрыть кабинет командира части...

Офицер в ответ ничего не сказал. Тяжело вздохнув, он быстро повернулся на сто восемьдесят градусов и также быстро вышел вон. На следующее утро капитан Макаров на подъем личного состава роты не пришел, пришел только на развод. Рота уже стояла...

У рядового Александра Кузнецова после нравоучительной беседы с командиром роты дела пошли значительно лучше. Через пару недель у стрелка-зенитчика исчезли все синяки на теле. Очень спокойной стала и служба у молодого солдата. Старики его не «кантовали», ни днем, ни ночью, даже никто не пытался. Сержант Дубровин был с ним также наравных, хотя тому до дембеля оставалось меньше полгода. С легкой подачи отделенного командира новичку дали гражданское имя «Силач». Эта кличка вскоре прочно закрепилась за рядовым Кузнецовым. Самого сильного в роте, а может, и во всем полку, поневоле признали и старики во главе с Макуловым. Они даже помогли ему в оборудовании боксерского «зала» на чердаке. Зал представлял собой небольшую каморку, отгороженную фанерой от довольно приличного по размерам помещения, в котором складировались всевозможные дефициты, необходимые для ведения ротного хоязйства. Ротный «плотник» рядовой Арутюнян в этом помещении также изготавливал ящики из пресс-картона для офицеров, которые уже имели право на ношение знака «З», что означало заменщик. Какого-либо специфического знака отличия для этой категории офицеров и прапорщиков, конечно, не было. Просто эти военнослужащие ждали своей замены из внутренних округов. Заменщик позволял себе в определенной мере «забить» на службу, да и со стороны командования им в какой-то мере была поблажка. Однако, если кто-то из этой категории «преуспевал», то сразу же попадал в немилость командиру части или его заместителям. Подавляющее большинство заменщиков после промывки «мозгов» кардинально не изменяли свое поведение. Из-за лишней пропущенной рюмки водки или бутылки пива никто из начальников не собирался перекраивать досье на подчиненного. Воспитатель и трудновоспитуемый прекрасно знали, что личное дело заменщика уже «крутится» где-то в Забайкалье или на

Урале.

Первое письмо на родину Кузнецов написал только через полгода, хотя обещал матери написать сразу же после прибытия в часть. Салагу заедала текучка, дни армейской службы пролетали, словно один час. Он не замечал времени, не замечал и усталости. Усталость давала о себе знать лишь после отбоя, солдат засыпал мгновенно. Ночью ему иногда снились учения, наряды и никому не нужные построения. После громовой команды дежурного по роте:«Рота! Подъем!» Кузнецов съеживался от страха и мгновенно сжимался в комок. Ему, как и его многим сослуживцам, не хотелось идти на физическую зарядку и по-лошадиному топать по плацу, будя местных немцев, которые проживали буквально в трех десятках метров от военного городка...

Антонида Кузнецова первой весточке сына из армии очень обрадовалась, письмо своего непутевого Сашки перечитывала несколько раз. Она также десятки раз целовала и фотографию. Мать с улыбкой и со слезами на глазах смотрела на фото, где был изображен ее любимый «балбес» в военной форме. На груди у него уже были не то два ордена, не то две медали. Скотник Иван Заволокин, который также не без интереса посмотрел на фотографию своего земляка, сразу же определил «награды» воина. Узнав о том, что сын служит в гвардейской части и имеет спортивные знаки отличия, Антонида в очередной раз прослезилась. На радостях мать солдата пригласила мужчину к себе в гости, который после стакана самогонки с большой охотой «посвятил» односельчанку во все прелести армейской службы. Иван был одногодок женщины и поэтому без всякого стеснения «рубил» правду:

- Тоня, это очень хорошо, что твой сын в Германию попал. Я ведь там тоже служил... ГСВГ очень хорошая школа для разгильдяев, каким был твой Сашка...

Увидев внезапно появившиеся слезы на глазах хозяйки, гость мгновенно внес коррективы:

- Антонида, ты уже на меня шибко не лютый, я ведь сам такой был... Разве тебе твой Коляшка не рассказывал о том, как мы вместе с ним чистили огороды и сусеки у наших односельчан?... Мы чистили очень правильно, я ведь в разведке служил, не в какой-то пехоте...

Мать солдата в эту ночь еще долго не спала, все думала о сыне и переживала о нем. Она нисколько не сожалела, что на вечеринку пригласила Ивана Заволокина. Воспоминания мужчины о своей военной службе в некоторой степени сгладили переживания одинокой женщины. Односельчанин просил Антониду не горевать уж слишком сильно. Главное то, что ее Александр неминуемо пройдет школу «дедов» и вернется домой, возвратится настоящим солдатом и настоящим мужиком. При последней мысли мать солдата улыбнулась, вспомнила завершающий этап визита Ивана. Слишком упитанный мужчина, под самую завязку врезавший самогонки, медленно встал из-за стола и осторожно обнял хлебосольную хозяйку. Затем полушепотом произнес:

- Красавица, не бери в голову все плохое... Твой сын приедет домой, приедет целый и

невредимый. В этом ты нисколько не сумлевайся... Приедет только один, без невесты, в этом я уверен на все сто процентов. В Германии наших солдат в увольнение не пускают, боятся того, что всех немок перетрахают...

Заметив удивленный взгляд женщины, пьяный мужчина мигом же добавил:

- Я вижу то, что ты ничего так и не смыслишь в армейской службе. Я тебе сущую правду говорю... Нам, чтобы мы не были жеребцами, каждое утро в пищу подсыпали специальный порошок. Я после дембеля свою Верку целую неделю обхаживал, все не получалось... Все это было так давно и так недавно... Я не сумлеваюсь, что мой землячок эту медицину сейчас проходит...

На письмо сына Антонида Кузнецова весточку дала не сразу, хотя содержание ответа начала обдумывать после его прочтения. Разные мысли были в голове матери солдата, еще относительно молодой женщины. Крестьянку очень радовало то, что ее верзила попал в социалистическую Германию. Из Найденовки там в разное время служили около десятка мужиков, все они были очень довольные своей службой. Никто из бывших солдат ни одним плохим словом не обмолвился об этой стране, о ее жителях. Да и сама Антонида читала книги и видела передачи о ГДР, ей все там нравилось. Во время раздумий о службе сына и о далекой стране, она брала в свои мозолистые руки армейский конверт и маленький листок бумаги. Затем все это нюхала. В этот момент ей казалось, что этот конверт и эта бумага, произведенные там, пахнут по-особому, пахнут не так, как здесь, в деревне. Мать советского солдата гордилась, что ее сын по воле Божьей оказался в самом центре Европы в нескольких тысячах километров от родной Найденовки. По ночам она довольно часто видела сны, во время которых сидела вместе с сыном в танке и стреляла по ненавистным капиталистам. Антонида решила написать письмо сыну в день своего рождения. Ей казалось, что в день ее ангела в голову прийдет больше мыслей и ласковых слов.

Кузнецова встала этим утром очень рано, немного раньше обычного. Быстренько покушала и пошла на ферму, настроение было приподнятое. На улице стояла холодная погода, был конец апреля. В самом конце дойки к Антониде подъехал управляющий, тот был уже на «взводе». О том, что местный начальник успел «пропустить», она определяла по его физиономии. И на этот раз лицо у Ивана Лопушкина было розовое, будто после жаркой бани. Управ неспеша слез с ходка и также неспеша подошел к доярке. Женщина первой поздоровалась с начальником, тот на приветствие не ответил. Он почему-то продолжал молчать и вертеть головой то налево, то направо. Затем громко крякнул и весело спросил:

- Антонида, Антонида Петровна, как ты собираешься сегодня праздновать свой день рождения? Или ты забыла обо всем этом?...

После этих слов Лопушкин слегка покачал головой и потер руки. Затем весело улыбнулся и опять продолжил:

- Я, честно говоря, и не знал о твоем юбилее... Мне об этом сказанула Мария Ильинична

Федюнина, наша библиотекарша. Ты ведь ее прекрасно знаешь, она у нас счетовод по новорожденным и по покойникам. Я вчера от нее узнал о том, что в нашей Найденовке за последние пять лет умерло двенадцать человек, а народилось всего три...

На какое-то время начальник замолк, молчала и доярка. Антониде, откровенно говоря, управляющий нисколько не нравился, никак мужчина, никак управ. Во время некоторых встреч она украдкой зажимала нос, дабы не вдыхать в себя те запахи, какие испускал этот еще молодой человек. Специфические запахи, как казалось женщине, иногда пересиливали запах навоза животных. Доярка считала, что причиной этому были неурядицы в семье начальника. Прорехи там были довольно большие. Иван страшно переживал, когда узнавал о том, как вольно «гуляет» его жена с заведующим складом районного элеватора. Сам муж любовника своей Натальи в глаза не видел, его попытки застукать их вместе были безуспешными. Управ черпал информацию о любовных похождениях законной супруги из уст крестьян, своих подчиненных. Люди по этому поводу разное глаголили. Те, кому начальник в какой-то мере делал поблажку, старались как можно меньше его ужалить. Другие делали наоборот. Всем этим сплетням рогатый не хотел верить, однако верил. Верил тогда, когда Натка, так он любовно называл свою жену, находила уважительные причины для временного отсутствия. Затем садилась на попутку или в автобус и катила в Изумрудное. Руководитель умирающей деревни на почве семейных неурядиц спился, притом спился основательно. Последствием семейной тяжбы стало не только его пьянство, но и совсем новое, доселе незамеченное у мужчины. Он принялся ухлестывать за местными женщинами. В деревне не проходило и дня без пересудов о том, с кем и где занимался сексом управ. Пару лет назад мужики и бабы понятия не имели об этом слове, сейчас же оно почти каждому приятно щекотало ухо, и не только ухо... Найденовские школьники куда быстрее и чаще, чем старшие, стали использовать в повседневном общении чужеродное слово. Для некоторых жителей самое употребительное слово из русского лексикона быстро кануло в лета. Управ преуспевал не только среди одиноких женщин своей деревни, прихватывал и из соседних. Число безмужных женщин в период так называемой демократизации страны в глухих деревнях сильно возросло. Многие мужчины от всевозможной сивухи спивались или травились, кое-кто накладывал на себя руки. Очень редко кому из вдовушек молодого и пожилого возраста удавалась вновь оказаться в мужских объятиях. Для многих это становилось несбыточной мечтой. Антониде совсем недавно бахвалилась соседка Настя Абакумова, вдова. У той две недели назад по пьянке повесился муж, а может, и от безысходности. Петр в коммунистические времена слыл активным коммунистом. За большой урожай комбайнера вызывали в столицу и наградили орденом. Настя раскрыла душу соседке поздно вечером, когда у нее за огородом появился целый десяток спиленных берез. Привез их единственный тракторист на селе Витька Прудников. До этого молодая вдова, у которой было четверо детей, успела прокатиться с управляющим

на его тарантасе. Лопушкин привез женщину домой поздно вечером, ее голодная «свора» уже крепко спала...

Молчание управляющего и доярки длилось недолго, его первым нарушил Лопушкин. Он с ухмылкой посмотрел на симпатичную женщину и с ехидцей произнес:

- Тоня, почему ты меня не угощаешь?.. Я ведь и обидеться могу... Да и как-то не очень хорошо, если не тяпнуть за твой сорокалетний юбилей...

Юбилярша больше не заставила себя упрашивать и мучить мужчину, жаждующего выпить. Она весело улыбнулась и уверенно пошла в сторону небольшой каморки, пристроенной к развалившемуся деревянному строению. По мере приближения людей к ветхой постройке, оттуда стало раздаваться оглушительно громкое мычание голодных коров. Управ, да и начальники повыше, прекрасно знали о том, что через месяц, а может и через два, в Найденовке будет порезана оставшаяся живность. Некогда важный объект аграрно-промышленного комплекса доживал последние дни...

В небольшой каморке, сделанной Александром Кузнецовым для больной матери, было очень тепло. Маленькая железная печка, на которой стоял черный от копоти чайник, слегка гудела. После первого стакана самогонки управ снял свои грязные сапоги, через миг до Антониды донесся противный запах. На какое-то время ей даже казалось, что ее вот-вот вырвет. Дабы этого и взаправду не случилось, она быстро выбежала вон и стала учащенно дышать. Разговора у доярки, как такового, с управом не получилось. Да и говорить было не о чем и уже не с кем. Мужчина очень быстро опьянел, спился по причине обилия самогонки и плохой закуски. У именинницы самогонка не выводилась, а вот с продуктами питания была напряженка. Во дворе мычала полуголодная корова, так как сено было на исходе. Последний десяток кур кто-то из местных или проезжающих украл. Сторожить же хозяйство одинокой женщины денно и нощно было некому. Сын ушел в армию, муж лежал на кладбище. На прощание пьяный управ дожевал кусок хлеба с тонким пластиком сала и пробормотал:

- Знаешь, Тоня, я решил тебе сегодня праздник сделать... Одним словом, выходи на работу только завтра утром. Вместо тебя сегодня я кого-нибудь найду, в крайнем случае, и сам подою твоих худобушек...

Увидев на лице женщины улыбку, мужчина весело подмигнул и по-озорному прошептал:

- И еще, Тонечка... Я могу тебе сделать праздник и поздно вечером... Смотри-ка, на дворе лето катит...

Кузнецова на предложение пьяного ничего не ответила. Она не стала молчать лишь после повторного его предложения зайти к ней вечером на огонек. Антонида по-озорному подмигнула нахальному управу и тут же отпустила в адрес просителя целую обойму матерной брани. Лопушкин, явно не ожидавший такого «благородства» от селянки, стал быстро ретироваться в сторону лошади, которая уже прилично устала от ожидания своего

хозяина. Мужчина, отъехав метров десять от каморки, быстро оглянулся назад. Антонида все стояла и смеялась, засмеялся и управляющий...

Письмо в далекую Германию мать солдата начала писать при электрическом свете, заканчивала при керосиновой лампе. В Найденовке довольно часто отключали свет. Кто отключал его и почему, в деревне никто знал. Кое-кто из умных и справедливых пытался докопаться до истины, но безуспешно. Носителей обещаний по благоустройству умирающей деревни была целая уйма. Особенно в этом преуспевали всевозможные кандидаты в различные советы, которые набегали в Найденовку, словно саранча, когда им «припекало» в одно место. Селяне обещаниям пришельцев верили и отдавали свои голоса. «Достойные» получали в кабинетах власти мягкие кресла со всевозможными материальными довесками. На этом вся деятельность избранников заканчивалась. Через пару лет, а то и раньше, кое-кто из сытых или жаждующих вкусно покушать снова появлялся в селе. Найденовцы опять и снова попадались на крючок...

Ответ матери сыну получился не очень большой, несмотря на то, что первое в своей жизни письмо к родному человеку, к воину-интернационалисту она «вынашивала» почти две недели. Антонида писала письмо простым карандашом, шариковой авторучкой она просто-напросто не любила писать. Да и сейчас у нее таковой даже не было. Авторучки в деревенском магазине, не говоря уже о каком-то черниле, отсутствовали. Чуть было не возникли проблемы и с конвертом. Мать, зная о том, что ее кровинушка будет служить целых два года, решила загодя запастись конвертами. Она купила их в районном центре в тот же день, когда провожала своего сына в областной военкомат. Сашка перед тем, как сесть в электричку, успел даже поехидничать над матерью, которая основательно запаслась тетрадями и конвертами. Последние были очень красивые, однако плохо заклеивались. Антонида и сейчас пересмотрела их несколько раз. Из двух десятков ей приглянулся только один. Для верности женщина обратную часть конверта смачно прослюнявила и еще протерла куском хозяйственного мыла. Однако при передаче письма деревенскому почтальону у нее вышла осечка. Баба Шура «устаревший» конверт не приняла, объяснив это тем, что в обращение поступили новые почтовые марки и стоят они значительно дороже. У доярки при себе денег не было, хорошо то, что почтальонша ее выручила. Пенсионерка пожертвовала новым конвертом ради пацана, который когда-то ей помогал загонять коров в сарай.

Рядовой Кузнецов в зенитном отделении первой мотострелковой роты первого мотострелкового батальона прослужил ровно полгода. За шесть месяцев простой деревенский «тюфяк» превратился в мощного парня с настоящей солдатской выправкой. После той первой ночи, когда его жестоко избили, Кузнецова уже больше никто не трогал. Молодой солдат уже мог спокойно спать и не подшивать подворотнички или чистить унитазы в ротном туалете. Да и старики с ним здоровались по ручке. «Силач» всем руки протягивал,

кроме Макулова, который весной «дембельнулся». Сибиряку этот казах явно не нравился, уж больно он трусливый был. «Старик» больше огня боялся ротного командира, который довольно часто перед ротой подносил мощный кулак к физиономии старослужащего и с ухмылкой шипел:

- Товарищ советский воин, надеюсь, Вы поняли, что это означает...

Макулов хитро блукал глазами по сторонам и заискивающее лепетал:

- Так точно, гвардии капитан...

Затем он виновато опускал голову вниз, как жалкий кот. Через несколько секунд раздавался мощный хохот. Все солдаты прекрасно понимали, что мог означать увесистый кулак мощного офицера. Смеялся и тот, кого прошлой ночью обидел дембель Макулов и его окружение. Кузнецов прекрасно знал о том, что в первом взводе по ночам старики иногда устраивают всевозможные экзекуции над молодыми, но молчал. Александр, как он это «кумекал», делал правильно. Дедовщина процветала в части довольно бурно. Не проходило и дня, чтобы на строевой плац не выводили «обиженных», которым старики что-либо «сделали». Офицеры, всевозможные комиссии и активисты боролись с теми, кто распускал кулаки. Стрелок-зенитчик довольно часто видел, как после отбоя в канцелярии роты горел свет. Командир или замполит «воспитывали» очередного нарушителя. В зенитном отделении каких-либо экзекуций не происходило, ни днем, ни ночью. Отделение было по численности очень маленькое, да и на виду у управления роты. Капитан Макаров называл отделение сержанта Дубровина военной «интеллигенцией». Возможно за то, что младший командир был со средним образованием. А возможно и за то, что зенитчики никогда не подводили роту, ни на учениях, ни на всевозможных сборах. Рядовой Кузнецов себя к «умным» не относил, но гордился тем, что и он вносил свою лепту в успешные стрельбы.

Силач боксом стал заниматься по-настоящему только ранней весной, до этого было некогда. Часть то и дело посещали разные начальники. Различного рода построения и смотры выматывали солдат и офицеров. В начале апреля вроде наступила передышка и солдат решил по-настоящему заняться спортом. В этом ему никто не мешал. Все жители небольшого военного городка прекрасно знали о том, что самый главный боксер дивизии командует ротой и поэтому с интересом следили за подготовкой достойной смены. Произошла замена и предводителя стариков. После увольнения в запас Макулова его «трон» занял сержант Мякишев, командир отделения. Он ни перед кем не скрывал того, что «воспитывает» салаг кулаком и довольно часто. В минуты откровения он даже и командиру роты напрямую заявлял:

- А почему я, товарищ капитан, не могу воспитывать тех, кто ничего не может или ничего не хочет делать?... Меня били и я тоже не против этого сейчас...

На совещаниях сержантов капитан Макаров довольно часто давал «разгон» Мякишеву. Проходило время и тот опять «распускал» руки. Сержант бывал на промывке «мозгов» и у

командира батальона. Лично для него в штабе батальона была заведена отдельная тетрадь, своеобразное досье, в котором велся учет правонарушений младшего командира. Здесь также были выдержки из многочисленных указов и постановлений, начиная от Конституции СССР и заканчивая письменными приказами офицеров батальона и его взводного. Вся тетрадь была испещрена подписями сержанта, все это однако не действовало. В конце концов терпение воспитателей с погонами лопнуло, сержант был разжалован до рядового и снят с должности. Не последнюю роль в этом сыграл ротный командир. Кузнецов сразу же заметил то, что старик затаил злобу на капитана Макарова. В этом он еще раз убедился, когда стал заниматься боксом. Уже во время первого занятия на чердаке трехэтажного здания, где когда-то размещались солдаты гитлеровского вермахта, к боксеру, который с большим усердием колотил самодельную грушу, подошел рядовой Мякишев, и как бы мимоходом, проговорил:

- Кузнец, у тебя есть возможность набить морду нашему именитому капитану, а то он слишком мнит себя, считает себя умным и самым сильным...

Александр в ответ ничего не сказал. Он только с презрением посмотрел на длинного и тощего бывшего сержанта, и опять начал с ненавистью колотить грушу. Этой ночью солдат занимался особенно усердно, как никогда. Каждый удар, который наносил боксер, как ему казалось, он наносил не в «морду» капитана Макарова, а в морду тех стариков, которые издевались над молодыми солдатами. Мякишев и другие старики неоднократно посещали тренировку сибирского силача. Предводитель больше нравоучений молодому боксеру в отношении ротного командира не давал. Старик боялся, что рядовой Кузнецов его «заложит» и понимал, что он лично сам, своеобразный ночной «шах» не только стариков, но и всей роты, был бессилен что-либо сделать этому очень рослому и сильному солдату, который только что перестал быть салагой.

За месяц до Дня Победы рядового Кузнецова по настоятельной просьбе капитана Макарова взяли на спортивные сборы. Руководитель сборов был очень доволен тем, что под его крыло попал такой мощный и красивый парень. Старший лейтенант радостно поприветствовал молодого боксера и одновременно по-дружески похлопал по плечу ротного командира:

- Ну, кэп, держись... Этот салага тебя может и «замочить» на ринге... Я держу пари, что ты его через месяц не узнаешь...

Макаров на ехидное высказывание сослуживца ничего не ответил. Он весело улыбнулся и на прощание протянул руку своему питомцу. Крепко сжав руку солдата, офицер уверенно произнес:

- Давай, Кузнец, дерзай... У тебя все получится, если будешь тренироваться с толком...

Затем он резко развернулся и уверенно вышел из спортивного зала. Александр Кузнецов еще долго смотрел на дверь, за которой только что скрылся его командир. Сборы пролетели

для молодого боксера молниеносно. Солдат тренировался до изнеможения, у него ныло все тело, болели руки и ноги. Новичок иногда так уставал, что во время обеда тряслись руки, и он, словно ребенок, разливал из ложки борщ или суп. Тело и душа молодого спортсмена отдыхали только во время сна. Солдат утром сам не просыпался, будил его дневальный или руководитель сборов, который делал очень большую ставку на неожиданную находку. Старший лейтенант Посохов и сам этого ни от кого не скрывал. Поэтому не упускал случая поделиться своей радостью и успехами молодого боксера с командиром части. Слюньков, видя довольное лицо физрука, только улыбался и все повторял:

- Ну, ладно, старлей, перестань хвалиться... Я не верю в то, что из моего полка выйдет какой-либо боксер... Если бы он стал чемпионом мира, то тогда можно было и погутарить о нем...

Будущую надежду Советской Армии по боксу командир части персонально не соизволил принять, не считал нужным. Рядовому Кузнецову было как-то все равно. Посохов же делал все возможное для того, чтобы через победы молодого солдата заявить о себе. И это ему удавалось. На первенстве части по боксу двухметровый гигант прошел вне «конкурса». «Силач» со своими противниками расправлялся в первом же раунде. Однако на свои победы Александр смотрел более объективно. Набить «морду» ему удавалось только за счет высокого роста и силы, а может даже и злости. Последней у солдата было хоть отбавляй. Почему это так происходило и откуда она бралась, он и сам толком не знал...

Первенство соединения по боксу рядовой Кузнецов, он же солдатский «Силач», проиграл. Проиграл, как говорят, всухую и в первом раунде. Чемпион дивизии капитан Макаров сначала не хотел выступать на этих соревнованиях. Он решил раз и навсегда распрощаться с боксерскими перчатками. Офицера душила обида на полковое и дивизионное начальство, которое считало его «чернью». В том, что против него будет выступать его подчиненный, Макаров нисколько не сомневался. Во всех полках и в отдельных батальонах дивизии не было равных рядовому Кузнецову. Особенно страстно жаждал поединка между капитаном и рядовым, между командиром и подчиненным начальник физической подготовки полка старший лейтенат Посохов. Офицер никаких военных училищ не заканчивал, в армию пришел с гражданки после института физической культуры. Лично сам он особых достижений в спорте не имел. По части витали слухи о том, что у главного спортсмена есть какой-то разряд по лыжам. На складе спортивного инвентаря лыжи вообще отсутствовали. На территории советского военного городка снега зимой иногда вообще не было. Поэтому физрук очень энергично «толкал» молодого сибиряка на боксерский олимп, надеясь таким образом самому засветиться на фоне его славы и успехов.

Выступить на ринге против своего подчиненного солдата Макарова уговорила его жена, хотя сначала Татьяна также была против «трюкачества» мужа. Однако, чем больше она размышляла о предстоящем поединке, тем больше приходила к мысли о необходимости

выступления своего Сашки. Нет, она не хотела в очередной раз доказать какому-то солдату силу и превосходство своего мужа. Офицер за свою небольшую спортивную карьеру не хватал звезд с неба, были у него и поражения. Раньше Санька Макаров, да и его супруга, победы и поражения в большинстве своем пропускали мимо ушей. Сейчас же седовласому мужчине предстояло не только победить, но и доказать, в первую очередь, командиру дивизии то, что он не «чернь», а офицер, человек, который также имеет право на достойную жизнь. Макарова поддержала и его дочурка. Вика после того, как нехотя покинула руки отца, весело пролепетала:

- Папушка, ты должен победить... По-бедить, папа...

С образом своей дочурки капитан Макаров выходил и на ринг. Неподалеку от ринга была сооружена почетная ложа, на которой восседали командир дивизии и его заместители. Среди сидящих был и майор Слюньков. Чемпион прекрасно знал, что командование всегда с интересом наблюдало за поединками тяжеловесов. Сейчас же Александра все это окружение не интересовало. Ему просто хотелось быстрее закончить бой и оказаться в кругу семьи... Прозвучал гонг. Макаров уверенно пошел навстречу своему противнику, тот не очень умело перемещался по рингу. Через несколько секунд опытный боксер нащупал слабое место в обороне прыгающего великана и с силой левой рукой ударил снизу вверх в его подбородок. Кузнецов рухнул на пол, словно кто-то его срубил шашкой... Победитель спокойно пролез через канаты и также спокойно покинул спортзал. Макаров знал, что после такого удара побежденный самостоятельно не встанет и не может дальше вести бой.

Чемпион соединения по боксу приехал домой на велосипеде. Штаб дивизии находился в тридцати километрах от города, в котором проходили службу офицер Макаров и рядовой Кузнецов. Татьяна, узнав о победе своего мужа на ринге, крепко его обняла. Затем, поцеловав в губы, со слезами на глазах произнесла:

- Сашенька, у нас в части надвигаются проблемы, да еще какие! Сегодня командирша проболталась о том, что скоро наш полк будут выводить из Германии... Сейчас все только об этом и говорят...

Для капитана Макарова и для его жены, да и для всех обитателей военного городка, эта новость была не такой уже и новой. Ротный командир всегда интересовался политикой, особенно в последнее время. Офицер иногда в силу своей занятости не успевал следить за тем, что происходило на его родине и здесь. Ему, как гражданину Советского Союза, как офицеру Советской Армии не верилось в то, что руководство многомиллионной партии коммунистов так быстро сдаст свои позиции. Не только сдаст, но и предаст интересы завоеваний социализма. От этого ему становилось не по себе. Во время политических занятий многие сержанты задавали очень «трудные» вопросы своему руководителю. Макаров на многие «каверзы» отвечал, на многие изворачивался, на некоторые он и сам ответа не находил.

Не было у него ответов и на то, что происходило на территории социалистической Германии. Немецкое общество бурлило, требовало реальных демократических преобразований. «Роковым» для советских военнослужащих был 1989 год, год сорокалетия образования ГДР. Власти юбилей отметили с большим размахом. 7 октября в Берлине состоялось торжественное собрание, посвященное этому событию. В этот же день по стране прокатилась очередная волна демонстраций. Эпицентрами политической активности населения стали города Лейпциг, Шверин, Коттбус, Карл-Маркс-штадт и другие. Все требовали свободы и демократии... 9 ноября ГДР открыла границу с ФРГ. На следующий день началось разрушение Берлинской стены...

Старший лейтенант Макаров в мотострелковый полк из Забайкалья прибыл через два года после того, когда в Советском Союзе под руководством КПСС началась перестройка. Перестроечные процессы на родине были неотделимы от армии, в том числе и от ГСВГ. Единение армии и народа в полку выражалось в совещаниях, других всевозможных мероприятиях. Они проводились очень часто и нередко порождали среди жителей военного городка ужасные слухи и сплетни. Часть совещаний проводились строго по «ранжиру», то есть информация давалась по принципу того, что кому было «положено» знать по должностным обязанностям. Несмотря на это, все обитатели небольшого военного городка с погонами и без погон, досконально знали о том, что говорил командир части и его заместители. Не только говорили, но и кого наказывали. Значительная часть офицеров и прапорщиков после «вправки мозгов» осаждала кафе, где продолжалась «переработка» полученной информации от вышестоящих начальников. «Помозговать» было есть о чем и о ком...

Перестройка дала импульс всевозможным мирным инициативам, направленных на разрядку международной напряженности. Это в первую очередь коснулось Группы советских войск в Германии, Западной группы войск, самой мощной в мире военной группировки. В 1989 году по инициативе Советского Союза в одностороннем порядке из ГДР были выведены две танковые дивизии, через некоторое время еще одна танковая дивизия...

Эта информация не очень радовала мотострелков, особенно тех офицеров, которые только что переступили «порог» социалистической Германии. Командиру отличной роты капитану Макарову до «срока» оставалось два года. Ни Александр, ни Татьяна не хотели терять это время. И не без причин. Молодая пара понимала, что в Советском Союзе Москва или Киев им никак не светят. Туда поедут кастовые офицеры. Служить опять за Уральскими горами у них явного желания не было, они были сыты по горло Забайкальем. У сибиряков были для тревоги и материальные причины. Отличная рота забирала из семейного бюджета немало денег. Супруга офицера эту «прореху» раньше стойко переносила. Она надеялась, как и ее муж, на очередное повышение кормильца по службе. Прошло больше трех лет, капитан Макаров все оставался на прежней позиции...

Супруги Макаровы в этот вечер сидели за столом довольно долго. Им казалось, что они все переговорили и все обсудили. И не только это. Они подняли тост и выпили за великую Победу великого народа, не забыли выпить за советских офицеров и их боевых подруг. Капитан Макаров в этот вечер в роту не пришел...

Утром следующего дня после построения части командир полка собрал командиров подразделений в офицерском клубе. Майор Слюньков на этот раз был почему-то очень подавленным. Сидящиеся в зале, глядя на плешивого шефа, в очередной раз убедились в достоверности информации «женского» радио. Комполка, набрав в свои легкие как можно больше воздуха, как бы с неохотой, громко произнес:

- Товарищи офицеры! Нам вскоре предстоит с честью выполнить приказ Родины... Нам предстоит передислоцироваться на территорию нашей страны - в Советский Союз...

После этих слов у капитана Макарова екнуло сердце, да и не только у него. Мужчинам в погонах не хотелось верить этой информации. Многие из них тотчас же стали в открытую шушукаться. Плешивый никому на сей раз не мешал, он и сам был не в «парадной» форме. Видя то, что совещание стало напоминать собою что-то похожее на пчелиный рой, командир части громко крикнул:

- Товарищи офицеры! Где Вы находитесь? У тещи на блинах или на совещании?.. Я обращаюсь к Вам, товарищ майор...

Слюньков показал рукой в сторону маленького и толстого офицера, который сидел на последнем ряду и чем-то возмущался. Тот, скорее всего, не замечал обращение командира части и продолжал оживленно что-то говорить капитану, который был его на целую голову выше. Лишь после того, как один, из сидящих рядом офицеров, толкнул «оратора» в плечо, тот молниеносно повернулся в сторону командира части. Увидев недовольное лицо Слюнькова, майор, словно только что прилетел с Луны, сердито пробурчал:

- Я не нарушал дисциплины... Мне просто обидно, что я, майор Советской Армии через день буду ехать в скотском вагоне с одним чемоданом...

На какой-то миг «обиженный» замолк. Затем, как бы невзначай, он произнес очень тихо:

- Это нашего командира не касается. Он уже давно купил себе машину, а то и две... А я, что должен с собою патроны в любимый край везти?...

После этих слов в зале раздался гомерический хохот. Люди в погонах так сильно смеялись, что казалось, вот-вот упадет вся наглядная агитация, призывающая всех и вся стойко и бдительно стоять на страже завоеваний социализма. Командир части и его заместители, сидящие в «президиуме», на реплику сердитого майора никак не прореагировали...

Буквально через минуту после совещания, на котором были определены «перспективы» пребывания мотострелков на немецкой земле, офицерский клуб опустел. Начальник клуба, которому до дембеля оставалось несколько месяцев, с олимпийским спокойствием закрывал свою «культуру» на замок. Седой майор сегодня никого и ничего не замечал.

Политработнику сейчас было не до фильмов и не до книг. Ему, как и всем, жутко не хотелось «уносить ноги». Будущему военному пенсионеру не хотелось дослуживать последние деньки в горячих песках или в глухой тайге. Когда и куда выведут часть никто не знал. Это знали только в верхах, а может, и нет. Многие из «убитых» в душе еще надеялись на чудо, которое называлось в Советской Армии бюрократией. На вывод мощной вооруженной армады требовалось очень много времени, месяцы и даже годы... Кое-кто даже надеялся на то, что вскоре поступит из верхов другой приказ и уже с другим содержанием...

В это чудо в какой-то мере верил и капитан Макаров. Командир отличной роты из клуба рванулся сразу же домой, ему было не до личного состава. К тому же, он очень сильно проголодался после «гробового» совещания. Солдаты в этот день обедали и ужинали без ответственных по подразделениям. Жители немецкого города Дахбау не услышали поздним вечером громкого пения сотен солдат во время вечерней прогулки. В казармах царствовала тишина, еще спокойнее было в офицерских домах. Женатые или неженатые мужчины в военной форме размышляли над тем, что делать дальше и что еще можно «ухватить» на немецкой земле.

Второй заход по обдумыванию создавшегося положения у четы Макаровых был намного тяжелее, чем предыдущий. Думы были не ахти веселые. У Александра, от внезапно появившихся проблем, щемило сердце, Татьяна плакала. Седой молодой человек, глядя на свою боевую подругу, то и дело костерил себя за усердие по службе, которое слизало в семье около трех тысяч марок. Сейчас же весь материальный «престиж» молодой семьи упирался в машину-иномарку. Единого мнения по ее покупки у супругов не было. Желание купить приличный «Мерседес» у них то появлялось, то исчезало. Макаров не знал того, куда его пошлют после службы в ЗГВ. Таскаться с машиной по сопкам Забайкалья офицер не хотел. Своей «твердой» Родины ни у него, ни у жены не было. После долгих раздумий молодые люди решили все-таки купить «тачку», на всякий случай. Они не исключали возможности ее продажи в России, дабы хоть как-то существовать. После неоднократных подсчетов возможных и невозможных вариантов муж и жена пришли к неутешительному выводу. На приличную машину у них денег нет, на относительно приличный «шрот» попытаются что-то наскрести. Не исключали они и самый последний вариант. Возле спортивного кафе, находящегося неподалеку от советского военного городка, часть местных немцев складировала использованные автомобили, дабы не утруждать себя поиском официального «кладбища» и не платить деньги за металлолом. К услугам автомобильной свалки прибегал кое-кто из солдат или прапорщиков, многим удавалось бесплатно заиметь автомобиль.

Старшие офицеры и те, кто был у всевозможных «кормушек», покупали иномарки подороже и посолиднее. Макаров к числу оных себя не относил, хотя сильно завидовал счастливчикам. Они во время службы умудрялись купить и угнать на Большую землю одну,

а то и более «тачек». Жирный кусок доставался тем, кто имел большие звезды и умел воровать. Наслуху у всех жителей военного городка был яркий пример двухлетней давности. В соседнюю часть приехали два майора, один на должность командира полка, другой на должность начальника автомобильной службы. Приехали одновременно, в один же месяц часть и покинули. За немецкую «пятилетку» командир части стал полковником и угнал при помощи прапорщиков три дорогие иномарки. Одну угнал в столицу, шеф хотел получить «теплое» место в Генштабе Вооруженных Сил СССР. Главный «водило» так майором и «засох», в этом ранге его проводили на пенсию. Офицер запаса со слезами на глазах прощался с Боевым Знаменем части. У сорокапятилетнего мужчины была одна отрада - две тачки. Одну он уже успел угнать для сына, на второй - сразу же после прощания с частью поехал на Урал, где собирался заняться пчеловодством. На какие шиши эти офицеры купили машины разное говорили. Если бы они купили «развалюхи», скорее всего, в части была бы тишина. Однако уж больно дорогие тачки были у старших офицеров, поэтому и болтали разное. Владельцы иномарок имели общий денежный источник. Командир тайком направлял солдат к немцам на непрестижные работы, начальник автослужбы продавал бензин...

В этот вечер супружеская пара Макаровых в постель пошла очень поздно. Муж и жена, как им казалось, все и вся в своем обозримом будущем расставили по местам. Александр в этот вечер, как никогда, был уравновешенным. В небольшой квартирке стояла ночная тишина и царил душевный покой. Рядом с ним лежала его любимая женщина. Неподалеку от них мирно сопела единственная отрада - любимая дочь Вика. Насытившись гибким и стройным телом своей жены, глава небольшого семейства на какое-то время опять ударился в размышления. В эту ночь он уже твердо и бесповоротно пришел к далеко неутешительному выводу. Его военная карьера закончилась, наступило время опуститься на землю и не витать в облаках. В его душе зародился другой человек, который только сейчас окончательно стал понимать мишуру и псевдопатриотизм той системы, в которой он все это время жил и которую несколько часов назад готов был с оружием в руках защищать. От этих неординарных мыслей он почему-то улыбался. Спокойствие души способствовало сну сильного и здорового человека. Через несколько минут Макаров спокойно захрапел. Во сне ему снился ослепительно черный «Мерседес», на котором он стремительно мчался по грязным улицам Читы, где несколько лет тому назад проходил курсантскую стажировку...

Затея супругов Макаровых заняться с утра поиском тачки с треском провалилась. В семь часов к ним громко постучали. Александр быстро одел трусы и стремительно рванулся к двери. Через несколько мгновений перед ним появилась голова рядового Иманкулова. Посыльный, тяжело дыша, громко протараторил:

- Товарищ гвардии капитан, Вас срочно вызывает командир батальона... Он уже был в нашей канцелярии. Он ждет Вас...

Больше солдат ничего не мог сказать. Он только внимательно глядел в глаза своему командиру и ждал ответа. Тот, долго не раздумывая, как и солдат, быстро проговорил:

- Скажи майору Сивому, что я сегодня заболел и лежу с большой температурой... В роте сегодня не буду...

После этого офицер быстро закрыл дверь и в сей миг оказался в постели. Татьяна на появление посыльного никак не прореагировала. Она, как и дочка, продолжала спокойно сопеть. Через некоторое время в дверь опять постучали. На этот раз Иманкулов был чем-то или кем-то возбужден. Не успел ротный открыть дверь, как посыльный, словно заторможенный, медленно и с заиканием произнес:

- Капитан Макаров, он о-опя-ять Вас вызывает на совещание... Он меня-я убьет, если Вы, товарищ капитан, не покажетесь в роте...

В свою отличную роту командир пришел минут через тридцать и сразу же направился в канцелярию. Майора Сиволапова в ней не было. Макаров направился в штаб батальона. За несколько метров до канцелярии он приостановился и прислушался. За дверью раздавался громовой голос майора Сивого, так называли солдаты и офицеры своего комбата в его отсутствии. Солдаты, как огня, боялись своего комбата, который никогда не отличался честностью или порядочностью. Подчиненные за это ему мстили, обзывая начальника «сивым мерином». За эту кличку было не сдобровать даже и офицерам. Свидетельством этому был случай, который произошел совсем недавно. Начальник связи батальона лейтенант Гоношилов пришел в подразделение подпитым. Командир батальона, узнав об этом, в срочном порядке занялся воспитанием своего подчиненного. Молоденький лейтенант почти полчаса простоял навытяжку и с большим вниманием выслушивал нравоучения начальника. После «промывки» мозгов «литеха» быстренько ретировался за дверь. Через несколько мгновений до майора донеслось:

- Я чихал на этого Сивого и пошел он на...

Сиволапов четко услышал знаменитое русское слов из трех букв, которое во всех странах и континентах планеты Земля переводится без изменений. Майор рванул дверь и стремительно помчался за связистом, тот неспеша спускался по лестнице на первый этаж. Комбат, который был довольно низкого роста и худой, с львиной силой схватил Гоношилова за шиворот и со злостью прошипел:

- Ты, сука, еще раз услышу это, разобью тебе рожу и посажу на гауптвахту... Ты, лейтенант, меня понял?

Молодой офицер явно трухнул перед напором своего командира и в ответ ничего не мог произнести. Он быстро моргал своими глазами, только и всего. Скорее всего, молчание подчиненного было вынужденным, так как майор продолжал крепко держать Гоношилова и «воспитывать» его отборным матом. От разъяренной физиономии и мата Сивого шарахались в сторону солдаты и офицеры, которые сновали вверх и вниз по лестнице. К

построению на обед весь личный состав батальона был уже в курсе происшедшего. В этот же день, да и почти во все последующие, офицеры, собравшиеся в курилке, нередко «науськивали» виновника чрезвычайного происшествия. Лейтенант Гоношилов на офицеров не бросался и не обижался. Он только грустно улыбался, иногда даже отваживался более подробно рассказать о своем подвиге...

Отборным матом командира батальона был встречен и капитан Макаров. Сиволапов после «стружки» своих подчиненных явно приустал и поэтому «промывка» командира отличной роты длилась не так долго. Кратковременность воспитательного процесса в некоторой степени определил и сам опоздавший. Исполин с улыбкой смотрел на комбата, который был ему чуть чуть выше пупа, и молчал. Молчал не без «оснований». Перед уходом в подразделение на семейном совете было решено служить дальше тихо и не «высовываться». Татьяна и Александр на все «забили», в оставшееся время намеревались расслабиться и кое-что купить для себя. У Макаровых в Союзе и здесь каких-либо сбережений не было...

После совещания у командира батальона капитан Макаров зашел в свою канцелярию. Офицеров там не было, в каптерке не было и старшины роты. В спальных помещениях на кроватях лежало около десятка солдат, остальные куда-то исчезли. В бытовой комнате и в сушилке был беспорядок. Дневальный, вяло козырнув ротному командиру, доложил о том, что личный состав роты занимается согласно плана командиров взводов. Офицер с болью в сердце покидал свою отличную роту. Раньше в этом подразделении все и вся вертелось, двигалось и чистилось...

Прошла неделя после «гробового» совещания, наступила вторая... У «китайцев» за это время ничего существенного не произошло. Полк никакой боевой подготовкой не занимался, да и это уже было бессмысленным занятием. Все ждали приказа о выводе, его почему-то не было. Людей в погонах и членов их семей тревожило и то, что происходило на их родине, в Советском Союзе.

Особенно пристально следили они за информацией, касающейся Западной группы войск. Многие мотострелки были в недоумении, когда читали российскую печать о Советской Армии. Своеобразная святыня стала подвергаться всевозможным приемам и способам опошления, что подрывало ее боевую мощь. Особенно усердствовали всевозможные писаки газет и журналов, которые в большинстве своем не нюхали армейского пороха и не ели каши из солдатского котелка.

Определенный интерес к Советской Армии, к ее повседеневной жизни стали проявлять и средства массовой информации Федеративной Республики Германии. Западным немцам не терпелось увидеть и даже «пощупать» внуков и правнуков освободителей Европы от коричневой чумы фашизма. Летом 1989 года по приглашению западногерманской газеты «Бильд» и при содействии Министерства обороны СССР и Агентства печати Новости группа

советских военнослужащих от рядового до полковника в составе десяти человек побывала в Федеративной Республике Германии. Немцы проявили к гостям неподдельный интерес, так как многие из них видели русских солдат в последний раз только во время войны.

Капитан Макаров в составе этой группы не был и нисколько об этом не сожалел. Он прекрасно знал, что всевозможные визиты или переговоры были всего лишь проявлением бумажной дипломатии, и ничем больше. На деле же происходило совсем иное, иногда даже страшное, которое ощущали и видели офицеры и солдаты небольшого военного городка. Местные немцы все нетерпимее относились к своим друзьям, особенно «заявляли» о себе молодые люди. Днем злопыхатели боялись высунуть нос против советского военного гарнизона, вооруженного до зубов современной боевой техникой и оружием. После падения Берлинской стены кое-кто из жителей Дахбау вообще «распустил» руки. Ночью телефон у дежурного по части иногда раскалялся. Причиной этому были всевозможные вылазки местных немцев. Они иногда бросали камнями в часовых, охраняющих парк боевой техники, который находился неподалеку от опушки леса. Камни и пустые бутылки из-под пива летели и в окна офицерского общежития, расположенного в десятке метров от проезжей части улицы немецкого города. Обитателям трехэтажного особняка строго-настрого запрещалось каким-либо образом реагировать на противоправные действия немцев. Возле контрольно-пропускного пункта части нередко собирались кучки пьяной молодежи, которая горланила и пела песни на немецком языке. Частенько из толпы слышались выкрики на русском языке: «Русские свиньи - вон!» или «Русские - вокзал». Отсутствовала «дружба» и в период выезда на учебные центры. В этом убеждался также и Александр Макаров, когда его рота выезжала для выполнения стрельб и отработки тактических занятий. Во время марша кое-где из жителей населенных пунктов в колонну автомашин кидал камни и бутылки. Участились случаи воровства, порчи оборудования и техники на полигонах.

По информации руководства Западной группы войск в 1990 году со стороны немцев было зафиксировано 163 правонарушений, в 1991 году это число почти удвоилось. В 1992 году таких случаев было уже более тысячи. За 2,5 года от этих действий погибло 23 русских граждан...

Злоба и ненависть местных немцев вызывали определенную тревогу у командования ЗГВ. Всевозможные директивы и ценные указания с верхов поступали в части практически каждый день. Кое-что «свеженькое» давали и офицеры КГБ. Все сводились к одному - к повышению уровня боевой готовности и укреплению дисциплины. Командир мотострелкового полка майор Слюньков с большим усердием все это доводил до своих подчиненных. Он, дабы обезопасить свою персону от всевозможных чрезвычайных происшествий, довольно часто «садил» офицеров на казарменное положение. Они на это реагировали по-разному. Большинство из них по ночам усердно спали в канцеляриях на солдатских матрацах, кое-кто пил водку или резался в карты. Под особый контроль

командира и его заместителей были взяты холостые офицеры и прапорщики, которые, как любил повторять плешивый, «могли занести семя интернационализма в чрево местных блядей». Из-под командирского ока не выпадали также и семьи военнослужащих, имеющие знакомства или связи с местными жителями. Кое-что «добавляли» и сами командиры подразделений. По приказу майора Сиволапова вокруг казармы в дневное время «дефилировали» два дневальных со штык-ножами. Ночью выставлялись две пары дневальных, которые меняли друг друга через два часа.

Особой заботы требовали дети и жены военнослужащих. До падения Берлинской стены представительницы слабого пола умудрялись в день пронестись по магазинам городка Дахбау по нескольку раз, не отставали от родителей и взрослые дети. Это удавалось делать без всяких проблем. Официальная информация и всевозможные слухи о недоброжелательном отношении немцев к русским, и даже об убийствах военнослужащих, вызывали неподдельный страх у обитателей советского гарнизона. Кроме водителя и старшего автобуса к старшеклассникам, которые учились в школе соседней части, был прикреплен еще один прапорщик. Большинство жен вынуждено было посещать немецкие магазины в сопровождении мужей. Законом для них была также отметка в журнале на контрольно-пропускном пункте части. Командиры регулярно информировали вышестоящее начальство не только о положении дел в своих подразделениях, но и о том, как живут женатые и холостые офицеры, как они проводят свое свободное время...

Рядовой Кузнецов в медсанчасть «прибыл» своим ходом. Молва о жестоком поражении молодого, но очень перспективного боксера, дошла и досюда. Сотоварищи по палате по-разному реагировали на поражение сибиряка. Дембель Петька, родом из Украины, советовал после армии идти в бокс, так как сейчас для выбивания денег на гражданке нужна только сила. Хусна, так почему-то прозывали в палате рыжего сержанта, имел другое мнение. Он призывал Александра вообще «прикончить» этот бокс, на такого «слона» вряд ли кто поднимет руку. Природная сила и высокий рост молодого пациента вызвали определенную симпатию и у врачей. Начальник отделения, майор медицинской службы после осмотра поступившего весело произнес:

- У тебя, боксяра, думается, просто-напросто легкое сотрясение челюсти и только всего...

Увидев изумленное лицо солдата, который почему-то не мог понять свой диагноз, офицер шепотом добавил:

- Рядовой Кузнецов, Вы не переживайте, все будет в порядке... От таких ударов никто еще не умирал и думаю никто не умрет...

«Болезнь» новенького протекала без всяких осложнений, врач переломов в челюсти не обнаружил. Больной каждое утро получал какие-то таблетки и пилюли. От чего или против чего они были, солдат не знал. Спрашивать же что-либо по поводу своего лечения он не стал, считал не нужным занятием. Жизнь в медсанчасти для побежденного казалась

настоящим раем. В палате все было чисто и удобно, в постели еще лучше. Здесь не было ни стариков, ни строгих командиров. Майор, облаченный в белый халат, каждое утро делал обход. Офицер Кузенцову задавал практически один и тот же вопрос:

- Ну, салага, когда будешь побеждать кубинца Стивенсона? Или ты еще об этом кубинце даже ничего не знаешь?

Пациент на вопрос майора ничего не отвечал, он просто-напросто молчал. Молчал по причине того, что об этом кубинце абсолютно никакого понятия не имел. Да иногда и не до этого было. Его голова сейчас была «напичкана» совсем другим. Пребывание в медсанчасти пополняло «котелок» сибиряка куда больше, чем пребывание в казарме. Кузнецов каждый день, а то и каждый час обогащался информацией, которая доселе ему была неведома. Основным «светилом» в этом плане был прапорщик Чернов, который находился на лечении уже больше месяца. Старожил был очень низкого роста. Его, наверное, и в армию взяли в порядке исключения. Однако защитник Родины на это не реагировал. К этому «великану», которому было чуть за тридцать лет, как ни странно, тянулись все обитатели палат. Мужчина с копной густых черных волос притягивал буквально всех, как магнит. Не исключением был и начальник отделения. Именно от прапорщика Чернова молодой боксер очень многое узнал из жизни Германии. И все это будоражило ум солдата, который с открытым ртом слушал о том, как «прапор» посещал немецкие гаштедты и ходил на «блядки». Сибиряк-исполин, глядя на этого человека, почему-то не мог себе представить его с местной немкой в постели или сидящего в немецком культурхаусе. Сомнения Александра во всевозможных способностях бывшего водителя из автомобильной роты постепенно рассеивались, рассеивалсь с каждым днем. После обхода врачей Чернов через час или того меньше исчезал в неизвестном направлении. Попытки верзилы найти общепризнанного весельчака и балагура, как правило, заканчивались неудачей. Прапора не было ни в палатах, ни в курилке и ни на улице. Он появлялся только к вечеру, к ужину. Самовольщик, одетый в синюю пижаму и штаны, быстро и легко садился за свой стол и начинал сразу же рассказывать о своих похождениях по немецкому городу. Буквально через несколько мгновений за столом раздавался громкий смех. Двое офицеров, сидящие за столиком вместе с прапорщиком, иногда так громко смеялись, что Кузнецову невольно хотелось что-либо из веселых историй услышать. Он неоднократно вытягивал свою шею к противоположному столику. Как правило, до его уха доходили лишь крупицы анекдота или какого-то похождения. И причиной этому служил презрительный взгляд майора-автомобилиста. Однажды несостоявшийся чемпион дивизии по боксу чуть было от своего любопытства не пострадал. Офицер, увидев полусогнутое положение молодого солдата, резко повернулся в его сторону и громко произнес:

- Ну, ты, любопытная обезьяна!.. Что ты, боксер, глаза выпучил? Или забыл, как на кухне картошку чистить? Я могу тебе в этом отношении быстро помочь...

Любопытный мгновенно «поставил» все части своего тела на прежнее место и густо покраснел. С этого момента Кузнецов старался больше не поворачивать голову в сторону соседнего стола. Автомобилист выписался через неделю после строгого замечания в адрес солдата. Вскоре выписали и другого офицера, который был соседом Чернова. В этот же день прапорщик пригласил боксера к себе за стол. Солдат сначала отказывался, столик предназначался для офицеров. Сопротивляться было бесполезно. Чернов быстро встал из-стола и стремительно подошел к Александру. Затем схватил его за руку и еле слышно прошептал:

- Ты, земеля, не стесняйся, бери от этой жизни все то, что можешь взять... Неужели ты еще не понял смысл человеческой жизни? Такой большой, однако еще и глупый...

Выслушивать философские размышления старшего по возрасту и по званию рядовой Кузнецов дальше не стал. Он поспешно засеменил за прапорщиком и послушно сел за столик.

Общение с Черновым в корне изменило дальнейшее пребывание Александра в медсанчасти. И об этом он нисколько не сожалел. Коротыш оказался земляком начальника отделения. Майор и прапорщик были родом из одной деревни в Кустанайской области. Начальник закрывал глаза на все, что творил его земляк. Делал тот не по уставу довольно очень многое. Чернов, одеваясь в спортивный костюм, в любое время мог разгуливать по городу или заходить во всевозможные забегаловки. Иногда он успевал съездить в свою воинскую часть и забежать в офицерское общежитие, в котором жил. Нередко он приносил и спиртное, которое поглощалось вечером при участии майора-автомобилиста и старлея-минометчика. Узнав об этом, Кузнецов громко рассмеялся. Никто из больных не мог, конечно, и подумать о том, что в небольшом чайнике вместо компота было пиво или другое спиртное. Двое офицеров и прапорщик спокойно сидели за столом и травили анекдоты, одновременно не забывали и «чай» попить.

В первый же вечер пребывания за столиком Александр кое-что узнал из биографии своего неожиданного кумира, которая в прямом смысле его обворожила. Нравилась ему и манера поведения старшего товарища. Во время беседы прапорщик выставлял свой указательный палец в сторону слушателя и тараторил как из пулемета. Иногда он этим пальцем тыкал в плечо сидящего, притом очень сильно. Кузнецов на эти странности не реагировал, так как информация Чернова была очень интересной. Гость в первый вечер к чайнику не прикоснулся, несмотря даже на приказной характер увещеваний прапорщика. На второй вечер боксер сдался. Немецкое пиво Кузнецов пил впервые в своей жизни, оно ему очень сильно понравилось. Этот пенистый напиток сильно отличался от того, который он пил в районном центре, когда учился. У него тогда и сейчас было желание плотно «осесть» в каком-либо кабаке, но не было денег.

После столовой мужчины спокойно перешли через КПП медсанчасти и сразу же оказались

в городе. Заметив удивленное выражение солдата, Чернов улыбнулся и сквозь зубы процедил:

- Ты, боксер, не бери все это в голову. Советам сейчас не до контроля... Им скоро всем грозит вокзал и дом родной... Я хожу через КПП в моей части без проблем тогда, когда мой знакомый на дежурстве. Ведь он также не против того, чтобы вечером с молодой женой раздавить лишний пузырек немецкого пива. И здесь в нашей богадельне такие же люди... Для всех скоро лафа кончится... Здесь я не хочу моего земляка подводить... Ему и так не очень везло в этой жизни и в службе...

Кузнецов невольно опустил голову, чтобы лучше разглядеть физиономию своего старшего товарища, и так же неволько спросил:

- А что у нашего майора есть какие-то проблемы? Он ведь еще вроде молодой и как-никак майор... У нас вот в батальоне начальник штаба только майор и на следующий год уходит на пенсию...

Услышав первые самостоятельные рассуждения своего нового сотоварища по столу, Чернов кисло улыбнулся и тихо проговорил:

- Эх, салага! Я вижу у тебя в голове только деревенские рассуждения о том, сколько литров молока дала Буренка или сколько булок хлеба твоя мать купила в магазине, чтобы живот не сводило... А человечество уже давно по другим законам движется и уже очень давно не хочет один только кусок хлеба жевать...

После этих слов прапорщик опять кисло улыбнулся и прибавил шагу. Минут через пять коротыш и стройный верзила оказались в небольшой забегаловке, которая находилась на берегу реки Эльбы. Чернов быстро сел за столик и громко ударил костяшками своей руки по столику. Что это означало Александр так и не понял. Через пару минут подошел официант и принял заказ. Солдат впервые в своей жизни слушал, как советский военнослужащий говорил на немецком языке. Хотя он и ни слова не понял, однако ему казалось, что Чернов в совершенстве знает немецкий язык. Да и сам «маленький», заметив восхищение собеседника, решил его опередить. Отложив меню в сторону, прапорщик весело засмеялся и по-детски прошепелявил:

- Ну, ты бок-сер, боксишка, ты меня в очередной раз удивляешь... Эти три слова, да и три предложения у нас по наследству передаются... Ты думаешь, что местные немцы нас не могут разгадать... Ты, дружище, сильно ошибаешься. Они нас по стриженым затылкам, да и по нашим мордам еще издали определяют. Раньше они нас ох как обхаживали, а сейчас хрена... Они поняли, что скоро мы уйдем и уйдем навсегда, исчезнем безвозвратно...

Дальше Чернову что-либо говорить уже не пришлось. Официант принес два бокала пива, небольшой целлофановый пакет и мило раскланялся. Коротыш сразу же прикоснулся ладонью к бокалу, пиво было прохладное. Он с удовольствием крякнул и поднес свой бокал к бокалу Александра. Затем громко произнес:

- Эх, земеля, давай чокнемся и выпьем за нас с тобою... Я ведь, мой братуха, очень счастлив тем, что побывал на этой земле. Ведь только здесь я увидел, как люди живут и как можно жить...

Чернов поднес бокал к губам и сделал несколько глубоких глотков. Примеру своего старшего товарища и наставника последовал и Кузнецов. Крепкое и прохладное пиво мгновенно ударило в его голову. Какой-то неожиданный прилив силы и смелости пронзил его молодое и сильное тело. Затем мужчины принялись уплетать за обеи щеки тонкую соломку, которая была очень соленой и одновременно необычайно вкусной. Верзила усиленно толкал соломку в рот и так же усиленно двигал челюстями. Все это на какой-то миг ошарашило прапорщика, он мгновенно схватил собеседника за руку и пробормотал:

- Ну, салага, остановись... Ты, земеля, что с Луны свалился или пришел с необитаемого острова?... Мы так с тобою все быстро выпьем и будем сидеть, как буки... Ты, салага, вот посмотри на этих милых немцев, которые сидят ради одного глотка пива целый вечер и о чем-то парашу ведут... Делай и ты, как они...

Кузнецов сразу же быстро покраснел и повел глазами по сторонам. За столиками сидело около десятка посетителей и тихо о чем-то разговаривали. В голову Александра пришла также мысль о том, что за пиво и соломку надо платить. В кармане его пижамы, да и в палате у него не было ни пфеннига, не говоря уже о марках. Солдат низко опустил голову и замолчал. Такое примерное поведение высокого парня Чернова не только обрадовало, но и рассмешило. Он опять взял его за руку и по-дружески успокоил:

- Ты и вправду очень исполнительный, и даже честный. Давай обо всем этом мигом забудем. Ты вот лучше послушай про нашего майора. Удальцов ведь мужик-то башковитый. Служил в Монголии, через пару шагов от нашей границы. Молодой лейтенант в то время холостяковал, многих монголочек попортил. К нему приходили даже сами мужики и просили, чтобы он переспал в постели с их женами. Всем уж больно русские нравились... Наш начальник влюбился по-настоящему чуть позже, влюбился в дочь местного партийного чиновника. Сам чиновник держал в женах русскую бабу, на которой женился еще во время учебы в Москве. Мужик был страшный, но жену себе выбрал красивую, которая больше всего проводила время в столицах. Мой же земеля втрескался в метиску, как банный лист. Да и та была не против брака с молодым офицером, который все свои тугрики тратил на подарки красавице. Он успел ее даже трахнуть...

После сказанного Чернов почему-то весело засмеялся и сделал глубокий глоток пива. Затем, посмотрев на противоположный столик, за которым сидела красивая немка с очень пожилым мужчиной, со вздохом произнес:

- К сожалению, дальше у нашего майора все пошло набекрень... Папаша красавицы не горел большим желанием отдавать свою дочь за стройного, но нищего советского офицера. У старика были свои планы. Он горел желанием поженить дочь на немце из

социалистической Германии, который в их краях искал воду. Немец был довольно полноватый и рыжий, как веник, но без всякого сомнения богаче лейтенанта. Сам партийный босс к офицеру в общагу не заходил и к себе на ковер не вызывал. Все и вся за всех решил начальник политотдела соединения. После назидательного разговора и ценных указаний полковник стукнул по столу и грозно произнес:

- Лейтенант, не забывай о том, что на территории социалистической Монголии мы должны выполнять свой интернациональный долг, а не плодить детей...

Удальцов, стоящий навытяжку перед начальником, попытался было заикнуться:

- Товарищ полковник, я ведь люблю эту девушку, она же ведь русская, да и имя ее Таня...

Непонимание ценных указаний со стороны подчиненного вывело политработника из себя. Он топнул ногой и строевым шагом подошел к огромной карте, которая висела в его кабинете напротив стола. Начальник повернулся на сто восемьдесят градусов лицом к трудновоспитуемому, и ткнув пальцем вниз карты, со злостью пробурчал:

- Товарищ жених, а может Вас направить, правда без невесты, сюда, где нет красивых баб.... Здесь, в этих песках и сопках тебе будет не до женщин...

Молодой медик чуть-чуть наклонил голову в сторону карты и замолк. Замолк не из-за боязни или трусости побывать в самой глубокой «дыре» прославленного Забайкальского военного округа. Он сейчас понял, что его любимая Татьяна никогда не станет его женой. Устои партноменклатуры, устои Советской Армии никогда не дадут ему это сделать. Несостоявшийся жених тяжело вздохнул, вытянулся и привстав на носках глаженых сапог, громко произнес:

- Товарищ гвардии полковник, я Вас понял... Все будет исполнено...

Политработник, увидев преданное лицо медика, весело улыбнулся и неспеша подошел к офицеру. Затем легонько ударил его по плечу и прошептал:

- Это очень хорошо, что товарищ Удальцов правильно понимает политику нашей партии и Советского правительства... Я очень рад, что в этом есть и моя доля...

Полковник от удовольствия стал потирать свои руки, затем, как бы вскользь, с ухмылкой добавил:

- Я знаю, что в вашей части свободная одна только повариха, однако надо терпеть или везти свою жену...

Удальцов в ответ ничего не сказал. Крепко стиснув зубы, он щелкунул каблуками сапог и быстро вышел из кабинета...

Рассказчик на некоторое время замолк и опять пригубил бокал с пивом. Сделал глоток и слушатель. Ему не терпелось узнать, что же дальше произошло с молодым лейтенантом Удальцовым. Кузнецов уставился на Чернова и ждал продолжение захватывающей истории. Тот с ответом не торопился, продолжал молчать. Лишь после того, как прапорщик опорожнил бокал и заказал еще пару пива, он с улыбкой произнес:

- Ну, а дальше?... Мой земеля остался на бобах... Через полгода в самом Улан-Баторе состоялась свадьба, еще через полгода немец с монголкой уехал в ГДР. Сейчас они живут где-то в Дрездене. Возможно, наш шеф знает ее адрес, а может и нет... Одно скажу точно. После Монголии наш медик служил в Сибири, затем за взятку попал сюда...

Ночь после первого за все время службы «самохода» рядовой Кузнецов не спал. Гражданка, тем более немецкая, заставила его сейчас многое переосмыслить. Та жизнь, которую он прожил раньше, казалась ему почему-то непонятной. В родной Найденовке он жил и вроде не тужил. Учился так себе, лишь бы отбыть номер, дабы и от родителей не влетало. Из его деревни никто великим или богатым не стал. Все девчата и ребята в основе своей «дотягивали» до медучилища или ПТУ. Александр силился вспомнить хоть кого-либо из односельчан, кто поступил в институт или в военное училище. Таковых в его голове не оказалось. Молодой верзила строго жил нравами и устоями своей малой родины. Он так же, как и все ребята, ходил по единственной улице и в магазин за бормотухой. Так же, как и все, в клубе дергал девчат за косы. Так же, как и все, отлынивал от работы, особенно летом, когда палило солнце за тридцать градусов. Что творилось за пределами деревни или в Омино, в других городах большой страны ему было по одному месту. Он так же, как и все односельчане, с восхищением смотрел военный парад в Москве. У него, как и у большинства ему подобных, пробегали мурашки по спине, когда он внимательно разглядывал портреты серьезных и умных членов Политбюро ЦК КПСС, которые висели в сельском бибилиотеке на самом видном месте... О каких-либо заморских деликатесах молодой повеса так же не мечтал. Да их он и не мог представить. В сельском магазине был всего лишь один сорт самой дешевой колбасы, да и серый хлеб, которого довольно часто не оказывалось уже к вечеру, а то и к обеду. Ливерку разбирали в один миг... Здесь же жизнь была совсем иной...

Очередная вылазка в город с Черновым произошла буквально на следующий день. Да и начиналась она, как казалось Александру, с шиком на всех уровнях. «Самоход» опять произошел по инициативе прапорщика, который почему-то таинственно и загадочно смотрел на своего подопечного еще во время завтрака. Лишь после того, как мужчины вышли из столовой и присели на скамейку, чтобы содержимое солдатского завтрака спокойно улеглось на «дно морское», Чернов выдал свой секрет. Он, слегка ударив молодого друга по плечу, заразительно засмеялся и тихо произнес:

- Ну, салажонок, сегодня мы погуляем, как настоящие люди. Мне завтра уже выписываться. Да и мне, честно говоря, уже порядочно надоело здесь тюльку травить... Я хоть и холостой, однако тоже человек, и хочу кое-что из настоящих шмоток и вещей вывезти из этой страны... А на это надо время...

Через час через КПП вышли двое мужчин, оба были в спортивных костюмах. Один, который был значительно выше другого, нес удочку и сумку. Через минут десять друзья оказались на

железнодорожном вокзале. Кузнецов с огромным любопытством разглядывал все то, что его окружало. Особенно ему нравились сверкающие чистотой поезда, которые при подходе к станции Фельдхаус оглушительно скрипели тормозами. Из вагонов выходили пассажиры, в большинстве своем одетые по-летнему. Александр, медленно прогуливающийся по перрону, иногда пристальным взглядом провожал молодых девушек, которые словно стрекозы, легко спрыгивали с подножек вагонов и тотчас же растворялись в многоликой толпе. Александру было не по себе, когда он видел красивых и стройных немок. Чернов, заметив пожирающие взгляды верзилы, специально его злил:

- Завтра скажу начмеду, чтобы он тебе один большой конец отрезал, а то мне еще влетит за разврат молодого салаги... Ты меня слышишь, Санька?

Санька, конечно, все это слышал, но не реагировал. Салаге уж больно сильно нравились некоторые немочки, за которыми ему хотелось ухлестнуть. Ему сейчас даже казалось, что они и сами от него без ума. Однако в голову солдата через несколько мгновений приходили другие мысли, притом довольно страшные. Он на миг представлял суровое лицо ротного командира и его талмуд, в котором стояла подпись стрелка-зенитчика, что он проинструктирован о примерном поведении в период пребывания в немецком городе. За плохие дела виновного по голове не погладят...

Вдохнув глоток гражданской жизни и «понюхав» женский запах, самовольщики направились к реке. Чернов, как и Кузнецов, впервые в своей жизни намеревался ловить рыбу и естественно никакого понятия не имел в этом «ремесле». Друзья, дабы не «засветиться» перед военными патрулями, выбрали место на изгибе Эльбы, где было больше кустарников. Затем они неспеша расстелили на берегу солдатское одеяло и разделись. Увидев добротные плавки на своем наставнике, Кузнецов как можно повыше закатал свои черные солдатские трусы. Николай, так звали прапорщика, в ответ на это только улыбнулся и пошел закидывать удочку. Начинающие рыболовы просидели на берегу больше часа, рыба не ловилась. Александр начал нервничать. Ему не верилось в то, что в этот солнечный день, да еще в немецкой реке не будет ловиться рыба. Из разговора офицеров своей роты, да и батальона, солдат знал о том, что в Эльбе есть много рыбы. Прошел еще час. Рыба клевала, но поймать ее на крючок никак не удавалось. Никто из рыболовов не возмущался, каждый грешил на свою неопытность. Свидетельством этому явился мальчишка-немец, который сидел неподалеку от них и на зависть взрослым довольно часто вытаскивал из воды рыбу.

Прошел еще час, улова все не было. Такой «успех» в конце концов разозлил Чернова и он, тяжко вздохнув, смиренно произнес:

- Кузнецов, кидай эту удочку к черту лешему... Мне уже надоело насаживать червяков и тесто на крючок... Лучше пойдем в гаштедт и смочим горло... Да и у меня уже живот сводит... У тебя, наверное, тоже?

Александр на предложение Николая никак не реагировал и продолжал со злостью смотреть на удочку, которая без всякого движения лежала в воде уже минут двадцать. Не прореагировал солдат на предложение Чернова и тогда, когда тот его легонько хлопнул по плечу. Он опять продолжал внимательно глазеть на удочку. Лишь после того, как наставник смачно выругался, рыболов привстал и лениво пробурчал:

- Братан, ты ведь не знаешь даже о том, что у меня за душой нет ни копья... Для меня эта забегаловка ничего не значит...

Прапорщик в ответ засмеялся и весело произнес:

- Эх ты, салага! Санька, ты думаешь, что я такой глупый и наивный... Мне и без тебя ведомо, что у советского солдата в кармане ничего нет. Мои капиталы тоже давно поют романсы. Ты ведь не знаешь, почему я здесь долго торчу. Торчу по причине того, что у меня голова немного автомобилем пахнет. Майор в этой технике вообще ничего не волокет... Я езжу вместе с земелей к немцам и ищу ему авто... Вот он и немного мне подбрасывает. Где он эти марки берет, мне неведомо, да и зачем мне все это. На пиво есть, бабу у себя в части я имею...

От места дислокации рыболовов до немецкого гаштедта было метров пятьсот, не больше. Кузнецов невольно залюбовался небольшой деревянной постройкой, которая была в прямом смысле втиснута в сосновый лес и находилась в метрах пяти, а то и меньше, от реки. Самовольщиков поразила тишина в довольно просторном помещении, которое было перегорожено на две половины живыми цветами. Часть из них находилась в специальных высоких подставках, часть свисала из небольших горшочков, которые были прикреплены к потолку. За столиками было не так уже и много посетителей. На вошедших, как показалось Александру, никто внимания не обратил. Официант, это был довольно толстый мужчина с загорелым лицом, лениво подошел к столику. Заказ был не очень сложный. Минут через пять к русским на столик поставили два бокала пива и две сосиски с булочками. От приятного запаха у Александра потекли слюньки, он уже давно хотел кушать и пить. Едва рыболовы прикоснулись к пиву, как позади их раздался истошный, несколько дрожащий голос:

- Русс, швайне, раус, раус...

Русские невольно оглянулись назад и увидели в самом углу помещения небольшого роста мужчину. На вид ему было лет тридцать, а может и даже больше. Он сидел за столиком один и потягивал пиво из небольшого бокала. Рядом с ним на полу сидела огромная собака с уродистой мордой. Кузнецов никогда не видел такую псину и поэтому не напрягал свои мозги к какой породе отнести это довольное мощное животное. Самовольщики от истошного крика немца и от его страшной собаки на некоторое время даже опешили. Особенно трухнул Александр. Ему не верилось в то, что немцы ГДР могут так по-наглому выгонять его из питейного заведения, которое он посетил впервые в своей жизни. Верзила чихал на это

заведение и на этих немцев, если бы его, как и сотни тысяч других молодых ребят, не призвали на защиту завоеваний социализма.

Первым из оцепенения вышел Чернов. Он медленно встал из-за стола и со своей «высоты» презрительно посмотрел на немца, который, словно заводной, продолжал кричать:

- Русс, швайне, вег, раус...

Прапорщик, скорее всего, решил показать свою гордость и независимость перед немцем, рыжая борода которого чем-то напоминала болотную кочку. Николай, сильно сжав плечо своего собеседника, громко по-русски произнес:

- Санька, я еще возьму пачку сигарет назло этому уроду... Пусть знает то, что его никто не боялся и никогда не будет бояться...

На некоторое время наставник армейского салаги замолчал и все смотрел то на немца, то на его большую псину. Затем слегка хлопнул рукой по плечу верзилы и тихо произнес:

- Кузнец, давай собирай наш провиант, на свежем воздухе будет лучше аппетит...

Затем Чернов решительно направился к ресторанной стойке за сигаретами. Посетители пивнушки на инцидент никак не прореагировали, все сидели и молчали. Замолчал и крикун.

Произошедшее в летнем ресторане на берегу Эльбы глубоко запало в душу военнослушащих, им было уже не до рыбалки. Однако нервный стресс не помешал мужчинам утолить голод. Они с громадным удовольствием за один присест расправились с ресторанными остатками. Кузнецову нравилась горчица, которую он намазывал на сосиску. Стараясь продлить удовольствие, он маленькими кусочками откусывал колбасу и с наслаждением ее проглатывал. Молодому солдату Западной группы войск сейчас казалось, что такой колбасы он никогда в своей жизни не кушал. Неудачливые рыболовы, сидящие на берегу немецкой реки, в этот день очень многое переговорили. В медсанчасть они пришли очень поздно, в палатах все уже спали.

Прапорщик Чернов выписался на следующее утро. Во время завтрака он в последний раз покушал и крепко сжал руку великана. Затем молниеносно встал, и поправив свой китель, строго по-военному произнес:

- Прощай, гвардии рядовой Кузнецов, однофамилец прославленного советского разведчика и не поминай меня лихом... И еще хочу тебе сказать. Не забывай все то, о чем мы вчера весь день гутарили...

От волнения военный неожиданно поперхнулся и громко закашлял, затем стремительно выбежал вон. Чернов вернулся назад минут через пять, неся в своих руках боксерские перчатки. Крепко обняв Александра, он протянул их оторопевшему солдату.

- Саша, бери эти боксерские перчатки... Это тебе подарок от ме-ня и от на-ше-го начальника, - нараспев проговорил он. - По этому поводу я хочу сказать тебе, мой салага, следующее... Меня Бог мощью обидел, тебя же вознаградил. И поэтому запомни одно... Бей

по морде сильно тем, кто этого заслуживает. Одновременно не обижай тех, кто еще не стал дерьмом... Не обижать слабого - в этом есть сила и достоинство сильных людей... Не забывай об этом никогда и нигде...

После этих слов Чернов еще раз похлопал своего молодого друга по плечу и помахал рукой всем тем, кто сидел в столовой. Через несколько мгновений балагур и весельчак исчез за дверью...

Прощание с Черновым очень больно затронуло душу сибиряка. Ему никогда еще в жизни не было так тяжело расставаться с человеком, которого он узнал по-настоящему только вчера, когда ходил в «самоход». К сожалению, самоволка не обошлась без довеска приключений. Почти целый день Александр слонялся по территории небольшого военного городка. Здесь все было так же, как и в мотострелковом полку, который он покинул три недели назад по «техническим причинам». Во время бесцельного шатания голову молодого солдата посещали разные мысли. Однако он практически ежеминутно воспроизводил в памяти все то, о чем вчера его поучал наставник, который только-что покинул медсанчать. Именно благодаря Чернову, он делал попытки совсем по-иному смотреть на этот мир, который до сих пор в основе своей ему казался чистым и радужным. Александр, размышляя над этим, одновременно восхищался умом простого человека, который был всего-навсего на десять лет его старше...

Приключение в пивной забегаловке на нет свело рыбные страсти прапорщика Чернова. Он даже не прикоснулся к удочке, которая продолжала мирно маячить на берегу реки. Николай весь «кипел» и давал простор своим мыслям:

- Я год назад с этими немцами по городу ходил, когда они отмечали свое сорокалетие. Все улицы и площади были увешаны флагами ГДР и Советского Союза. Все и вся кричали: «Фройндшафт-Дружба»... И я кричал... Я думаю и этот рыжий плюгавый орал во все горло... Сейчас почуяли, что мы уходим, решили на нас грязь лить...

Кузнецов в поток всевозможных мыслей и высказываний своего старшего наставника не вмешивался. Он лишь иногда внимательно смотрел на живой «самовар», порою поддакивал, довольно часто опускал голову вниз, словно провинившийся школьник. Чем больше Чернов «кипел», тем больше мотал себе на ус его подопечный о жизни ЗГВ и о ГДР.

Именно в этот вечер на берегу Эльбы молодой солдат впервые услышал от наставника и о советских солдатах-дезертирах, которые почему-то покидали воинские части, кое-кто покидал даже с оружием в руках. Информация об этом в некоторой степени испугала сибиряка. Ему не верилось в то, что в каком-то полку из батальона убежал молодой капитан, прихватив с собою автомат и пистолет. Ведь над этим офицером не могли издеваться старослужащие солдаты! Беглый офицер раньше, конечно, имел больше возможностей, чем простые солдаты, по-настоящему посмотреть гражданскую жизнь обитателей немецкого города, да и всей Германии...

С этими довольно «мутными» мыслями больной засыпал. Рядового Кузнецова выписали ровно через месяц после того, как он открыл дверь медсанчасти. Майор Удальцов после оформления соответствующих бумаг лично пригласил солдата к себе в кабинет и по-дружески посадил его за стол. Затем, полистав историю его болезни, весело произнес:

- Ну, я вижу, что ты сейчас в полном здравии... Это очень прекрасно... Я мог бы тебя еще пару деньков подержать... Ты парень спокойный и вроде не дурак... Но увы, браток, служба... Она требует не только отличной стрельбы, но и больше больных...

На реплику офицера солдат никак не прореагировал, он просто молчал и улыбался. На прощание медик крепко пожал руку Александру и тихо произнес:

- Ну, земеля, чеши домой... Да, тебе большой привет от Чернова...

К обеду Александр был уже в своей части. В его солдатском рюкзаке, который ему выделил Удальцов, были одни только боксерские перчатки, бесценный подарок от прапорщика-автомобилиста и майора медицинской службы.

За время отсутствия рядового Кузнецова в мотострелковом полку произошли перемены, притом очень большие. Это он увидел и почувствовал, как только переступил порог контрольно-пропускного пункта. Стрелок-зенитчик не узнавал своих коллег, которые ровно месяц назад передвигались по городку в составе отделений или маленьких групп, ходили только строевым шагом. Сейчас перед ним были совсем другие солдаты, которые в прямом смысле бродили перед дежурным по части, словно военные строители. У многих ремень висел до «пупа», кое-кто из них плевался. Аналогичная картина была и возле входа в казарму первого мотострелкового батальона. Часть солдат сидела на крыльце и курила, кое-кто лежал на лежаках неподалеку от спортивного городка и резался в карты. До некогда больного то и дело доносилась матерная брань.

Двухметрового боксера первым заметил рядовой Ильясов из соседней минометной батареи, батарея располагалась на одном этаже с мотострелками. Оскалив зубы, минометчик громко закричал:

- Братва, нашего полку прибыло... Наш боксер из санчасти прибыл!.. Земеля, дай лапу...

Зеваки в военной форме на появление боксера никак не прореагировали. Этим решил и воспользоваться Кузнецов, который вместо протянутой руки показал «земеле» обыкновенный кукиш и сквозь зубы процедил:

- Пошел ты, говно, чтобы еще после тебя руки мыть...

Поиски офицеров или старшины роты для пришельца оказались безуспешными, из местного начальства никого не было. Не оказалось в подразделении и дежурного по роте. Дневальный, который восседал на тумбочке и внимательно читал письмо, вяло пробубнил сослуживцу:

- Ну, ты, салага, иди в кубрик и жди обеда... У нас сейчас везде покой и дембель... Скоро мы уносим ноги в родные края... Правда, куда и когда, нам неведомо знать...

Только вечером после отбоя в курилке Александр по-настоящему вник в суть бардачной жизни в части. Их мотострелковый полк одним из первых покидал Германию, в этом уже никто не сомневался. Неведомы были лишь сроки погрузки в эшелоны и время их отправки. Для многих солдат вывод был большой неожиданностью, в их стан попал и боксер. Ему никак не хотелось покидать благополучную страну. У него невольно появилось желание еще много-много раз побродить по чистым немецким улочкам, попить прохладного пивка и скушать пару сосисок. Эта страсть у верзилы удесятерилось после того, как он с Черновым глотнул воздух гражданки. И не только поэтому. Дала «чаду» солдату и новость, что из ихнего полка сбежали два дембеля, которые попросили политическое убежище у местных властей. Правда это было или нет, никто в курилке лично не брался утверждать или оспаривать. К числу сомневающихся относился и Кузнецов. Он прекрасно знал, что солдатское «радио» не так уже и многое может знать. У командира третьего взвода, который был ответственным по роте, Александр постеснялся что-либо уточнить. Офицеру, наверное, было не до вопросов от солдата. Лейтенант был чем-то расстроен и сразу же побежал домой, как только прозвучала команда дежурного по роте: «Рота! Отбой!».

Встреча чемпиона соединения по боксу с проигравшим состоялась после обеда на следующий день. Капитан Макаров с нетерпением ожидал своего побежденного ученика. Не успел еще Кузнецов присесть на скамеечку в курилке, как к нему подбежал дежурный по роте сержант Никодимов и приказным голосом протараторил:

- Кузнец, тебя ротный вызывает к себе на ковер... Давай чеши к нему быстрее, он сегодня опять не в духах...

В том, что дежурный точно «унюхал» плохое настроение своего ротного командира, Александр определил сразу. Капитан на стук в дверь никак не прореагировал и продолжал читать за столом газету «Красная звезда». Лишь после того, как стройный верзила двухметрового роста начал печатать шаг по паркету и приближаться к столу, офицер поднял голову и тихо промямлил:

- Ну, наконец-то и боксер Кузнецов прибыл... Я думал ненароком о том, что ты куда-нибудь сбежал... Сейчас немцы только о том и говорят, что в их лесах скрываются десятки тысяч советских солдат с оружием и все грабят...

Кузнецов лихо приподнес ладонь к виску и весело отчеканил:

- Никак нет, товарищ капитан... Я хочу честно служить нашему Отечеству и нашей армии...

Офицер вновь на несколько мгновений уткнулся в газету. Затем откинулся на спинку стула, и постучав костяшками пальцев по столу, с оживлением заметил:

- Ну и хорошо, что мой земляк никуда бежать не собирается... Он полон решимости защищать свой родной и неродной очаг...

Разговора по душам между солдатом и офицером на этот раз не получилось. Подчиненный не был даже приглашен присесть за стол и продолжал стоять по стойке «смирно» перед

начальником. Каждый из них чувствовал эту отчужденность и не предпринимал что-либо сделать для начала доверительного разговора, который состоялся между ними почти совсем недавно. Солдат, глядя в глаза своего командира, уже не видел в них тех огоньков задора и уверенности, которые были у него раньше. Он сейчас даже несколько боялся холодного и безразличного взгляда своего земляка. Кузнецов, рассказывая командиру о месячном пребывании в медсанчасти, многое утаил. Он ничего не сказал о прапорщике Чернове, который учил его жизненному уму-разуму. Да и офицер не настаивал на поиске причин столь длительного пребывания подчиненного за пределами части.

Пролетели еще два месяца армейской службы. Стрелок-зенитчик за столь короткое время прилично возмужал и раздался в плечах, даже на пять санитиметров подрос. Александр очень гордился тем, что матушка -природа дала ему отличную фигуру и симпатичное лицо. Он довольно часто мелькал перед ротным командиром и мысленно сопоставлял себя с великаном. На неоднократное появление своего земляка офицер никак не реагировал. Скорее всего, капитан Макаров никого не хотел замечать. Его подчиненные также понимали, что с их командиром что-то творится неладное и тревожное. Все знали, что он довольно долго «сидит» на роте. Кое-кто причиной равнодушного отношения к службе некогда служивого офицера считал неожиданный вывод полка в Советский Союз. Аналогичное отношение к службе было у большинства офицеров и прапорщиков. Солдатам этот вывод каких-либо планов на сытное будущее не ломал, они эти планы и не строили. Все четко знали неписаный закон армии: солдат спит - служба идет. Для каждого из них дембель был не за горами...

Лето шло к своему закату. Какой-либо боевой подготовки в части не было. Слухи о «выносе» то затухали, то возобновлялись с новой силой. Этим определялось и состояние небольшого военного городка, в котором мучились от безделья почти две тысячи солдат и офицеров. Казарменные помещения, согласно указаниям сверху, не ремонтировались. Они оставались на месте. Судьбу довольно старых кирпичных коробок определили власти города Дахбау. Остальные всевозможные постройки специально созданные бригады солдат ломали и превращали их в хлам. Все то, что могло гореть и не испускать ядовитый газ или дым, сжигали на специальной площадке за парком боевой техники. Кузнецов в этом «балагане» участия не принимал. Капитан Макаров использовал своего земляка в составе зенитного отделения на побочных работах. Зенитчики чистили подвалы и чердаки, иногда их посылали на хозяйственные работы в парк боевых машин. Довольно частенько сибиряк привлекался к патрулированию на территории военного городка, а также за его пределами.

Почти за все лето между капитаном Макаровым и рядовым Кузнецовым не было встреч один на один. Исключение наступило в самом начале октября, когда рота готовилась к обеду. В небольшое спальное помещение зенитчиков прибежал дневальный по роте, и подойдя к Кузнецову, сказал:

- Кузнец, тебя капитан Макаров вызывает... Срочно беги, а то он сейчас на обед отчалит...

Ротный и вправду был уже на старте на обеденный перерыв. Не успел еще солдат и открыть дверь, как тот быстро произнес:

- Ох, елки-моталки, я чуть-чуть было про твое письмо не забыл... Я вчера проверял тумбочки и кровати в первом взводе. Совершенно случайно нашел письмо для тебя у дембеля Исхакова, земляка уволенного Макулова... Письмо от твоей матери... Даже не знаю, почему оно там оказалось...

Капитан ловко повернулся на стуле и протянул руку к небольшому шкафу, висящему на стене. Вытащив из стопки книг пособие для политической учебы солдат, он быстро его развернул и тряхнул. Из толстой книги выпал помятый конверт. Макаров сразу же протянул его солдату, который с нетерпением ждал весточки из родной деревни. Увидев внезапно набежавшие слезы на глазах подчиненного, офицер с грустью произнес:

- Это письмо я специально положил в пособие. Я знаю, что солдаты эту брехню не читают. Моя канцелярия в последнее время стала проходным двором... Лучше ничего не ложи, а то все уведут...

Письмо от матери Кузнецов решил прочесть несколько позже. В нем кипела злоба и ненависть к тому, кто посмел «присвоить» письмо от матери, которое он с таким нетерпением ждал почти полгода. Одновременно солдат был очень признателен капитану Макарову, который случайно нашел письмо у дембеля. Поиски последнего были недолгими. Исхаков сидел в курилке и с удовольствием потягивал сигарету. Старик, на стремительно приближающегося к нему верзилу, никак не прореагировал. Дембель еще не успел и взглянуть в лицо стрелка-зенитчика, как оказался в его мощных тисках. Боксер со всей бычьей силой схватил обеими руками небольшого казаха за шиворот и за задницу, и затем молниеносно опрокинул его вниз головой. Прижимая голову своей жертвы к автомобильной шине, которая служила своеобразной пепельницей, он громко закричал:

- Урка, сука, кто тебя просил мое письмо брать и читать?.. Кто, я тебя спрашиваю?... Кто, сука...

Исхаков, явно не ожидавший такого разворота событий, при каждом соприкосновении своей головы с пепельницей испуганно бубнил:

- Кузнец, Кузя, я литер попутал... Точно попутал...

Такое объяснение и вовсе взбесило «палача». Он стал еще сильнее вдавливать голову дембеля в резиновое колесо и еще более истошно вопить:

- Ах, ты сука, чурка, чего ты врешь... Или ты забыл как зовут твою мать?... Я тебя спрашиваю... Как твою мать звать, сука...

Дембель, стучаясь головой то об резину, а то и об землю, скорее всего, понял свою ложь и решил внести коррективы. Он, иногда закрывая рукой свою голову, на много повторяющий вопрос насильника истошно орал:

- Товарищ Кузнецов, мою мать звать Раиса, а твою маму звать Антонида... Тоня, Тонечка...

Торжество справедливости над злом и ложью продолжалось недолго. Силачу в конце концов экзекуция надоела. Вполне возможно, она продолжалась еще несколько мгновений, если бы не удушливый и зловонный запах, который неожиданно стала испускать жертва. Боксер брезгливо опустил тело дембеля вниз и со всей силой ударил носком сапога в живот Исхакова. Тот от сильной боли вскрикнул и завертелся на земле, как юла. Кузнецов на вопли своего сослуживца не реагировал. Он с презрением посмотрел на лежащего и смачно плюнул ему в лицо. Затем стремительно направился в сторону небольшого леса, который окружал парк боевой техники...

При подходе к лесу Александр окончательно успокоился и начал выбирать себе место, где можно было раздеться и прочитать первое письмо от своей матери. Найти чистое и не «пахнующее» место или небольшой участок земли ему удалось с большим трудом. Практически весь небольшой лесок был загажен. Везде валялись пустые банки из-под консервов и бутылки из-под пива или водки. Во многих местах мирно покоились «кучки» человеческого дерьма. Кузнецов нисколько не сомневался в том, что все это было «творчеством» гвардейцев мотострелкового полка. Только на самой окраине неподалеку от проселочной дороги он облюбовал одиночную сосну и решил под ней прилечь...

Солдат, тяжело опустившись на землю, осторожно вытащил из кармана куртки помятый конверт, затем вытащил из него два листа ученической бумаги, мелко исписанных материнской рукою. Молодой человек притянул письмо к своим губам и осторожно его поцеловал. В этот же миг перед ним возник образ родной матери, которой ему сейчас очень не хватало. Не хватало и отца. От сыновьих чувств к своим родителям Александр заплакал, заплакал очень горько и навзрыд. Затем он весело улыбнулся и громко засмеялся. Почему это у него сейчас произошло, он и сам не мог понять. Вполне возможно, причиной радости было именно это письмо от матери, которое он получил впервые в своей жизни. Раньше в семье никто никому писем не писал. Мать или отец своему непутевому верзиле все указания, да и позатыльники, давали без всяких писем. Сын на все родительские указания и замечания в большинстве своем реагировал вполне нормально. Нередко и огрызался, особенно тогда, когда в доме были его друзья.

Сын очень осторожно развернул первый лист и начал медленно читать. Мать писала:

« Здравствуй мой дорогой и любимый сынок Сашенька, здравствуй моя кровинушка!!! Во-первых строках моего письма хочу тебе сообщить о том, что я жива и здорова. Тебе всего такого же стократ желаю. Хочу тебе, моя кровинушка, описать все по порядку. Наша деревня Найденовка стоит как всегда. Жизнь в нашей округе стала очень тяжелая и даже страшная. Многие деревенские мужики и бабы не работают, да и негде работать, почти всю совхозную животинушку порезали. Мне Господь Бог еще пока дает работу, твоя пристройка меня согревает. Остальные животноводческие постройки люди растащили по домам. В деревне

вся техника разломана, нет бензина, не на чем даже дров привезти.

Отца твоего все нет и нет, я уже не могу по нему больше плакать. Баба Пелагея, ты ее знаешь, которая живет на краю деревни, за день до своей смерти сказала мне о том, что она Николая видела во сне и его будто какой-то дьявол крепко держал в руках. Спрашивать об отце я трижды ездила в Изумрудное, там мне никаких вестей не дали. Я поняла, что всем начальникам не до нашего отца, не до забот простого человека. Я давеча слышала о том, что самого главного милиционера посадили в тюрьму за то, что его жена воровала из магазинов...

Хочу также, сынок мой ненаглядный, прописать тебе и о нашенских людях. За время твоего отсутствия жизнь в Найденовке вся пошла наперекосяк. Зарплату не дают, работы также нет. Вместо зарплаты сын и дочь директора совхоза раздают нам продукты питания под будущую получку. Я даже не знаю того, что завтра мне директорские детки дадут. Наверное, ничего. Все друг у друга воруют и пьют. Милиция с пьяными не справляется. Она появляется тогда, когда в деревне есть убитые. После Нового года жена Витьки Хуторова зарубила топором своего мужа за его пьянку и блядки. Шурка убила своего кормильца понапрасну, ведь сама блядками занималась. Сейчас некому даже воду на башне качать, к нам приезжает специалист из соседней деревни. Свои мужики все спились, никто не хочет кумекать головой.

Прописываю немного о жизни твоих ребят и девчат. Санька Куркин совсем недавно помер. Он пьяным выпал из КАМАЗа, на котором приезжали городские ребята. Хоронили твоего одноклассника всей деревней. Витька Прыгунов служит в армии, где он служит и как служит, никто об этом не знает. Некоторые говорят о том, что он воюет в горячей точке. Что это значит, я понятия не имею. Сам он еще своему отцу почему-то не написал. Иван Заволокин раз про тебя проспрашивал. Я ему даже твое письмо прочитала. Он тоже прослезился, хотя и крепкий мужик. Полинка Краут уехала в Германию, уже письмо прислала в школу. Пишет о том, что там у них очень хорошо. Уже получили квартиру и купили машину. Полинка к тому же свела с ума и Надьку Петрову, которой обещала найти жениха в Германии. Девка уже вовсю замучила нашу почтальоншу вопросами о письмах от женихов. Наша новенькая учительница нашла Надьке газету, в которой один старый мужик предлагает молодым девкам интим за границей. Я право не знаю, хватит ли денег у Петровых для этого. Я думаю, с Божьей помощью они найдут денег для своей единственной дочери. Ходят слухи и о том, что Надька уже и сама нашла в Омино мужика, который обещал помочь ей уехать к своей подруге. В этом плане у меня, мой сынок, больше новостей не имеется.

В конце письма хочу и тебя кое о чем спросить. Как тебе на чужбине служится? Кто-либо на тебя обиду держит? Пиши, моя кровинушка, я жду от тебя весточки. Сынок, не опозорь светлую память о нашем прадеде... Низко кланяюсь и крепко целую тебя. Антонида Петровна, твоя мама...».

Даты написания в письме не было. Да и это нисколько не смущало солдата. Он прекрасно знал о том, что из Найденовки в последнее время было очень трудно отправить письмо. К тому же, у матери забот было выше крыши. Сын, наслаждаясь тишиной немецкого леса, еще несколько раз перечитывал письмо своей матери. Во время чтения юноша очень внимательно вглядывался в строчки, написанные химическим карандашом. Некоторые из них были с фиолетовыми подтеками, мать плакала. Пятна от высохнувших слез Александр довольно часто ласково гладил ладонью и прижимал к губам. Солдату хотелось в это время хоть на какие-то доли секунды, а может даже и на всю жизнь, перенять трудности и лишения своей матери...

Антонида Кузнецова в письме к сыну написала только толику правды. Ей не хотелось причинять ему боль, который всегда и в этот миг ее трудной, еще короткой жизни был самым близким и родным человеком на этой земле. Да и сама судьба за время его службы в армии преподнесла ей далеко нерадостные подарки. Она специально утаила от сына гибель своего мужа, отца Александра. Обезглавленное тело старшего Кузнецова случайно нашли на самой окраине областного центра буквально за три дня до нового года. Нашли в сугробе снега возле конечной остановки автобуса городского маршрута. Милиция довольно долго разыскивала родственников погибшего. Пока очередь «дошла» до Изумрудного прошло три недели. Да и Антонида вряд ли бы определила в покойнике своего мужа, ежели бы не примета. Сомнения в «достоверности» мужа частично отпали, когда она увидела на левой ноге отрубленный большой палец. Это увечье мужчина получил еще в школе, когда убирал совхозную картошку. Шестиклассник Колька Кузнецов нечаянно отрубил себе пол-пальца во время отдыха, когда мальчишки устроили перегонки кто больше изрубит лопатами картофельных клубней. Антонида в морге заголосила, как волчица, так ей было очень больно и обидно за своего мужа. У них совместная жизнь была не малина, однако было кое-что в ней и хорошое. Молодая вдова считала, что они жили нисколько не хуже других односельчан.

Антонида, написав письмо сыну, в котором утаила от него смерть отца, позже об этом нисколько не сожалела. Почти разложившийся труп был местами так изуродован, что женщина и сама иногда сомневалась в подлинности смерти супруга. Из жителей Найденовки тело покойника на кладбище никто не видел, не видела его и вдова. Деревянный гроб с заколоченной крышкой привезли из райцентра и сразу же опустили в яму. Многие из женщин и детей на кладбище не пришли. Их пугало то, что труп односельчанина был обезглавлен. За все время существования деревни такого еще никогда не случалось. Через некоторое время после похорон отца сына-интернационалиста часть жителей Найденовки опять собралась на кладбище. На этот раз хоронили электрика Витьку Хуторова, тоже почти «безголового». Жена жестоко наказала своего мужа за блядки, ударив его топором по голове. Пострадавшего успели довезти до Изумрудного и только. Мужчина скончался в

палате еще до прихода хирурга...

Мать солдата поголосила, поголосила об умершем муже и спрятала боль навсегда в своем женском сердце. После смерти супруга на вдову накатились очередные беды. В конце лета у уже безработной женщины ночью кто-то увел корову. В эту ночь в селе не досчитались пяти коров и двух быков. После исчезновения своей коровенки одинокая женщина решила вообще не обзаводиться живностью, не было никакого смысла. Селяне днем и ночью воровали друг у друга почти все и вся, что попадалось под руку. Набеги горожан на маленькую деревеньку также основательно уменьшали домашнюю живность. Мучили Антониду и старые болячки, поясница ныла денно и нощно, скручивало руки. Она пару раз съездила к врачу в Изумрудное, тот ничем не мог помочь, только разводил руками. Опять поехала в областной центр, в кооперативной забегаловке также не помогли. Врач раздел женщину до трусов и уложил на кушетку. Затем огромными ручищами начал мять и бить по позвоночнику, приговаривая при этом: «Да помоги же мне и ей, мой Боже». Деньги сорвал большие, а не вылечил. После костоправа крестьянка целый месяц пролежала в постели, лишь вставала в магазин, дабы успеть купить булку хлеба. Помощи больной женщине ни от управления совхоза, ни от односельчан никакой не было. Каждый жил уже при капитализме с советской окраской. Бывшие партноменклатурщики, они же новоиспеченные демократы в теплых кабинетах делили не только власть, но и народное достояние. Малограмотная женщина все это не только своим умом понимала, но и видела. В Изумрудном главный районный начальник отгрохал себе большой домино, в котором два десятка найденовцев могли бы спокойно уместиться. Директор совхоза, бывший учитель биологии, также не проявлял усердия и заботы о своих односельчанах. Он все время пропадал под Омином, шеф строил себе дом и дачу по европейским стандартам...

Простые люди проказы всевозможных начальников видели и не возмущались. Все было бесполезно, власть жестоко расправлялась с инакомыслящими. Пытался бороться с несправедливостью пенсионер Федор Макеев, раньше он работал в совхозе бухгалтером. Со своими жалобами старик дошел до районного начальства. Там его выслушали, обещали все поправить. Обещали, но ничего не сделали. Зато сам «справедливец» жестоко пострадал. Жалкую пенсию мужчине вообще урезали, ссылаясь на то, что в районе раньше ему неправильно произвели расчеты. Мало этого. Если всем деревенским пенсионерам, хоть и с большими задержками, почтальон пенсию приносил, то дом бывшего бухгалтера баба Шура обходила стороной. Директор совхоза строго-настрого запретил старухе приносить ему деньги. Макеев вынужден был ездить за своей крошечной пенсией в район, довольно часто возвращался ни с чем. Терпение борца за правду в конце концов лопнуло и он уехал в соседний Казахстан, там жил его старший сын...

Содержание письма от матери солдат «перемалывал» в голове несколько раз и каждый раз приходил к неутешительному выводу. Матери без пропавшего отца жилось очень

тяжело. Он также прекрасно понимал, что она еще могла многое плохое из своей жизни от сына и утаить. Это делали почти все родители всегда и везде, дабы не расстраивать своих чад многочисленными проблемами. Сейчас молодого человека душила обида, что за все время службы он по-настоящему и не вспоминал о матери, не оказывался на ее месте. Александр, будучи мальчишкой, никогда не вникал в заботы и проблемы своих родителей. На семейном столе был кусок хлеба, молоко и картошка. Это было основным и постоянным блюдом для всех и каждого. В доме каких-либо диковинных продуктов питания по причине отсутствия денег не было, но и голодным никто не ходил.

Александр, сын Антониды Кузнецовой в армии также не голодал. К солдатскому рациону, который в основном состоял из каши и рыбы, он привык мгновенно. После того, как верзила распрощался с «салагой», он питался куда лучше, чем раньше. Довольно часто на его столе лежала «добавка», в составе которой был сахар, масло или другие деликатесы очень скудного солдатского меню. Одно он твердо знал, что ни его очередное «звание», ни этот доппаек воинскими уставами Советской Армии не предусматривался. Кто все это положил и почему, сибиряк не вникал. Перед ним почти все заискивали, включая и хлебореза. Его также никто не «кантовал». С ним за ручку здоровался командир батальона майор Сиволапов. Офицер гордился, что именно в его батальоне служит лучший боксер дивизии в тяжелом весе и поэтому каждое утро интересовался настроением местной знаменитости. Сам же чемпион побежденному после того злополучного поединка руку не протягивал. Александр сразу же заметил безразличное отношение капитана Макарова к себе. Чем это было вызвано, какая кошка пробежала между ними, подчиненный все так и не мог понять...

За своими размышлениями солдат не заметил, как быстро пролетело время. Кузнецов посмотрел на часы и тяжело вздохнул, на «жор» он уже опоздал. Возникшее чувство голода в какой-то мере скрашивала хорошая погода, над леском стояло почти летнее солнце. Лежащему на траве было тепло и уютно, от удовольствия он даже немного прикорнул. Проснулся солдат от неожиданного шума и грохота. Открыв глаза, он увидел перед собою два десятка солдат с лопатами и носилками. На его глазах они начали убирать кучи хлама и мусора, которые были в лесу и вокруг него. Александр, недолго думая, быстро встал и оделся. Затем взял письмо от матери и положил его во внутренний карман куртки. Куда идти для него было все равно и поэтому он неспеша направился в сторону дороги, которая находилась в десятке шагов от леса. Свежий воздух, природная идиллия вновь погружали Александра в жизненные размышления. Причиной этому, скорее всего, было письмо матери. Каких-либо философских мыслей в голове солдата не было. Да они ему и не были нужны. Он очень переживал за свою мать, которая жила в нескольких тысячах километров от него, в глухой сибирской деревне. Сыну, неспеша идущему по дороге, сейчас хотелось все бросить и идти пешком через леса и через реки к своей матери, которую он совсем недавно довольно частенько обижал. Обижал напрасно. Размышления об отце, о ком

практически мать ничего не сообщала, и вовсе расстроили молодого парня. Он не удержался и горько заплакал. Идущему не верилось в то, что его отец где-то может погибнуть. Каких-либо грехов ни его отец, ни его мать, да и он сам перед Богом не имели. А то, что отец частенько выпивал, его сильно не тревожило. В Найденовке почти все выпивали, не исключением этому было подавляющее большинство жителей огромной страны. Не гнушались спиртным и офицеры Советской Армии, да и местные немцы...

На обочине дороги путник увидел указатель, до немецкой деревни Кронштадт оставалось три километра. Неподалеку от указателя военнослужащий решил отдохнуть и присел на траву. Мимо сидящего то и дело проносились автомашины, кое-кто из водителей сигналил или что-то кричал. На все эти помехи Кузнецов не реагировал, ему сейчас было не до людей, не до их проблем, больших или малых. Солнце и ходьба основательно «распарили» парня, он снял пилотку и прилег. На какое-то время поток машин приостановился. Неожиданно наступила тишина, убийственная тишина. Солдат даже слышал стук своего сердца. Он невольно встал и посмотрел вокруг. Убранные поля, небольшие лески, фруктовые посадки вдоль дороги располагали к жизни, к жизни человеческой. Кузнецов опять заплакал. Он даже и сам не понимал того, почему у него выступили слезы. Только в своей душе молодой человек осознавал, что сегодня, а может и завтра он покинет эту страну, покинет навсегда. Александр, как ему сейчас казалось, с этой страной даже по-настоящему подружился, хоть эта дружба была только на расстоянии, в большой степени через бетонную стенку, через колючую проволоку.

Кронштадт представлял собою небольшое селение, в котором насчитывалось два десятка домов, может даже и меньше. Воин-интернационалист отважился пройтись по главной улице деревни, страх на этот раз для самовольщика ушел на задний план. Раньше солдату одному не приходилось прогуливаться по немецким селениям, не было возможности. Сейчас же он прекрасно знал, что это его последнее посещение немецкой деревни, как таковой. Поэтому Александр старался очень внимательно разглядывать все то, что «попадалось» ему на пути следования. Верзила шел по улице очень медленно и также неспеша озирался по сторонам. Ему все здесь очень нравилось: ухоженные дома, зеленые газоны, небольшой пивной бар, расположеный перед тремя мощными каштанами. Привлекал своим видом и магазинчик, который буквально «примостился» у деревянного моста, перекинутого через широкий ручей. Осмотр достопримечательностей продолжался минут тридцать, не больше.

На окраине деревни Кузнецов неожиданно наткнулся на кладбище, оно тянулось тонкой лентой в сторону небольшого, но очень густого леса. Наказ матери найти могилу своего прадеда на территории Германии буквально «просверлил» мозг и душу молодого человека. Александр доселе ни разу не был на немецком кладбище и это также подогревало его интерес. Перед самым входом он невольно остановился и оцепенел. То, что он увидел в

прямом смысле напоминало по-райски ухоженный кусочек земли, на котором ровными рядами располагались небольшие могилки, погруженные в сказочное обилие цветов. Эти цветы находились в небольших красочных горшочках. Ряды могил отделялись между собою зелеными газонами, что придавало кладбищу вид божественного музея или напоминало совсем что-то другое, что пришелец в своей жизни никогда не мог даже представить.

Быстро шмыгнув под зеленую арку, которая была своеобразными воротами, солдат очутился на асфальтированной дорожке. Через пару метров он вновь остановился и замер. Идеальная чистота и тишина, царящие на кладбище, его ошеломили. Вошедший, не то от страха, не то от чего-то другого, невольно снял свой «картуз» и стал пятиться назад. Сейчас его телом управляла ни его голова, даже ни его физическая сила, а нечто другое, которое, как Александру казалось, пришло из неземного мира, мира духовного, справедливого мира. И это непонятное вынуждало молодого человека двигаться все дальше и дальше, пока он не оказался за пределами кладбища. Кузнецов невольно опустил голову вниз и ужаснулся от «чистоты» своей обуви. Юноша стал руками очищать сапоги, на подошвах которых были остатки грязи и зеленой растительности. Все это он нацеплял сегодня за время своих лесных и дорожных путешествий. Сейчас ему за свою грязную обувь было даже стыдно. Он все еще не мог понять, как умудрился с такими грязными армейскими сапогами войти на территорию кладбища. От этих мыслей солдат покраснел, толику совести «добавила» и посетительница кладбища. Седая немка, миновав арку, почему-то испуганно смотрела на мощного и высокого молодого человека в военной форме, и отчаянно крестилась. Верзила невольно съежился, затем разогнулся. След старухи уже простыл...

Минут через пять Кузнецов успокоился и вошел на территорию кладбища, затем принялся очень внимательно рассматривать могильные обелиски и надгробные камни. Имена умерших были написаны на немецком языке. На некоторых надгробьях было несколько фамилий, здесь обрели вечный покой семьи или представители многих поколений. Посетитель в военной форме, к своему сожалению, могилы советских людей не нашел, пока не вышел на окраину кладбища. В самом его углу он увидел две небольшие надгробные плиты светло-красного цвета, в центре каждой были высечены пятиконечные звезды. Солдат мгновенно ринулся к захоронениям и остановился, словно вкопанный. На каждой плите были высечены две одинаковые фамилии на русском языке «Красносельский», фамилии были без инициалов. Под каждой фамилией стояли одинаковые даты рождения и смерти «1922-1944 гг.». Александр медленно опустился на колени и осторожно прикоснулся рукой к мраморной плите. Он терялся в догадках в появлении двух мужчин с русскими фамилиями на территории этого кладбища, да и в этой стране. Ответа на свои вопросы молодой человек не находил.

Только к вечеру солдат покинул немецкое кладбище, покидал с благодарностью и с сожалением. Он благодарил местных немцев, что они через целых полвека после окончания

войны не только сохранили две могилки, но и бережно за ними ухаживали. Сожалел о том, что ему пока не удалось найти могилу своего прадеда. Молодая чета Кузнецовых нарекла своего единственного сына Александром, в честь прадеда, который остался навечно лежать в чужой земле. Желание у Кузнецова-старшего найти могилу своего предка возникало неоднократно, но увы... Николай его не мог осуществить. Денег для поездки не было, да и власти не разрешали...Тот же, кто держал путь в советский военный городок, имя своего прадеда знал, отчество почему-то сейчас не мог вспомнить... Санька гордился своим тезкой и нередко писал о нем в своих школьных сочинениях. Учительница с большой радостью зачитывала перед классом содержание коротеньких рассказов своего подопечного, затем подходила к юному автору и крепко его обнимала. Со слезами на глазах благодарила школьника за то, что его прадед сделал все возможное для лучшей жизни советских людей и для всех трудящихся планеты. От этих воспоминаний у самовольщика появились слезы, слезы радости и надежды. Он нисколько не сомневался, что непременно найдет своего прадеда и положит букет цветов к подножью могилы освободителя Европы. В том, что поиск будет трудным и долгим, Александра это не пугало...

На немецкой земле находилось 837 братских и одиночных воинских захоронений и военных кладбищ. Здесь нашли покой почти 500 тысяч советских солдат и офицеров, павших в битве с фашизмом.

Посещение немецкого кладбища и возникшее желание во что бы то ни стало найти могилу родственника заставило солдата обратиться к командиру роты. Замполит все отсутствовал по причине своей болезни. Капитан Макаров идею подчиненного принял довольно настороженно и без всякого энтузиазма. Поиск могилы прадеда офицер считал бессмысленным занятием, сейчас солдату просто-напросто было не до этого.

- Кузнецов, ты вот меня внимательно послушай, - спокойно произнес ротный. - У меня, да и у тебя, сейчас для этого нет времени... Мы можем часть покинуть сегодня вечером, а может и через месяц... Никто ничего не знает. Я думаю и то, что сами верхи толком время вывода еще не определили... Да и зачем тебе все это?... Вот через год приезжай сюда туристом и ходи сколько тебе заблагорассудится...

Не получив поддержки в таком благородном деле от капитана Макарова, Александр решил сам действовать более активно и настойчиво. На следующий день он, переодевшись в спортивный костюм, легко перепрыгнул через забор и сразу же оказался в городе. Парк, в котором находилась братская могила советских воинов, солдат нашел сразу. Кузнецов, надеясь увидеть знакомую фамилию, с замиранием сердца приближался к большому обелиску. Разочарование наступило буквально через минуту, когда он стремительно пробежал глазами по большому перечню фамилий, высеченных на мемориальной доске. Кузнецовых здесь не было...

Прошла еще неделя. Боксер, как и подавляющая часть солдат, в основе своей мало чем

реагировал на происходящее в полку. Покупать машины или какие-то тряпки у солдата не было денег. Покупки делали офицеры и прапорщики со своими семьями. Вместе с тем, он не мог не заметить, что многие солдаты, в первую очередь, старослужащие, днем куда-то исчезали, потом опять появлялись. Из казармы кое-кто исчезал и ночью. Кузнецов решил сильнее «навострить» уши к тому, что происходило в их роте, да и во всем полку. Уже через день он пришел к однозначному выводу. Солдаты продают немцам все, что попадается под руку. «Королями» в этом направлении были автомобилисты и те, кто каким-либо образом был связан с бензином, боеприпасами, с солдатскими тряпками и провиантом.

Вникнуть и «пощупать» армейский рынок местного значения Кузнецову помог рядовой Исхаков, который совсем недавно получил от верзилы настоящий «пендель». После торжественного собрания, посвященного Дню Конституции, кое-кто из солдат ринулся в кафе. Захотелось выпить что-то сладкое и Александру. Немецкий лимонад сибиряку не очень нравился и поэтому он бутылку цедил довольно долго. К столику подсел Исхаков и без всяких обиняков произнес:

- Кузнец, бери у меня пирожное, не стесняйся... Я, как видишь, целых пять штук купил... Мне хватит... Угощайся...

Верзила не стал себя много упрашивать. Пирожное он только один раз за все время службы покупал. Солдат из своих пятнадцати марок немного откладывал, собирался купить матери покрывало на кровать...

После кафе по инициативе Исхакова двое молодых ребят перемахнули через проволочные ограждения и через минут пять оказались возле небольшого домика. Это был гаштедт. В этом Кузнецов убедился сразу, как только подошел к дому. Над входом в помещение висела тонкая вывеска из стекла с подсветкой, на которой была нарисована большая кружка пива. Солдаты вошли вовнутрь. Исхаков на правах гида взял великана за руку и стремительно повел его в самый угол, где стоял небольшой столик. Затем гид куда-то исчез. Кузнецову ничего не оставалось делать, как покорно сидеть и созерцать вокруг себя. На потолке и на стенах небольшого помещения были нарисованы картины из охоты. На его столе был также изображен волк, который гнался за зайцем. Минут через пять появился Исхаков с двумя большими бокалами пива. Из кармана солдат вытащил пачку сигарет и две жевательные резинки.

Увидев удивленный взгляд сослуживца, казах произнес:

- Ну ты, земеля, и даешь... Я вижу, что ты служишь как исправный коммунист и комсомолец... Хотя и те, и другие пьют и трахают баб... А мы чем этих причиндалов хуже?

Кузнецов на высказывания своего однополчанина никак не прореагировал. Он не мог понять того, откуда простой стрелок-автоматчик мог взять столько денег на пиво и на все остальное. В охотничьем гаштедте он также чувствовал себя своим человеком. Два часа в пивном кабаке для молодых ребят пролетели незаметно. Кузнецов впервые в своей жизни

выкурил сигарету иностранного производства, до этого он иногда баловался родными. От импорта парня немного подташнивало. Да и пиво оказалось с большим градусом. От него сразу же ударило в голову. Сибиряк, сидя за столом, и сам не мог понять того, как два литра прохладной жидкости оказались в его желудке. За все время пребывания ребята только пару раз посетили туалет, который по чистоте и по запаху разительно отличался от общего туалета в казарме. Во время разговора самовольщики довольно часто бросали взгляд в сторону столиков, за которыми сидели местные немцы. Они не могли ни заметить молодой и стройной блондинки. Немка сидела от них через пару столиков и довольно часто бросала взгляд на русских солдат, которые о чем-то болтали на своем языке. В том, что именно Кузнецов ей был симпатичен, Александр почему-то не сомневался. В этом он убедился после того, как девушка с длинными белыми волосами подошла к ресторанной стойке и стала что-то шептать официанту на ухо. Мужчина подошел к ним через некоторое время и поставил на стол два маленьких бокала пива. Александр вопросительно посмотрел на улыбающегося немца, затем перевел взгляд на своего сослуживца. Исхаков заплетающимся голосом прокартавил:

- Мой земеля, ты даже не представлешь того, что кто-то из местных немок в нас влюбился... Это же очень хорошо...

Кузнецов молниеносно поднял голову и окинул взглядом столик, за котором только что сидела молодая особа. Блондинки уже не было...

Разговор в пивнушке для боксера оказался и на этот раз очень поучительным. Он находил много общего в мыслях и в поведении прапорщика Чернова, и старослужащего рядового Исхакова. Дембель не терял времени попусту в ожидании эшелона погрузки. Через местных немцев он продавал буквально все, что попадало под его руку, кое-что перепродавал и от своих земляков. Хорст, так звали официанта, служил хорошим посредником. Через него в пивнушке немцы покупали форму, куртки, всевозможные знаки отличия офицеров и солдат Советской Армии. Здесь же продавали штучные продукты питания, включая ракетницы и патроны. Нарасхват шел и бензин, который советские военнослужащие приносили в канистрах, продавали здесь или назначали покупателям другие места встреч. Рассчет производился как деньгами, так и спиртным...

Сослуживец Александра за пивом вообще разоткровенничался и рассказал все, чем была богата фантазия армейских «стариков» на поприще торговли. Именно от новоиспеченного друга Кузнецов узнал о том, что три года назад из Ленинской комнаты второй роты был украден бюст Ленина и сняты со стены все портреты Политбюро ЦК КПСС. Ротный замполит чуть было от этого инфаркт не получил. Молодого лейтенанта по случаю неординарной ситуации замполит части несколько раз «тягал» к себе на ковер, надеясь на то, что офицеру в конце концов удастся поймать «рыбку», которая так сильно напакостила. Попытки всевозможных начальников найти следы исчезновения партийных реликвий были

безуспешны, хотя многие солдаты в роте, да и в батальоне, знали, кто это сделал. Узбек Тошбаев продал «святое» за три ящика пива довольно старому немцу, который прибыл на стареньком «Москвиче» прямо к контрольно-пропускному пункту мотострелкового полка.

Наплевательское отношение к службе у большинства офицеров, которое занималось вполне законной барахолкой, негативно отражалось на морально-политическом состоянии и боевой подготовке части. Солдаты были предоставлены каждый сам себе, то есть действовали по личному плану. Боевой подготовки, как таковой, не было. Кое-кто из командиров подразделений, особенно тогда, когда очередной миф о завтрашнем выводе войск рассеивался, выводил своих подчиненных на строевую подготовку или садил на политические занятия. Наличие свободного времени было еще обусловлено и тем, что немецкие власти признали казармы русских не пригодными для дальнейшей эксплуатации.

Рядового Кузнецова такой армейский «балаган» вполне устраивал, основным местом его службы стала кровать и столовая. Заниматься боксом он перестал, махать кулаками и потеть не было никакого желания. Боксерские перчатки спортивного авторитета лежали и покрывались пылью в ротной каптерке в шкафу вместе с парадной формой, которую он одевал во время великих гражданских и армейских праздников. И то не всегда. К своему ранее излюбленному снаряду - самодельной груше, которая находилась на чердаке казармы, солдат соизволил подняться только через три месяца, как возвернулся после «болезни» в часть. Александр решил «постучать кулаками» по собственному желанию, лежка в кровати ему уже прилично надоела.

Визит на чердак превзошел все ожидания сибиряка. Открыв дверь, которая почему-то была без мощного засова, боксер чуть было не задохнулся от довольно неприятного запаха, который уверенно «дрейфовал» под черепичной крышей. Весь чердак, разделенный на две части перегородкой из маскировочной сети зеленого цвета, был захламлен. Особенно было грязно в «столярном» отделении, где обычно ротные плотники выполняли всевозможные заказы офицеров и прапорщиков. По всему полу валялись куски пресс-картона, из него делались ящики для домашнего скарба заменяющихся или для вновь приезжающих. И сейчас около десятка ящиков были аккуратно сложены друг на друга вдоль стены и ждали своих заказчиков. В самом дальнем углу неподалеку от ящиков мирно покоилась большая куча всевозможного мусора и хлама. В противоположном углу были навалены пустые бутылки, дозы и банки из-под пива, водки и продуктов питания. Здесь же военнослужащий увидел несколько консервных банок с окурками. Многие из бычков каким-то образом умудрялись «висеть» даже на досках, на которых лежала черепица...

Пришелец, приподняв рукой маскировочную сеть, решил осмотреть вторую часть чердака. В углу, где когда-то он занимался боксом, было относительно чисто. Кузнецов этой чистоте очень обрадовался и быстро подошел к самодельной груше. Пару раз сильно стукнул ее кулаком. Внезапно до него донеслись чьи-то голоса. Александр повернул голову и увидел в

самом конце чердака около десятка солдат. Они сидели за большим столом и о чем-то оживленно разговаривали. Верзила улыбнулся и направился к ним, затем громко поприветствовал сидящих и машинально взглянул на стол. Военнослужащие кушали шашлык и пили пиво. В метрах трех от стола стояла самодельная шашлычная, на шампурах которой жарились большие куски мяса. Дым от жаровни выходил через разбитое окно крыши. Запах поджаренного мяса приятно щекотал нос, верзила невольно проглотил слюну. Попытку Александра выразить свое удивление приличным «хавчиком» далеко не цивилизованным языком, прервал знакомый голос Исхакова. Тот при появлении местной знаменитости быстро встал из-за стола и также быстро пошел ей навстречу. При этом, он, словно из пулемета, тараторил:

- Господа, товарищи, воины... Это наш человек, это мой товарищ и друг, хороший земляк... Наш Кузнец очень хороший человек, очень...

Кузнецов на сладостные словопрения в свой адрес никак не реагировал. Он молчал и смело следовал за дембелем, который искал место за столом для своего друга. Специфический запах шашлыка вперемежку с запахом лука вызывал у Александра жуткий голод. Он, с большим трудом сдерживая настоящие «потоки» слюны, с жадностью вцепился зубами в мягкий кусок говядины и через несколько мгновений с неописуемым наслаждением его проглотил. Попойка дембелей продолжалась до самой ночи, пили на всю катушку. Те, кто был на чердаке прекрасно знали, что сегодня на вечерней поверке будет старшина роты. Прапорщик Назаров приходил в подразделение довольно часто и сам под «газом», особенно в последнее время. Начальник по известным всем причинам не мог определить, кто в роте пил или не пил спиртное. И сегодня во время вечернего построения из подчиненных никто не шатался, не было и других каких-либо эксцессов. Информацию дежурного по роте, что на чердаке пятеро солдат выполняют спецзаказ заместителя командира полка, прапорщик принял к личному сведению. Добротные ящики из толстого пресс-картона, который был уворован у немцев, нужны были и подполковнику. Первая мотострелковая рота в составе мощной группировки советских войск продолжала с честью выполнять свой интернациональный долг...

Интернационалист Кузнецов на завтрак не пошел, у него страшно болела голова. Во рту было так неприятно, что ему казалось, что там кто-то или что-то сделал недозволенное. Сбросив со своей головы одеяло, солдат неспеша «прошелся» глазами по спальному помещению. Никого не было, это обрадовало воина. Он сильно вытянулся и вновь заснул, заснул очень крепко.

Александра подняли с постели только к обеду. Поднял сержант Погосов, недавно заменивший дембеля Дубровина. Командр зенитчиков имел нескрываемый страх перед мощным верзилой. Он, легонько дергая спящего за плечо, тихо прогнусавил:

- Товарищ солдат, Кузнецов, просыпайся, просыпайся... Скоро построение на обед, а ты

еще даже и не кушал...

Светло-бледный суп, в котором плавал малюсенький кусочек мяса и несколько частиц капусты или картофеля подозрительно темного цвета, явного аппетита у изрядно проголодавшегося не вызвал. Отложил он в сторону и перловую кашу, которая отдавала непонятно каким запахом. Кузнецов, наспех проглотив кусок хлеба и кружку киселя, быстро вышел из столовой. Буквально через пару минут к нему подошел Исхаков. В отличие от верзилы поджарый казах был полон сил и выглядел, как огурчик. Друзья не стали дожидаться общего построения роты и решили уединиться в небольшой курилке возле Дома офицеров. Скамеечки были пусты и поэтому «земляки» дали волю своим мыслям, обсуждая вчерашнюю попойку. Кузнецов, к своему удивлению, вчерашнее не все полностью «копировал». Смесь из водки, пива и вина, скорее всего, была причиной его «мутных» воспоминаний. Сцена стрельбы из мелкокалиберного автомата Калашникова из головы великана вообще выпала. Кое-что из вчерашнего боксеру подсказывал Исхаков. Казаху «пробел» сибиряка очень нравился, он от смеха иногда брался обеими руками за свой живот. При этом он громко цокал языком и заискивающе приговаривал:

- Ну и ты даешь, мой земеля... Я тебе лично сам магазин патронами набивал... Я могу перекреститься, что ты после стрельбы подходил к мишени и делал рот до самых ушей, когда одна из пуль попала в глаз лягушки...

Еще не отошедшему от пьянки верзиле и эта подсказка земляка ничего не давала. Кузнецов тупо смотрел на сослуживца и тяжко вздыхал. Иногда невпопад кивал головой, что вполне означало его участие в стрельбе, а может и даже нет. Вдоволь наболтавшись, солдаты направились в расположение роты. Перед самым входом в казарму Исхаков приостановился и весело улыбаясь, прошептал под ухо великану:

- Сань, а Сань, а в субботу будет неплохой рынок... Пойдешь? А?... Я пойду, а то скоро будем уносить ноги...

Кузнецов в ответ ничего не произнес, он только засмеялся и утвердительно кивнул головой. До пятницы верзила «тянул» лямку, он без всякого азарта и желания выносил ящики с боеприпасами из полкового склада и грузил их на машину. Волынку тянули и другие военнослужащие, не исключением в этом отношении был и старший команды. Прапорщик свое неудовольствие даже не скрывал от подчиненных. Упитанный «служака» частенько исчезал в неизвестном направлении, оставляя за себя рядового Кузнецова. Во время редкостного присутствия пожилой мужчина беспрестанно смачно матерился и при этом костерил свое начальство, которое, по его мнению, уже давно должно было выполнить приказ командира дивизии по очищению склада.

Очередное желание посетить чердак и поколотить грушу у Александра возникло только в пятницу, после обеда. В этот день и в это время полк мгновенно успокаивался, даже замирал. «Звездочки» убегали домой еще к обеду. Кое-кто из них мгновенно покидал родной

личный состав и устремлялся с женами, а кто и в одиночку, в немецкие магазины. Разбредались кто-куда и солдаты. Обитатели военного городка сосредотачивались в казармах и в квартирах только поздно вечером.

На чердаке никого не было и это очень обрадовало молодого человека, который быстро разделся до трусов, натянул перчатки и принялся со всей силой колотить грушу. «Поединок» был очень непродолжительным, Кузнецов молниеносно «сдох». У него перехватило дыхание, появились незнакомые колики в груди, он решил немного передохнуть. Присев на пустой ящик из-под противотанковых гранат, Александр невольно бросил взгляд в противоположный угол, где стоял большой щит, сколоченный из толстых сосновых досок. На щите мелом и углем была нарисована большая лягушка. Солдата мишень заинтересовала и он подошел к щиту поближе. Попытка вытащить хотя бы одну из пуль из глаз лягушки не удалась. Боксер, в надежде найти что-либо острое, наподобие гвоздя, взглянул наверх и на какой-то миг замер. В промежутке между широкой доской и черепицей находился тонкий автоматный рожок. Солдат мгновенно протянул руку, магазин был до отказа набит патронами. Верзила медленно повел глазами вокруг, на чердаке никого не было. Недолго думая, он натянул куртку и быстро засунул рожок в карман брюк...

В субботу через час после завтрака Исхаков и Кузнецов исчезли из подразделения. Офицеров в это время не оказалось и самовольщики без всяких проблем перемахнули через забор. К удивлению сибиряка рынка за колючей проволокой, который он привык видеть в Изумрудном, не было. И это его сначала даже очень обескуражило. Он, скорее всего, и плюнул на все это, ежели бы не друг, который уверенно действовал за проводника. Солдаты, «метая» глазами на все четыре стороны, перешли на бег рысцой и вскоре очутились на тоненькой тропинке, которая привела их к довольно большому лесу. От него до части было порядка двух километров. Во время движения по лесу никто никому ничего не говорил. Исхаков на правах сведущего и ведущего, как и раньше, шел впереди. Чем дальше они удалялись от части, тем тревожнее у Александра билось сердце. Солдат и сам не до конца понимал свою тревогу. Скорее всего, это был страх за возможность попасть в руки военного патруля. Командование части и соединения было напугано все усиливающимся размахом торговли и бродяжничеством своих подчиненных среди немцев, и поэтому почти каждый день увеличивало число патрулей. Они сновали внутри военных городков, так и за их пределами. Самовольщики об этом прекрасно знали. В части не было ни одного построения, когда бы не выводили на обозрение или на «воспитание» всевозможных спекулянтов и «зубодробителей». Тревожный осадок на душе сибиряка оставляли и «следы» от приказов и инструкций офицеров, строго запрещающие военнослужащим продавать военное имущество и боеприпасы местному населению. Содержание приказов Кузнецов знал, как и знал то, сколько за что ему грозит. Одновременно и не всегда грозило. Сейчас ему в голову пришел случай, притом уникальный. В соседней минометной батареи

командир расчета умудрился во время работ на полигоне завалить из автомата двух кабанов. Солдаты питались свежатиной целую неделю. Отведывал ее и один из заместителей командира полка, та ему понравилась. Однако, узнав о самовольном отстреле дикой живности, к тому же, еще и в немецком заповеднике, майор разгневался, притом очень сильно. Утром построил минометчиков и устроил им настоящий разнос. Солдатам ничего не «досталось», взгрели командира взвода. Этот случай привел верзилу к лукавой мысле: ежели бы всех нарушителей и разгильдяев Советской Армии садили и наказывали, то передовые рубежи социализма уже давненько защищали африканцы. В этом он нисколько не сомневался. Сейчас эта философская мысль прибавляла ему смелости и решительности. Окрыляли его и уверенные действия «Ивана Сусанина», который уже солидно прибарахлился. У казаха в «стариковской» каптерке был приличный видеомагнитофон, пара новых джинсов. Кузнецов пока об этих «чудесах» даже и не мечтал. Перед тем, как выйти из леса, Исхаков остановился и прислушался. Затем тихо прошептал другу:

- Кузнец, давай хавайся вон за тот куст и жди меня... Ты понял меня, земеля?... Остальное все сделаю я сам... Одному ведь меньше дадут за самовол, чем за групповщину...

У верзилы от слов Сусанина чуть было не остановилось сердце, некогда бушующий оптимизм, словно корова языком слизала. По широкой спине побежали мурашки. Кузнецову хотелось схватить сослуживца за руку и попросить его отказаться от идеи с этим рынком. В этом лесу он почему-то не видел ни продавцов, ни покупателей. Казах, чувствуя растерянность земляка, наоборот, преобразился, даже мобилизовался. Он, словно вождь какого-то племени, сделал мужественное лицо и негромко с назиданием произнес:

- Ты, чемпион, не робей... У нас и у местных немцев все давно схвачено... Раньше было проще, сейчас несколько труднее... Наши подопечные хоть и горланят в пивнушках о демократии, однако не упускают возможности поживиться за счет дармовой русской кормушки... Я все равно спасибо им за это говорю...

После этого он улыбнулся и решительно пошел в сторону небольшого домика, который был уже отчетливо виден. В левой руке Исхаков нес целлофановый мешочек черного цвета, в котором находился полный магазин патрон от автомата Калашникова. Что нес для продажи лично сам организатор торговли, верзила не знал. Да и знать не хотел.

Прошло полчаса. Исхакова не было. Кузнецов стал нервничать и напряженно всматриваться в тропинку, по которой только что ушел его сослуживец. Иногда он приостанавливал дыхание и прислушивался к каждому шороху, который раздавался в лесу. Исхаков к ветвистой сосне пришел незаметно, словно рысь. «Торговец» пришел с большой красной сумкой, которая напоминала чем-то солдатский вещмешок. Немного передохнув, он неспеша опустился на колени и вытащил из баула небольшой магнитофон. Заметив изумленные глаза великана, который от такой чудо-техники даже присел, коротыш спокойно

произнес:

- Земеля, тебе очень повезло... Хозяина сегодня дома не было, был его сын, который, наверное, еще не освоил науки торгашей... Одним, словом, я тебе отдаю этот маг... Потом, когда-нибудь еще мне доплатишь...

Кузнецов в ответ ничего не мог произнести, он молчал и нежно гладил руками магнитофон ярко черного цвета. Такую «сказку» он держал впервые в своей жизни...

Через месяц у рядового Кузнецова в его «загашнике» были уже новые джинсы, новые туфли и даже костюм коричневого цвета. Все эти тряпки он купил в один день на местном рынке у толстой немки. Женщина с большим удовольствием продала добротные вещи своего умершего сына двум парням в спортивных костюмах, которые вместо денег предложили ей целый вещмешок тушенки советского производства. В том, что продавцами съестного дефицита были руссские солдаты, женщина нисколько не сомневалась. Как и не сомневалась, что местные немцы ее тряпки купили бы за десяток марок, и то с большой натяжкой... Эта покупка Александра, как и его все последующие, не обошлись без активного участия Фарида, который никогда не забывал похвастаться перед ним своим «коммерческим» умом. Именно в день самой удачной покупки Александр впервые узнал имя своего друга. В Найденовке, да и вообще на гражданке, он очень редко кого-либо называл по имени. Среди молодежи это почему-то не было принято. Практически каждый имел кликуху, кое-кому она не нравилась. Кузнецову же все его кликухи нравились. Кем его на гражданке только не называли! Он был Кузей, Кузнецом, Силачем, Верзилой и даже Дебилом. Последнюю кличку ему пыталась прицепить еще в школе классная красавица Надька Сидорова во время написания контрольной работы по математике. Она, написав работу, с умным видом сидела и ждала звонка. На просьбы Саньки Верзилы дать списать решение последней задачки школьница никак не реагировала. Он не выдержал и со злостью дернул ее за косу. Обиженная со слезами на глазах повернулась к мальчишке, который сидел за партой позади ее, и громко произнесла:

- Товарищ Кузнецов, я не думала, что ты и в самом деле настоящий дебил... Недаром мои родители мне об этом говорили...

Санька с отличницей не разговаривал целую неделю, не устраивал он с ней и разборок. Мальчишку в тот же день вызвал к себе в кабинет директор школы. Здесь же математичка проверила его контрольную работу и поставила жирную двойку.

Свое имя Фарид армейский «коммерсант» Исхаков получил от своих родителей в честь своего деда, который в начале пятидесятых годов по комсомольской путевке приехал осваивать целинные земли Казахстана. Он был один из первых, кто своими руками возводил центральную усадьбу совхоза «Молодежный». Через год в новом доме состоялась комсомольская свадьба молодого татарина Фарида и молодой казашки Гульнары...

Наступил декабрь, последний месяц года. Мотострелковый полк продолжал оставаться на

месте. Ажиотаж по поводу быстрого «выноса ног» на какой-то миг опять стих, однако жизнь в военном городке бурлила и напоминала собою подобие вулкана или бушующего океана. Причиной этому были события, происходящие в Советском Союзе, который доживал последние дни и часы. 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще руководители России, Белоруссии и Украины подписали заявление о ликвидации Союза Советских Социалистических Республик. 25 декабря президент СССР М.С. Горбачев подписал акт об отставке. Над Кремлем спущен советский флаг. 26 декабря 1991 года Советский Союз прекратил свое существование...

Обитатели военного городка с утра до вечера обсуждали происходящее у себя на родине. Никто не знал, что там на самом деле творилось и почему так быстро развалился некогда мощный союз равноправных республик. Особенно жаркие дебаты происходили среди офицеров, которые собирались в курилках или в канцеляриях. Среди них были как оптимисты, так и скептики по поводу перспектив умершего Союза. Однозначного мнения не было, как и не было равных возможностей среди них по покупке всевозможного барахла в Германии. «Барахло» после распада великой державы приобрело особую актуальность и значение.

Масштабы покупки машин и тряпок у всевозможных командиров и начальников определялись их денежным довольствием или связями. Все это, в первую очередь, зависело от количества и размера звезд на погонах. Чем выше был начальник, тем больше он хапал. Об алчности командира части молодого подполковника Слюнькова и его жены в военном городке ходили разные слухи и сплетни. Верующих, в содеянное старшим офицером, было куда больше. Все доподлинно знали, что плешивый угнал во время отпуска очередной почти новенький «Мерседес». Затем в части появился никому незнакомый гражданский из России, который без всяких препятствий на новенькой «Хонде» с немецкими номерами въезжал на территорию военного городка. Гражданство кореша плешивого узнал дежурный по КПП, когда проверил его документы. Посетитель проверке сильно противился, все грозил расправой со стороны командира части. Даже пару раз матюкнулся. Неизвестно чем бы эта сцена закончилась, ежели бы не дежурный по части. По его команде был вызван караул. Начальник караула и двое солдат в один миг скрутили гражданского, и также без проблем загрузили его в багажник собственной машины. Слюньков появился в части только через пару часов. Кем или чем приходился плененный командиру части, никто не знал. Да и не до этого было. Политическая вакханалия на бескрайных просторах бывшего Союза пугала обитателей военного городка. Никому не было ведомо, кто и что их ждет во вновь созданных независимых странах, которые мгновенно образовались на обломках некогда советской империи. Неуверенность в завтрашнем дне заставляло всех бегать по всей Германии и покупать про запас...

Решил в конце концов «урвать» и капитан Макаров. Импортный автомобиль ему стал даже

сниться по ночам. Хотела иметь машиночку и Вика, которая с детской завистью смотрела на своих молодых подруг, пролетающих на иномарках вместе с папами и с мамами. Автомобильный рынок находился в двадцати километрах от Дахбау и поэтому супруги Макаровы решили совместить полезное с приятным, поехали на велосипедах. Решение купить машину именно в этот день было окончательным и бесповоротным, ради нее они намеревались пожертвовать своими велосипедами. На рынке машин было целое море, даже океан. В глазах русских рябило от изобилия всевозможных марок, типов и красок. Офицер с боевой подругой искал машину по своим деньгам и поэтому обходил стороной новые, дабы не травить себе душу и сердце. Только через час они решили «приземлиться» и сделали выбор на серебристом «Мерседесе». Александр и Татьяна не только пощупали руками и постучали кулаками по кузову машины, но и залезли в салон, покрутили баранку. Молодой продавец почему-то равнодушно наблюдал за супружеской парой, которая очень громко обсуждала на русском языке достоинства и недостатки машины. Попытки Макарова узнать у владельца цену железного «красавца» как на русском, так и на немецком языке заканчивались провалом. Подросток в ответ только улыбался и все бубнил по-немецки себе под нос:

- Айн момент, айн момент..., айн момент, геноссе, айн момент...

Такой «сервис» русским надоел и они решили немного побродить по рынку, надеясь «приземлиться» у очередной машины, более лучшей, чем та, цену которой они так и не могли узнать. Но увы... Машины по их деньгам не было. Через полчаса Макаровы опять приблизились к серебристому «Мерсу» и очень обрадовались. Возле иномарки стоял пожилой немец, дед подростка. Он был очень тощий и низкого росточка. Александр на немецком языке поприветствовал старика и затем также по-немецки поинтересовался стоимостью машины. Реакции, как на приветствие, так и на вопрос, не последовало. Покупатель повторил все опять только на русском языке, ответа опять не последовало. Вместо жестов или каких-либо знаков человеческого общения худое существо с ненавистью смотрело снизу вверх на того, кто намеревался купить его машину. Решила спросить о цене и Татьяна, не без успеха. Старик, как и раньше, продолжал молчать, но все-таки соизволил вскинуть перед лицом женщины свою худенькую руку с растопыренными пальцами. Супруги сначала жест немца не поняли. Только через неоднократное взмахивание его ручонки, они узнали стоимость железного «коня». Пяти тысяч марок у семейной пары не было. К тому же, они уже нисколько не сомневались, что это «создание» специально загнуло цену и по вполне понятным причинам. Немец жутко ненавидел русских. Макаровы в этот день без покупки не остались. Уже перед самым закрытием рынка они присмотрели «Опель-Рекорд». Немка, владелица машины, оказалась покладистой женщиной и поэтому торг длился не очень долго. Авто, которое пробежало по немецким дорогам сто пятьдесят тысяч километров, супруги купили за тысячу марок. Особенно радовалась удачной покупке

Татьяна. Она сидела на сидении рядом с мужем и все тараторила, что именно ей удалось «скосить» целых двести марок. Рад был и Александр, который иногда отрывал свой взгляд от дороги и страстно целовал губы своей любимой женщины.

Вечером обладатели иномарки собрались за семейным столом. Носителями радости и счастья в небольшой квартире были не только взрослые люди. Их дочь Вика сидела на стуле, как юла и все не могла скушать котлету с макаронами. Малышке было не до этого. Она с радостью рассказывала папе и маме о том, как ей было очень хорошо сидеть в машине, которую сегодня купили ее родители. Иногда девочка выбегала на балкон и кидала вниз фантики из-под конфет. Часть из них осядала на крыше голубой иномарки, которая уже была и ее машиной. Вика теперь уже могла «задрать» свой носик и гордо пройтись мимо Петьки Шаркова, отец которого уже давно имел черную «Хонду». Родители счастливого ребенка еще долго сидели за столом. Они сидели и после того, как тот крепко заснул. Папе и маме Вики Макаровой было о чем поговорить, поделиться своими проблемами и радостями. Покупка машины в какой-то мере скрасила житейские, да и армейские проблемы капитана Макарова. Теперь у него была машина, хотя и старенькая, но все-таки своя. Великана при этом уже не страшили всевозможные слухи о кошмарных перегонах машин через Польшу и Россию. Мужчина знал, что при перегоне придется давать взятки, а то и более... Ради счастья дочери и жены он в этот вечер был согласен все перенести и пережить. Александр, как и Татьяна, прекрасно знали, что им счастье на блюдечке с голубой каемочкой никто не принесет. У них была единственная дочь, и ради нее они готовы были работать не только головой и руками, но пожертвовать свой жизнью...

Наступивший год для рядового Кузнецова был дембельским. Каких-либо перемен в части, да и в жизни солдата, не произошло. Вся и все в городке волынили. Кое-кто из друзей и знакомых увольнялся. Особо тяжким было прощание боксера с сержантом Исхаковым. Сержантское звание на память ему «подарил» земляк Назарбаев из строевой части полка. Фарид «прицепил» три лычки перед последним построением на плацу, когда «дембеля» прощались со Боевым Знаменем части. Командир батальона майор Сиволапов, даже несмотря на свой низкий рост, все-таки сумел заметить у настоящего рядового новые знаки отличия, однако ничего не сказал. Офицеру не хотелось портить настроение увольняемому в запас. Да и ему порядком надоели всевозможные стрессы со своими подчиненными. Совсем недавно попало за дезертира, который убежал из второй роты. Убежал, как в воду сгинул. Сиволапова вызывали на ковер к командиру части, сильно он нервничал и в кабинете командира дивизии. В тот день у генерала по стойке «смирно» стояли три командира батальона, у которых «нашлись» дезертиры. Молодой генерал с большим наслаждением снимал «стружку» со своих подчиненных, не забывал и о матерной добавке. Один из комбатов, седой подполковник, даже всплакнул, когда командир соединения заговорил об его служебном несоответствии.

В день проводов увольняющихся погода была почти летняя. Дембеля, словно стрекозы, порхали по части. Каждый рвался домой, каждый строил планы на гражданке. Своими планами на прощание поделился и сержант Исхаков. Крепко обняв Кузнецова, он со слезами на глазах произнес:

- Ты, мой земеля, прости за то письмо... Я, честно говоря, нисколько не хотел тебя обидеть... Меня сейчас моя мамка тоже ждет...

На какое-то время он замолчал, слезы все больше и больше застилали глаза дембеля. Не сдерживал своих слез и Александр. Ему также очень тяжело давалась разлука с Фаридом, у которого он очень многому успел научиться.

- Знаешь, Кузнец, - сквозь слезы промолвил Исхаков, - после дембеля приезжай ко мне в Курканай... Заходи в отдел милиции, там у меня родственник работает. Он целый майор... Ты только скажи дежурному о том, что ты от Исхакова и тебе все двери будут открыты... И еще.. Я хотел было драпануть, но мне жалко мою мать и сестру... Боюсь того, что их там затюкают...

Кузнецов в ответ ничего не произнес, он только еще сильнее тискал в своих мощных руках небольшого и тощего казаха и почему-то весело смеялся. Затем он молниеносно схватил его под локти и с силой подбросил вверх. Исхаков от неожиданности на какие-то доли секунды даже опешил, но потом уже налету «отошел». Приземлившись, дембель восторженно произнес:

- Ну ты и сила, рядовой Кузнец, ну ты и сила... Б-о-л-шой такой и та-кой сил-ный... Тебе надо к нам в город ехать и боксом заниматься. У нас раньше была боксерская секция... А девок я тебе найду, только приезжай...

Машина с дембелями выехала из части только через час, после того как друзья тепло расстались. Командир части очень внимательно проверял документы увольняющихся, затем выступил с напутственным словом. Возле КПП части, тем временем, собралась большая толпа зевак. Александр, увидев Исхакова среди отъезжающих, помахал рукой и сильно прокричал:

- Фарид! Я обязательно приеду к тебе... Приеду обязательно, жди меня следующим летом...

Из машины раздался знакомый голос:

- Я понял тебя, силач... Приезжай, я буду тебя ждать, обязательно приезжай...

Кузнецов прощание с другом переживал очень тяжело и поэтому эту ночь практически не спал. Если на какие-то минуты он и засыпал, то ему снились страшные кошмары. Ему также пару раз снилась мать, которая почему-то стояла на краю пропасти и что-то причитала. Однажды она била березовой веткой по лицу своего сына.....

От этих кошмаров Александру становилось не по себе и он боялся заснуть в очередной раз. Дабы вообще не впасть в панику от этих сновидений, он стал мысленно прочитывать

единственное письмо от матери.Так он сделал несколько раз. Воспроизводил в памяти и свое письмо, которое совсем недавно отправил. Послание в родную Найденовку было очень коротким. Солдат надеялся написать больше и лучше лишь после ответа матушки. Он прекрасно знал, что отец был очень ленивый на поприще писанины. Кузнецов-младший на какой-то миг представил, как мать с его «писанием» ходит по деревне и рассказывает о подвигах единственного сына, который за все время службы бывал только пару раз на полигоне и пару раз на учениях. Стараясь отвлечься от грустных мыслей, навеянных снами, «старик» опять переключался на проводы Исхакова. Он, как взрослеющий мужчина, только сегодня и сейчас стал понимать не только смысл, но и ощущать силу армейской закалки, армейской дружбы. Александр нисколько не сомневался, что Исхаков куда больше «получал» свое и разное от старослужащих. В этой системе унижения был и сам он. Лишь благодаря природной силе и росту, ему куда меньше перепадало на пряники...

Очередное утро Кузнецов встретил без всякого интереса. На завтрак он не ходил, пайку ему принес дневальный по роте. Пролежать в постели до обеда Александру не дали, в подразделении появился командир роты. Верзила ротного очень боялся, не только как офицера, но и как боксера. Макаров пришел сразу же после завтрака и объявил, что в солдатском клубе через час состоится зачитка приказов, затем будет демонстрироваться фильм о происках спецслужб западных стран. Дембеля до центра культурно-массовой работы добирались самостоятельно, не исключением был и Кузнецов. Перед тем, как зайти в актовый зал клуба, солдат шмыгнул к полковому художнику сержанту Стрельникову. Он оформлял наглядную агитацию в полку и «крутил» фильмы солдатам. Земляки были разного призыва, однако это им нисколько не мешало по-настоящему дружить. Андрей числился по штату в роте капитана Макарова, а «служил» при начальнике клуба. Служба у художника и киношника была хоть почти гражданской, однако очень тяжелой. «Салага» редко приходил в роту спать, спал больше в художке. Причиной этому была динамичная жизнь в стране. Начальник клуба едва успевал обмозговывать и писать подчиненному всевозможные выдержки из великих мыслей руководящей партии. Капитан Коновалов нередко сам спал в обнимку с солдатом и с набором различных кистей, дабы утром доложить замполиту полка об «увековечении» решений партии и советского правительства. Кузнецов, посещая друга, неоднократно был свидетелем того, как политработник поносил все и вся, связанное с деянием того или иного представителя из когорты самых главных членов партии, в которой он состоял почти двадцать лет.

Красную книжечку члена КПСС Николай получил еще в стенах училища. На политработу попал совершенно случайно, службу начинал в должности командира танкового взвода. Сначала шло все нормально, почти как у всех. Однако через год получил партийное взыскание, казалось бы, из-за простой мелочи. Конспект руководителю группы политических занятий писала его жена, которая сначала была не только хорошей спутницей жизни, но и

примерной секретаршей. Затем боевая подруга совершила случайную ошибку, которая очень дорого обошлась ее мужу. О том, что она переписывает один раз в неделю «Коммунист Вооруженных Сил», новенькая поделилась с женой заместителя командира танкового батальона по политической части. Утром недавнего выпускника училища вызвали в канцелярию батальона, через час на партбюро объявили выговор, здесь же его вычеркнули из списка кандидатов на должность командира танковой роты. Фамилия политического очковтирателя называлась почти на каждом партийном собрании части. В молодой семье начались раздоры, первой не выдержала Людмила, стала изменять мужу. Замужней женщине из прославленного Забайкальского военного округа приглянулся холостой офицер из соседней части. Влюбленный капитан почти все свои «служивые» деньги тратил на развлечения новой подруги. О «шкодничестве» супруги Коновалов узнал от солдата, который нес службу неподалеку от офицерского дома. Минометчик приходил к Людмиле тогда, когда ее возлюбленный был в наряде или уезжал на учения. Лейтенант отсутствовал иногда неделями. Танкист решил жестоко наказать «блядохода». Однажды, сославшись на резкое недомогание во время стрельбы, он напросился к полковому врачу. В столь позднее время жена никак не ожидала увидеть своего Коленьку, не ожидал его и ее любовник. В эту ночь в офицерском доме был настоящий переполох. Разъяренный танкист жестоко расправился с ночными обитателями своей квартиры. Утюгом, который попался ему под руку, он пробил голову жене и сломал челюсть ее хахалю. Утром сразу в двух полках начались разборки. Коновалову объявили по партийной линии строгий выговор, наказал и командир полка. Через пару часов пьяный взводный на танке подъехал к штабу части и стал грозить его «переутюжить», ежели с него не снимут все взыскания. Срочно подняли по тревоге состав двух караулов, чтобы его угомонить. Командир полка на всякий случай лично сам вывел танк из парка боевых машин и поставил его перед воротами КПП. Боялся, что его подчиненный умчится на грозной технике за пределы военного городка и ринется на мирное население. Этого не произошло, да и преграда была излишней. До соседней деревни было слишком далеко, почти сто километров...

Некогда примерный коммунист после опохмелки вновь проходил «очищение» через все партийные инстанции. Коммунисты части единогласно поддержали решение первичной парторганизации, объявив члену КПСС товарищу Коновалову строгий выговор с занесением в учетную карточку. Дальше военная карьера у офицера пошла вообще наперекосяк. Пять лет тянул лямку взводного, затем направили в строевую часть артиллерийского полка, который находился неподалеку от турецкой границы. Два года пролетели незаметно, здесь же получил и капитана. Коновалов со своей судьбой окончательно смирился и был готов на любимом стуле с кожаной подкладкой «протирать штаны» до самой пенсии, но не получилось. Виной этому была уже не бывшая жена, а его подчиненный писарь. Солдат при оформлении личного дела заместителя командира части, который уходил на повышение,

случайно или специально не вложил в конверт партийную характеристику. Прошла неделя. Молодой полководец стал названивать и интересоваться своими документами. Строевик в ответ призывал будущего комполка к спокойствию... Через месяц Коновалова перевели на вакантную должность начальника клуба, здесь и пригодился его каллиграфический почерк...

Разговора, как такового, на этот раз у земляков не получилось. Помешал начальник клуба. Он, едва открыв дверь художки, разразился руганью в адрес своего подчиненного:

- Ты чего, салага, меня обижаешь? Я тебя спрашиваю, ты почему знамена из подсобки украл? Куда ты их, скверный подонок, унес? Где они, я тебя спрашиваю, товарищ сержант?...

Художник, он же и киношник, видя разъяренную физиономию шефа, на ругань ничего не отвечал. Он принял стойку «смирно» и «лупал» глазами. Вид невинной жертвы и вовсе вывел капитана из себя. Офицер, размахивая кулаками перед носом сержанта, продолжал кричать:

- Ты, сучье племя, наверное, немцам продал... Эти знамена наши роты привезли еще с целины... Я думал, что я их себе на память в Россию заберу...

Сержант Стрельников после этого умозаключения, скорее всего, только по-настоящему «врубился» и начал огрызаться на ругань начальника. Он, словно первоклашка, писклявым голосом прошепелявил:

- Никак нет, товарищ ка-пи-тан, я зна-ме-на ника-кие не брал, че-е-стное слово не брал... Да и зачем мне они?...

Однако Коновалов не унимался и продолжал его «добивать»:

- Я на все сто процентов уверен, что пропажа знамен это дело твоих рук... И как ты, советский воин, мог продать знамена нашей Родины чужим людям?...

Мысль начальника, наверное, очень понравилась Андрею и он решил опять огрызнуться:

- Товарищ капитан, - тихо прошептал сержант, - Вы говорите, что я предал и продал честь нашей родины, свою честь... Никак нет, товарищ капитан... Все и вся предали и продали те, кого я денно и нощно рисую... И Вы, товарищ капитан, не хуже меня это знаете и понимаете...

«Мудрая» мысль подчиненного наповал «убила» начклуба. Он в истерике задергался и со злостью посмотрев на своего художника, истошно завопил:

- Ах, ты стервец, салага вонючая, еще антисоветчину порешь... Я тебя, паршивец, сегодня же вечером на губу отправлю или сдам в отдел «молчи-молчи»...

На этом весь запас слов у капитана закончился. Он больше ничего не говорил, а только со злостью смотрел на солдата, с которым проспал бок о бок в художке десятки ночей. Противостояние между начальником и подчиненным было очень коротким. Офицер смачно выругался многоступенчатым матом и стремительно вышел вон.

После того, как дверь закрылась, художник громко рассмеялся и сквозь слезы проговорил:

- Знаешь, Санек, я эти знамена уже давно приметил. Они лежали мертвым капиталом под пресс-картоном в кладовке. Мысль продать их мне пришла неделю назад, когда мой шеф был на совещании. Немцы чуть было не подрались из-за этих тряпок... Жалко, что я немного продешевил...

Не прошло и пяти минут после стычки, как в художку кто-то постучал. Дверь медленно открылась и показалась голова полкового почтальона. Худенький солдат, словно его не кормили пару лет, очень осторожно сделал пару шагов в сторону Кузнецова и заискивающее прошептал:

- Силач, а тебе письмо пришло, правда без литера... Я решил его специально до твоего прихода приберечь... У нас в полку около десятка Кузнецовых... Возможно, это письмо тебе и предназначено...

Силач сообщению полкового почтальона очень обрадовался. По его «примеркам» ответ от матери он должен был получить, в худшем случае, как месяц назад. Почерк отправителя на конверте для Александра оказался незнакомым, он без всякого сожаления возвратил письмо назад. Вдруг что-то неземное ударило в его голову и почему-то неожиданно сжалось его сердце. Мысль о том, что, вполне возможно, что-то плохое случилось с его матерью или с отцом, страшно испугала старослужащего. Он быстро выхватил письмо из рук однополчанина и его вскрыл. Чем больше он читал, тем быстрее силы оставляли мощного парня. Кузнецов, не обращая ни на кого внимания, мигом рванулся из художки. Через пару минут перемахнул через забор и оказался в лесу. Здесь он дал волю своим слезам...

Содержание письма, которое было написано деревенской почтальонкой, для солдата было поистине трагичным. Баба Шура Лещева сообщала о смерти его матери. Антонида погибла в марте, погибла чисто случайно. Женщина пошла, как обычно она это делала, за питьевой водой к водонапорной башне. Набрала воды и потом направилась через редкий околок, дабы сократить путь к своему дому. На пути следования попала в старый колодец, который не успели по халатности засыпать. Селянка про этот колодец прекрасно знала, однако, ошиблась в его расположении. Снег основательно запорошил глубокую яму. Антониду нашли через два дня.

Покойница пролежала дома три дня, все ждали ее единственного сына из далекой Германии. Вызвать солдата пытался управляющий, он позвонил в военкомат. Там обещали помочь, однако ничего не сделали. Военный комиссар считал попытку безуспешной, так как многие воины-интернационалисты держали путь на восток. Да и точного адреса сибиряка в военкомате не было. По этой причине Александру не удалось проводить мать в последний путь. Почтальонка чисто случайно сохранила у себя дома конверт матери солдата, где она когда-то карандашом подписала конверт. Этот конверт бабка нашла через месяц после смерти Антониды и поэтому сразу же решила отписать ее сыну. В конце письма баба Шура сообщала, что Найденовка вся развалилась, остались одни немощные старики и старухи.

Упомянула и о деревенских немцах, все они за хорошей жизнью сбежали в Германию. В конце письма была приписка, что покойница пережила своего Николая совсем ненадолго... И еще... Антонида жутко обижалась на свою кровинушку, которая так и не дала ей весточку из далекой Неметчины....

Письмо шокировало солдата, он на некоторое время отключился от внешнего мира. Кузнецову никак не хотелось верить тому, что написала старая бабка. Сын не верил, что его мать умерла и что им никогда в жизни больше не суждено увидеться. Не верил он и в смерть отца, который всегда был здоровый, несмотря на то, что часто выпивал. Младший Кузнецов пьянки отцу прощал. Прощал потому, что этот мужчина, даже и пьяница, был его отцом, его родным человеком, который дал ему возможность появиться на этой земле. Несмотря на все выкрутасы родителя, мальчишка, да и уже взрослый парень, никогда не намеревался «поменять» его на другого мужчину. Он его любил таким, каким он был...

В казарму Кузнецов пришел очень поздно, все уже спали. Он прошмыгнул мимо спящего дневального и быстро разделся. Спать не хотелось, в голову настойчиво вползали мысли, одна страшнее другой. В висках очень сильно стучали какие-то молоточки, которые, как ему казалось, вот-вот раздробят его черепную коробку на мелкие части. Слезы то и дело текли из глаз солдата и падали на подушку. От слез она стала вскоре влажной. Чем больше Александр размышлял о письме, тем настойчивее приходил к ужасным выводам, с которыми он никак не хотел соглашаться. Ему было всего и только двадцать, но у него уже не было ни матери, ни отца. Он был на этой огромной земле один, один, как жалкая песчинка. И эта песчинка после смерти родителей была никому не нужна. Солдат снова и снова воспроизводил в памяти содержание письма бабы Шуры и все недоумевал, почему мать раньше не написала ему о смерти отца. Не понимал он и того, почему она не получила его письмо. Он ей отписал, хотя и очень поздно, но все равно дал ответ своей матушке. Послание единственного сына было очень короткое, но родители были бы и этому очень рады. В этом верзила нисколько не сомневался. Он только в армии понял цену короткой весточки с родины, не говоря уже о письмах от родителей, у которых всегда и везде болело сердце за своего родного ребенка. Солдат и баба Шура не знали, что причиной исчезновения солдатского письма была забастовка работников почты разваливающегося Советского Союза. Людям несколько месяцев не платили заработную плату. Тогда многие письма не дошли до своих адресатов...

Не прибавила жизненного оптимизма солдату и весть бабушки-почтальонки о жизни в Найденовке. Александр и раньше знал все эти беды. Крестьяне вымирали быстро и незаметно, словно мухи. От страшных воспоминаний по его телу пробежали мурашки, тревожно забилось сердце. Засыпающего солдата радовало то, что его односельчанка Полинка Краут уехала в Германию. В эту ночь он видел ее даже во сне и почему-то страстно целовал. Она просила Саньку остаться с ней навсегда...

Глава вторая. Дьявольское решение.

Желание остаться в Германии, остаться здесь навсегда, возникло у рядового Александра Кузнецова как-то неожиданно. Первопричиной этому, скорее всего, было страшное письмо из родной деревни. Чем чаще он раздумывал о своих бедах, тем больше в его голове накапливались довольно странные мысли, которые он «насобирал» во время прохождения военной службы. Все сводилось к одному: жизнь в бывшей ГДР, да и в объединенной Германии была куда лучше, чем в Найденовке или в Изумрудном. Довольно умный и серьезный прапорщик Чернов, который исколесил эту страну вдоль и поперек, также ничего плохого здесь не видел. Подлил масло в огонь и Исхаков. Фарид был также не прочь на этой земле осесть. Александр и сам был свидетелем, как кое-кто из офицеров-заменщиков со слезами на глазах покидал этот хоть и далеко не райский, но все же, радующий сердце и душу, уголок земли.

Многие воины-интернационалисты хотели жить в этой стране, однако только единицы отваживались рисковать ради этого. Не только потому, что эти единицы были эгоистами или имели большие возможности, чем тысячи или десятки тысяч других желающих сытно покушать. Нет, весь корень этой отваги был совсем в другом. Молодые люди, не имеющие жизненного опыта и видящие немцев через окна казарм, обнесенных высокими заборами, и то не все осознавали цену желаемого рая. Дорога к этому раю, иногда даже и приукрашенному, была тернистой, требовала больших нервов, и не только. На деле это означало дезертирство, даже предательство социалистической Родины. Кузнецова от этих мыслей часто бросало в жар. Перед глазами невольно всплывал эпизод принятия Военной присяги. В этот день он получил первую в своей жизни благодарность от ротного командира. За интересы священной земли русской, за лучшее будущее Александра, его прадед отдал на поле битвы свою молодую жизнь. От этих тяжких мыслей в его душе становилось еще «мутнее». Он так и не нашел могилу своего прадеда, хоть мать настойчиво просила это сделать. Не забывал он, погруженный в раздумья, и про наказ отца, который всегда учил своего Саньку честно жить и работать, с честью и служить. Знал он, притом очень четко, и о том, что ему будет грозить за дезертирство, за измену своей Родине. Об этом жужжали офицеры на каждом совещании, словно мухи. В части на всех и вся заводили всевозможные талмуды, дабы сократить поток дезертиров. Подписывали бумаги не только

военнослужащие, но и члены их семей. В советской части, находящейся на окраине немецкого города Дахбау, дезертиров было немного, пять человек. Один из беглецов успел даже вернуться назад, сержанта поймали немцы. От воспоминаний о полиции верзила невольно ежился. Усилия мотострелков по поимке собственных дезертиров почти всегда были безуспешными. О профессиональном «нюхе» полиции социалистической Германии среди советских военнослужащих ходили целые легенды. Из части тридцать лет назад убегал полковой писарь, наши искали его целую неделю. Тысячи солдат бегали по полям и полигонам, тонны бензина спалили, все было безрезультатно. Затем обратились к немцам, те привели беглеца через пять часов. Бедолага жил в гостинице на севере ГДР, собирался переплыть в Данию...

Боялся полицейских и Александр. Он довольно часто видел немецкие машины с мигалками на территории военного городка и, как ему казалось, сердце его останавливалось. От страха перед полицией мысли о дезертирстве у верзилы куда-то уходили, уходили и вновь появлялись...

Принять твердое решение убежать и остаться на этой земле навсегда Александру помог случай, притом очень неординарный. В середине июня рота капитана Макарова заступила в наряд по полку. В караул или на кухню Кузнецова не поставили. Старшина роты определил его в патруль. Задача патруля состояла в том, чтобы курсировать по внешнему периметру военного городка и немного «прихватывать» немцев. Сибиряк любил быть патрульным и поэтому готовился особенно тщательно. За полчаса до построения на развод полковая знаменитость выглядела на все сто процентов настоящим красавцем. Парадная форма сидела на солдате так отменно, что помощник дежурного по части не удержался и похвалил его за отличную подготовку к наряду.

После развода двое патрульных во главе с прапорщиком до самой темноты бесцельно бродили вокруг военного городка, иногда забегали на железнодорожный вокзал, где лакомились конфетами из автомата-магазина. Военнослужащим очень нравилась чистота и тишина небольшого немецкого городка, который мгновенно затих, как только покрывало темноты опустилось на землю. Утро у патрульных также прошло без чрезвычайных происшествий. За пределами военного городка не было замечено каких-либо фактов торговли или воровства, не «засекли» они и «самоходов»...

Чрезвычайное происшестве произошло среди белого дня, в часов двенадцать. ЧП по своему содержанию было довольно специфическое. Его совершили не обитатели военного городка, даже и не местные немцы. Участниками ЧП были русские немцы, аусзидлеры из бывшего Советского Союза. Верзила в военной форме раньше об этой категории немцев практически ничего не знал. В Найденовке их было единицы, почти все они уехали в Германию. Он тогда все это мимо своих ушей пропускал.

Патруль прапорщика Гребнева действовал очень четко и решительно, когда заприметил

на шлакоблочном заборе повисшую женщину. Рядом с ней стояла молодая девушка, которая зычным голосом по-немецки давала указания «верхолазке» для успешного спуска на землю. Тройка молодых и сильных парней мгновеннно рванулась к месту происшествия. Как рванулась, так и остановилась. Причиной этому была немецкая речь. В том, что молодая особа говорила по-немецки никто из военных не сомневался. Как никто не сомневался и в том, что указания немки были для них тайной, тайной по причине незнания языка страны пребывания. Обитателям военных городков было строго-настрого запрещено вступать в какие-либо конфликты с местным населением. Начальник патруля, памятуя о строгих указаниях сверху, уже намеревался послать гонца к дежурному по части, дабы проинформировать капитана об очередном посягательстве немцев на социалистическое имущество. Однако довольно забавная сценка из гражданской жизни взяла верх. Военные стали медленно двигаться к женщинам. Верхолазка, восседавшая на гребне забора, была очень толстой. Возможно, большой вес или страх мешал ей опуститься на землю. Лишь очутившись в самом «логове» ЧП, военные сиеминутно изменили свою точку зрения. Опуститься на землю толстухе мешал ни ее огромный вес, ни ее большие груди, даже и ни ее толстый зад, а большая черная сумка, которую она почему-то держала в зубах. Двое солдат быстро подбежали к забору и осторожно сняли с него бедолагу. После выполнения интернационального долга у Кузнецова чуть было «картуз» с головы не упал, когда он услышал от женщины слова благодарности на русском языке. Вступать в разговор с русскоговорящей немкой солдатам запретил начальник патруля. Прапорщик потребовал от женщины отдать ему черную сумку, в которой, как он предполагал, могли находиться боеприпасы или оружие. Та в вежливой форме отказывалась это сделать. Гребнев несколько отошел назад и буром двинулся на толстуху. Женщина, словно тигрица, отпрянула назад и оступившись, упала спиной на землю. Этим и воспользовался начальник патруля, он очень ловко выхватил из рук незнакомки сумку. Получив вещественное доказательство, прапорщик неспеша направился в сторону КПП части. Не успел он и сделать двух шагов, как позади себя услышал настоящую матерную брань на родном языке. «Насильник» нисколько не сомневался, что все это «принадлежало» ему. Гребнев резко повернулся в сторону толстухи и зычным голосом отдал приказ на задержание матерщинницы. Двое патрульных быстро подхватили женщину под руки и повели ее к дежурному по части. Метров через десять у солдат получился конфуз. Представительница слабого пола мгновенно осела на землю и начала в адрес начальника патруля опять браниться:

- Прапорщик, ты толстомордый, все тебе мало, все воруешь и пьешь... У меня такой же дурак был... Славу Богу, что он прибрал его в Союзе...

Незнакомка продолжала сидеть на земле и костерить военных. Патрульные в растерянности стояли возле своей жертвы и ждали указаний от начальника. Тот на какое-то

время также растерялся и почему-то без всякого внимания к толстой персоне смотрел на ее похождения. Скорее всего, женщина и успокоилась, если бы не молодая девушка. До этого она не была источником повышенной опасности для военнослужащих, молодуха лишь тихо наблюдала за происходящим со стороны. Сейчас же она во всю прыть бросилась к очень высокому солдату и резко провела своей рукой по его физиономии. У Кузнецова мгновенно на щеке появилась кровь... Дальнейшей экзекуции воин-интернационалист не позволил. Он обеими руками схватил обидчицу за талию и с силой бросил ее на забор. К счастью, все обошлось без ушибов и падений. Девушка, наверное, сама этого и неведая, мертвой хваткой зацепилась обеими руками за шлакоблочную плиту. Увидев на заборе молодую особу, которая вполне удобно на нем сидела, верзила весело засмеялся. Смех солдата только рассердил «орлицу». Она, скорее всего, зная о том, что военным запрещено распускать кулаки, решила во что бы то ни стало их растоптать. Молодая «верхолазка», как и толстуха, только пятью минутами позже, громко запричитала:

- Солдафоны, несчастные вонючки... Я про вас много слышала и читала... Правда немцы говорят о том, что вы стаями по лесам бегаете, да кашу вонючую жрете... Нашли управу на своих же женщин, сами небось каждый день по морде от стариков получаете...

Что тараторила молодая девушка, из военных никто не слушал. Прапорщик Гребнев, оставив жертвы слабого пола под охрану солдат, ускоренным шагом направился в сторону КПП. Через минут десять появился начальник караула с двумя вооруженными солдатами. Увидев серьезное лицо молодого лейтенанта, толстуха мгновенно вскочила с земли и спокойно последовала за офицером. По бокам от нее с оружием наизготовку шли караульные. Прямо по пятам толстухи следовала молодая «орлица», которая не без помощи Кузнецова «приземлилась». В помещении дежурного по части патрульные узнали о новых приключениях, главными героями которых также были российские немцы. Перед капитаном Макаровым стояли двое мужчин. Они, словно провинившиеся школяры, смотрели вниз себе под ноги. В самом углу дежурки на стуле сидел мальчишка, которому было лет десять, а может и чуть-чуть больше. Рядом с ним стояла женщина. Офицер приходу очередных русскоговорящих нарушительниц был очень рад, он быстро выпроводил солдат из дежурки и плотно закрыл за собой дверь...

Воспитательный процесс гражданских лиц у дежурного по части затягивался, прошло уже около часа. Патрульным околачиваться возле дежурки порядком надоело. Напарнику Кузнецова страшно захотелось пить и он предложил верзиле сходить в солдатскую столовую, надеясь «глотнуть» там по кружке киселя или компота. Солдаты с большим удовольствием по-братски разделили полчайника киселя, успели поболтать еще и с хлеборезом. Через пару минут после прихода патрульных дверь дежурки открылась и показалась голова капитана Макарова. Он, увидев Кузнецова, который уже намеревался «улизнуть» в солдатский клуб, строго произнес:

- Рядовой Кузнецов, сопроводите гражданских лиц за КПП и потом мне доложите...

После этих слов голова офицера быстро скрылась, как и появилась. Гражданские вышли из помещения дежурного по части не сразу, минут через пять. Кузнецов при появлении аусзидлеров подтянул ремень на поясе и подобрал живот, затем принял суровую мину и решительно направился в сторону контрольно-пропускного пункта. Двое мужчин, три женщины и мальчишка покорно последовали за ним. Солдат решил проводить русских немцев до парковочной стоянки, которая была возле железнодорожного вокзала. Ходу дотуда было минут десять, не больше. Сначала гражданские побаивались высокого и довольно мощного военного. После десятка метров от КПП один из них «вскипел». Вскипевшим был низкорослый мужчина, поджарый, даже тонкий. Солдату казалось, что этот тип недавно прибыл из концлагеря. К тому же, по непонятным ему причинам, тонкий был в кроличьей шапке, хотя на улице зашкаливало за двадцать градусов тепла, а то и больше. После того, как за немецкими домами окончательно скрылся военный городок, мужчина в шапке взбеленился еще больше. Если раньше он возмущался всей Советской Армией, то сейчас объектом его матерной атаки стал дежурный по части, который, как оказалось, отобрал у него целый ящик русской водки. Ради спиртного и приехали в военный городок две семьи. Чего только не услышал патрульный о своих отцах-командирах! Окончательно «расплавиться» поджарому мешала его жена, которая была фигурой под стать своему мужу. Женщина то и дело успокаивала супруга:

- Ну, ты Петенька, мой петушок, не кипятись уж больно так сильно... Черт с ней с этой водкой... Путь это хамло наше добро, купленное на честные деньги, выхалкает...

Поддавал «жару» и мальчишка. Он то и дело подбегал к отцу и жалобился:

- Папа, папка, я когда пролезал через забор, то меня один солдат черный поймал... Он за пропуск в магазин просил одну марку... Я сказал, что у меня денег нет... Он, мудак, мне не поверил и стал мои карманы обшаривать... Этот мудак две марки забрал...

Для пущей убедительности мальчишка забегал впереди родителей и выворачивал наизнанку карманы своих брюк. Он также успел это проделать и перед солдатом.

Оживленное сострадание семейства тощего по причине незаконного изъятия водки дежурным по части, часто смачиваемое матерной бранью, рядовому Кузнецову быстро надоело. Он решил приотстать. К его удивлению замедлила ход и девушка, которая недавно «испустила» из его физиономии кровь. Кузнецов то и дело бросал взгляд на обидчицу. Та, несмотря даже на свою дикость и прыть, ему нравилась. И поэтому он первым начал разговор:

- Девушка, а что у Вас в нашем гарнизоне получилось? Ведь Вы тоже русские... Все из вас говорят по-русски...

Молодая особа военному человеку сначала ничего не ответила. Она только почему-то улыбалась и все смотрела на высокого и красивого парня, который продолжал ждать ответа

и поэтому молчал. Игра в молчанку продолжалась недолго. Девушка, как только они вышли на улицу, ведущую к вокзалу, оживилась и тут же заговорила:

- Начальник у Вас очень щепетильный попался. Все наши документы разглядывал. Хотел даже у нашего Витьки, моего брата паспорт потребовать...

На какой-то миг она замолчала, продолжал молчать и Александр, которому сейчас почему-то очень хотелось извиниться перед девушкой и ее родителями за настоящее, как ему казалось, солдафонство дежурного офицера. Патрульный, наверное, это и сделал, ежели бы не аусзидлерша, которая нарушила молчание. Она, окинув взглядом верзилу, с большим сожалением в голосе продолжила:

- У нас так сначала все шло гладко, если бы не этот начальник с повязкой... Он встретил нас прямо на пороге магазина, где все дешевле, чем у немцев. Мой отец и наш сосед по хайму купили целый ящик русской водки, да и мама кое-что себе из продуктов питания купила... Начальник водку забрал, остальное не трогал. Все грозил нам в следующий раз не попадаться, в противном случае, мы окажемся на губе...

Упоминание о гауптвахте очень сильно рассмешило военного. Кузнецов заразительно засмеялся, что идущие впереди невольно оглянулись. С ним одновременно смеялась и его новая знакомая... Патрульный сопроводил гражданских до самой стоянки автомашин. Отец и мать девушки после некоторого раздумья решили еще раз прошвырнуться по магазинам. Решение родительской четы Александр встретил с большой радостью. Он решил поближе познакомиться с Настей, так звали позднюю переселенку. Прогулка молодых людей по городу продолжалась чуть больше часа. Заводилой в разговоре была девушка, солдат только иногда кое-что у новой знакомой переспрашивал или просто-напросто поддакивал.

Настя, которая была всего на чуть-чуть младше солдата, успела за короткую жизнь, как и он, узнать почем фунт лиха. Родилась она в небольшой сибирской деревне, где в основном жили русские немцы. Девушке нравилась малая родина и речка, где было очень много рыбы. Был у нее и жених, русский парень, который учился на инженера. В Проказино упорно ходили слухи о предстоящей свадьбе молодого инженера-электрика и студентки второго курса педагогического института. Но увы... Свадьба не состоялась. Жизнь распорядилась по-иному. На территории громадной страны начался большой беспредел, который дошел и до сибирской глубинки. Деревни разваливались, словно карточные домики. Немецкая деревня держалась только за счет трудолюбия ее жителей, но и у них предел кончился. Крестьянам годами не давали зарплату, неделями сидели без электрического света. Многие русские в своем будущем видели только черные краски. У немцев, наоборот, появилась надежда на лучшее будущее. Этой надеждой стала Германия. Буквально за один год некогда чистая и добротная деревня вымерла. Немцы от мала до велика уехали на историческую родину своих предков. Уехали без копейки в кармане, добротные дома и хозяйственные постройки никто не покупал. Жители окрестных деревень, да и горожане,

прекрасно знали, что «немчура» все равно не найдет богатых покупателей в этой, забытой Богом, деревне. Через час после отъезда немецкой семьи в пустой дом беспардонно заселялись новые жильцы. В основном, это были казахи, которые нередко «заселяли» в чужие, ухоженные дома свою скотину...

Александр Кузнецов встретился со своей новой знакомой на следующий день. От Дахбау до города Бонхаус, где в общежитии со своими родителями жила Настя, было не очень далеко. Всего три остановки поезда. Солдат решил пять марок сэкономить на билете и поэтому ехал «зайцем», доехал без проблем. Своего земляка девушка встретила на железнодорожном вокзале. Она была без ума, когда увидела бывшего патрульного в добротном костюме коричневого цвета. Шикарно на парне смотрелись и черные туфли. Увидев девушку, Александр ловко спрыгнул с подножки поезда и уверенным шагом направился к Насте. Не доходя пару шагов, он из-за спины высвободил левую руку и протянул аусзидлерше красную розу. Та в ответ ничего не произнесла. Она только почему-то очень крепко сжимала руку высокому парню и улыбалась, выставляя, словно напоказ, свои красивые зубы. Потом они пошли гулять по городу. Бесцельное брожение вскоре надоело. Молодые люди зашли в небольшое кафе, оно находилось на отшибе от главной улицы города и соседствовало с небольшим зеленым скверико м. Такая «география» молодую парочку очень обрадовала. Девушка не хотела попадать на глаза многочисленных обитателей русского хайма, красивый парень также не хотел «светиться». Он все еще боялся военных патрулей, те могли без проблем определить «родных» по их короткой прическе или походке. По этим приметам советских солдат «вычисляли» и кое-кто из местных немцев, не говоря уже о полиции...

Молодым людям сейчас нужна была тишина и спокойствие, они жаждали человеческой близости. Александр в течение двух лет не прикасался к женской руке, ему порядочно надоели «мужланы» в военной робе, которые день и ночь бегали по казарме. Общения хотела и аусзидлерша. Душа и сердце подсказывали ей, что она встретила порядочного парня...

Два красивых человеческих создания просидели и проболтали в кафе довольно долго, часа три. Они уже успели давно забыть, как в первые же минуты пребывания «расправились» с парой тоненьких сосисок на нос. Каждого «душил» голод, тяжелели веки от вчерашнего недосыпания, но никто не хотел признаваться в этом. Общее у них определялось не только физическими потребностями любого человека. Каждый из них прошедшей ночью в голове и в душе построил свои потаенные мысли и планы. Особенно в этом преуспевал солдат, ему очень хотелось узнать все у своей знакомой о жизни в России и в Сибири. Кое-что «припас» он и для расспроса о жизни в Германии. Аусзидлеры знали намного больше о здешней жизни, чем он, солдат, который официально пару раз за два года сходил в увольнение и то под «стражей». Девушка, как и во время первой встречи, довольно

быстро вводила парня в курс международной и здешней жизни. Она еле-еле успевала отвечать на вопросы Александра, который к концу женского монолога успел уже забыть вкус немецкого пива. Настя же с яблочным соком расправилась только перед уходом. «Любознательный» приехал на свидание и на следующий день...

Прошло ровно две недели после того, как патрульный рядовой Кузнецов при необычных обстоятельствах познакомился с симпатичной русской немкой. Она ему очень нравилась. Ей также нравился солдат русской армии, который вот-вот должен был «унести ноги». Лишь через две недели девушка пригласила парня в общежитие. В хайме новенький очень быстро нашел себе корешей, которые в большинстве своем заискивали перед мощным и высоким солдатом. Кузнецов не пренебрегал знакомством с обитателями «русского острова свободы», так называли свой хайм молодые ребята. Он играл с ними в карты, по-настоящему и «врезал». Однажды он так сильно напился, что ночевал в машине приветливого Юрки Вайса, переселенца из Казахстана.

Информацию, полученную во время визитов в хайм, Александр постоянно «перерабатывал». Кумекать приходилось довольно основательно. Ужасающая картина жизни, которая воцарилась в его Найденовке, наводила парня на довольно мрачные мысли. Прозябать в глухой деревушке или в другом месте большой страны ему не хотелось. Родители умерли, родных и близких не было. Специальности также нет. Все это довольно часто приводило его к одной мысли: надо бежать из части и остаться жить здесь, в этой стране. Ошибку в своем решении солдат исключал. Немцы из Советского Союза десятками тысяч приезжали сюда и мгновенно растворялись в городах и в деревнях небольшой страны. Приехавшие жили неплохо, даже очень неплохо. Жильцы «русского острова» ходили с довольными физиономиями, многие уже купили машины. Любители других ощущений тянули пиво и курили дорогие сигареты. Обо всем этом мечтал и Санька Кузнецов из глухой деревни Найденовки, до сытой реальности надо было только руку протянуть...

Массовое бегство русских немцев из некогда великой страны Александр во многом поддерживал. Тоталитарный режим СССР в прошлом и в настоящем вынуждал этих трудолюбивых людей эмигрировать на историческую родину своих предков. Массовая эмиграция была вызвано рядом причин. К причинам общественно-политического характера относилось то, что негативные последствия антинародной политики КПСС, проводимой на протяжении нескольких десятков лет, в значительной степени подорвали генофонд немцев, способствовали их физическому уничтожению. Сказалась также и длительная дискриминация немцев в религиозной области. Они перестали больше верить в пустые обещания официальных властей о предоставлении конституционных прав и возможности цивилизованного существования в СССР, не говоря уже о возрождении немецкой государственности в стране. Побудительным мотивом, способствующим росту эмиграции,

явились и такие негативные явления, как пьянство, воровство, взяточничество, чиновничий бюрократизм, отсутствие порядка и справедливости. В период псевдоперестройки, порожденной партноменклатурой, все эти негативные явления приобрели массовые масштабы. Переход России к так называемой рыночной экономике просоветского типа породил новые негативные социально-политические и экономические явления: как безработица, несвоевременная выдача зарплаты, растущая преступность и коррупция, что способствовало нарушению норм цивилизованного человеческого общежития...

Для выезда на историческую родину своих предков у немцев Советского Союза были и причины личностного значения. Многие из них хотели воссоединиться с родственниками, проживающими в ФРГ. Желание и возможность достичь на исторической родине большего уровня материального и культурного благополучия также вынуждало людей покидать страну. Число уехавших с каждым годом возрастало. После падения Берлинской стены в 1989 году в ФРГ приехало 98134 человека, в 1990 году - 147950 человек. В 1995 году в страну въехало 209409 переселенцев...

Придавала «духу» для побега Кузнецову и информация о советских дезертирах из Западной Группы войск. Во время пирушек с молодыми аусзидлерами голова солдата пухла от всевозможных слухов. Александр от информации некоторых ребят о том, что в лесах Германии бродят сотни, а то и тысячи вооруженных советских солдат, в прямом смысле хватался за голову. Десятки беглых попросили политического убежища в стране... Душа верзилы ликовала, он был на правильном пути. Желание остаться в ФРГ, чтобы здесь счастливо и сытно пожить, все больше и больше обуревало солдатом...

Одновременно Кузнецов кому-то и чему-то верил, многое и отметал. Россказни он иногда перепроверял во время зачиток приказов, пугающих солдат за дезертирство из части. Солдат, дабы узнать правду о дезертирах, стал читать подшивки газет, которые лежали в Ленинской комнате. Он, честно говоря, с первого дня службы внимания, как такового, к этому источнику информации не проявлял. Да и многих его сослуживцев все это не интересовало. Все прекрасно знали о том, что правду о стране, да и об армии, никто и никогда не писал, и не напишет. Благодаря усилиям замполита и командира роты подшивки некоторых газет сохранялись за год, а то и за два. Офицеры использовали из них кое-что для написания конспектов. Управленцы подразделения, дабы часть бумажной «брехни» не нашла своего применения в солдатском туалете, газеты складировали в канцелярии. Во время приезда больших начальников подшивки занимали свое место в Ленинской комнате. Солдаты, желающие почитать, приходили к ротному писарю, тот под расписку их выдавал. При возвращении все газетные номера тщательно проверялись.

Впервые скупую информацию о беглецах в военной форме новобранец прочитал в газете «Красная Звезда», прочитал вскоре после принятия присяги. Заметка салагу очень заинтриговала. В 1988 году из ГСВГ убежало двое солдат-эстонцев в Америку, там они

надеялись найти лучшую жизнь. Военный корреспондент, рассказывая об этом, одновременно сожалел о бедолагах, которые поддались на приманку западных средств массовой информации. Александр в тот вечер также сомневался, что в далекой Америке жизнь может быть лучше, чем на его родине. Американский образ жизни его очень пугал. Здесь же, в военном городке, который находился на территории социалистической Германии, ему было хорошо, его никто и ничто не страшило. Салага довольно часто прогуливался по территории части и восхищался техникой и вооружением, находящихся у русских. Оснащение и на самом деле было первоклассным, в этом он неоднократно убеждался во время учений или стрельб. Причастность к этой армаде и к тем людям, которые владели этой техникой, вызывали тогда у молодого солдата определенное подозрение к тем, кто покидал воинские части.

Официальная пресса, как советская, так и немецкая, приводила разные данные о численности беглых. Командование ЗГВ вообще отрицало наличие на территории ФРГ вооруженных дезертиров из числа советских солдат. Основными причинами тех, кто покинул подразделения, были неправильные действия к ним со стороны сослуживцев и некоторых командиров. Что означали «неправильные» действия молодой солдат Кузнецов прекрасно знал, он это уже на своей шкуре испытывал...

На деле, согласно официальным властям, все оставалось также, как было раньше. В самой мощной армии мира, состоящей из рабочих и крестьян, никакой дедовщины не было и нет, никто никуда не убегал. Самое лучшее было и есть только в ГСВГ. Здесь лучшая боевая готовность, очень высокий и моральный дух. Корреспонденты со звездочками и без них дружно писали о внезапно нахлынувшем единстве духа ЗГВ и жителей объединенной Германии. В январе 1991 года более 25 тысяч пакетов с подарками было передано советским воинам девяти гарнизонов в земле Тюрингия. Эта благотворительная акция была проведена по инициативе ХДС западногерманской земли Рейнланд-Пфальц. 17 февраля этого же года в 23 гарнизонах ЗГВ впервые в истории ГСВГ прошел «день открытых дверей». Тысячи немцев посетили казармы. В этот же день в советском гарнизоне Гримме земли Саксония руководство земельного округа поблагодарило советского солдата Мехмедова за спасение утопающего семилетнего мальчика Марселя Раббе. Александр, к сожалению, участия в спасении местных жителей не принимал. Немецкие подарки обитателей военного городка в Дахбау обошли стороной..

Поделиться своими сокровенными мыслями с Настей Кузнецов хотел еще во время первого свидания в кафе. Они тогда многое друг другу начистоту выложили. Однако он почему-то не до конца излил свою душу во время первой встречи, не излил ее и позже. Он очень боялся серьезных глаз девушки. Ему казалось, что они мгновенно отторгнут не только его дьявольское решение о побеге из части, но и отторгнут его душу и сердце. Отторгнут навсегда. Солдат страшился одиночества, после смерти родителей оно стало для него

настоящей пыткой. Не скрадывал душевную пустоту и армейский быт. Многие военнослужащие, ожидая «выноса», уединялись в небольшие группы, кое-кто пьянствовал или воровал. Не до земляка было и капитану Макарову. Он основательно «забил» на службу и носился с женой по немецкому городку, дабы купить больше шмоток для семьи.

Освободиться от душевной «занозы» Александр решил первого июля. Повод был основательный, Насте в этот день исполнялось ровно двадцать лет. Больших денег у кавалера не было, после увольнения Исхакова он только пару раз «базарил» и то по мелочам... Без цветов к именинице не пришел. Перед тем, как оказаться в поезде, он рано утром «посетил» небольшую дачу немцев. Девушка приходу парня очень обрадовалась и не удержалась от легкого поцелуя в щечку своего поклонника. Большой букет красных и белых роз от солдата был изумительный...

В эту ночь рядовой Кузнецов впервые за все время службы в Западной группе войск не ночевал в подразделении. Немка из России поддержала решение любимого покинуть воинскую часть и остаться жить на исторической родине ее предков. Она обещала сделать все возможное для его счастья. Первоиюльская ночь для военнослужащего русской армии была необычной ночью. Именно этой ночью в городском парке, в этом уголке земли, благоухающем изобилием цветов и запахов, он решил круто изменить свою личную жизнь. Полупьяная молодая особа, задыхаясь в крепких объятиях статного красавца, обещала ему стать не только надежной опорой, но и любящей женой...

Отсутствие рядового Кузнецова для офицеров роты осталось незамеченным. Никто не заметил и саквояжа, который он прятал в лесу неподалеку от парка боевых машин. В стареньком портфеле лежала солдатская «роба», в которую великан переодевался, возвращаясь из самоволки. В подразделении утром еще несостоявшегося дезертира ожидала сногсшибательная новость. Мотострелки покидали военный городок ровно через неделю. В этом уже никто не сомневался, не сомневался и верзила. Александр решил действовать, как можно быстрее. После обеда он направился в лес, где был его тайник. Небольшая яма, прикрытая дерном, сейчас ему не внушала доверия. Он доподлинно знал, что подобных тайников в этом сосняке десятки. Солдат, гонимый тревожной мыслью, «исследовал» практически каждый метр небольшого леса. В своих предположениях армейский старик не ошибся. Он нашел еще три подобных тайника, все они были «забиты». В одном лежал короткий автомат Калашникова и цинковый ящик патронов, в остальных были продукты питания. От такого «улова» Кузнецов даже присел на землю. Мысль о том, что все это надо забрать и сделать надежный тайник подальше от этого леса, пришла ему мгновенно. В роту он пришел только к ужину, рота уже кушала. Стрелок-зенитчик спал этой ночью, как убитый. Он был уверен, что его тайник никто и днем с огнем не сыщет...

Время до отправки эшелона Кузнецов также не терял даром. Тайник, которым служила заброшенная дача, пополнился двумя картонными ящиками с гречневой кашей и тушенкой.

Без проблем вместились сюда и два матраца с одеялами. Александр был практичным человеком. Он приносил в маленький домик буквально все, что могло пригодиться для проживания. Дальнейшая жизнь не исключала трудностей. Уму-разуму, пусть даже примитивному, учила его деревенская жизнь, весомую лепту внесла и служба в армии.

Мотострелковый полк по плану выходил из городка глубокой ночью. «Славянка» не предусматривалась, армейские чиновники боялись нарушить покой местных жителей. Все и вся проходило без официальной помпезности, отсутствовали и представители городской власти. Кузнецов после ужина долго бродил по казарме и почему-то равнодушно смотрел на всю суматоху последних сборов и приготовлений. В трехэтажном здании был настоящий кавардак. В спальных помещениях двери были сломаны, выбиты стекла в окнах. Все стены, даже часть потолков были исписаны и разрисованы. Свой автограф в коридоре оставил и Александр, который острием штык-ножа написал свою фамилию и год дембеля. Каждый солдат в этот период действовал по своему «усмотрению», надеясь наилучшим способом приготовиться к многодневному маршу в центральную Россию. Марш предстоял тяжелый, без немецкого комфорта...

Верзила до самого подъема не спал. Все переживал и перепроверял свое решение, от страшных мыслей иногда становилось дурно. Его сердце, как ему казалось, вот-вот остановится или вылетит из грудной клетки. Трещала и голова. Солдат то и дело поглядывал на свои командирские часы. До подъема оставалось около часа. На какие-то мгновения Александр заснул, заснул неожиданно для себя и для своей изболевшейся души. Во сне он увидел своих родителей, отца и мать. Сын лицо отца почему-то воспроизводил очень смутно, мать же видел отчетливо, словно живую. Видел каждую морщинку на ее красивом лице. Его только очень сильно поразили глаза женщины, они были очень грустными. Александр не мог понять странного поведения своей матушки, которая со слезами на глазах, улыбалась и приговаривала:

- Санечка, ты мой единственный... Задумку свою делай дальше... Это тебе волей Божьей предписано.... Иди дальше, ступай тверже... Бога нашего нельзя гневить... Иди дальше, моя кровинушка...

От пророческого сноведения Кузнецов проснулся и сильно вскрикнул, все его тело было влажным. На некоторое время он отключился от сего мира. Потом стал щупать руками свое лицо, словно проверяя наличие себя, как человека на этой земле. Затем резко опустил ноги на пол. Пришедшие ощущения свидетельствовали, что он лежит в военной форме на металлической сетке кровати и находится в небольшом спальном помещении. И это заставило его опять окунуться в мир земной жизни. Время неумолимо двигалось вперед. Что с ним произойдет дальше, что он будет делать сейчас или позже, он и сам не знал. До принятия окончательного решения оставалось тридцать минут, не больше и не меньше. Александр прекрасно одно лишь осознавал, что сейчас он владыка своей судьбы. Именно

он, и никто другой, обязан был принять это очень важное решение. В эти полчаса цена его ставки была чрезмерно высока, просчет мог грозить жизненной катастрофой. Сейчас он очень боялся своей нерешительности, а может, даже и своей трусости. Если его желание дезертировать дойдет до офицеров, то ему не сдобровать. Кузнецов опять посмотрел на часы, до команды дежурного по роте оставалось десять минут. Он быстро вскочил с кровати и также быстро покинул расположение роты...

Только через два часа открылись ворота контрольно-пропускного пункта части. Мотострелки покидали военный городок, покидали навсегда. Все те, кто шел в строю, прекрасно это знали и понимали. Кое-кто из офицеров украдкой смахивал слезы и не без причин. Из них никто и никогда уже больше не приведет с учений своих подчиненных на этот очень уютный клочок земли. Здесь уже никогда не будут раздаваться военные марши, от которых большинство местных немцев было без ума. Были и те из них, кто злорадствовал по поводу военной мощи страны Советов. Злопыхателей становилось все больше и больше, особенно в последнее время, когда было принято решение о выводе советских войск из Европы...

Капитан Макаров выходил со своей ротой в составе полка. Желания, как такового, покидать военный городок у него не было. Он очень тяжело переносил «вынос», однако старался быть примером для своих подопечных. Его сильный голос раздавался везде и это помогало солдатам и офицерам. Он лишь несколько сдал, когда в последний раз проходил мимо «своего» офицерского дома. В двухкомнатной квартире пятиэтажки он вместе с женой и дочкой прожил без малого пять лет. Сейчас небольшое строение в темноте было неузнаваемо, было даже зловеще чужим. От этого чувства и ощущения ему стало холодно. Он невольно поежился, хотя на улице была июльская ночь. Александр после того, как рота в последний раз переступила порог КПП, неожиданно вышел из-строя, вышел не для подачи очередной команды или указания. Его боевая сотня шла на станцию погрузки спокойно, соблюдая гробовую тишину. И эта тишина седого офицера не только пугала, но и страшно на него давила, давила, словно самый большой пресс на этой планете. Ему было очень стыдно и обидно за себя и за своих подчиненных, которые с оружием в руках уходили очень незаметно с той земли, которую полвека назад освободили от фашизма их деды и прадеды. Седовласый капитан, и сам не зная почему, все стоял и смотрел то на казарму, то на дом. Слезы, словно капельки утренней росы, медленно падали из глаз и также медленно скрывались среди заросшей его щетины.

Из состояния нервного оцепенения ротного командира вывел лейтенант Макорин, взводный. Подчиненный был весь в «мыле» и очень расстроен. Он, скорее всего, от усердия перенапрягся и поэтому тяжело дышал. Офицер, увидев начальника, быстро надел на свою плешивую голову фуражку защитного цвета и громко отрапортовал:

- Товарищ гвардии капитан, я этого Кузнецова всю ночь ищу... Вчера днем и вечером его

видели, а сейчас его нет... Этот боксер, словно сквозь землю провалился... Я думаю, что все обйдется без ЧП. Дембель законы знает и шутить с ними не будет...

Капитан Макаров на доклад своего подчиненного никак не прореагировал. Он продолжал стоять и смотреть в сторону военного городка. Взводный, увидев слезы на глазах мужчины-великана, решил больше его не докучать своими умозаключениями. Он еще раз козырнул и ускоренным шагом направился догонять свой взвод. Через несколько секунд он уже скрылся в одноликой толпе вооруженных молодых людей. За ним тотчас же последовал и его старший командир...

Александр Кузнецов после того, как незаметно проскользнул мимо дневального по роте, быстро рванулся в сторону спортивного городка и спрятался за щитом из пресс-картона. На щите был изображен красивый и подтянутый солдат с голым торсом, висящий на турнике. Он чем-то походил на сибиряка. На спортплощадке стрелок-зенитчик бывал частенько, особенно в первый год службы. На втором году «качать» мышцы он практически перестал, ему уже и по уставу было это грешно делать. Старик приходил сюда с другой целью. После обеда, как правило, он раздевался по пояс и «бросал» себя на деревянный стеллаж, дабы основательно позагорать. «Солнцебол» иногда длился часами и обходился без всякой нервотрепки. Покой верзилы молодые солдаты не могли нарушить «по уставу», одногодки просто-напросто его боялись. Не докучали ему и офицеры. После солнечных ванн Кузнецов принимал водные процедуры. В комнате для умывания Александр устраивал поистине барский душ. Узнав о том, что «Стивенсон» будет мыть свои кости, в умывальник тотчас же прибегал дневальный и присоединял резиновый шланг к водопроводному крану. Под улюлюканье многочисленных зевак верзила раздевался донага и с удовольствием демонстрировал свое красивое и сильное тело. Затем по команде силача дневальный включал воду и начинал из шланга его поливать. Сначала дед под струями холодной воды натруженно кряхтел и ежился. Через некоторое время он входил в азарт и потом от удовольствия начинал громко кричать. Водные процедуры по сравнению с солнечными были очень короткими. Кузнецов после душа бежал в спальное помещение и «отрубался» до ужина...

Свою роту беглец узнал сразу, да и ее нельзя было не узнать по основной примете. Капитан Макаров, идущий впереди колонны, разительно отличался от подчиненных своим ростом и мощной фигурой. Почти два часа, когда полк готовился к маршу, Александр все еще метался в своих рассуждениях. На какой-то миг он смалодушничал, у него опять появилось огромное желание занять свое место в боевом строю роты, части, да и всей Советской Армии. Ему захотелось поехать домой и покозырять перед девчатами своим бравым видом и всевозможными знаками боевой и спортивной доблести. Сейчас он уже нисколько не сомневался, что все трудности на родине для него, сильного и статного красавца будут нипочем. Солдат высунул голову из-за угла немецкого дома, особняк стоял

напротив КПП. От увиденного беглец обомлел и горько заплакал. Первая рота поравнялась с домом. Кузнецов чуть было не покинул свое укрытие и не побежал к ротному командиру, когда его увидел. Тот почему-то вышел из походного строя и встал, как вкопанный столб. Между солдатом и офицером было метров пятьдесят, не больше. Подчиненный, которому казалось, что он слышит дыхание начальника, напряженно наблюдал за своим командиром и ждал его очередных действий. Однако их не было. Седовласый мужчина в военной форме почему-то тупо смотрел на военный городок, который он только что покинул, и молчал. Молчал и тот, кто решил остаться жить на чужбине. Странное поведение ротного командира в какой-то мере успокоило Александра. Он стал четко осознавать, что он еще в данный момент не дезертир и не предатель. Лишь после того, как рота загрузится в эшелон и возьмет курс на восток, он станет преступником...

От этих мыслей у беглеца опять перехватило дух. Дьяволское решение остаться в Германии отступило на второй план, отступило навсегда. Животный страх перед последствиями за преступление опять овладел им. Он робко вышел из-за укрытия и сделал несколько шагов в сторону колонны. И в этот же миг беглец увидел капитана Макарова, который неожиданно повернул свою голову в сторону особняка, где только что его подчиненный прятался. Александру сейчас казалось, что его начальник в данный миг не только читает на расстоянии его мысли, но и чувствует его душу и сердце. У него опять появилась жалость к этому офицеру, который очень долго «сидел» на роте. Это чувство одновременно наполнилось гордостью за свою роту, за армию, которая два года для него была настоящей школой возмужания, местом испытаний на человеческую прочность. Со слезами на глазах солдат сделал еще пару шагов навстречу командиру, который в какой-то мере на два года заменял ему отца. Сейчас он не сомневался, что мужчина-исполин в военной форме поймет своего подчинненого, направит его на истинный путь, не допустит роковой ошибки, которая может привести его на скамью подсудимых. Метров за десять до офицера, Кузнецов неожиданно остановился и остолбенел. В глазах ротного были слезы, Александр не хотел верить своим глазам. Он считал, что такой умный и сильный человек не может плакать. Он сделал еще один шаг вперед, сомнений уже не было. Седовласый мужчина плакал. Слезы на его глазах были отчетливо видны, как и все его лицо, которое в этот момент освещалось лучами ночного электрического фонаря. Что это были за слезы, почему плакал командир, солдат не понимал. Он также не мог понять и своих дальнейших действий. Он резко повернулся на сто восемьдесят градусов и рысью рванулся в противоположную сторону. Минут через пять он оказался на окраине города. Здесь была тишина, тишина необычная. Беглец решил перевести дыхание и опустился на скамеечку, неподалеку от небольшого ручья. Сейчас в его голове мыслей не было, кроме одной и правильной. Решению остаться здесь, остаться навсегда он решил никогда больше не изменять. И этому никто и ничто ему не помешает. Не страшился он и экзекуций. Жить

лучше, жить по-человечески дезертир Советской Армии не считал преступлением...

В русский хайм Александр приехал вечером, к этому времени мотострелковый полк уже покинул Дахбау. Настя приходу кавалера очень обрадовалась. Аусзидлеры уже знали, что русские ушли из соседнего городка и поэтому она без всяких обиняков спросила своего ухажера:

- Саня, а что ты дальше собираешься делать? Мне наши ребята говорили о том, что кое-кто из солдат убегает... Офицеры и немцы их ловят, всем им грозит тюрьма...

Такой неординарный вопрос с комментариями сильно задел молодого человека. Он мгновенно замолчал. В его душе и в сердце на какое-то время «поселился» холодок непонимания и даже определенной ненависти к свой подруге. Настя почти мгновенно заметила разительную перемену в поведении парня. Стремясь исправить свою нетактичность, она крепко сжала его руку и тихо прошептала:

- Ты, пожалуйста, не обижайся на меня, Саша... Я ведь тебе зла не желаю... Мне с тобою очень хорошо... Когда нам хорошо, тогда и больше умных мыслей приходит в голову... Так ли я говорю, мой силач и красавец?...

Кузнецов в ответ ничего не ответил. Он только с силой схватил девушку за руки и приподняв ее, словно ребенка, сильно поцеловал ее в губы. Та ответила тем же...

Первую ночь после побега из войсковой части дезертир Советской Армии провел наедине со своей любимой, влюбленным было очень хорошо. Они, крепко обнявшись, бродили по небольшому городку, который утопал в зелени и был наполнен тишиной летней ночи. Улицы городка были пусты, ни одна живая душа не мешала им гулять или размышлять. В эту ночь они очень мало разговаривали друг с другом. Все больше молчали, размышляли про себя. Настя понимала, что ее друг очень сильно переживает за содеянное. В этом она убеждалась сразу, как только мельком бросала на идущего рядом свой взгляд. Ей казалось, что он стал меньше ростом и сильно постарел. Даже его глаза уже не были столь озорными по сравнению с первой встречей, когда она сидела на заборе военного городка. Иногда в голову девушки приходила мысль о том, что надо все это отбросить в сторону и помочь солдату вновь вернуться в часть, или позвонить военным. Она уже нашла несколько вариантов, оправдывающих ее Сашку, почему он отстал от эшелона. Все они для нее казались реальными и правдивыми. Настя нисколько не сомневалась в том, что ее друга никто не посадит в тюрьму и никто не будет называть его предателем или дезертиром. Эти мысли у нее особенно настойчиво «стучались» рано утром, когда начали свое движение первые поезда...

Осведомленность Насти о дезертирстве и его последствиях в значительной степени охладила «боевой» настрой Александра, который еще несколько часов назад не сомневался в правильности принятого решения. Это решение неделю назад поддержала и Настя, она обещала ему помочь преодолеть предстоящие трудности. Именно появление этой

симпатичной девушки дало ему новый импульс к жизни. Кузнецов с самой первой минуты знакомства почему-то не сомневался, что именно она, Настя, единственный человек на этой земле, станет ему опорой и советчиком, именно эта брюнетка будет его женой. Сейчас же, идя по улицам города, он довольно часто бросал взгляд на стройную девушку и не мог ее понять. Почему она после того, как он уже совершил проступок, даже преступление, начала колебаться. Идущий на какое-то время «убирал» Настю из своей головы и представлял себя наедине в этой сытой и благополучной стране. От такого «единства» хотелось не только плакать, но выть по-волчьи. Он бы это сделал сейчас мгновенно, если бы не идущая рядом с ним аусзидлерша, которая, как и он, молчала. Она лишь изредка делала попытки поймать взгляд своего любимого. В этот вечер их глаза почему-то очень часто избегали друг друга. Александр, отводя глаза в сторону, все больше и больше убеждался, что его девушка далека от понимания тяжести воинского преступления, которое он совершил. Совершил не без ее помощи. Ему временами хотелось выпустить из своей широкой ладони нежную и влажную ладонь Насти, которая на какой-то миг стала его врагом. Молодой мужчина неоднократно расслаблял мышцы своей руки, надеясь на то, что молодая женщина также расслабит свою руку и они уже никогда не протянут их другу другу. Он не намеревался протягивать ей руку первым, в этом он нисколько не сомневался. Как не сомневался и в том, что с этого момента он будет действовать по-другому. Через несколько минут он сядет в поезд и побежит в свой тайник за военной формой и военным билетом. Еще через час он в солдатской «робе» и с автоматом в руках окажется на станции погрузки, которая денно и нощно кишела солдатами и техникой...

Однако возвращаться назад парню не предстояло, свою нежную ручку из широкой и грубой ладони великана Настя не выпускала. Наоборот, она довольно часто ее сильно сжимала, сжимала со всей силой. Мужчина эту женскую силу чувствовал и это придавало ему уверенности в себе. На какой-то миг он опять вспомнил пророческий сон, в котором мать просила его по воле Божьей идти дальше, идти тверже...

Военный городок Кузнецов посетил только через две недели после того, как мотострелки навсегда его оставили. Совать сюда нос раньше Александр не намеревался. Он не исключал, что в любой казарме или в закоулке может устроена засада по поимке дезертира из первой мотострелковй роты. Он и сам не знал, почему ему захотелось сделать «визит» в свою часть. Скорее всего, ноги несли его сюда сами. Да и его душа тосковала по прошлому, по тому кусочку земли, где совсем недавно действовали советские законы и был советский образ жизни. Здесь все и вся говорили на русском языке. На этом клочке земли были родные ему люди, которые жили во имя одной цели - отразить нападение вооруженных сил империализма. Кузнецов не скрывал чувства гордости, что он защищал передовые рубежи социализма в Европе, да и мира в целом.

К воротам КПП бывшего военного городка Александр подошел где-то к шести часам

вечера, подошел очень незаметно. Затем осторожно надавил плечом на металлические ворота. Они без всякого усилия открылись. В городке не было ни души, везде стояла мертвая тишина. Он сделал несколько шагов вперед и внезапно остановился. Перед его взором предстала поистине удручающая картина. Участок земли, некогда утопающий в зелени каштанов и травяных газонов, представлял собою подобие того, что оставляют после себя победители, когда они захватывают селения. Об этом Александр изучал по истории в школе, да и кое-что читал в книгах. Некогда красивые каштаны были по-варварски изуродованы и напоминали собой деревья вдоль дорог, которые оставляли после их штурма советские солдаты, дабы полакомиться фруктами. Еще плачевнее выглядели казарменные помещения. На многих этажах сияли дыры в оконных проемах. Александру не верилось в то, что его сослуживцы за какие-то пару часов перед своим уходом могли так жестоко расправиться с природой и со своим жильем. Он с нескрываемой тревогой и волнением зашел в свою казарму, поднялся на второй этаж. Здесь кое-что «обновилось» после того, как он покинул ночью свою роту. Прямо в коридоре были навалены кучи мусора. Из туалета исходил зловонный запах человеческого дерьма. Верзила мгновенно зажал нос и нырнул в некогда свое спальное помещение. Окно, неподалеку от которого находилась кровать стрелка-зенитчика, было разбито. Часть стекла покоилась на подоконнике, часть лежала на полу. Все кровати, исключая кровать ротного силача, были перевернуты. Сомнений не было, сослуживцы, в том числе и капитан Макаров, до последнего момента ожидали его возвращения. Кровать не тронули еще и потому, что солдаты боялись сибиряка. Физическая экзекуция салаги над стариками в первый же день его пребывания в роте стала настоящей легендой. По мере «старения» Кузнецова она обрастала все новыми и новыми подробностями. Все знали, в том числе и офицеры, что дембель молодых солдат не бьет. Не трогал он и других. Почти каждый боялся одного его только вида, не говоря уже о кулаке. Увесистый кулак боксера был куда страшнее, чем кулак ротного командира. Военнослужащие прекрасно понимали, что офицер побоится ударить кого-либо, дабы не потерять звездочку. Рядовому Кузнецову терять было нечего, дембель был не за горами...

Александр медленно подошел к своей кровати и обеими руками провел по металлической сетке, после этого он заплакал. Ему казалось, что этот металл еще продолжает хранить тепло его тела, живет его проблеми и заботами. Со слезами на глазах бывший солдат присел на кровать, затем вытянулся и закрыл глаза...

Физическая и нервная усталость сразу дали о себе знать. Силач заснул мгновенно, словно младенец, который целый день бегал и затем, насытившись материнской груди, крепко и беззаботно заснул. Александру в эту ночь кровать показалась периной, даже несмотря на то, что он спал на голой панцирной сетке. Проснулся он утром, только-только начинал брезжиться рассвет. Он быстро вскочил и пошел на чердак, где совсем недавно обмывал со своими сослуживцами вынос «дембельского тела» из части. Весь чердак был

завален мусором, повсюду валялись пустые бутылки и металлические банки. Около десятка солдатских матрацев, лежащие то там, то здесь, были вспороты. Ящиков для офицерского скарба на чердаке не было. Остался только один. В нем раньше хранился столярный инвентарь, да некоторые «припасы» стариков, которые они не решались оставлять в каптерке и складировали здесь. Ящик закрывался на мощный висячий замок, ключ прятался в потайном месте. Местонахождение ключа боксер не знал. И не по причине того, что ему не доверяли сослуживцы. Он просто-напросто ничего от офицеров не прятал, даже свои боксерские перчатки хранил в каптерке. Старшина роты прапорщик Назаров перчатки иногда вытаскивал из шкафа, чтобы попугать своей мощью подчиненных. Бог ростом его сильно обидел, но «корнем» не обделил. Молодой мужчина был приземистый и очень широк в плечах. У него также были очень большие кулаки, на которые он с трудом натягивал боксерские перчатки. Начальник любил особенно «боксовать» после посещения офицерского кафе. Приходил он, как правило, после отбоя, когда солдаты, словно ошалелые, стремительно неслись в свои кубрики и быстро раздевшись, принимали «горизонтальное» положение. Никто не хотел попадать под руку крепыша. Через пару минут в дверь каптерки уверенно стучали. Дежурный по роте, открыв дверь, переходил на строевой шаг и громким голосом докладывал о том, что в подразделении произведен отбой, все и вся идет без происшествий. Подпитой прапорщик, вальяжно сидящий за столом, с блаженной улыбкой принимал рапорт. Еще с большим с удовольствием он надевал боксерские перчатки и начинал боксировать с сержантом. Бой, как правило, заканчивался победой начальника. Иногда «прилетало» и ему. Все зависело от противника, старослужащие позволяли себе огрызнуться. Нередко пьяный начальник оказывался и на «четырех» костях...

На этот раз «стариковский» ящик оказался не только открытым, но и почему-то набитый всевозможными солдатскими шмотками. Кузнецов решил на всякий случай содержимое ящика перевернуть, надеясь найти себе что-либо полезное для дальнейшего проживания. Он выкинул из ящика на пол несколько синих одеял, около десятка порванных солдатских рубашек, выкинул пару шинелей. Затем он увидел офицерскую плащ-накидку. Находке очень обрадовался, плащ-накидка незаменимая вещь во время дождя. Он мгновенно ее схватил в руки и оторопел. На самом дне ящика лежал автомат, два полных магазина патронов и две небольшие гранаты. От полного комплекта вооружения у Александра запершило в горле. Он присел на корточки и стал размышлять. Сразу же появилась мысль о том, что все это можно и надо продать местным немцам, продать как можно дороже. После ухода русских ружейный рынок в Дахбау исчез, исчез навсегда. Однако через несколько мгновений верзила от своей затеи отказался, как только представил себя одиноким в немецком магазине или в пивнушке. С Фаридом он вел бы себя куда смелее. Местные немцы уже наверняка знали о выходе мотострелков из города и поэтому могли спокойно

сдать его своей полиции или тем же русским, которые еще находились во многих населенных пунктах Германии. Оставлять оружие на чердаке Александру также не хотелось. Через неделю, а может даже и завтра, в военном городке могут появиться не только местные подростки, но и взрослые, которые будут здесь искать что-то «интересное»...

Кузнецов покинул казарму через полчаса. У гражданского человека, который очень осторожно выходил из подъезда, в руках был новенький автомат Калашникова с полным магазином. Другой магазин лежал в его кармане. Рассвет уже заявлял о себе в полную силу и это заставляло дезертира действовать быстрее. В другие казармы он решил не идти, внешний вид оставшихся помещений был однообразным. Появившееся чувство голода вынудило его двигаться в сторону офицерского кафе. Эту забегаловку за время службы он посетил лишь один раз, когда по приказу дежурного по части искал ротного старшину. Чего-либо съестного ни в подвале, ни в самом кафе не оказалось. Не было здесь также каких-либо бутылок со спиртным или с лимонадом.

Из кафе верзила направился в сторону солдатского клуба, который примыкал к строевому плацу. Плац ранее обрамлялся большими портретами политического руководства Коммунистической партии и Советского государства. Напротив клуба в самом начале плаца стояла красочная стена из кирпичей, напоминающая собою копию кремлевской стены на Красной площади. Посреди этой стены возвышался огромный герб Советского Союза. От увиденного Александр немного испугался. Почти вся наглядная агитация почему-то и сейчас продолжала оставаться на местах, несмотря на то, что полк, скорее всего, уже закончил «болтаться» в эшелоне и где-нибудь уже обустраивался. От страха он остановился и боязливо оглянулся по сторонам. По его телу пробежал легкий холодок, когда он только на миг представил командира части, находящегося на «правительственной» трибуне. С этого места тот читал всевозможные приказы и отдавал свои «ценные» указания. Кузнецов для успокоения души и своего сердца еще раз внимательно зыркнул по сторонам, никого и ничего опасного вокруг себя не нашел. И это придало ему смелости. Он быстро передернул затвор автомата, затем нажал на спусковой крючок и стал водить стволом по сторонам. Вскоре Калаш прекратил рокотать. Александр машинально вставил другой магазин и также с озлоблением его опустошил. После этого он со злостью бросил автомат на землю и бросился бежать в сторону леса. Из его глаз бежали слезы...

Первый месяц пребывания на новом месте жительства у дезертира Советской Армии рядового Кузнецова пролетел незаметно. Первую неделю он занимался благоустройством своей обители, которая с каждым часом преображалась. Заброшенная дача представляла собой небольшое строение, сбитое из довольно добротных досок. В нем было практически все необходимое для жизни. Напротив двери стояла кровать с небольшой тумбочкой. Был здесь и круглый стол с настольной лампой. Для чего и почему она стояла, для поселенца было непонятно. Каких-либо источников электрического тока в заброшенном саду не было,

но это его нисколько не обескуражило. Под кроватью он нашел небольшое ведро с восковыми свечами, их было штук двадцать. Было и пять коробок спичек. Александр поблагодарил про себя хозяина фазенды за его предусмотрительность. Дальнейшие «раскопки» превзошли все его ожидания. Под кроватью он увидел довольно большой чемодан серого цвета, который был закрыт на замок. Он долгое время его не открывал. В его голове все еще витала тревожная мысль, что вот-вот появится хозяин и ему придется сматывать удочки. Беглый набрал смелости сломать замок на добротном чемодане лишь перед самым завершением домашнего «марафета». Замок под напором его силы и качеством советского штык-ножа от автомата Калашникова открылся мгновенно. От содержимого в чемодане верзила пустился в пляс и даже запел. За несколько мгновений он перевернул весь чемодан вверх дном и затем от удовольствия растянулся на кровати. Растянулся от радости и от ощущения того, как ему казалось, что сам Бог решил помочь ему по-настоящему обжиться на территориии Германии. Все вещи в чемодане были новые, и все они были ему впору. Он опять стал благодарить неизвестного немца, который, словно по заказу, приготовил советскому солдату хлев и одежду. Денег в чемодане не было...

Первая неделя пребывания на даче, как и последующие, большим разнообразием у дезертира не отличались. По вечерам он довольно долго курсировал по заброшенному саду, который оказался не только большим по территории, но и отличался разнообразием фруктовых деревьев. Александр в сортах яблок или груш мало что смыслил, в его Найденовке лютые морозы переносили лишь яблони-дички и то не всегда. Он после того, как покинул часть, сразу же переоделся в черный спортивный костюм с белыми полосами на рукавах куртки и на штанах. Военную «робу» дезертир сложил в целлофановую сумку и закопал неподалеку от дачи. Гражданская одежда нисколько не смущала бывшего военнослужащего, в этом одеянии он был днем и ночью. Постоялец почти без всякого страха курсировал в нем и до близлежащей немецкой деревни Штайнхольц, которая находилась в пяти километрах от советского военного городка. Визиты в селение дезертир делал раз в неделю, по понедельникам, ходил покупать продукты питания. В самом начале рабочей недели деревня вообще становилась безлюдной. Во время пути, да и в самой деревне, на высокого молодого человека в принципе мало кто обращал внимания. Исключением были кое-кто из девушек. Они иногда очень пристально задерживали взгляд на высоком и стройном мужчине, голова и лицо которого буйно прирастали черными волосами и густой щетиной. Прическа и борода радовали молодого парня. Теперь он нисколько не сомневался, что советские чекисты, да и местные немцы, навряд ли опознают в нем советского дезертира, к разряду которых теперь относил себя бывший рядовой. В деревне магазинов было мало, раз-два и обчелся.

Основным «пристанищем» для беглеца стал продуктовый магазин. Здесь он покупал хлеб и лимонад, покупал самое дешевое. Александр заходил сюда не только по

«производственной» необходимости. В малюсеньком магазинчике ему понравилась молодая продавщица, она была очень стройная и чем-то походила на русскую девушку. Верзила заприметил ее сразу, как только подошел к кассе. Он был не против с ней познакомиться в первый же день, но сдержался. Причиной этому было незнание немецкого языка, безъязыким он был и дальше. В последний месяц лета дачник совершил десяток визитов в магазин и все они не отличались каким-либо разнообразием человеческих отношений между молодыми людьми. Статный красавец, как всегда, ложил на столик перед кассой свои покупки и весело улыбался. Стройная продавщица, как всегда, аккуратно укладывала хлеб и лимонад в пакет, и затем поднимала голову... На какие-то мгновения глаза русского и немки встречались, они улыбались. На этом все и заканчивалось.

Наступил сентябрь. Свой первый визит в деревню беглый чуть-чуть было не отложил. Хлеб у него еще был, фруктов хоть отбавляй. К тому же и погода резко изменилась, с самого утра моросил холодный дождь. Желание увидеть молодую немку взяло верх над влюбленным. Александр пришел в магазин только к обеду, блондинка в этот день была очень оживленной. Единственный в магазине покупатель это сразу заметил, как только предстал перед кассой со своим «дежурными» продуктами питания. Продавщица, скорее всего, на этот раз изъявила желание пополнить очень скудный рацион своего постоянного покупателя и начала что-то говорить. Кузнецов в ответ на это, как и молодая особа, весело улыбался и гнусавил одно и то же слово «Я». Значение этого слова как по-русски, так и по-немецки покупатель знал. Все остальное, что говорила немка, он не понимал. Та не только говорила, но и делала. Глаза молодого человека все больше и больше наполнялись изумлением и страхом с каждым движением продавщицы. Она, с умилением вглядываясь в глаза мужчины, положила перед ним несколько маленьких булочек и пару пирожных. Затем перед верзилой появилась довольно большая не то булка, не то пирог. Покупатель, раскрыв рот почти до ушей, все еще не мог понять происходящего. Он «врубился» лишь после того, когда на табло кассового аппарата засветилось несколько цифр. В том, что необходимо заплатить целых тридцать марок, покупатель уже не сомневался. Таких денег у него не было, не только при себе, но и вообще. От неожиданного конфуза Александр густо покраснел, на лице появились крупные капельки пота. Девушка «врубилась» несколько позже. Она не думала, что у этого красивого парня нет денег. К тому же, все ее предложения он с радостью принял. Она сначала даже растерялась, однако это длилось несколько мгновений. Поняв то, что перед ней иностранец, который вообще не понимает немецкий язык или, вполне возможно, даже и нервнобольной, она решила быстро исправить свою ошибку. И помог ей в этом сам великан. Он из всего изобилия съестного выбрал опять свои «любимые». Продавщица с улыбкой взяла из большой ладони покупателя двухмарочную монету. Покупатель вышел из магазина и с облегчением вздохнул. Он только сейчас понял, что без знания немецкого языка ему в этой стране ничего не добиться...

Погода в конце сентября резко изменилась, стала даже по-настоящему летней. Александра это очень обрадовало, солнце постоянно «дежурило» в его фазенде. Практически все светлое время он находился вне заброшенного сада, сидеть взаперти порядком стало надоедать. «Поискать» что-либо новенькое в своем образе жизни ему захотелось в день своего рождения, 25 сентября. Он любил все даты, которые оканчивались на нули и пятерки. В этот день именинник позволил себе поспать до обеда, как и позволил себе сделать исключение в пищевом рационе. Он сходил в тайник и принес большую банку тушенки советского производства. К вечеру он покинул свою фазенду и направился к небольшому озеру. Этот водоем парень приметил совсем недавно во время своей вылазки. На озере уже никого не было. Торжества у именинника получились скромными, но запоминающимися. В этот вечер беглый, которому исполнилось двадцать два года, по-настоящему плотно покушал. Вдоволь он и накупался.

Съестные припасы, украденные из солдатской столовой мотострелкового полка, дезертир принес на дачу только через два месяца после пикантной ситуации в хлебном магазине. Возможность появления хозяина фазенды вынуждало его не только припрятывать продукты питания и оружие, но и заниматься бесцельным брожением по саду, либо где-то неподалеку. Он иногда страшно уставал от этого курсирования и «отрубался», спал очень долго. Молодого отшельника сейчас уже никто не кантовал. Над ним не «маячили» ни школьные учителя, ни офицеры, которые учили его правильно сидеть за партой или как правильно намотать портянки. Не было рядом с ним и родителей. Рядом с ним и возле него не было ни души человеческой. С ним была одна только природа. Этого неба, этого солнца, этих мирно стоящих деревьев мужчина-великан нисколько не боялся. И во все это, что не было связано с человеком, с его пороками он влюбился, влюбился неистово. Прошло ровно два месяца, когда он покинул часть. Даже за это очень короткое время он прирос к природе, она никогда не делала ему зла. Уровень сожительства беглого солдата с чудом света довольно часто определялся его настроением. Настроение у Кузнецова после побега из части в большинстве своем было скверное, его часто мучил страх. Он всего боялся, его пугал даже неожиданный стук или хруст сучков в лесу. От страха великан на мгновение замирал и внимательно всматривался во все вокруг. Ему казалось, что за каждым деревом стоит немецкий полицейский или советский офицер из отдела»молчи-молчи». Он от незнакомого звука или громкого шороха довольно часто «уносил» ноги. По причине страха во время очередной «курсовки» очень высокий человек в спортивном костюме «подозрительный» лес уже не посещал. Он искал другое место уединения, которое доселе было ему незнакомо и было вне подозрений. Иногда беглец блудил, блудил довольно долго, выручали указатели на немецких дорогах...

Страх вынуждал дезертира соблюдать все меры предосторожности и во время проживания на своей даче. «Производственные» работы он начинал делать после того, как

совершал приличный круг обхода по периметру своей фазенды. На это уходило минут тридцать, а то и больше. Лишь убедившись в отсутствии людей, он начинал в прямом смысле что-то соображать, жить земными заботами. Спать на даче или в другом месте лично сам верзила не определял, он отдавался простому суеверию. Своеобразным символом этого для него была обыкновенная монета, достоинством в одну марку. Александр с замиранием сердца бросал монету вверх и также с замиранием сердца опускал свою голову вниз на землю. Он всегда держал пари на орла. Гербовое изображение ему сопутствовало как в Союзе, так и на службе, когда он спорил на что-либо со своими сослуживцами. Орел не покидал дезертира и сейчас. Он поднимал с земли монету и страстно целовал гербовое изображение. Затем смело шел делать все то, что запланировал. В этот же день он значительно раньше отходил ко сну, даже не запирая дверь своей фазенды. Перед сном молодой человек несколько раз вслух произносил короткую молитву. Эта была просто-напросто просьба к Богу о том, чтобы эта ночь и день грядущий принесли ему спокойствие, и только спокойствие. С этой просьбой он засыпал, с этим же и просыпался.

С решкой беглый был не в ладах и всегда стремился оградить себя от всевозможных приключений, в эту ночь он на даче не спал. Он надевал на себя кроме спортивного костюма офицерскую танковую куртку и уходил в глубину сада, где его ждал самодельный гамак. Он сделал его в первый же день, когда решил заняться благоустройством чужой дачи. Любитель свежего воздуха засыпал очень поздно, он все о чем-то думал и думал. Думы были в основе своей тревожные и безрадостные, особенно тогда, когда в животе что-то сильно урчало. Иногда Александру казалось, что его живот вот-вот взорвется. Он довольно часто покидал гамак, дабы хоть как-то «разрядиться». Временами эта «разрядка» повторялась через каждые полчаса. Он в этот момент мечтал о солдатском «хавчике», который он уплел бы за один присест. У того, кто обильно глотал слюну, не было сейчас ни прозрачного супа, ни вонючей рыбы. Был один только свежий воздух и ощущение свободы. Какая это была свобода, от кого или от чего он был свободный, дезертир еще и сам толком не осознавал...

Законы природы настойчиво заявляли о себе, наступила осень. Листва с деревьев опала, исчезли и любители побродить по заброшенному саду. Беглый все больше и больше обживал свою дачу, она с каждым днем становилась для него роднее и теплее. Только в конце октября он принес на дачу автомат и боеприпасы, с оружием он решил никогда не расставаться. Даже ночью, когда ему сопутствовал орел, автомат с полным магазином патронов лежал под подушкой солдата, лежал на всякий случай. Обитатель заброшенной дачи еще не исключал того, что кто-либо из полиции или из остатков ЗГВ попробует его искать. Александр, крепко сжимая автомат, довольно часто по ночам плакал. Слез не стеснялся, как и не боялся быть убитым. Ему было все равно с кем «воевать» или кого

убивать. В одном он не сомневался, живым в руки никому и никогда не сдастся. Он в детстве, да и уже юношей, больше стеснялся и даже боялся девушек, чем милиционеров или военных. Родная матушка довольно часто пугала своего ребенка дядей в красной фуражке, который может забрать Санечку в тюрьму только за то, что тот не слушается родителей. Не исключал дезертир и самострел, это его также сильно не пугало. О подобном случае рассказывал салагам на сборах командир отделения. Молодой солдат из танкового полка, который находился неподалеку от мотострелков, не выдержал издевательств стариков и дал деру с оружием в руках. За ночь промахал двадцать километров и укрылся на немецкой даче. Беглеца «вычислили» на второй день, его окружили и предложили сдаться. Дезертир оказал вооруженное сопротивление, затем себя застрелил.

Кузнецов нисколько не сомневался, что на родине его никто не помилует, он получит на всю катушку. У него, к тому же, не было «волосатой» руки, кто мог хоть в какой-то мере «сгладить» его ошибку. Даже до глухой Найденовки доносились слухи о проделках партноменклатуры, для которой не существовали какие-либо человеческие законы. На безбожников на этой земле не было управы, на простого паренька власти, как он, сразу же накинут удавку. От этих мыслей молодой философ еще крепче сжимал руками автомат, который для него был сейчас не только орудием возмездия, но и орудием защиты социальной справедливости.

В некоторые моменты размышлений беглецу становилось больно и обидно за судьбу капитана Макарова. Он прекрасно знал, что две знаменитые русские фамилии на очень долго «перекочевали» во всевозможные талмуды и книги начальников, притом очень больших. Дезертирство подчиненного навсегда «похоронило» мечты ротного командира о какой-либо карьере в Советской Армии. Ротный командир для подчиненных был порядочным офицером и человеком. Жалость верзилы к своему земляку побуждала его на какие-то мгновения отказаться от своей затеи и снова вернуться в часть. Однако через некоторое время он отказывался от своей мысли, считал все это простой человеческой слабостью. Армейский «старик», даже несмотря на свою молодость и очень малый жизненный опыт, прекрасно знал неписаные законы своего учреждения и той системы, где он служил и жил. Любые ошибки подчиненного, даже несмотря на его чистосердечное признание и раскаяние, превозносились до определенного негативного культа. Все зависело от того, кто провинился. Он нисколько не сомневался, что его «ошибку» засчитают и он, как и сотни ему подобных, получит по заслугам. За дезертирство стрелка-зенитчика капитан Макаров получит также все сполна. От этого будет страдать не только он сам, но и его семья. Беглый на какой-то миг представил плачущую дочку своего наставника. В квартире ротного он был всего пару раз и ему нравилась маленькая девочка, которая при виде очень большого военного дяди почему-то плакала, и все время оглядывалась на своего папу и маму...

Очередная встреча Александра с Настей произошла только перед Новым годом, прошло почти полгода после последней их встречи. Он и сам не знал, почему он так долго не появлялся в этих краях, хотя по любимой скучал. Одновременно и не забывал про последний разговор с нею, который довольно сильно задел его сердце и душу. В Бонхаус Кузнецов приехал очень поздно, в одиннадцать часов вечера. Ехал без билета, почти все время страховал себя от контролеров. Он сразу же направился в русскую «общагу». Входная дверь хайма была уже закрыта на замок. Настя на крыльцо вышла только через полчаса, вышла нервная. Она сначала даже не обратила никакого внимания на стоящего возле двери высокого мужчину с густой заросшей бородой и поэтому направилась во двор, где продолжали «резаться» в дурака заядлые картежники. Лишь через несколько мгновений, когда Александр ее окликнул, она признала в нем «своего». Настя, словно озорной мальчишка, «бегала» глазами по фигуре бородача, на котором очень ладно сидел новый костюм, и громко смеялась. В том, что она его ждала, Кузнецов убедился сразу, как только почувствовал страстный поцелуй девушки.

Прогулка по ночному городу и на этой раз затянулась. За полугодовое отсутствие жениха невеста решила по-настоящему излить свою душу. Сначала она «прошлась» по русскому хайму, в котором новый комендант ужесточил пропускной режим. Затем она целых полчаса тараторила о родителях, которые нашли в соседнем городе работу по своей специальности и будут неплохо зарабатывать. Рассказала она кое-что и о себе, сначала плохое, затем хорошее. Ее два курса педагогического института здесь никому не нужны, как и не нужны учителя русского языка и литературы. К числу своих завоеваний говорунья отнесла шпрахкурсы, она закончила их лучше всех в группе. Дабы показать свою «ученость», невеста иногда говорила ухажеру пару предложений на немецком языке. Тот ученость любимой по причине незнания языка по-настоящему не мог оценить. Он только заразительно смеялся и страстно целовал свою умницу в губы. Та от этих поцелуев еще больше и громче что-то «балакала» по-немецки и тут же переводила на русский...

Влюбленная парочка в общежитие пришла рано утром, все его обитатели еще крепко спали. Настя быстро нырнула в свою комнату и вынесла оттуда матрац. Затем молодые люди спустились в подвал, где находилась комната для всевозможных заседаний и совещаний, которые проводил здесь комендант хайма. Настя на правах хозяйки быстро раскинула матрац на широкий и длинный стол, застелила простынь. Александр постели очень обрадовался, он давненько не спал на чистой простыне. Затем парень и девушка немного поговорили о завтрашних планах. После этого Настя, крепко чмокнув своего ухажера в губы, помахала ему рукой и плотно закрыла за собою дверь...

Бородач, натянув на голову одеяло, мгновенно заснул.Через полчаса в комнату сильно постучали, спящий на стук не реагировал. Стук повторился, на этот раз он был очень сильным и настойчивым. Кузнецов открыл глаза и сначала не мог в темноте

сориентироваться. Стук опять повторился, лежащий на матраце решил не реагировать. Он нисколько не сомневался в том, что в дверь стучала не Настя, стучал чужой человек. Бородач после очередного стука растерялся и не знал, что делать дальше. Одно он точно знал, что в ночное время в общежитие посторонним вход строго был воспрещен. От ощущения того, что за дверью стоит комендант или полицейский, беглого бросило в жар. Он еще сильнее вжался в матрац, стараясь хоть в какой-то мере быть незамеченным... Через несколько мгновений дверь открылась и комната озарилась ярким электрическим светом. Александр мгновенно закрыл руками свои глаза и в этот же миг до него донесся зычный голос:

- Кузнецов, служивый, вставай... У меня к тебе разговор есть... Вставай и выходи на улицу, я тебя там буду ждать....

Кто говорил и кому понадобилось поднимать его рано утром, дезертир не мог понять. Он неспеша встал с постели и также неспеша вышел из подвала. Возле выхода из общежития он увидел мужчину, лет пятидесяти. Каких-либо «дефектов» в его внешности не было, если не считать его маленький рост. Александр «дал» бы ему росточку под один метр шестьдесят санитиметров, не более. За два года в армии он научился почти точно определять рост своих сослуживцев. Скорее всего, это было следствие всевозможных построений и муштры, которые иногда доводили солдат до умопомрачения. В том, что перед ним стоял отец Насти, бородач уже нисколько не сомневался. Этот тип сразу и надолго остался в его памяти по многим причинам. И по ящику водки, который он хотел со своим родственником прикупить в гарнизонном магазине, да и по кроличьей шапке, которую Петр носил в тогдашнюю жару. На представление вышедшего мужчина никак не прореагировал, не соизволил он и протянуть ему руку для приветствия. Весь вид поджарого, даже его узкие глаза свидетельствовали о нечеловеческой неприязни к бывшему патрульному. От этого на душе бывшего солдата стало неуютно, даже холодно.

Петр Кейт, не утруждая себя всевозможными причиндалами человеческого обращения, решил действовать напористо и дерзко с тем, кто позволил «мутить воду» с его дочерью. Сложив руки на животе, словно такая позиция придавала ему силы, он со злостью зашипел:

- Я уже наслышан о тебе и о твоих подвигах.... Ты под мировой шумок о разоружении дезертировал из мотострелкового полка... Моя дура все время всем и вся жужжит о том, что ее ухажер порядочный парень, хотя она в этом очень сильно ошибается... Так ли я говорю, дезертир?

Бородач на вопрос тощего решил не отвечать. Под пронзительным взглядом относительно еще молодого человека верзила чувствовал себя очень жалким и ничтожным существом. В его «бошке» в данный момент ничего не было. Он сейчас хотел лишь одного: провалиться сквозь землю и мгновенно оказаться в «телятнике», держащим путь в Россию.

Аусзидлер, прекрасно осознавая и видя, что стоящий перед ним навытяжку верзила в

какой-то мере осознает свой проступок, решил добить его до конца.

- Ты думаешь, - продолжал хорохориться коротышка , - у нас в хайме все дураки и не понимают того, почему ты здесь оказался. Подобного тебе, здесь год назад немцы взяли. И тебя возьмут, я нисколько в этом не сомневаюсь. Мне, как бывшему солдату, который на Китае хлеб с песком жрал, обидно читать и слышать, что наши солдаты сотнями бродят по лесам и обижают местных жителей...

После этих слов бородач решил возмутиться и открыть рот, дабы дать хоть какие-то объяснения своему обидчику. Он в этот момент уже нисколько не сомневался, что у него еще есть возможность спасти ситуацию. Как и не сомневался, что Настя сделает все возможное для нормализации отношений между двумя мужчинами. Он внимательно посмотрел в глаза отца невесты, посмотрел и опустил голову. Тощего коротышку невозможно было остановить. Мужчина, лицо которого от нервного напряжения стало красным, продолжал сыпать обвинения:

- Я хочу тебе, дезертир, прямо сказать... Моя дочь никогда не будет с тобою водиться... Она не будет мыкаться в нищете с дезертиром на земле своих предков. И заруби это себе на носу... И еще... Если ты этого не поймешь, то пеняй на себя... Я просто-напросто уничтожу тебя, как бездомную собаку... Ты меня понял, недоумок... С меня достаточно того, что я и мои родители пережили при прежнем режиме...

После этих слов отец любимой девушки замолчал, затем резко повернулся и стремительно забежал в общежитие. «Обиженный» после того, как Петр Кейт скрылся за дверью, продолжал стоять возле входа в хайм. Он стоял навытяжку, как солдат, стоял без всяких дум и мыслей в голове. Его организм был отключен от внешнего мира. Он еще не понимал, что с ним произошло и почему это произошло. В кое-что он «врубился» лишь на железнодорожном вокзале. От боли в сердце и от душевной пустоты Александр невольно присел на привокзальную скамеечку. Мысль о том, что именно сегодня он потерял Настю, потерял навсегда, страшила его. Чем больше он думал об этом, тем сильнее и тревожнее билось его сердце. Возврата к девушке не было, ни сегодня и ни завтра, никогда на этом свете. И причиной этому был ее отец, мужчина небольшого роста. Кузнецов на какие-то мгновения воспроизводил глаза этого человека. Они были полны ненависти и презрения к нему, молодому и красивому человеку, которому очень нравилась дочь коротышки. Александр нисколько не сомневался, что этот «обвинитель» может и на большее... Он смерти не боялся, тем более, ради любви к девушке. Одинокого человека, находящегося на вокзале уже чужого города, сейчас страшило только одно, предстоящее наказание за воинское преступление. Он «просрочил» все сроки и теперь не было смысла просить пощады или милости от каких-либо армейских начальников. Время и возможности для этого от него ушли, ушли навсегда. Навсегда уходила от него и любимая девушка...

Кузнецов просидел на вокзале до последней электрички. Надежда на то, что Настя придет

и они опять, как и раньше, будут бродить по городу, все его не покидала. Затем парочка влюбленных на какое-то время уединится и даст волю своим поцелуям. Девушке очень нравились страстные поцелуи молодого и красивого парня. Она в своей душе нисколько не лукавила, когда признавалась сама себе, что этот безграмотный и нищий верзила ей куда больше нравится, чем инженер Николай, с которым она когда-то намеревалась в Сибири связать свою судьбу. Об этом она совсем недавно призналась Александру. Да и здесь у нее ухажеров было хоть отбавляй, если бы не отец, который почему-то на родине своих предков стал очень строгим к своим детям, особенно к взрослой дочери. Вполне возможно, сама жизнь заставила коротышку бдить за своими детьми. Раньше у Насти был старший брат, который погиб за два года до ее рождения. Пятилетний мальчик погиб совершенно случайно, когда сторожил с отцом на ферме. Берта просила мужа не брать с собою ребенка, боялась его простудить. Отец настоял на своем, ему уж сильно хотелось показать своему первенцу больших буренок. В этот день и ночь валил снег, валил большими хлопьями. Крыша коровника обвалилась мгновенно и неожиданно. Петр с очень большим трудом вылез из-под завала, вылез без единой царапины. Мальчишке же не повезло. Толстая перекладина, обрушившаяся с трехметровой высоты, смертельно его ранила. Кейты очень тяжело переживали смерть единственного сына. Особенно тяжело убивался отец, он винил себя в смерти Антошки. Родители, рано поседевшие из-за горя, решили избегать ошибок и делали все возможное для предотвращения напастей для дочери, потом и для младшего Витеньки...

Александр, томясь в ожидании девушки, довольно часто выходил из здания вокзала и потом переходил на улицу, ведущую в сторону русского общежития. Выходил в надежде увидеть Настю, дальше совать нос боялся. Он не сомневался, что Петр Кейт без всяких проблем сдаст его немецкой полиции или советским военным, машины которых довольно часто проезжали мимо вокзала. Страх частенько заставлял бывшего солдата, одетого в гражданский костюм, озираться по сторонам. При появлении полицейской машины или советских «УАЗ»ов бородач невольно отворачивался или сразу же искал глазами дом, за которым можно было спрятаться...

Настя Кейт в этот день и в этот вечер на вокзал не пришла. В последний раз красивый и статный безбилетный пассажир смотрел из окна купе на перрон уже чужого и уже незнакомого города. Поезд тронулся с места, однако он продолжал внимательно вглядываться на медленно уплывающий от него перрон. Знакомого лица не было, его не было и тогда, когда очертания вокзала поглотила ночная темнота, поглотила навсегда. Минут через пять верзила, сильно сжав зубы, откинулся на спинку сидения и закрыл глаза. Сейчас он пришел к однозначному выводу. Настя, его первая любовь к нему уже никогда не придет, и он также никогда не ощутит страсть ее поцелуев. От понимания безысходности и душевной пустоты он заплакал, заплакал навзрыд. Своих слез он сейчас почему-то не

стеснялся, весь человеческий мир с причудами был ему безразличен. Плачущий бородач сквозь туман с равнодушием смотрел и на молодого негра, который сидел возле окна, положив ноги на противоположное от себя сидение. Он никак не реагировал и на проходящего мимо него плешивого проводника, который почему-то со злобой смотрел в его сторону. Его не волновали и истошные крики молодых немцев, которые кучкой сидели неподалеку от него и «глушили» пиво. Кое-кто из юнцов под общий смех собутыльников швырял в проход пустые банки из-под пива, которые барабанили по всему вагону. Не задумывался он сейчас и о том, почему так грубо и безжалостно поступил с ним отец любимой девушки. Петра, как и самого себя, Александр относил к категории советских людей, которым всегда было присуще чувство человечности и взаимопомощи друг другу. Он все так и не мог понять того, какая муха укусила взрослого мужчину и в чем состоял грех солдата, пусть даже военного дезертира. Понять причины грубого отношения немца из России к себе, беглому просто-напросто не предстояло знать. Александр раньше и сейчас мало интересовался историей российских немцев. Все то, что успела рассказать о себе и о своих родителях Настя, для верзилы было обычным явлением. Жизнь молодых людей мало чем отличалась друг от друга, так жили тысячи и даже миллионы парней и девушек...

Петр Кейт после того, как закрыл дверь хайма, быстро поднялся в свою комнату и выглянул из окна. Беглый бородач все еще стоял на крыльце и о чем-то думал. Многое пришлось передумать в эту ночь и тому, кто так сильно обидел красивого парня. Петр сначала в душе радовался, что его Настя влюбилась, влюбилась по-настоящему. Она почти все время тараторила родителям о своем незнакомом парне. Появление советского солдата в русском общежитии, который когда-то сопровождал семью аусзидлеров до железнодорожного вокзала, господина Кейта сначала мало беспокоило. Солдаты довольно часто бывали у своих земляков, вместе с ними играли в карты и пили пиво. У Петра даже и в мыслях не было, что его единственная дочь может влюбиться в солдата, да еще в преступника. Обитатели «русского острова свободы» после появления Кузнецова почти в один голос сразу же заговорили о дружбе Насти и новенького. Многие молодые аусзидлерши с улыбкой смотрели на красивого великана, большинство из них были не прочь протянуть ему руку дружбы. Петр и его жена Берта на первых порах сплетням не верили, они просто не хотели этому верить. Любовь дочери в их планы пока не входила, переселенцы после хайма надеялись устроиться на работу. Мечтали о приличном трудоустройстве и учебе своих детей. Мать все больше и больше наблюдала за дочерью, лицо которой светилось от радости после каждой встречи с солдатом. Видя ее серьезные намерения, она решила с ней поговорить. Настоящего разговора не получилось, Настя и слушать не хотела советы своей матери. Она призналась не только о своей любви к парню, но и также рассказала о своих намерениях всегда и во всем ему помогать. Со слезами на глазах Берта поделилась своими бедами с мужем, через некоторое время эти беды стали

общими. Петр все искал подходящий момент для того, чтобы отшить беглого, отшить от своей дочери навсегда. И этот момент представился... Дальнейшая судьба дезертира мужчину сейчас мало интересовала, болело сердце за свою дочь. Отцу очень хотелось, чтобы ее жизнь на исторической родине предков была жизнью человеческой, без проблем и без страха за свое будущее. Он не хотел такой жизни, которая была у его родителей, да и у него самого...

Родители Петра Кейта, как представители немецкого «опасного элемента», осенью 1941 года были перевезены из Поволжья в Сибирь. Манфред и Магда за месяц до отправки сыграли свадьбу. Людей везли в скотских вагонах, за время следования эшелона двенадцать человек умерло от голода, среди них трое детей. Для прибывших определили и место для проживания - чистое поле. Люди копали ямы, накрывали их ветками и так жили. Кейты, как и многие другие немцы, дабы не умереть с голода, ходили в соседнюю деревню и перекапывали огороды в поисках картофеля. Через год Манферда забрали в трудовую армию, он почти пять лет находился в Свердловской области, валил лес, строил алюминиевый завод. От постоянного недоедания, от баланды с клопами, тяжелого физического труда многие мужчины умирали. Большое лагерное кладбище пополнялось каждый день. Умершие походили на человеческие скелеты.

Не лучше была жизнь и у Магды. Зима 1942/1943 годов на сибирской земле была очень суровой и очень тяжелой. Употребление в пищу трупов павших животных, всевозможных суррогатов стало почти обыденным явлением в сибирских деревнях. Многие жители опухали от голода, кое-кто умирал. Молодой организм немки все эти испытания выдержал, не сломили ее и дальнейшие трудности. Весной 1943 года бездетную женщину мобилизовали в рабочие колонны, она три года пилила лес на севере Тюменской области. Только через два года после роспуска трудовой армии супруги встретились вновь. Уехать в родную деревню на Волге власти Кейтам не разрешили. Только после смерти Сталина начался реальный поворот к лучшему в разрешении немецкой проблемы. Для немцев была отменена спецкомендатура, им выдали паспорта, разрешили ездить по стране. Кейты построили добротный дом, обзавелись скотиной и всякой другой живностью. Затем их единственный сын Петр женился, вскоре появился внук Антон, затем внучка Настя и опять внук Витенька. Пожить старикам на исторической родине было не суждено, они умерли за три года до отъезда их сына в Германию. Петр и Берта при Советской власти больших постов не занимали, в партиях также не состояли. Местные чиновники без проблем им оформили документы на выезд...

Ночь после поистине трагической разлуки с Настей для Александра была настоящим адом. Он очень долго ворочался на кровати в своей фазенде и не мог заснуть. Он очень тяжело переживал все то, что совсем недавно с ним произошло. Потеря любимой девушки, как считал он, было для него Божьим наказанием. От этих мыслей он все крепче и крепче

сжимал автомат Калашникова, лежащий под его подушкой. В какой-то миг мысль о самоубийстве понравилась молодому человеку. О солдатских самострелах он довольно часто слышал в армии. Три суицида были и в его мотострелковом полку. На этот путь, как правило, вставали молодые солдаты, которые не выдерживали издевательств со стороны старослужащих или получали тревожные письма от своих родителей и от невест. Стрелок-зенитчик Кузнецов все эти «слюни молокососов», так он любил называть самострельщиков среди стариков, пропускал мимо ушей. Боксер прекрасно знал, что его никто и никогда не тронет пальцем. Пускать слюни по бесчестной невесте или подруге он вообще не намеревался, их тогда у него просто не было.

В эту же бессонную ночь верзила успел отчихвостить и свою любимую подругу. Он не мог найти причины для оправдания поступка Насти, которая побоялась угроз отца и забыла о своих обещаниях помочь солдату, не говоря уже о признании ему о своей любви. Чем больше беглец погружался в мир жизненных рассуждений, тем больше он ненавидел и себя. Окружающий мир, включая и его самого, в этот момент для бородача не существовал. Бывший гражданин бывшего великого Советского Союза, он же бывший рядовой Советской Армии, он же и настоящий военный преступник оставался на этой земле, в этом человеческом мире наедине с самим собой. Слезы выступили на глазах Александра, когда он, признавая свое ничтожество, приходил к страшной мысли, от которой ему не хотелось жить. Он, молодой и здоровый мужчина, был человеком без родины, без близких и родных, без пятачка родной земли... Не было у него и средств к существованию. Он также не знал, что с ним будет завтра...

Бородач, у которого целую ночь урчало в животе и мерзли ноги, приподнялся и решительно вытащил оружие из-под подушки. Затем закрыл глаза и, словно заколдованный, передернул затвор и направил ствол автомата к сердцу. В этот же момент сзади фазенды неожиданно раздался шорох, который был все сильнее и сильнее. Этот звук на какие-то мгновения вывел Александра из нервного оцепенения. Он, сам не зная почему, несколько откинул автомат в сторону и сильно нажал на спусковой крючок...

Глава третья. Собачья жизнь.

Кузнецов проснулся к обеду, лучи летнего солнца вовсю плясали на его лице. Они, скорее всего, и разбудили молодого человека, который по причине неизвестного шороха отвел автомат Калашникова в сторону от своего сердца. Он, дабы проверить свое «присутствие» на этой земле, начал судорожно двигать руками по телу. Руки, ноги и голова

были на месте. Осознание этого заставило работать и его мозг. Первой в голову пришла мысль о неудавшемся самостреле. Дезертир нисколько не сомневался, что источником неожиданно появившегося шороха мог быть полицейский, который уже «вычислил» и довольно длительное время «пас» советского солдата. Что дальше произошло с ним после автоматной очереди беглый и сам не мог предположить. Животный страх перед смертью или нервный стресс на какое-то время «выключили» его из жизни. Неожиданная разлука с Настей не прошла бесследно...

Страх перед полицией, которая по твердому убеждению обитателя фазенды, уже окружила заброшенный сад, вынудил его забраться под кровать. Около двух часов верзила лежал под панцирной сеткой и почти не дышал. Он, словно загнанный зверь, прислушивался к каждому шороху, раздающемуся вокруг. Только к вечеру, когда в покрывало темноты окунулась и дача, бородач рискнул высунуть свою голову наружу. Из деревянного домика он не выходил, а выползал, выползал по-пластунски. Ему все еще мерещился полицейский. В метрах ста от фазенды Кузнецов приподнялся и дал деру. Куда бежал и почему бежал, он и сам этого не осознавал. Эту ночь беглый солдат Советской Армии проспал возле обочины дороги под небольшим стогом сена. Ранним утром он вновь двинулся в сторону заброшенного сада, голод давал о себе знать. Страх вынуждал его соблюдать все меры предосторожности. Только после пробежки двух кругов по периметру сада дезертир приблизился к даче, вокруг нее все было спокойно и без изменений. Это вернуло его к жизни. Он очень осторожно открыл дверь и стал внимательно осматривать противоположную от кровати стену. В тонкой доске он нашел три дырки от вчерашней стрельбы. Холодный пот пробил по всему его телу.

Усиливающееся чувство голода все больше и больше заявляло о себе. Бородач решительно подошел к кровати и вытащил из-под нее коробку с сухим пайком. Гречневую кашу и галеты он проглотил мгновенно, опустошил и последнюю бутылку лимонада. Неожиданно сзади фазенды раздался шорох. Он чем-то напоминал ночной шорох, когда Кузнецов произвел короткую очередь из автомата. Страх вновь овладел дезертиром и он мгновенно схватился за автомат. Затем со всей силой плюхнулся на пол, дабы занять круговую оборону на случай перестрелки с местной полицией или с советскими солдатами. Шорох на какое-то время стих, потом опять появился. В том, что сад и дача окружены, лежащий уже нисколько не сомневался. Как не сомневался, что живым себя не отдаст никому. При этой мысли он еще сильнее сжал цевье автомата и затаил дыхание. В комнате и вокруг дачи неожиданно наступила тишина, тишина была мертвенная. Александр отчетливо слышал стук своего сердца. И все это его очень страшило. Палец, находящийся на спусковом крючке автомата Калашникова, от нервного перенапряжения онемел. Александр его не чувствовал. Шорох за стенкой повторился опять, через несколько мгновений раздалось жалобное взвизгиванье. Автоматчик на эти звуки почему-то никак не

реагировал, он лежал на полу и не двигался...

Мысль о том, что возле дачи оказалась бродячая собака или какая-нибудь другая живность, у дезертира возникла лишь после того, как в входную дверь стал кто-то настойчиво скрести. Кузнецов в своем предположении уже нисколько не сомневался, он быстро встал, и держа автомат наизготовку, осторожно открыл дверь. В помещение стремительно ворвалась небольшая собака и тут же стала обнюхивать незнакомого ей человека. От появления четвероногого «полицейского» хозяин фазенды рассмеялся и мигом повалился на кровать. На смену животному страху к нему пришел смех, смех гомерический, в некоторой степени даже нечеловеческий. Он смеялся и ласково трепал незнакомку за уши. Собака сначала смиренно сидела на полу и весело скулила. Затем она, скорее всего, обрадовавшись живому существу, быстро запрыгнула на кровать и усердно принялась лизать лицо человека. Александр внимательно смотрел на морду животного и смеялся, и смеялся. Из его глаз текли слезы...

Каштанка, так окрестил собаку постоялец, в один присест расправилась с целой банкой тушенки, которую он оставил себе на пропитание для следующего дня. Он после разлуки с Настей решил съестной провиант строго экономить по причине непредвиденных обстоятельств и отсутствия денег. Собака после «расправы» с тушенкой, смиренно присела на зад и стала внимательно смотреть на нового хозяина. Кузнецов в этом нисколько не сомневался. Небольшой немецкий городишко в последнее время кишел бродячими собаками. Кое-кто из жителей, сломя голову, бросился на запад страны, надеясь там сытнее покушать и как можно больше набрать в свои легкие «демократии». По этой причине на произвол судьбы были брошены десятки четвероногих животных. Довеском этому была и живность военнослужащих ЗГВ. После ухода войск на территории военных городков навсегда «оседали» многие кошки и собаки. Заброшенную дачу, своеобразное наследие от восточного немца, «получил» и дезертир Советской Армии Александр Кузнецов. В том, что в эту фазенду хозяин никогда не ступит ногой, незаконный обитатель с каждым днем все больше и больше не сомневался.

Появление четвероного животного не только оживило, но и в значительной степени «стабилизировало» жизнь отшельника. Он был теперь не один. Каштанка на редкость оказалась порядочной псиной. Человек и собака были, как единое целое. Они поровну делили оставшиеся съестные припасы, которые стремительно уменьшались в своих размерах. По мере проживания собака постепенно «приобрела» свои обязанности. Каштанка преуспевала в охранном деле, она с самого раннего утра смиренно садилась неподалеку от дачи и бдила. К сигналам четвероного друга Александр привык сразу же. Если Каштанка лениво тявкала или просто-напросто скулила себе под нос, то хозяин был спокоен. Это означало, что вокруг не было ни души. Человек или кто-то подобный Каштанке, находился на значительном удалении от общего жилища дезертира и собаки. В случае

громкого лая Кузнецов приводил себя в боевую готовность, никогда не забывая об автомате. Через несколько секунд в укрытие прибегал и «сторож». Собака, увидев серьезное лицо хозяина, жалобно скулила и затем устремляла свой взгляд на входную дверь. Обитатели фазенды были готовы к отражению своих врагов.

Бородача довольно часто поражал природный ум собаки, особенно при несении сторожевой службы. Она напрасно никогда громко не лаяла. Если собака после отчаянного гавканья сразу не врывалась в помещение, то Александр пренебрегал своей боеготовностью. Он прекрасно знал, что его псина убежала на «разборки». Она вела настоящий бой с себе подобными, которые осмеливались вчера или сегодня нарушить покой обитателей фазенды. Иногда Каштанка и проигрывала, приходила домой с большими выдранными клочьями собственной шерсти, даже и шкуры. Она садилась возле кровати и внимательно смотрела на хозяина. Бородач, который в большинстве своем находился в горизонтальном положении, вставал и качал головой. Затем нежно гладил своего друга. Поражения Каштанки не изменяли в ней главного, она оставалась преданной своему хозяину. Дачник иногда по вечерам зажигал свечу и любовался своей собакой, любовался и смеялся. Были у него и слезы. После разлуки с Настей он довольно часто по ночам плакал. Каштанка чувствовала эти слезы и тихонько скулила, словно переживала горе близкого ей человека, которому она совсем недавно спасла жизнь. Грустные воспоминания из ночи у беглого довольно часто переходили в день. На его душе становилось очень жутко и он уходил в лес. Собака весело скулила и следовала за ним. Лес с каждым днем все больше и больше притягивал бородача, становился для него не только своеобразным пристанищем, но и отдушиной. Любители лесного воздуха или грибов, в большинстве своем, не обращали пристального внимания на высокого мужчину с черной бородой. Кое-кто из зевак, да и то очень редко, на какой-то миг останавливался и восхищался черно-белой псиной, которая бегала вокруг хозяина и виляла хвостом. На реплики прохожих владелец собаки никак не реагировал. Он только весело смеялся и почему-то стремительно уходил прочь. Собака послушно следовала примеру своего мощного хозяина...

Съестные припасы советского производства у Александра Кузнецова закончились через шесть месяцев после побега, в самом начале нового года. Искать солдатские пайки в соседних селениях, где, вполне возможно, еще находились советские части, дезертир не решился. Он боялся, боялся практически всего и всех. Этот страх удесятерился после незабываемой встречи с отцом Насти. Местная полиция могла иметь контакты как с аусзидлерами, так и с русскими военными. Не решился он еще раз прошвырнуться в поисках съедобного и на территории бывшей своей части. Верзила несколько раз «гасил» желание взять автомат, который он оставил на плацу возле «Кремлевской стены», и продать его немцам. Деньги ему были позарез нужны. Свой же автомат он берег на «пожарный» случай...

Естественная потребность в многообразных продуктах питания все больше и больше заявляла о себе. Заготовки только из растительного мира отрицательно сказывались на здоровье беглого солдата. Из-за постоянного употребления яблок и груш из заброшенного сада он довольно часто страдал расстройством желудка, проблемы с «зеленью» имела и Каштанка. Верзила все чаще видел в глазах своей псины тусклые огоньки и это вынуждала его кое-что экономить для своей собаки из галет и тушенки. Закупать продукты для себя и для своего четвероного друга, даже очень дешевые, Кузнецов не мог из-за отсутствия денег. Да и появляться в немецких магазинах он очень боялся. Он не сомневался, что воинскую часть покинул не только он один. Подобных ему, вполне возможно, были сотни, даже и тысячи... Немцам порядочно надоели советские дезертиры, которые, как правило, скрывались в лесах. Внешний вид у Александра с каждым днем вызывал опасения, он чаще и чаще уходил в лес...

Первая охота за продуктами питания для бородача оказалась очень удачной. Он и сам не ожидал, что так все хорошо получится. Небольшой продуктовый магазинчик находился на окраине деревни, дезертир раньше в ней не был. Он выбрал «объект» специально подальше от Дахбау, дабы в случае погони не навести на себя след. Огромный запас свободного времени позволял ему основательно изучить незнакомую местность. Он, чтобы на обратном пути не заблудиться, ломал ветки деревьев и бросал их на пути следования.

Продукты в магазине Кузнецов решил «брать» во время обеда. Немцы были людьми очень пунктуальными, во время обеда все и вся по всей стране останавливалось. Он порядка около часа с собакой просидел в засаде и не казал носу из небольшого кустарника. Возле входа в магазин и вокруг него не было ни души. Это обрадовало верзилу, с продавцом он справится без проблем. Убивать не будет, забить кляп в рот силенок у него хватит с избытком. Александр решительно вышел из-за засады и внезапно остановился. К домику подъехала машина, затем остановилась. Через некоторое время из нее вышла довольно старая женщина и очень медленно засеменила к площадке, где стояли продуктовые тележки. Покупательница вернулась из магазина минут через тридцать. Немного отдышавшись, она опустила голову под багажник и стала аккуратно раскладывать купленное в два больших ящика. Кузнецов от радости даже тихо вскрикнул, когда увидел полуоткрытый багажник и удаляющуюся с тележкой старуху. В успехе свой «охоты» он уже нисколько не сомневался, когда бабка опять скрылась в магазине. Владелица новенького «Мерседеса» намеревалась еще что-то купить. Александр быстро оглянулся по сторонам и начал решительно действовать по уже новому плану...

Продуктовый «улов» оказался очень богатым и очень разнообразным. Только метров через пятьсот от магазина дезертир решил переложить продукты в свой вещмешок. В него вошел один ящик. Второй ящик он разгрузил в спортивную куртку, рукава которой перевязал. Этой ночью новоиспеченный вор в прямом смысле пьянствовал и жрал. По-

барски питалась и Каштанка, которая, как всегда, сидела на теплом половичке перед входом в фазенду. За старой немкой последовали другие покупатели, магазины и магазинчики... Осечек у бородача не было, он и сам удивлялся своей изобретательности воровать. Зима пролетела незаметно. Человек и собака жили и воровали, как единое целое...

Наступившая весна принесла Александру Кузнецову не только теплую погоду, но и человеческие надежды. Он постепенно забывал о том, что когда-то дезертировал из советского гарнизона. У него уже не щемило сердце при виде местных немцев, не так уже сильно дрожали руки и ноги при появлении полицейских. К тому же, он сумел наладить контакт с местным немцем, с мальчишкой-школьником. Ганс, так звали первого и единственного немца, с которым беглый познакомился, был сыном далеко не бедных родителей. Бородач с юношей познакомился совершенно случайно, когда в очередной раз бродил по лесу. Мальчишка, скорее всего, первый из местных жителей «засек» высокого мужчину, который почему-то часто заходил в заброшенный сад. Он доподлинно знал, что на протяжении десяков лет постоянными посетителями этого сада были советские офицеры и прапорщики. Они приходили сюда целыми семьями, кое-кто из них приезжал и на автомашинах. Заброшенный сад в прямом смысле дымил день и ночь, особенно перед уходом русских из Дахбау. Любители шашлыка и спиртного оставляли после себя горы всевозможного мусора. Местные немцы в своеобразную вотчину советских войск своего носа не показывали. Не заглядывала сюда и местная полиция, ничего не изменилось и после объединения страны...

Дружба беглого солдата и местного жителя укреплялась с каждым днем, а то и с каждым часом. Каштанка также привыкла с молодому немцу. Александр в порядке исключения отпускал четвероногого друга со школьником домой, когда мальчишка приносил своим друзьям что-либо из продуктов питания, приносил небескорыстно. Именно с этого и дружба началась, когда они встретились в лесу. Немец первый поприветствовал высокого мужчину, борода которого напоминала бороду священника. Святой отец на приветствие молодого незнакомца не ответил. Он, как обычно, стремительным шагом рванулся от него прочь. Обитатели фазенды домой вернулись через час. Мальчишка уже ждал своих знакомых на окраине сада. Верзила попытался убежать опять в лес, не получилось. Не пугал рыжего и громкий лай Каштанки, которая в прямом смысле норовила спустить с него штаны. Он, словно его кто-то магнитом притягивал к великану, продолжал в прямом смысле его преследовать. В конце концов Александру это все надоело и он сдался. Он остановился и со злостью стал смотреть на того, кто его преследовал. В его голове были только две мысли, которые, наверняка, избавили бы его от этой назойливой мухи. Решение по-настоящему наподдавать мальчишке по заднице или натравить на него Каштанку, пропало у верзилы почти мгновенно. Причиной этому было не только миролюбивый вид мальца, но и его дальнейшие действия. Он, словно читая намерения святого батюшки и его собаки, весело

посмотрел на озлобленную физиономию мужчины и тихо произнес по-русски:

- Дядя, а Вы русский?.. Я думаю, что и честно русский...

Эти слова мальчишка произнес с очень большим акцентом и нараспев, что рассмешило беглого солдата. Однако на вопрос любопытного Александр не ответил. Он продолжал молчать и с недоверием глядел на того, кто почти через год соизволил нарушить его покой. Внимательно рассматривал и думал. Этим нарушителем не мог быть сын советского военнослужащего. Кузнецов, несмотря даже на то, что очень редко ходил в увольнение, научился «вычислять» русских и местных ребят. Этот рыжий явно не «тянул» до русского. В этом беглый не ошибся. Его молчание прибавило смелости назойливому преследователю. Мальчишка, уже более уверенно, опять проговорил:

- Мой папа учился в Москве, я два раза там был... Мой папа работал два года назад начальником... Я учил русский язык в нашей школе, учил очень хорошо... Мой папа хотел моей учебы в Советском Союзе...

После этих слов мальчишки с акцентом и с ошибками бородач уже нисколько не сомневался в том, что перед ним стоит сын какого-то местного начальника. Обрадовала его и русская речь, он уже давненько ее не слышал. «Не баловала» беглого солдата и немецкая речь, в которой он вообще был балдой. На русские слова, произнесенные местным немцем, Александр опять никак не прореагировал. Он, словно перед ним было пустое место, быстро развернулся и направился в сторону леса, намереваясь этим показать, будто он никогда не жил в этом заброшенном саду. Каштанка последовала за хозяином. Метров через десять собака остановилась и присела. Затем, словно армейская салага, решила служануть хозяину и для пущей строгости несколько раз громко тявкнула в сторону непрошеного гостя. Мальчишка еще долго стоял на месте и со слезами на глазах смотрел в сторону тех, кто к нему был почему-то очень равнодушен.

Ганс появился на окраине сада ровно через неделю. В этот день Александр пришел с «улова», пришел очень довольный. После обильной пищи и выпивки он решил поколесить по саду, и опять наткнулся на немца. И на этот раз святой отец не пылал желанием завязывать дружбу с мальчишкой. Он, не доходя полусотни метров до навязчивой «мухи», ускоренным шагом направился в сторону леса. Метров через десять остановился, Каштанки рядом не было... Собака, едва завидев мальчишку, сразу же бросилась к нему и стала вокруг него бегать. Немец от неожиданности раскрыл рот и со смехом ринулся прочь от собаки. Необычное поведение Каштанки обрадовало хозяина и он также присоединился к незатейливым играм, которые вели мальчишка и четвероногая псина.

В этот вечер советский дезертир и молодой немец очень долго бродили по лесу. Александр так и не решился пригласить непрошеного гостя к себе на дачу. Он ему не доверял, как и не верил тому, что тот рассказывал. О себе беглый мальчишке ничего не сказал, считал это ненужным занятием. Да и о чем он мог рассказать «законному» жителю

объединенной Германии? Кузнецов был здесь просто-напросто преступником, который захотел лучшей жизни в этой доселе ему неведомой и непонятной стране. Совместная прогулка убедила бородача, что мальчишка раньше и сейчас его не обманывал. Ганс, живший в деревне неподалеку от города Дахбау, куда больше знал о русских, чем бывший солдат. Мальчишка в этих краях оказался совершенно случайно. Он искал советское стрельбище, которое до сих пор все еще не нашел. Почти год назад он со своим другом ездил под Дрезден, где там когда-то были советские войска, надеясь найти автомат или пистолет. Ребята немного припоздали, местные власти казармы уже сломали. Советское оружие рыжему мальчишке снилось даже во сне. Он в тайне от отца всплакнул, когда тот рассказывал матери и бабушке о том, что в одном из военных городков строители нашли на чердаке несколько пистолетов и два ящика патронов. Информация о ротозействе русских бабушку чуть было до инфаркта не довела, она удвоила контроль за непослушным внуком. Этим же летом внук остался без контроля. Бабушка слегла в больницу, как только узнала о том, что ее дочь и зять остались без работы.

Новости маленького немца вновь растревожили душу беглого солдата. Сон не шел, он то и дело ворочался, не успокаивал нервную систему и немецкий коньяк. Со времени побега из роты прошел почти год. За это время Александр не только одичал, но и почти полностью был оторван от внешнего мира. Ему даже пришлось спрашивать день недели у своего знакомого. Ганс оказался настоящим приверженцем советских устоев и не только это. Он был на редкость смышленым и порядочным человеком. Через неделю верзила впустил его к себе на дачу. Мальчишка приглашению был очень рад и с большим интересом разглядывал «хоромы» своих друзей. В том, что бородатый есть русский Иван, школьник уже нисколько не сомневался. Он убеждался в этом сразу, как только переходил на немецкий язык. Большой русский в ответ делал безразличное выражение лица и весело смеялся. В трудных ситуациях друзья переходили на жесты. Для ведения речи о высоких материях у обоих ни слов, ни жестов не хватало. Политика по этой причине оставалась за бортом.

В первый же день своего пребывания гость получил от хозяина фазенды подарок, состоящий из пуговицы, эмблемы и знака «Гвардия». Знаки отличия бородатый снял со своей «робы», которую он все еще прятал неподалеку от дачи. Он уже не сомневался, что солдатское одеяние ему не пригодится. Ганс подарку старшего друга очень обрадовался. На следующий вечер мальчишка сделал ответный подарок. В школьном ранце он принес для Ивана небольшой транзистор и два журнала. Принес он и русско-немецкий словарь, которым совсем недавно пользовались его родители. От предстоящего музыкального удовольствия верзила даже зацокал языком, источник музыки прибавил ему жизненного оптимизма. Новости или передачи на русском языке транзистор почему-то не брал. Небольшой радиоприемник стал для беглого своеобразным амулетом, с которым он никогда и нигде не расставался. Он висел у него на шее во время сна и во время многочасовых

прогулок. Не забывал он о нем и тогда, когда уходил с Каштанкой на «улов».

Определенное усердие проявлял беглый и при изучении немецкого языка. Словарь по содержанию оказался очень простым. Вскоре Александр уже мог кое-что спрашивать у мальчишки по-немецки. Иногда он и «рылся» в своей голове, от нее было очень мало проку. Немецкий язык он учил в Найденовке почти три года, учил через пень колоду. К тому же учительница месяцами не вылазила из районной больницы.

Годовщину побега из военного городка дезертир встретил со слезами на глазах, виной этому была тоска. От этого человеческого атрибута его не спасала ни музыка, ни занятие немецким языком. Во власть меланхолии хозяин фазенды впадал, как правило, после общения с юным немцем. Он сразу же начинал люто ненавидеть себя за то, что за все время отсидки он так и ничего не сделал, чтобы войти в общество, которое он считал эталоном своей жизни. Довольно часто он и плакал. В этот момент он завидовал рыжему Гансу, который имел родителей, домашний очаг и друзей. У него же, у большого русского Ивана всего этого не было. Завидовал он иногда и Каштанке, которая ему верно служила и никого не боялась. Он все больше и больше злился на это четвероногое существо, которое мирно лежало возле кровати или у входа и не хотело вникнуть в его очень сложные проблемы, проблемы двуногого человека...

Определенный оптимизм верзила все-таки имел, иногда даже и с избытком. Это, как правило, происходило только при очень солнечной погоде и при встрече с Гансом. Рыжий мальчишка становился для него, как младший брат, который очень быстро вошел в его жизнь. Он довольно часто приносил русскому Ивану продукты питания, приносил бесплатно. Не забывал он и о четвероногом друге. Специальных продуктов для собаки в родительском доме не было и поэтому школьник покупал деликатесы, хотя и очень редко, в магазине. Мужчины весело смеялись, когда Каштанка аппетитно уплетала за «обеи щеки» содержимое банок, на которых были нарисованы красивые морды ей подобных. После еды она подходила к своему хозяину, затем к маленькому гостю и поочередно их облизывала. Такой знак благодарности вызывал у дачников новую волну смеха и радости.

Лето пролетело быстро, незаметно прошла и осень. Наступила зима, самая страшная пора для обитателей фазенды. Особенно страдал Александр, от сна и безделья ему становилось иногда дурно. От умопомешательства спасал лес и маленький Ганс. Зимой мальчишка приходил реже, он учился в шестом классе и отдавался учебе. Благодаря ему беглый не терял контакт с земной цивилизацией. В некоторых журналах и газетах, которые приносил мальчишка, бородатый находил политиков бывшего Союза. Попытка найти информацию об уходящих советских войсках или вообще о Советской Армии, как правило, заканчивалась неудачей. «Читающий» чужого языка не знал, фотографии или рисунки с советскими танками и солдатами детский журнал и журнал о модах почему-то не печатал. Не было подобных и в районной газете. Скупой о выводе ЗГВ была информация и

маленького немца. Он лишь доподлинно знал, что казармы советского городка в Дахбау разрушены, весь хлам немцы вывезли...

Дружба разных по возрасту мужчин основывалась на полном доверии и взаимном уважении. Они видели друг в друге как членов одной семьи и поэтому очень переживали, ежели кто-то из них попадал в жизненный переплет. В конце зимы Александр тяжело заболел, его постоянно мучил желудок. В преддверии весны началось сильнейшее обострение, «со стула» он не слазил. Ганс принес большому «русси» около десятка всевозможных лекарств, через неделю желудок верзилы «стабилизировался». Нашел моральную поддержку среди обитателей фазенды и «маленький Ганс», так любовно называл Александр своего друга, когда у мальчишки умерла любимая бабушка. Еще не очень старая женщина умерла от инфаркта после спора с соседкой со второго этажа, та обозвала бабушку штазовской свиньей. Фрау Мюллер из-за такого оскорбления очень сильно переживала и проплакала всю ночь. Утром ее увезли на скорой в больницу, там она и умерла. После похорон любимой бабушки внук пришел на дачу очень хмурым и все время плакал. Кузнецов в этот вечер был особенно заботлив по отношению к другу и подарил ему на память штык-нож от автомата Калашникова. Ради утешения мальчишки он решился выйти в лес и пострелять из автомата. Мужчины, сопровождаемые радостным визгом Каштанки, очень долго искали место для стрельбы. Верзила очень боялся, что кто-то из местных немцев услышит выстрелы и вызовет полицию.

Ганс без всяких проблем присоединил магазин и передернул затвор, затем поставил автомат на одиночную стрельбу. Мишень для стрельбы он также выбирал лично сам. Недостатка в последних не было, сосен было очень много, одна красивее другой. Мальчишка выбрал самую толстую и самую высокую. Он разрядил в сосну полный автоматный рожок. От напряжения стрелок страшно покраснел и вспотел, старался не упасть лицом в грязь перед русским другом. Радости у школьника не было предела, когда он увидел в толстой сосне около десятка пуль, глубоко осевших в ее «теле». После стрельбы бородач подарил своему другу один боевой патрон. Больше патронов, не говоря уже об автомате, он никому не намеревался дарить. Все это ему еще могло пригодиться. Друзья в лесу задержались до позднего вечера. Учитель молодого стрелка очень переживал за мальчишку, родители могли «засечь» многочасовое исчезновение своего единственного сына.

Летние каникулы Ганса Мюллера прошли в его родной деревне Брюкен. По непонятным для родителей причинам сын настойчиво отказывался от их приглашения съездить на лето в Баварию к родственникам отца и оттуда мотануть на Бодензее. Особенно не понимал мальчишку отец, который делал все возможное и невозможное для любимого Гансика. Отец и сын раньше всегда и везде были вместе, в этом же году младшего Мюллера, словно кто-то подменил. Родители решили основательно присмотреться к своему чаду и первым долгом

«перешерстили» его личные вещи. В самом низу платяного шкафа они к своему удивлению нашли штык-нож от советского автомата Калашникова, боевой патрон и знак «Гвардия». Ни у кого сомнений не возникло, любимый сын болтается среди русских и каким-то образом достает опасные вещи. Родители запаниковали, у матери мальчишки затряслись руки. Ей никак не хотелось, чтобы ее сын попал в неприятную историю с русскими, о преступлениях которых днем и ночью рассказывали средства массовой информации. О своих находках родители решили сыну не говорить и вели себя так, будто ничего не видели. Манфред Мюллер своего сына выследил только через неделю, когда тот решил навестить своего одноклассника Стивчика. Мальчишка в сторону улицы, где проживал его друг, не пошел, он сел на маршрутный автобус. Родитель ринулся домой, через некоторое время водитель старого «Мерседеса» впереди себя увидел автобус со знакомыми номерами...

Ганс от друга Стивенсона «вернулся» довольно поздно и сразу же нырнул в свою детскую комнату. Его отец пришел домой несколько позже и направился в спальню. В эту ночь супруги Мюллеры не спали. Они так все еще не могли понять, что же делал их единственный сын на заброшенной даче, и что могло быть общего между ним и очень высоким мужчиной с черной бородой, которая бывает только у священников.

Первое воскресенье августа для военного дезертира рядового Александра Кузнецова запомнилось на всю жизнь. Вставать с постели в этот день ему не хотелось, на улице шел затяжной дождь. Маленькие капелки воды медленно и очень нудно барабанили по крыше фазенды. От этого монотонного стука тянуло ко сну, однако сон не шел. Апатия и равнодушие ко всему и к себе «убивали» лежащего. Он намеревался и дальше лежать в горизонтальном положении, если бы ни жалобный вой Каштанки. Она всегда это делала, если хотела идти во двор. Верзила лениво встал с теплой постели и неспеша открыл дверь. Собака от радости мигом выскочила из помещения и тотчас же скрылась в зелени сада.

Неожиданно Александр услышал знакомый собачий лай, в этот раз он был очень сильный и очень тревожный. Бородач мгновенно бросился к окну. На самой окраине сада в направлении фазенду двигались двое полицейских и один человек в гражданской форме. Сомнений у беглого не было, его выследили. Он решил действовать очень решительно. Он наклонился вниз и вытащил из-под кровати солдатский вещмешок, в котором был военный билет, два пакета солдатского сухого пайка и боксерские перчатки. Был в нем также и магазин для автомата, набитый до отказа боевыми патронами. Не долго думая, бородач с силой толкнул входную дверь фазенды и рванулся к лесу, где ему был знаком каждый куст и каждая торопинка. Во время отхода верзила повернул голову в сторону фазенды, преследователи изменили курс и также двигались к лесу. Впереди тройки он увидел Каштанку, которая истошно лаяла и во всю прыть бежала по следу своего хозяина. Беглый прибавил ходу. В метрах пятидесяти перед самым лесом неожиданно появилась полицейская машина с мигалкой, из машины выскочили двое полицейских. Они держали

пистолеты наизготовку и что-то громко кричали по-немецки. На какое-то мгновение беглеца охватил страх и он остановился, остановился и стал зыркать глазами вдоль леса, надеясь найти другой путь отхода. От увиденного у него тревожно забилось сердце, бросило в пот. К лесу на бешеной скорости неслась другая полицейская машина, которая мигала и издавала мощный звук. Александр от четкой работы немецкой полиции на какой-то миг опешил. Он уже не верил, что ему удастся спастись или уйти от погони. Кто его выследил или кто его предал, он сейчас не раздумывал. Одно он знал четко, себя живым в руки полиции не отдаст. И это придало ему исполинскую, даже нечеловеческую силу. Он рванулся с места, словно лань, и еще сильнее сжал цевье автомата, притом родного автомата. С личным оружием он проспал в обнимку почти четыре года...

Полицейские при виде двухметрового «кубинского» Фиделя явно струхнули. Пожилой мужчина и молодая девушка, лица которых стремительно приближались к Кузнецову, не произвели ни единого выстрела по живой мишени. Разъяренное лицо великана, стреляющего на ходу, повергло блюстителей порядка в ужас. Особенно сильно трухнула молодая особа, когда возле ее уха просвистело несколько пуль. От животного страха за свою жизнь, она истошно что-то закричала по-немецки и на корточках поползла в лес. Струхнул и ее коллега. Он, несмотря на большой опыт по вылавливанию всевозможных преступников, не ожидал такой наглости от советского дезертира. Русский с бородой промчался мимо него, словно спринтер, не забывая поливать все вокруг из автомата свинцовым огнем...

Через пару километров Кузнецов решил перевести дух. Его душа и сердце ликовали, от преследователей он ушел дерзко и смело. Сейчас страх за свою жизнь отступил на второй план, особенно в знакомом лесу. За два года эти леса и перелески стали ему родными и близкими. Они не только скрывали его от людских глаз, но и спасали от полиции. Выбрав в глубинке леса большой куст, бородач прилег, прилег ненадолго. Он не сомневался, что добросовестные немцы будут продолжать его преследовать до самого вечера, а может и даже всю ночь. За время службы он неоднократно слышал, что советские начальники нередко обращались за помощью к полиции социалистической Германии. Русские иногда для поимки своих беглецов поднимали целые дивизии, прочесывали десятки деревень и садов. Создавались всевозможные группы перехвата и захвата, чертились различные схемы на картах. По всей стране бегали сотни машин, сжигалось море бензина. Немецкой полиции всего этого не надо было... Убегали, как правило, молодые солдаты...

Размышления о салагах в какой-то мере приподняло моральный дух беглого. Себя он к салагам не относил, за себя всегда мог постоять. Так произошло и сейчас, когда он почти по-суворовски преодолел целый кордон вооруженных немцев. Лежащий громко засмеялся, когда представил перед собою испуганное лицо молодой немки... Он всегда был против службы женщин в армии, нечего было им делать и в полиции. После этих размышлений он

незаметно погрузился в сон, проснулся минут через двадцать. Верзила поспал еще, если бы не странные ощущения, которые он начал испытывать на своем лице. От этого он сильно испугался и стремительно рванулся в сторону, одновременно увлекая за собою автомат. Стрелять в нападавшего не пришлось. Перед ним стояла Каштанка, она скулила и бегала вокруг своего хозяина.

Кузнецов ласково погладил четвероногого друга и внимательно посмотрел ему в глаза. Глаза собаки светились огоньками неподдельной радости. Сердце беглого тревожно сжалось, из его глаз невольно текли слезы. Собака, понимая горе и радость хозяина, еще ближе прижалась к нему. Александр, ласково гладя своей мощной рукой морду животного, сквозь слезы тихо лепетал:

- Милая Каштанка, я тебя всю жизнь не забуду, ты мне спасла жизнь... Я тебя никогда не забуду, моя Каштанка...

Слова благодарности своей преданной собаке он повторял несколько раз. Теплота человеческой души и сердца, скорее всего, доходили и до псины. Она продолжала крутиться и тихо тявкать возле того, кто лежал на земле и почему-то плакал...

Остаток дня и ночь вооруженный бородач, и его собака все путали следы. Только утром, когда солнце стало просыпаться, беглецы решили немного передохнуть. От заброшенного сада они удалились на километров тридцать, а то и больше. Чем дальше уходил Кузнецов от своего места «жительства», тем спокойнее было у него на душе. Он теперь не сомневался, что полиция навряд ли найдет его следы. Во время отхода он все «мудрил». Километров через десять он снял свои туфли, вместо них надел старые спортивные кеды, которые попались ему в лесу. Они были немного маловатые, но это его нисколько не смущало. Не забыл бородач и о своей Каштанке. Ее лапы он обмотал тряпкой, разорвав на мелкие куски рубаху, которая висела на чучеле, отпугивающее птиц на огороде. Собака своей маскировке нисколько не сопротивлялась, она лишь тихо взвизгивала и ласково облизывала руки хозяину, который старательно мастерил ей «обувь». Местом отдыха выбрали небольшой лесок, он был довольно густой и обрамлялся высокой травой. Александр в прямом смысле рухнул возле огромной сосны и мгновенно заснул. У него уже не было физических сил продолжать движение в неизвестном направлении. Устала и Каштанка, которая смиренно улеглась возле ног верзилы и закрыла глаза. Иногда она просыпалась, дабы на всякий случай «побдить» своего хозяина. Тот спал, как убитый. Он никогда еще так не уставал в своей короткой, но очень сложной жизни...

Проснулся бородач от чего-то мокрого, которое покрыло все его тело. Открыв глаза, он понял, что идет дождь. Листья некоторых деревьев и кустарников блестели от капелек воды. Причиной неописуемой красоты леса было яркое солнце, которое временами пробивалось через тонкий слой моросящего дождя. Каштанки возле хозяина не было, та успела во время его сна поменять место своей «дислокации». Причиной этому был дождь. Александр громко

рассмеялся, когда увидел свою верную псину под надежным «зонтом», которым служил очень густой куст. Он, недолго думая, прыгнул к собаке.

Дождь перестал моросить где-то через час. Сквозь густую завесу леса вскоре выглянуло солнце, которое поднималось все выше и выше. Беглецы природному явлению очень обрадовались и вышли на опушку леса. Перед ними предстал земной рай и причиной этому была красота природы. Лес и все вокруг дышало свежим воздухом. Александр мгновенно повалился в густую траву, она была уже почти сухая от палящего солнца. Он снял спортивный костюм, затем трусы и остался нагишом. Лежать в таком состоянии было очень приятно. Лучи солнца, ласкающие его стройную фигуру, одновременно «зализывали» окровавленные участки его тела. Во время сна, да и днем, Александр сильно чесался, иногда до крови. Его тело очень давно нуждалось в горячей воде. Он на миг представил солдатскую баню, которая, даже несмотря на армейские причуды, была бы сейчас для него настоящим счастьем. В «дезинфекции» нуждалась и Каштанка, которая лежала рядом с хозяином и довольно часто кусало свою шкуру.

От далеко невеселых мыслей и от яркого солнца беглый заснул, спать ему долго не пришлось. Каштанка жалобно скулила, она то и дело лизала языком физиономию спящего. Животное скулило от голода. Кузнецов проснулся и посмотрел на часы, «командирские» показывали ровно два часа дня. Число и день недели часы по причине своей неисправности не показывали. Александра сейчас это не так страшило, его страшило совсем другое. Прошло два года его скитаний, он продолжал оставаться настоящим изгоем в этой стране. Ему уже порядком надоело довольствоваться куском хлеба и глотком воды, которые он в прямом смысле воровал у бабушек и дедушек. У него давно исчез запас рубах, не говоря уже об нательном белье, которое когда-то было в чемодане заботливого немца. У физически развитого мужчины появились проблемы и со здоровьем. От далеко нечеловеческой пищи довольно часто «барахлил» желудок. Ему и сейчас хотелось кушать, страшно хотелось. Он не сомневался, что и собака скулит от голода. Грустное выражение псины вообще разжалобило Кузнецова. Он уже не мог представить свою жизнь без Каштанки, она стала для него настоящим другом, делила с ним все радости и тревоги. Четвероногое создание, словно понимая размышления своего хозяина, еще больше заскулило, из глаз псины катились слезы. Бородач ужаснулся, он никогда в своей жизни не видел слез ни у собак, ни у других животных. Ему казалось, что слезы могут быть только у людей, которым Богом дано право на этой земле страдать или радоваться. Сейчас же нагой нисколько не сомневался в том, что у собаки были слезы от сострадания или от безысходности, но никак не от радости. Ему стало не по себе, и он, словно перед ним был самый близкий человек, сквозь слезы проговорил:

- Знаешь, моя Каштанка, ты думаешь, что я изгой, я слабый человек... Нет, это далеко не так... Ты не думай так, мы с тобою за себя постоим... Я за тебя постою, я свою жизнь за тебя

и за себя отдам... Я ведь тоже человек, я ведь также хочу жить на этой земле...

Собака на словесные заверения голого мужчины не реагировала и не возражала. Она только жалобно смотрела на своего хозяина, который почему-то шевелил губами и почему-то громко плакал. Общение человека с собакой продолжалось недолго. Каштанка очень обрадовалась, когда ее хозяин развязал вещевой мешок и вытащил из него бумажную коробку...

Застолье на свежем воздухе было очень коротким. Кузнецов торопился, ему сейчас хотелось что-то делать, делать незамедлительно. Однако, что и как это делать, для него оставалось непонятным. Не могла помочь его «горю» и Каштанка, которая, как и он, нежилась на солнце. Ничегонедалание и беспомощность угнетали Александра. Он после некоторого раздумывния решительно взял в руки вещмешок и опорожнил его на землю. Из съестного был еще один сухой паек, из боеприпасов полный рожок патронов. Кузнецов быстро оделся, затем взял оружие и передернул затвор. На землю упал патрон. После этого беглец отсоединил магазин от автомата и затолкал в него упавший патрон. После присоединения полного рожка с патронами, Александр улыбнулся, и внимательно глядя на собаку, громко произнес:

- Ну, вот и все, мой дружище... У нас с тобою на двоих только тридцать три патрона... Ты не бойся, я тебя убивать не буду... Мой Калаш никогда не подводил и сейчас нас не подведет...

Каштанка опять не понимала, что ей говорил ее хозяин. Она также не понимала того, почему такой большой человек со слезами на глазах целует автомат, который вчера так непонятно рокотал...

В немецкую деревню за «уловом» беглецы зашли незаметно, да и замечать их было некому. Селение, насчитывающее около десятка домов, было безлюдным. Кузнецов на пути следования одну деревню обошел стороной, она находилась в двух десятках метров от автомобильной дороги. Эта же, как ему казалось, была Богом забытая. Он решил действовать по-военному. Перед тем, как войти в деревню, он обошел ее два раза по периметру. Ничего подозрительного не было, не было здесь и магазинов. Самым привлекательным для налетчиков стала парикмахерская. Она располагалась на первом этаже деревянного здания, которое находилось прямо на опушке леса. Большие витрины с изображением женщин и мужчин с красивыми прическами были видны издалека. Красочная реклама невольно вызвала улыбку у Александра, он почти два года не брился и не стригся. Посетить парикмахерскую бородач намеревался не по причине своей будущей прически, ему нужны были деньги. Он осторожно подошел к дому и почти на цыпочках приблизился к стеклянной двери парикмахерской. Внутри никого не было, два небольших кресла были пустыми. И это прибавило смелости налетчику...

Семидесятилетний парикмахер Отто Гюнтер в этот день с утра почти бездействовал.

Желания поработать у старика было хоть отбавляй, да только клиентов не было. Причиной, скорее всего, были «кусучие» цены. Да и район у них стал безлюдный, хотя при социализме всем работы хватало. Сейчас времена наступили другие. Многие жители деревни Цуффенхаусен, оставшись без работы, ринулись в город. Кое-кто перебрался на запад страны к своим родственникам, надеясь на то, что в демократической части с голоду не дадут сдохнуть. Перебрался туда и Алекс, сын старого Гюнтера. Пятидесятилетний мужчина жил в квартире сожительницы, она работает в доме для престарелых. Зарплата у нее не ахти большая. Отец только вчера звонил сыну, знал бы лучше не звонил. Тот уж больно жаловался, что его здесь явно никто не ждал с дипломом учителя русского языка. Все русское не в почете не только на западе, но и здесь, на бывших социалистических землях...

Старый Гюнтер без малого полвека прожил при коммунистах, разное в жизни было. Видел и русских, до лобзания не доходило, до выпивки тоже. Тогда о них очень много писали и говорили. И сейчас не меньше, даже больше, когда те покидают страну. Некоторые из немцев очень долго ждали ухода русских. Например, его сосед по улице, узнав о том, что «Советы» уходят, еще сильнее приноровился к пиву. Бывший егерь страшно не любил «красных» и не потому, что его отец погиб под Сталинградом. Сыну солдата вермахта надоели проделки солдат и офицеров ГСВГ, которые частенько охотились за дичью с автоматами, ездили даже на танках. Желание наказать русских у егеря возникало, возникало довольно часто. Однако он почему-то терял дар речи, когда видел перед собою воинов-интернационалистов. При встрече егерь Майер что-то бубнил себе под нос по-немецки, стараясь внушить нарушителям, что нельзя так безжалостно уничтожать природу. Однако все заканчивалось по-любовно. Егерь и охотники улыбались, затем протягивали друг другу руки. Военные, как правило, мужчину в специальной форме одежды не хотели замечать. Лишь единицы из них приветствовали его. Были и те, кто вообще не «замечал» лесника и давал «копоти». От мощного рева танкового двигателя блюститель природы невольно шарахался в сторону, дабы не попасть под гусеницы. Егерь не скрывал страха перед русскими даже перед своей женой. Он довольно часто ночью просыпался и до самого утра рассказывал своей половинке о том, как его во сне ловили русские. Урзула слушала мужа и молила Бога, чтобы ее суженый мог спокойно доработать до пенсии.

В последнее время фрау Майер уже без содроганий слушает всевозможные «байки» молодого пенсионера. Раз в два месяца к ним присоединяется цирюльник Отто, к которому они ходят стричься. Парикмахер и сам не против лишний раз перекреститься, дабы скорее русские ушли. Двадцать лет назад он жил в деревне, потом переехал сюда. Неподалеку от прежнего места жительства был русский полигон, где днем и ночью раздавался скрежет танков и грохот пушек. Близлежащие деревни нередко страдали от нашествия солдат, которые чистили сады и дачи. Во время марша один из танков заехал в соседский сад, престарелая хозяйка от страха чуть было коньки не отбросила...

Стрелки часов на стене показывали ровно три часа дня, когда хозяин парикмахерской увидел через окно очень высокого мужчину, который почему-то осторожно и боязливо вышел из леса. Бородач был чужак, старик не ошибался, своих он всех знал. Этот же сразу же вызвал у него подозрение. Мимолетнее восприятие чужака, идущего в сторону парикмахерской, мгновенно навело на Отто страх, притом страх неподдельный. Он ринулся от окна и юркнул в пристройку, где раздевался и кушал. Затем с силой хлопнул дверью и запер ее на ключ. Цирюльник облегченно выдохнул, он не ожидал того, что сегодня замок его небольшой каморки так легко провернется и намертво закроет дверь. До сего момента тот по неизвестным причинам очень тяжело проворачивался или вообще стопорился. От «дверной» радости старик присел на узенький диванчик и замер, но тут же вздрогнул. Надежда на то, что чужак с бородой обойдет его заведение стороной, таяла с каждой секундой...

Кузнецов осторожно открыл дверь парикмахерской и внезапно остановился, остановился не от страха, увидя парикмахера или посетителя. Вошедший испугался человека, которого он неожиданно увидел в большом зеркале, висящим напротив на стене. Александр чуть было не нажал на спусковой крючок своего «Калаша», дабы полоснуть по нему очередью. Его противником был высокий бородатый мужчина с длинными черными волосами, которые ниспадали на его широкие плечи. Лицо далеко немолодого человека было очень заросшим, кое-где в бороде «искрилась» седина. Да и одеяние было очень примитивное, спортивный костюм черного цвета был грязный и помятый...

«Опуститься» на землю бородачу помогла Каштанка, которая сначала стояла возле вошедшего и внимательно смотрела на зеркало. Затем, оскалив зубы, она с визгом бросилась вперед... Александр еще раз внимательно посмотрел на себя в зеркало, затем на Каштанку и громко засмеялся. Верзила теперь понял, что ни он, ни его собака не узнали себя в зеркале. Чем больше беглец смотрел на свое отражение в зеркале, тем больше он смеялся. Смеялся сквозь слезы, которые невольно текли из его глаз и потом сразу же исчезали в густых «зарослях» бороды. «Кубинский» Фидель иногда смотрел и на Каштанку, которая все еще не могла «признать» свое отражение и скулила при виде черно-белой собаки.

Поведение псины, однако, не отвлекло бородача от земных проблем. Он «стрельнул» глазами по комнате, людей не было. И это обрадовало пришельца. Он легонько взял руками за спинку кресло и осторожно его продвинул в угол, затем опустился на мягкое сидение. Неземное блаженство моментально вошло во все части и поры молодого человека. Он закрыл глаза и стал глубоко дышать. Ему казалось, что только сейчас и только в этом кресле находится весь кайф жизни, ради которого он покинул воинскую часть и так долго не мог его поймать...

Неожиданно раздался лай Каштанки, этот лай беглый понимал с «полуслова». Собака,

словно стервятник, стояла возле небольшой двери неподалеку от зеркала и громко лаяла. Александр быстро соскочил с кресла и мгновенно развязал вещмешок, затем вытащил из него автомат. Потом держа оружие наизготовку, он на цыпочках подошел к двери. Он сейчас не сомневался, что дверь ведет в подсобку или в подвальное помещение. Он строго посмотрел на собаку и поднял указательный палец вверх. Та моментально замолчала. Беглый, не говоря уже о Каштанке, нисколько не сомневался, что за дверью кто-то есть. Кошка или другое животное, опасности, как таковой, для них не представляло. Человек же, который, несомненно, был немцем, мог позвонить о пришлых в полицию... Страх за свою жизнь заставил бородача действовать очень быстро и решительно. Не изменяя положения с оружием, он с силой ударил ногой в дверь. Дверь, словно пушинка, раскрылась. Вооруженный мужчина сразу же увидел перед собой тощего старика, который сидел на диване и испуганно смотрел на заросшего незнакомца, который только что «открыл» дверь...

Отто Гюнтер в этот вечер к сыну не поехал, не поехал не по своей вине. В этот вечер в его парикмахерской был поистине уникальный клиент, которому он впервые в своей жизни делал прическу. В том, что сидящий великан с длинными волосами и с пышной бородой был русский из ГСВГ, старик нисколько не сомневался. Он не мог только определить воинское звание пришельца из-за его цивильной формы. Спрашивать же не решался, не по причине своей скромности, а по причине страха. Неожиданный клиент с момента своего появления почему-то все время молчал, он только жестикулировал. Эти жесты Отто понимал мгновенно, кое-где даже и «преуспевал». Он по своей инициативе на ключ закрыл входную дверь парикмахерской, опустил гардины на окнах. Он от страха даже снял трубку с телефонного аппарата, прекрасно зная о том, что это «чудо» давно отключено от сети. Без проблем он определил и прическу клиента, который, сидя в кресле, стволом автомата указал в сторону рекламного щита с изображением молодого человека с короткой прической и пробором на голове. Во время работы мастера поведение русского оставалось без изменений. Он продолжал держать палец на спусковом крючке, лицо его было суровым и безжизненным. Немец же, наоборот, чем быстрее отходил от кондрашки, тем увереннее работал ножницами и электрической машинкой.

Минут через тридцать все было «готово». Пришлый, увидев красивую прическу на своей голове, соизволил улыбнуться. Был доволен и сам мастер. Он, изрядно устав от «службы» и страха, присел на соседнее кресло и с восхищением посмотрел на свое «произведение». Перед ним сидел молодой парень с правильными чертами русского лица. Эти лица он видел по телевидению по времена правления коммунистов, тогда довольно часто показывали совместные мероприятия немцев и советских солдат. Не забывают и сейчас. Полгода назад в ихнем округе собирали подарки для русских солдат, которые еще продолжают службу на территории объединненой Германии. Некоторое время старый немец и молодой русский сидели напротив друг друга, каждый думал о своем. У красивого юноши с автоматом,

который с презрением смотрел на плешивого старика, каких-либо планов не было. Его голова на сегодня и на завтра была «пустая». Он жил одним часом, одним мгновением. Сейчас он просто сидел, только и всего. Ему нравилось сидеть в этом удобном кресле и чувствовать себя человеком...

У Отто Гюнтера, наоборот, на душе было очень тревожно. Его почему-то пугали большие голубые глаза молодого и очень красивого парня. Да и поведение этого человека со специфическим запахом для него было непредсказуемым. Он нисколько не сомневался, что именно этот бывший бородач, которому всего каких-то полчаса «было» за пятьдесят лет, может без всякого сожаления пустить в него автоматную очередь. От этой мысли ему хотелось убежать или куда-нибудь спрятаться. Он начинал в своей голове строить всевозможные планы своего спасения, но они исчезали почти мгновенно, не пройдя своего логического осмысления. Бежать было не только безумно, но и очень опасно. Доказательством этому являлась и собака, которая преданно смотрела в глаза своему хозяину, сидящему в кресле и смотрящему, словно истукан, в одну точку. Господин Гюнтер несколько раз про себя чертыхнулся в адрес грязной псины, благодаря которой его и «вычислили».

Настенные часы пробили пять раз. Прошло почти два часа после того, как Отто «закрыл» свое заведение. Два часа заточения в собственной парикмахерской были самыми страшными в его жизни. Безысходность ситуации вынуждала его искать выход. Он начал усердно шевелить губами, делая попытку заговорить по-русски, хотя знание русского языка было у него на «абсолютном нуле». Он сейчас корил себя за то, что каких-то двадцать лет назад не удосужился взять разговорник у сына и кое-что почитать. Алекс тогда был полон желания изучать русский язык, язык своих друзей. Русский язык в те времена учили не только жители социалистической Германии. Учили его и западные немцы, для которых он был языком врагов. Особенно это было «модно» в годы международной напряженности...

От воспоминаний по тяжким временам у старика сильно заколoло под сердцем. Он, привстав с кресла, направился в сторону подсобки, где находились таблетки. От желания подлечиться сразу же пришлось отказаться. Русский молниеносно встал с кресла и приставил ствол автомата к его голове. Старик от страха присел и заплакал. Слезы и оханье старого немца в какой-то мере разжалобили Александра. Он отошел на несколько шагов в сторону, и держа автомат наизготовку, стал внимательно наблюдать за дальнейшими действиями немца. Старик, превозмогая боль в груди, ускоренным шагом ринулся в подсобку. За все время его отсутствия Кузнецов не спускал глаз с двери, усердно служила своему хозяину и Каштанка. Она сидела возле него и внимательно прислушивалась к тому, что происходило в подсобном помещении.

Из подсобки немец вышел минут через пять. Он был очень радостный и все шептал по русски:

- Очень корошо, очень корошо, русский Иван... Очень корошо, русский Иван...

От этих слов Александр несколько смягчился, к нему в голову сразу же пришли добропорядочные мысли о немцах. Офицеры и солдаты почти всегда говорили только хорошее о местных жителях. Проблемы в большинстве случаев создавали сами русские... Увидев ослепительно красивую улыбку на лице налетчика, старый немец решил еще в большей мере «услужить». Он почти на цыпочках приблизился к Каштанке и стал ее гладить. Собака на приближение чужака и прикосновение его ладони почему-то никак не реагировала, она только усердно моргала своими глазами и внимательно смотрела в сторону хозяина. Странное поведение псины очень рассмешило Александра, он начал громко хохотать и наблюдать за тем, что дальше будет делать старик с его псиной. Отто после того, как основательно убедился, что собака вооруженного русского его «приняла», осторожно взял ее на руки и понес в подсобку. И на этот раз Каштанка не издала ни звука. Старый человек и собака появились минут через пятнадцать. Кузнецов от увиденного даже вскрикнул. Ему не верилось, что перед ним его настоящий друг с четырьмя ногами. «Одежда» собаки была сухой и чистой, ее черно-белый цвет даже переливался при не таком уже и ярком электрическом свете в комнате. Идеальная чистота псины на какой-то миг пристыдила хозяина. Он только сейчас пришел к мысли, что за все время пребывания в роли хозяина Каштанки, он так и ни разу не удосужился ее основательно помыть. Собака без его ведома довольно часто заползала в лужи или озера, которые встречались на пути многочасового странствия по лесам и полям. Хозяин и сам, честно говоря, забыл о том, что такое ванна или душ, не говоря уже о солдатской бане. Он мылся в озерах, использовал и природный «душ», проливной дождь...

Веселое настроение русского немец почувствовал сразу, как только появился с тщательно вымытой собакой. Он решил это опять использовать, дабы отвести, как он предполагал, плохие мысли в голове русского Ивана. Парикмахер, сделав дежурную улыбку, посадил Каштанку в кресло и взялся за ножницы. Наводить марафет на своем четвероногом друге Кузнецов немцу не мешал, он даже временами снимал палец со спускового крючка автомата. Мягкое кресло с подлокотниками, в котором он сидел, располагало к спокойствию и ничегонеделанию. В этом блаженстве он просидел бы целую неделю, а может, даже и год. Уж больно уютно было в кресле, да и в самой парикмахерской. Его тело, очень соскучившееся по домашнему уюту и человеческой чистоте, отдыхало. Однако, чем обильнее выступали капельки пота на плешине старого немца, тем подозрительнее для верзилы становилось поведение старика. Блажь в его голове быстро улетучивалась. Он опять стал недоверять старому немцу, прекрасно понимая то, что тот мягко стелет неспроста. Скорее всего, он кого-тот ждет или очень боится за свою жизнь. Кузнецов взглянул на свои «командирские», было уже начало седьмого. Три часа для него пролетели совершенно незаметно, пролетели словно три минуты. Длительное пребывание в

парикмахерской испугало Александра, он вновь приподнес часы к уху, те работали без сбоев. «Командиры», так называл про себя солдат часы, никогда его не подводили. Он опять откинулся на спинку кресла и стал наблюдать за работой мастера. Каштанка вела себя прилично, даже очень послушно. Собака не дергалась и не лаяла, она только тихо что-то скулила себе под нос и иногда бросала взгляд в сторону хозяина. Почти домашняя идиллия сделала свое дело, Кузнецов на мгновение закрыл глаза...

Проснулся он от неожиданного стука и стремительно вскочил на ноги. Затем мгновенно и сильно нажал на спусковой крючок автомата, одиночного выстрела или автоматной очереди не последовало. Беглый от страха передернул затвор «Калаша» и с ненавистью посмотрел на дверь, откуда раздался стук. Первое, о чем подумал он, что немец уже успел позвонить в полицию. Александр бросил взгляд в сторону кресла и повел стволом автомата... Спокойное поведение предполагаемого предателя укротило его страх и фантазии. Спокойно вела себя и Каштанка, она сидела на коленях старика и радостно смотрела на только что проснувшегося хозяина. Спокойствие верной псины через несколько мгновений передалось и Кузнецову. От мысли, что кто-то из возможных клиентов или любителей поболтать, решил постучать в дверь парикмахерской, не доверяя дощечки, на которой было написано по-немецки «Закрыто», он и вовсе успокоился. Успокоился и затем опять закрыл глаза...

Этот вечер и ночь у бывшего советского солдата прошли на ура. Он и не мог себе даже представить, что эта маленькая парикмахерская оставит в его памяти незабываемое впечатление. Он проспал в кресле после начала своего «вояжа» почти десять часов. За это время чрезвычайных происшествий не случилось, не было и источников повышенной опасности. Все обитатели парикмахерской находились на своих местах. Проснувшийся не мог налюбоваться своей псиной. За время его сна парикмахер привел Каштанку в божеский вид. Она напоминала сейчас собою тех собачек, которых Александр видел на витринах магазинов, где продавали корм для кошек и собак. Красивая псина на какой-то миг решила отблагодарить своего хозяина. Она быстро спрыгнула с кресла владельца парикмахерской и уверенно села возле хозяина. Села и стала преданно смотреть ему в глаза. Собачья преданность верзилу рассмешила. Он, слегка чмокнув животное в морду, привстал и сделал пару шагов, намереваясь размяться. Через несколько мгновений он ахнул. В углу комнаты на небольшом столике был приличный закусон. Отто Гюнтер, заметив изумленный взгляд русского, неспеша покинул кресло и также неспеша подошел к своему недавнему клиенту. Старик сейчас не боялся великана с автоматом Калашникова, почему он его не боялся, он и сам не понимал. Он, глядя в глаза парня, по-дружески похлопал его по плечу и тихо произнес:

- Дружба, фройндшафт, мир и дружба... Руссе и немец, ты и я...

Русские слова, произнесенные стариком с большим акцентом, богатыря очень обрадовали. Он сильно прижал худенькое создание к себе. Старый Гюнтер от объятий налетчика чуть

было не задохнулся. Он только тяжело кряхтел и чуть было не зажимал нос от нечеловеческого запаха, который «испускал» красивый русский. Этот запах устоял перед самым крепким мужским одеколоном, которым с большим усердием цирюльник в прямом смысле «обработал» волосы пришельца. Даже его собака не была такой «пахучей», как ее хозяин. Она под душем нисколько не лаяла, она от удовольствия только фыркала и несколько скалила зубы. Мыть животину дед не боялся, он довольно часто устраивал водные процедуры для собаки своего сына. К тому же, эта незнакомка была безоружной...

Многое успел передумать старый немец бывшей социалистической Германии за время сна русского солдата. Сомнений не было, визитер с собакой является дезертиром, простым солдатом. Почти все офицеры Советской Армии кое-что знали по-немецки, мужчины со звездочками на погонах могли общаться с местными жителями в магазинах и на улице. Этот же был «безъязыким», общение сводилось только к жестам. Старик многие из них не понимал и поэтому боялся расправы.

Русский заснул очень быстро и очень неожиданно. Старик чуть было не оказался на седьмом небе, когда во время «прически» собаки услышал мощный храп. Он нисколько не сомневался, что неожиданный клиент проспит здесь вечер и целую ночь. Первым желанием господина Гюнтера было желание покинуть свое далеко неприбыльное заведение и улизнуть, улизнуть, как можно скорее. Однако он решил не торопиться, он все еще боялся этого спокойного, но и одновременно сурового русского. Он нисколько не сомневался, что этот русский с красивым лицом без всякого сожаления пустит в его голову несколько очередей. Старику не хотелось умирать, несмотря на свою «древность». Отто Гюнтер прекрасно знал, что все люди смертные. Он в этом отношении не был исключением. Ему просто-напросто хотелось под старость вывести в люди своего неудачника сына, который все еще не определился в жизни...

Отцу и сыну не повезло при социализме, жили от зарплаты до зарплаты. Надежды взрослых мужчин на капитализм также не оправдались, они остались без работы. Старик довольно часто думал о судьбе своего Алекса, особенно тогда, когда у него прихватывало сердце. С началом храпа великана умный и хитрый немец решил закончить «собачью» прическу. Каштанка также была не против этого. Она быстро спрыгнула с кресла и подбежала к хозяину, тот на ее легкий визг никак не реагировал. Собака, не дождавшись от хозяина ответной ласки, прекратила скулить и отошла в угол комнаты. Минут через пять и она затихла. Господин Гюнтер, вновь предоставившуюся возможность удрать от бандитов, сначала не использовал. Он все еще боялся русского. На пущей убедительности он решил проверить подлинность сна пришельцев. Он очень осторожно встал с кресла и прошелся пару раз вокруг спящих. Сомнений не было, они спали, спали очень крепко. Он перекрестился, затем бесшумно открыл ключом входную дверь и также бесшумно ее запер...

Через несколько мгновений он оказался на улице, та уже была погружена в полумрак.

Старик стремительно рванулся через дорогу к парковочной площадке, где стоял его старенький «Москвич» советского производства. Он быстро завел двигатель и вырулил на дорогу, до его дома было минут пять езды, не больше. После того, как старик переступил порог своей двухкомнатной квартиры в крупнопанельном доме, он сразу же рухнул в постель. От нервного перенапряжения старика оставили физические силы. Работал только его мозг, притом работал очень напряженно. За прошедшие семьдесят лет он никогда не имел такой «перегрузки». Отто Гюнтер сам еще до конца не осознавал, что произошло с ним вчера вечером и сегодня ночью. Он несколько минут назад находился на волоске от своей смерти. Жить или не жить ему на этой земле определял советский солдат, который находится в бегах. Немец от этих мыслей заплакал и запричитал здравицу в честь Бога. Именно он дал глубокий сон не только русскому великану, но и собаке, которая оказалась на редкость умным и послушным животным. После молитвы старик заснул, спал он недолго. Причиной этому был кошмарный сон. Ему во сне приснился беглый русский, который почему-то стоял возле глубокой ямы и кидал туда цветы...

От страшного кошмара дед проснулся, на всем его теле выступили капельки пота. Сердце его стучало, словно отбойный молоток, и готово было вот-вот выскочить из грудной клетки. В его голову невольно полезли страшные мысли и он решил позвонить в полицию. Заявить о местонахождении вооруженного советского дезертира он хотел еще в салоне, когда стриг беглого. Тогда ему мешал животный страх за свою жизнь, сейчас же в своей квартире он был вне опасности. Он решительно подошел к телефону и снял трубку...

Именно в этот момент в подъезде дома раздался стук, кто-то открыл дверь. В этом Отто нисколько не сомневался. За десять лет проживания в пятиэтажке специфический звук стал родным и очень понятным. Ночью этот шум, как правило, «испускали» молодые люди, которые иногда до самого утра бесились в поиске приключений. После воссоединения Германии местная молодежь стала очень проворной, даже нагловатой. В этом старик убеждался не только ночью, но и днем... Сейчас же от привычного стука и шума в подъезде он почему-то неожиданно трухнул, трухнул очень сильно. Перед его глазами почему-то опять возник русский солдат. Отто от страха молниеносно положил трубку на место. В его голову вновь и вновь полезли страшные мысли, которые были для него не только непонятными, но и очень страшными. Подобное с ним все чаще и чаще стало случаться в последнее время. Преклонный возраст давал о себе знать. Да и сама реальная действительность какого-либо оптимизма ему не прибавляла. Он, несмотря на свою житейскую мудрость, не мог понять происходящего в стране. Последующие эксперименты после падения Берлинской стены не находили отклика ни в сердце, ни в душе цирюльника. Его пугало и страшило будущее своего Алекса, не имеющего ни денег, ни жилья. Не радовала старика и жизнь селян, люди стали чуждыми. Деревня кишела всевозможными слухами и сплетнями о связях многих жителей с бывшей службой государственной

безопасности. Лично сам Гюнтер и его сын на «штази» никогда не работали, однако этих людей всегда боялись. Мужчин пугали не только «свои», но и работники КГБ бывшего Советского Союза. Сейчас о происках оных только говорят и пишут. Скорее всего, и на это раз животный страх за своего сына заставил старика не информировать полицию о беглеце. Да и не только это. Ему порядком надоела болтовня политиков о благе людей. Этот русский решил себе счастье добывать собственными руками. За свою жизнь старик не боялся, на этой земле ему уже ничего не светило. На этой земле и на том свете он всегда усердно молился и будет молиться Богу за своего единственного сына...

Часы на городской ратуше показывали около четырех часов ночи, когда «Москвич» вновь подрулил к парковочной площадке. На улице было еще темно и ни души. Господин Гюнтер, озираясь по сторонам, направился в сторону парикмахерской. Причины своего неожиданного возвращения он и сам не мог понять. Он в душе допускал мысль, что этот мощный русский может поджечь его небольшое заведение. У старика отлегло от сердца, когда он увидел знакомые очертания. Он и вовсе успокоился после того, как открыл дверь. Русский спал крепким богатырским сном, только его собака при появлении вошедшего стала негромко взвизгивать. Желание накрыть стол вооруженному бандиту у старика то возникало, то пропадало. Человеческая доброта в конце концов победила. Без всякого сожаления цирюльник вытащил из холодильника все съестные припасы и выложил их на стол. Не дрогнула его рука и тогда, когда он с большим трудом вытащил из подсобки чемодан с вещами, которые уже изрядно «постарели». Он давненько собирался все эти тряпки отвезти Алексу, но все заедала текучка...

Застолье в парикмахерской продолжалось до семи утра. Доселе незнакомые мужчины, старый немец и молодой русский сидели за столом и смотрели друг другу в глаза. Делали это они оба без страха. Кузнецову, который хорошо отдохнул и продолжал «хавать», немец по-настоящему нравился. Дед, как ему казалось, на все сто процентов был социалистическим человеком, интернационалистом. Александр в душе на себя немного «накричал», что почти все это время держал старика на мушке автомата Калашникова. Он со слезами на глазах на русском языке благодарил немца, что тот не выдал его полиции, дал ему кров и даже позволил ему помыться в душе. Цирюльник, чувствуя душевное тепло русского, в ответ ничего не говорил. Он только смеялся и временами позволял себе прикоснуться руками к его плечу. Молодого беглеца, одетого в добротный спортивный костюм и приличные кроссовки Алекса, сына старика, иногда такой «привет» хозяина не устраивал. Он, шевеля челюстями при поглощении очередного продуктового деликатеса, внимательно поглядывал на плешивого старика и приговаривал то по-русски, то по-немецки:

- Хорошо делаешь, товарищ немец... Данке, спасибо. Данке, геноссе...

Немец, слегка раскрасневшийся от вина, и без слов понимал знаки благодарности того, кто оставил советский гарнизон. Он много раз в душе благодарил преступника, который

сохранил ему жизнь.Он поэтому сквозь пальцы смотрел на исполина, который очень рьяно исполнял «обычай» русских. Крепкое вино быстро брало верх над разумом изголодавшегося по человеческим порокам беглого солдата... Кутеж прервал стук в дверь, через пару секунд он повторился, затем раздался чей-то голос. Оставаться здесь, тем более, прятаться в подсобке хлебосольного деда, Кузнецов не решился. Он быстро подошел к окну, раздвинул большие и толстые занавески, затем провернул рукоятку на раме и выскочил вон. Каштанка последовала за своим хозяином...

Через пару минут беглец с собакой были уже в глубине леса. Через полчаса Кузнецов сделал вылазку из леса к противоположной стороне парикмахерской. Возле домика и вокруг него все было спокойно, волнение Александра вскоре улеглось. От деревни цирюльника, где ему удалось совершить все потребное для человека, он к обеду промахал километров двадцать. Он все это расстояние «махал» по лесам и полям. Заходил и на автострады. Водители машин и одинокие пешеходы, которые встречались на пути, навряд ли могли заподозрить в высоком молодом человеке, одетом в спортивный костюм черного цвета, дезертира Советской Армии. Да и физиономия у путника была вполне приличной, даже очень. Свидетельством этому были молодые девушки, которые при виде парня, уверенно шагающего по дороге, изредка ему сигналили. Сначала звуки клаксонов иномарок пугали пешехода, затем он привык к ним. Он иногда в ответ на это приостанавливался и махал рукой. Немецкие поклонницы, конечно, не могли предположить, что этот высокий и красивый парень является преступником, который дезертировал из Советской Армии. Лишь только наметанный глаз немецкого полицейского или советского военного патруля мог бы определить в этом человеке бывшего солдата. И то с большим трудом. Всевозможных «охотников» за дезертиром мог без всякого сомнения привлечь вещевой мешок советского производства. Идущего пугали не остатки съестной «роскоши», находящиеся в нем, а оружие. Автомат Калашникова в значительной степени отягощал вину беглого солдата. Он это прекрасно понимал, как и понимал необходимость иметь оружие, как средство защиты. Оставшиеся патроны верзила делил по-честному. Тридцать два патрона он «дарил» тем, кто хотел его уничтожить или взять в плен. Последний патрон, тридцать третий, он припас для себя, для самострела. Он никогда не исключал такой возможности ни при длительном пребывании на даче, ни у старого цирульника, и даже и сейчас. Он никому не собирался угрожать, ему же угрожали все...

На пути следования путника и его собаки появилась речка. Каких-либо опознавательных знаков на ее берегу не было. Да и в этом не было необходимости, указательные знаки ставились возле мостов или населенных пунктов. Селения и людей беглый продолжал бояться, и поэтому их сторонился. Родным и близким для него оставалась Каштанка, которая приустала и сразу же бросилась за хозяином в воду. Вода была очень прохладная и чистая. Вдоволь накупавшись возле берега, Кузнецов с удовольствием прилег на траву.

Земная благодать притупила его бдительность, он не решился вытаскивать автомат из вещмешка. Он положил его себе под голову. Так было не только сподручней, но и безопаснее...

Солнце все больше и больше входило в свой зенит. По небу лениво пробегали небольшие облака, которые на какой-то миг закрывали огненное светило. Молодой человек, лежащий на берегу речки, в чем его мать родила, пристально смотрел на небесную жизнь и всхлипывал. Многомесячные скитания и постоянные стрессы ему надоели. Он хотел перенестись на какое-либо облако и окунуться в иной мир, где никого и никогда земные проблемы не тяготили. От фантастических мыслей в его душе становилось все тревожнее и тревожнее. Прошло больше двух лет, он так и не нашел своего счастья в этой стране, не приблизился к своей заветной цели даже ни на шаг. На немецкой земле его преследовали одни только неудачи. Он презрительно усмехнулся и заплакал, когда его желудок приятно отрыгнул вчерашней «барской» пищей, состоящей из копченой колбасы, сосисок и пары помидоров. Вчера для него это было изобилием, сегодня и сейчас даже на солнцепеке тревожно журчал желудок. Да и Каштанка, словно человек, по мере своего голода все пристальнее смотрела в глаза своего хозяина.

Беглый на берегу реки пролежал около часа. Чем внимательнее он вглядывался в проплывающие по небу облака, чем больше понимал бессмысленность поиска счастья на небесах. Да его мозг настойчиво также требовал «приземлиться» и искать свое счастье на планете Земля, на которой проживало около пяти миллиардов человек. К землянам относил себя и нагой, дезертир Советской Армии. Именно это осознанное понимание своей причастности к человеческому миру заставляло его действовать более решительно, действовать без ошибок. После продолжительных раздумий он решил раз и навсегда «разоружиться». В случае поимки с автоматом, он «получит» куда больше, чем с голыми руками. Убивать людей в мирное время и в такую погоду он также не намеревался. Тихое журчание речки, из воды которой то и дело выныривали рыбки, и райское щебетание соснового леса вконец разжалобили душу молодого человека. Уходить на тот свет ему еще было довольно рано. Он быстро встал с земли и развязал вещмешок. Несмотря на привычное ощущение оружия, он решил не изменять своему новому решению. Он разбежался и со всей силой швырнул автомат в водную гладь...

Госпожа Бетке в это утро напряженно готовилась в дорогу. Она уже давно хотела встретиться со своей подругой, которая неоднократно приглашала свою бывшую однокурсницу по институту к себе в гости. Женщины при социализме довольно часто навещали друг друга. Магда в гости приезжала на поезде, все жаловалась на сердце и поэтому не хотела иметь каких-либо приключений за рулем своего личного автомобиля. Анна же, наоборот, не любила поезда и вокзальную толчею. Шестидесятилетней женщине к тому же не нравились переполненные вагоны поездов в конце недели, когда, как ей

казалось, весь мир катил во все уголки Германии. После объединения Германии она только пару раз рискнула съездить по льготному билету и была очень разочарована. Она со слезами на глазах рассказывала подруге, что в вагоне, в котором она ехала, почему-то не работал общественный туалет. Во время второй поездки немке мешала молодая женщина из Африки, сидящая в окружении четырех маленьких детей. Дети вопили на весь вагон, стучали по окнам и плевались. От такого кошмара старуху стало тошнить, она даже намеревалась на следующей остановке покинуть поезд... Магда только поддакивала и качала головой подруге, которая не в полной мере воспользовалась некогда прекрасным отечественным сервисом.

Свой путь на автомашине от родного города Фогельбурга в сторону Дрездена, неподалеку от которого жила подруга, Анна Бетке начала в гордом одиночестве. Она к этому уже привыкла. Анна и Магда рано потеряли своих мужей. Двое молодых парней, как и две очаровательные девушки, учились на одном курсе. В институте все и переженились, даже свадьбы играли в одном году. После окончания вуза чета Айгнеров поехала под Дрезден, Бетке получили распределение в город Фогельбург. Дружба молодых людей не прекращалась ни на минуту. Для обеих пар стало правилом совместное проведение дней рождений, начинали отмечать каждое торжество с десяти утра. В это время появился на свет муж Магды, Виктор. Остальные не знали точного времени своего рождения и поэтому без всяких обид решили присоединиться к «единому часу». Исключением был только день рождения Анны, она родилась в день образования ГДР. В этот день вся страна с самого утра окуналась в пучину всевозможных мероприятий. Айгнеры и Бетке только поздно вечером могли сесть за праздничный стол. Почти всегда в день рождения Анны была прекрасная погода. Друзья не замыкались в стенах двухкомнатной квартиры. Они, как правило, были завсегдатаями спортивных соревнований, не без удовольствия они посещали и рестораны. Участники, как государственного, так и семейного торжества, до поросячьего визга не напивались и всегда вели себя достойно...

Десять лет назад полувековой юбилей Анны с самого утра пошел насмарку. Целую ночь моросил дождь, небо было черным от ненастья. Несмотря на это, супружеская чета Бетке во всю готовилась в торжеству. Анна за неделю до торжества позвонила своим друзьям и изложила план мероприятий, намеченных в день своего пятидесятилетия. Подруги проболтали по телефону около часа, когда все и вся обсудили по случаю знаменательной даты.

Семейство Айгнеров в этот день проснулось очень рано. Виктор хотел выехать как можно раньше, дабы не расстраивать любимую подругу своей жены. Он прекрасно знал неустойчивый характер Анны, поэтому на ее просьбы и запросы реагировал всегда очень осторожно, даже кое-что и записывал, дабы не забыть. Супруги, работающие на одном заводе, ради полувекового юбилея фрау Бетке, добились у директора разрешения не

участвовать в праздничной демонстрации, посвященной очередной годовщине образования страны. Почти всю ночь перед выездом Виктор спал плохо, все ворочался, часто выходил на балкон курить. Не радовала его и погода. С самого начала октября на всей территории социалистической Германии было пасмурно и дождливо. В эту ночь также моросил дождь. Предложение мужа ехать на юбилей на поезде и основательно «расслабиться», жена не поддержала. Магда считала, что в «Мерседесе, о котором она мечтала всю жизнь, ехать будет куда уютнее, чем в переполненном вагоне. К тому же, бабушка обещала взять с собою и внучку. Карин давно собиралась посетить хороший зоопарк в городе подруги своей бабушки. Девочка также не любила душных поездов, ей очень нравилось ездить на машине только с бабушкой и дедушкой. Супруги Айгнеры вместе с внучкой выехали в семь часов утра. Выехали пораньше, на случай непредвиденных обстоятельств. Никто не хотел опаздывать за праздничный стол, компания по своей численности должна была составить ровно пятьдесят персон. Дождь, как и ночью, продолжал потихоньку накрапывать. Виктор сидел на месте водителя и крепко сжимал рулевое колесо. Бабушка и внучка, сидевшие на заднем сидении, усердно играли в карты. Девочка очень любила играть в карты, хотя от родителей за это занятие ей частенько влетало. Баба Магда, наоборот, в этом деле давала определенную поблажку своей любимой и единственной внучке. Карточное «ремесло» та получила именно от дедушки и от бабушки, играла она нисколько не хуже своих учителей. Особенно часто ей проигрывал дед Витя, который по-настоящему злился проигрышу и иногда вообще уходил в свою комнату, дабы сделать анализ своего поражения от юной, но очень талантливой картежницы. Красивому созданию карты снились даже ночью, девочка просыпалась и звонила деду. Тот не бранил свою Кариночку за воспоминания ее очередной победы. Внучка после звонка сразу же засыпала...

Авария произошла в пятидесяти километрах от города Фогельбурга, произошла не по вине водителя «Мерседеса». Виктор не мог предполагать, что на повороте из леса выбежит мальчишка. Тот несся за футбольным мячом, словно забыв обо всем на свете. Айгнер со все силой и почти мгновенно нажал на тормоза. Из-за плохого сцепления машину занесло и она стремительно начала «пахать» поле, затем несколько раз перевернулась. Полиция приехала на место аварии через пятнадцать минут. Поездка к подруге для семьи Айгнеров закончилась трагически. Внучка погибла на месте катастрофы, Виктор скончался в больнице через пару часов. Магде же по воле Божьей было определено жить, она отделалась легким ушибом. Женщина не сочла даже нужным лечь в больницу для обследования, ей и не до этого было...

После похорон мужа и внучки в родственном окружении Айгнеров произошли кардинальные изменения. Некогда любимая мать и бабушка после смерти внучки для родной дочери стала чужой. Катерина винила в смерти своего ребенка только Магду, свою родную мать и никого больше. Молодая женщина не пустила ее даже на кладбище. В один

день в небольшом городишке под Дрезденом хоронили двух родственников: дедушку Виктора и его любимую внучку Карин. Бабушка оплакивала свою единственную внучку и своего мужа дома, стоя на коленях перед иконой. Катерина с мужем после похорон дочери через месяц уехала в другой город, Магда Айгнер и до сих пор не знает ее адреса. У одинокой вдовы все на этой земле померкло, за исключением лишь дружбы с Анной. Эта дружба стала еще сильней после того, как подруга также овдовела. Александр Бетке умер через год после смерти Виктора Айгнера. У еще молодого мужчины довольно часто шалило сердце. Вполне возможно, он еще пожил, ежели бы не нервотрепка на работе. У заместителя директора радиозавода были очень натянутые отношения с шефом. Директор был очень властолюбив, он ни только не допускал инициативы подчиненных, но и не прощал им промахов. Срыв поставки продукции для отпускника, который грелся на пляжах в Чехословакии, показался чрезвычайным происшествием. Исполняющий обязанности директора не выдержал оскорблений начальника и также нагрубил ему по телефону. Виктор ночью почувствовал себя плохо. Жена сидела возле постели мужа и все рвалась вызвать скорую. Тот же был категорически против, надеялся на то, что все у него пройдет...

Увлеченная своими раздумьями о прошлом, Анна Бетке совершенно случайно увидела на обочине дороги очень высокого парня в спортивном костюме. Она, скорее всего, его и не приметила, ежели бы не маленькая черно-белая собачка. Она бежала впереди хозяина и тявкала на пролетающие мимо нее машины. Поведение псины очень рассмешило немку, и она, проехав метров пятьдесят вперед от пешехода и собаки, решила притормозить. Анна выключила двигатель и вышла из машины, затем начала делать легкую разминку. К ее удивлению для пешехода и его собаки она осталась незамеченной, они даже в ее сторону не взглянули. Блондинку это в какой-то мере оскорбило, она с непониманием повернула голову в сторону уходящих. Потом решительно направилась к машине... Через несколько мгновений позади ее раздался громкий лай. Собака, словно перед нею была приветливая хозяйка, стремительно рванулась к машине и также стремительно вскочила на переднее сиденье старенькой «Хонды». От собачьей прыти женщина даже вскрикнула. Она никак не ожидала, что это маленькое животное может так ловко запрыгнуть в салон и оказаться рядом с водителем, который вот-вот намеревался закрыть дверь и завести мотор. Анна от неожиданного знакомства громко рассмеялась и стала ласково гладить четвероногую незнакомку. Каштанка пару раз громко тявкнула и потом начала ластиться к той, кто ее очень осторожно трепал по голове и весело смеялся.

Надежды владелицы машины, что молодой хозяин ухоженной красавицы вот-вот подойдет и заведет с ней разговор, не оправдывались. Он стоял в метрах пяти от иномарки и настойчиво манил свою собаку к себе. Молодой мужчина будто не замечал симпатичную блондинку, которая сидела в салоне и играла с его собакой, не только играла, но и очень заразительно смеялась. Сейчас Каштанка на знаки хозяина не реагировала, она их просто-

напросто не замечала. Она очень уютно лежала на сидении и с большим удовольствием играла с женщиной. Непонимание хозяина и собаки продолжалось. Анне, порядочно уставшей от дороги, не хотелось идти разминать свои старые «кости» и начинать знакомиться. Да и это занятие она считала даже неприличным. В ее молодые годы, как правило, мужчины первыми начинали знакомство. Этого ждала она сейчас и от хозяина прелестной собачки, который был не только стройным, но и довольно красивым. Фрау Бетке в данный момент о женихах не думала, ей просто хотелось узнать, почему этот статный парень ведет себя очень странно. Загадочность в его поведении в какой-то степени даже заинтриговала женщину. Она мельком бросила взгляд в зеркало заднего вида и осталась собой довольна. Она еще не такая старая и даже не уродина. Анна, несмотря на свои шестьдесять была стройной, всегда следила за своим внешним видом. После смерти мужа к ней «клеились» трое мужчин, она в прямом смысле их отмела. Умной и материально независимой женщине не хотелось связываться с теми, кто был беден и туповат. И не только это...

Удо после месячного знакомства потерял у нее доверие, как мужчина. Философ хорошо разбирался во всех мировых проблемах, но оказался импотентом. Второй, Анна сейчас даже не могла вспомнить его имени, не говоря уже о фамилии, оказался большой занудой. Кавалер, находясь в ее постели, в первую же ночь все время «тарахтел» о том, что он непременно разведется с женой, которую все еще любит. Он готов ей простить даже и то, что та гуляет с его шефом. Третий ухажер был очень представительный, при социализме имел высокий пост. После объединения страны карьера Вилли рухнула, словно карточный домик. Он от перемен в личном социальном статусе ударился в запой, не помогла горю мужа и его жена. Она не выдержала пьянства супруга и укатила в Баварию, укатила к любовнику. Пока еще неразведенный супруг также ударился в поиски женщин. Всю жизнь мужчина был белоручкой, он не мог приготовить яичницу, не говоря уже о стирке белья. Анне сначала все проблемы бывшего чиновника были неведомы, она почти сразу же «клюнула» на приманку. Да и клюнуть было есть на кого. Кавалер был не только холеным, но и не бедным. Он то и дело кичился ей тем, что частенько отдыхал на престижных курортах стран бывшего социалистического содружества. Ему посчастливилось подержаться за руку с самым главным партийным боссом Советского Союза. Красивая и стройная вдова чуть было не оказалась в сетях бывшего партноменклатурщика, даже, наверное, влюбилась. Однако дальнейшего романа не получилось. Круглосуточное нытье мужчины о несбывшейся карьере при социализме, и наполеоновские планы при капитализме все больше и больше угнетали женщину. В конце концов она его выпроводила, хотя он в постели был сексуальный, даже очень...

От довольно сентиментальных мыслей Анна рассмеялась и решила все-таки выйти из машины. Владелец собаки все еще продолжал стоять на месте, он ничего не говорил, а

только махал рукой. Что эти знаки означали и для кого они предназначались, госпожа Бетке не могла понять. Она также не могла не заметить, что ее появление вызвало у молодого человека неподдельный страх. Чем этот страх был у него вызван, она также не могла понять. В своих опасениях блондинка нисколько не ошибалась. Александр после того, как женщина вышла из машины, хотел сразу же дать деру. До леса было метров пятьсот, неподалеку от обочины дороги находилось вспаханное поле. Верзила с недоверием посмотрел на женщину и на какое-то мгновение заглянул в ее глаза. Заглянул и невольно замер. В голубых глазах незнакомки не было какого-либо негодования или ненависти к нему. Мало этого. Вышедшая из машины внимательно смотрела ему в глаза и очень весело смеялась. Почему она смеялась, он никак не мог понять, ему лично было не до смеха. Одно он сейчас понимал и не отрицал, что смех этой женщины ее очень красил. Кузнецов невольно залюбовался особой, которой было уже за пятьдесят. Ее белые волосы были длинные и ниспадали на ее плечи. Нравился Александру и ее прямой нос, а также тонкие губы, которые были почему-то обильно намазаны губной помадой. Он слегка улыбнулся, когда увидел ослепительно белые зубы женщины. Анна заговорила первой...

В том, что незнакомка его приветствовала, беглый нисколько не сомневался. Эти два слова он прекрасно знал. Что дальше говорила симпатичная женщина в темных брюках и в белой кофточке, он не мог понять. Он смотрел на немку, словно бык на новые ворота, и только слегка улыбался. Улыбалась и блондинка, игра в «улыбки» длилась недолго. Первой контакт нашла немка, которая спросила его на чистом русском языке:

- Товарищ, а Вы русский?... Я правильно говорю, товарищ?...

Русская речь беглого не застала врасплох. Он теперь не сомневался, перед ним стояла немка бывшей ГДР. Однако вместо ответа, Кузнецов крепко сжал губы. В эти мгновения его мозг на какое-то время опять застопорился. Причиной этому был очередной страх, страх перед возможным информатором о русском дезертире. Александр посмотрел на лес, затем на женщину, потом опять в сторону леса. Ему сейчас необходимо было бежать в этот лес, который стал ему настоящим домом и кормильцем. Одновременно такое бегство для него было безумием. Спасовать перед красивой женщиной, которая по возрасту годилась ему в матери, он не намеревался. Немка не была в форме полицейского, не походила она и на его врага. Он стоял и очень пристально смотрел в голубые глаза чужой матери, надеясь прочитать не только ее мысли, но и ее душу...

Анна Бетке после вопроса по-русски вообще не понимала поведение молодого человека. Он стоял перед ней, словно на исповеди, и почему-то плакал. Сам он, скорее всего, не замечал своих слез, которые текли по его щекам и затем падали на его куртку. Блондинка, увидев слезы на глазах незнакомца, сначала несколько опешила. Затем быстро вытащила из своих брюк носовой платок и стала с усердием вытирать ему слезы. Всему этому он не противился, ничего он и не говорил. Мысль женщины, что ее незнакомец больной или немой

отпала сразу же, как только к нему подбежала собака. Он наклонился к собаке и тихо по-русски произнес:

- Ты чего же, моя Каштанка, решила меня бросить... Ты давай не бросай меня... Ты мне очень нужна...

Собака после этих слов еще сильнее прижалась к хозяину и начала громко скулить. Затем она стремительно бросилась к женщине, и остановившись перед ней, громко залаяла и завиляла хвостом. Поведение Каштанки привело доселе незнакомых людей к взаимному пониманию. Кузнецов смотрел на свою псину и сквозь слезы смеялся, смеялась сквозь слезы и немка. Она поочередно смотрела то на молодого человека, то на его верного четвероногого друга. Путник и его собачка вызывали у нее симпатию. Она этого нисколько не скрывала, поэтому смеялась и плакала...

До небольшого городка Вайнброт, где жила госпожа Айгнер, оставалось тридцать километров. Анна, после появления в своей машине неожиданных пассажиров, решила не торопиться. Ей не терпелось узнать причину нервного расстройства у русского парня. Свой каверзный вопрос она задала ему сразу же, как только машина тронулась с места. Спросила на двух языках. Повторила его еще раз после того, как у парня на лице высохли слезы. Толкового ответа не было. Русский на все вопросы отвечал однозначно: «Я» или «Да». Что все это означало как для него, так и для нее, женщина не понимала. Как она и не понимала, почему он все время оглядывался по сторонам. Каштанка по сравнению со своим хозяином освоилась куда быстрее. Она лежала на заднем сидении и иногда лениво открывала глаза. Собака, скорее всего, была очень довольна тем, что произошло сегодня на пути следования. Вскоре успокоился и ее хозяин. Он сидел смиренно и только изредка бросал взгляд на ухоженные руки женщины, которые умело и легко крутили рулевое колесо. Время стремительно летело, однако никто из сидящих не начинал по-настоящему разговор. Александр не хотел «топить» себя по причине страха попасть в полицию. Он еще автоматически поворачивал голову в сторону, когда полицейские машины обгоняли старенькую «Хонду». Медленная езда женщины вызывала раздражение у беглого солдата, иногда ему хотелось выпрыгнуть из машины и рвануться в лес. Минутное блаженство могло ему очень дорого строить. В том, что в Дрездене и в его округе есть советские войска, он не сомневался. Как и не сомневался, что эта очень смазливая блондинка без всяких проблем сдаст его «за пятак» советской комендатуре или патрульным. Последнего беглец очень боялся и поэтому молчал, как рыба. Длительное молчание нарушила немка. Она, словно читая мысли молчуна, решила изменить с ним тактику общения. Она теперь уже ни о чем «руссака» не спрашивала, все было бесполезно. Она сейчас начала говорить сама, все говорила по-русски. За несколько минут она успела рассказать молчуну о предстоящем визите к подруге, кое-что рассказала и о своей жизни. Русский и на этот раз на монолог красивой женщины никак не реагировал, он даже не кивал головой.

Лишь после того, как машина преодолела Дрезден, молчун позволил кое-что рассказать женщине о своих проблемах. Затем принялся нахваливать погоду, она в этот день была по-настоящему летней. Узнав, что немка уже приехала в город своей подруги, Александр попросил ее остановиться возле железнодорожного вокзала. Он считал, что на вокзале легче затеряться в многоликой толпе. Анна беспрекословно выполнила просьбу русского и лихо подъехала к парковочной площадке. Затем она осторожно взяла на руки собаку, которая тихо скулила и все сильнее прижималась к ней. Беглый от предложения немки помочь ему купить билет вежливо отказался. Он, словно заведенная кукла, улыбался и все кивал головой. Он и сам не понимал, что творилось сейчас с ним и почему его «котелок» так все время дергался.

Последние моменты прощания для немки были трагикомичными. Причиной этому были непредсказуемые действия русского. Он, стараясь ей угодить, очень быстро закрыл дверь ее машины. Анна от боли сильно вскрикнула и недоуменно посмотрела на джентльмена, с того, как с гуся вода. Не соизволил он и помахать ей рукой на прощание, когда она смеялась и махала своей ручкой Каштанке, которая еще долго бежала за машиной. Полнейшее равнодушие красивого парня к своей персоне до глубины души ее обидело. Она все еще терялась в догадках по причине странного поведения недавнего пассажира. В нем была странной не только его психика, но и даже маршурт следования до Штутгарта...

Кузнецов на вокзал не пошел, здесь могли быть полицейские и советские патрули. Он быстро закинул вещевой мешок за спину и вышел на улицу, противоположную вокзалу, неподалеку от парковочной площадки. Здесь он был только что на машине с немкой. Мысль о том, что еще надо хоть раз взглянуть на голубую «Хонду», возникла неожиданно, она появилась из глубины его души. Страх потерять знакомую немку в большом потоке машин, заставил молодого человека действовать решительно. Он очень быстро перебежал еще через одну улицу и остановился. Затем посмотрел в сторону привокзальной площади, поток машин замер на месте. Это означало, что и немка еще стоит перед красным светом светофора. Верзила метнулся в его сторону, Каштанка последовала за ним. Через несколько секунд он увидел знакомую машину и невольно посмотрел на номерной знак. Эти четыре цифры он запомнил без особого труда. В 1941 году началась Великая Отечественная война. Бывший школьник Санька Кузнецов с историей не очень дружил, начало этой войны он все-таки знал. По-своему счастливая цифра очень обрадовала верзилу, он громко засмеялся. От его смеха даже Каштанка отшатнулась. Она давненько не видела веселого хозяина, которому верно служила и по сей день...

Анна от своей закадычной подруги выехала домой через день, как встретила странного путника с очень умной собакой. Выехала ровно в час дня. Несмотря на многолетний опыт вождения, она любила ездить только днем. Любил ездить днем и ее покойный муж, который всегда доверял руль супруге. И не только по причине, что после гостей он был под

хмельком. Мужчине нравилось быть пассажиром и смотреть по сторонам. Во время езды он умудрялся не только любоваться природой, но и давать ценные указания своей персональной водительнице, которая не всегда правильно тормозила или слишком резко «прыгала» с места. Доходило до ругачки. Анна останавливала машину и в прямом смысле брала за шиворот «мудрого» милого и садила его на место водителя. Противостояние знатоков и практиков длилось недолго. Александр, ссылаясь на радикулит, останавливал машину и после поцелуя отдавал бразды правления более опытному водителю. Это было и на самом деле. До рабочей «конторы» глава семейства ездил на общественном автобусе, жена на личном авто...

В день отъезда, как и в день приезда, стояла очень хорошая погода. Анна решила не торопиться, да и надобности у нее спешить к кому-либо не было. Муж умер, детей не народили. В первые годы замужества у нее была внематочная беременность. Врачи в один голос говорили о возможном зачатии. Питали надежду на это и молодые супруги. Шли годы, все оставалось без изменений. Семейная пара бездетность «дополняла» всевозможными отпусками. Куда они только ни ездили, что они только ни видели...

Воспоминания о прошлом быстро скрашивали время. Госпожа Бетке почти не заметила, как уже оказалась на окраине города. Городок подруги ей не нравился, здесь много было промышленных предприятий, не было и речки. Без воды Анна не могла жить, она была для нее всем, а может даже и больше. Хватало в Вайнброте и транспорта, она и сейчас не без труда выехала из центра города. На окраине движение быстро спало, и она вновь принялась размышлять...

После светофора водительница старенькой «Хонды» неожиданно увидела на обочине асфальтированной дороги молодого человека и собаку. Невольно екнуло сердце, они чем-то напоминали позавчерашних пассажиров. Честно говоря, каких-либо «осадков» в ее душе и в голове русский не оставил. Она даже не сочла нужным об этом поделиться со своей подругой.

Кузнецов, бодрствующий возле светофора две ночи и два дня, появлению голубой машины очень обрадовался. Сначала он не мог «врубиться», почему знакомая фрау не тормозит. Она и вовсе пролетела мимо, если бы не его решительные действия. Он, словно исполин, бросился под машину и по-дикому закричал. Анна чуть было не потеряла дар речи, когда увидела перед собой незнакомого человека с перекошенной физиономией. Тот почти лежал на капоте ее машины и грозил ей кулаком. Появление бандита среди белого дня блондинка никак не ожидала. Она от страха заглушила двигатель и заплакала, ее руки неестественно тряслись. Она откинулась на спинку сидения и невольно закрыла глаза. Прийти в себя ее заставил собачий вой, который был очень жалобный и чем-то напоминал плач взрослого ребенка. Госпожа Бетке открыла дверь и обомлела. На ее колени лихо запрыгнула черно-белая собачка, звали ее Каштанкой...

Благодаря умной животине немка признала и русского господина Ваню, который приехал в командировку в Германию из Прибалтики. Неожиданное появление молодого человека с густой щетиной опять ее шокировало, он сегодня должен быть в Штутгарте и жить в гостинице. Необычным было его поведение и сейчас. Он вежливо с ней поздоровался и смело открыл дверь машины. Затем широко улыбнулся и протянул изумленной водительнице большой букет полевых цветов. На этот раз русский не плакал и не шарахался в сторону, не дергалась и его голова. Неожиданный визит старых знакомых не прибавил жизненного тонуса блондинке, у нее все еще тряслись руки. Она долго не могла завести двигатель, до этого ее «Хондочка» заводилась с полуоборота. Страх за свою жизнь преследовал Анну и тогда, когда она выехала на автостраду. Сейчас ей было не до правил дорожного движения, угроза ее жизни была налицо. Русского Ваню, словно подменили. Два дня назад он почти все время молчал, сейчас же разговорился. Бетке, изредка глядя на автобан, все больше и больше бросала взгляд на парня и не могла понять его причуд. Молчун сейчас не только естественно улыбался, но и что-то говорил, говорил на чистом русском языке. То, что сейчас говорил пассажир, немку нисколько не интересовало. Она лишь для приличия улыбалась и все думала, думала. Желание притормозить возле заправочной станции или возле полицейского участка преследовало ее постоянно. В том, что этот верзила ее за какие-то доли секунды придушит или просто-напросто разорвет, она уже нисколько не сомневалась...

Убивать довольно симпатичную немочку, пусть даже и значительно старше его по возрасту, беглый дезертир Советской Армии не собирался. Едва Александр опустился на кресло возле водителя, он через несколько мгновений расслабился. Две бессонные ночи и два дня, во время которых он неусыпно бдил возле дороги, надеясь в очередной раз увидеть знакомую, для него не прошли даром. Физических и моральных сил за это время он поистратил с лихвой. Все это он делал ради одного дела, ради одной цели, чтобы остаться жить в этой стране. Эта немка, как он полагал, могла ему помочь. За время своего затворничества он так и не нашел друзей, которые могли бы протянуть ему руку помощи или дать толковый совет. Отдушиной для одинокого скитальца была Каштанка, однако она была псиной и оставалась ею. Животное могло везде и всегда довольствоваться куском хлеба, человеку Кузнецову этого было мало, даже очень мало. Он и убежал из части для того, чтобы жить по-человечески. Ему даже сейчас не хотелось возвращаться и жить на своей родине, где царствовала нищета и бесправие. В самом центре Европы бывший солдат некогда мощной армии хотел жить по-иному и заявить о себе с большой буквы. Быть беглым и нищим здесь, он считал ниже своего достоинства.

Свои давнишние мечты Александр решил осуществить не без помощи немки бывшей социалистической Германии. Эта блондинка ему очень нравилась, нравилась не только внешне. За очень короткое знакомство он нашел в ней что-то неуловимое, непонятное, что

тянуло его не только как мужчину к женщине, но и как сына к матери. Что это было и почему это появилось, беглый и сам не мог понять. Ему было очень хорошо с этой женщиной в теплом салоне ее автомобиля. Очень легко было и на его душе, она отдыхала от недавних постоянных переживаний. Его радовало и то, что блондинка довольно хорошо знала русский язык. Это позволяло надеяться на лучшее будущее...

Анна Бетке из разговора во время пути так и не могла понять толком, что же хочет от нее этот молодой и симпатичный человек с заросшей щетиной. Она не понимала этого не только во время его сна в машине, но и дома, когда с тревогой на сердце открыла дверь своей квартиры. Вечером незваный гость принял ванну, затем переоделся во все чистое белье, надел спортивный костюм умершего мужа Анны. Шкаф с его одеждой раньше вдова не открывала, сейчас же открыла. Пожилая немка и молодой русский за столом просидели до самой поздней ночи. Разговор между ними получился довольно серьезный, кое-что Анна «переваривала» до самого утра. Поразмышлять было о чем. Симпатичный пассажир на самом деле оказался не Ваней, а Александром. В этом хозяйка убедилась, когда гость показал военный билет со своей фотографией. Последняя не внушала доверия у немки. Она с большой натяжкой верила «вещдокам» русского, физиономия которого очень сильно контрастировала с подстриженным наголо юнцом. Поэтому Анна с особой тщательностью рассматривала каждую страницу небольшой книжечки, на титульной стороне которой была изображена пятиконечная звезда.

Вещественные доказательства молодого человека о его принадлежности к Советской Армии пенсионерка в конце концов приняла, приняла на свой страх и риск. После этого ее стало беспокоить совсем другое, более страшное. На вопрос о том, что делать с дезертиром дальше, она ответ не находила. Местные власти за укрывательство русского, да еще дезертира, по головке не погладят. Времена наступили далеко совсем другие. В недалеком социалистическом прошлом кое-кто из местных немцев заводил дружбу с членами советских семей, это считалось большой честью или почетной обязанностью. Сейчас же, все стало наоборот. Те, кто когда-то от русских был в восторге, ведут себя довольно тихо, не забывая побрюзжать от радости о бегстве оккупантов. Бывшая инженерша боялась содержать в своей квартире военного преступника. Особенно она боялась своих соседей, которые могли проинформировать полицию о постороннем человеке. Они знали всю подноготную о семейной чете Бетке, членов СЕПГ. Кое-кто им завидовал, когда те ежегодно курсировали по странам социалистического содружества. При этой мысли у Анны заколoло в груди, боли в сердце у нее стали появляться после смерти мужа. Желание заявить в полицию возникло мгновенно, другого выхода в данный момент она не находила. Она встала с постели, осторожно подошла к двери, прислушалась. В соседней комнате раздавался сильный и спокойный храп мужчины. Женщина опять принялась размышлять. Она сейчас уже не скрывала от себя, что за столь

непродолжительное время этот мальчишка стал ей почему-то близким, даже дорогим. Почему это чувство появилось, она и сама терялась в догадках. Причиной этому могло быть неимение собственных детей, а может и материнская жалость. Жительнице сытой страны становилось не по себе, когда она видела по телевизору ужасающую жизнь в бывшем Советском Союзе. Исключением этому не были и советские войска, находящиеся в ее стране...

Госпожа Бетке вывезла беглеца из своей квартиры на следующий день. Вывезла поздно ночью, дабы не «засветить» его перед соседями. Появление и исчезновение русского осталось незамеченным не только для жителей пятиэтажки, но и для всего небольшого городка. Новым местом жительства для беглого стала большая однокомнатная квартира в двухэтажном доме. До падения Берлинской стены здесь жила Герда, подруга Анны. Пенсионерка уехала к сыну на запад страны. Она изредка звонила подруге и делилась своими «западными» впечатлениями. Герда пока не собиралась приезжать назад и без всяких проблем позволила Анне заселить в свои «хоромы» скромную девушку. Бетке пришлось покривить душой перед закадычной подругой, которая всю жизнь холостяковала и поэтому не любила мужчин.

Квартира русскому очень понравилось, здесь все было для жизни. Он осторожно ходил по комнате и улыбался. В его глазах появились слезы, когда госпожа Бетке принесла из багажника машины полную сумку продуктов и положила их в холодильник. Затем она тепло попрощалась с ним и быстро покинула квартиру. Каштанка осталась у немки, ее владелец не противился этому. Никто не хотел лишний раз «следить». Собака требовала большого ухода. Первую ночь на новом месте обитания Александр спал, как убитый, он проспал до самого обеда. Причиной этому было спокойствие и мягкая постель, в которой, как ему казалось, он не спал целую вечность. Яркое солнце, с трудом пробивающееся через гардины черного цвета, придавало ему жизненный оптимизм. Он в первый день «цивилизованного» заточения чувствовал себя превосходно, даже очень. После теплой ванны и пары бутылок прохладного пива у него немного закружилась голова. Легкое головокружение, скорее всего, происходило не только от крепкого пива, но и от неожиданного счастья. Это счастье «привалило» благодаря добродушной немке. Кузнецову очень нравилась эта женщина с белыми волосами, нравилась и та забота, которой она его окружила...

Госпожа Бетке, как они и об этом договорились, наведывалась в квартиру русского по воскресным дням, приезжала сюда поздно вечером. При встрече с беглым женщина иногда даже шутила, дома же очень переживала за то, что она сокрывает дезертира. Анна стала даже бояться телефонных звонков, не говоря уже о страхе, который она испытывала при виде полицейских. Она довольно часто бродила по знакомым улицам родного города и плакала. Ей под старость не хотелось иметь каких-либо проблем. В какой-то мере ее

успокаивало безразличие людей к друг другу, да и к самой жизни, царящей в городе. Жизни прежней, динамичной, как ей казалось, совсем уже никогда не будет. Предприятия, число которых можно было пересчитать на пальцах одной руки, не работали. Закрыли и радиозавод, где почти четыре десятка лет назад супруги Бетке начинали свою трудовую деятельность. Она, первоклассный специалист, осталась без работы. Волна новых перетрубаций, идущих с запада страны, у некоторых жителей востока вызывала полнейшее недоумение и раздражение. В центре Фогельбурга, словно на дрожжах, выросло шикарное здание банка. Неподалеку от него почти в одночасье появилась новая бензоколонка. Одновременно некогда добротные дома с каждым часом «одевались» в облекшую одежду. Кое-кто из старожил исчезнувшего социализма, оставшись без работы и без светлого будущего, уединились в пивнушках. Часть безработных покидала обжитые места и уезжала в неизвестность. Анна очень обрадовалась, когда из подъезда, где жил ее русский, съехала последняя семья. Через месяц опустел и весь дом...

Первую вылазку в город Александр Кузнецов решил сделать в последнюю субботу августа. Сделал ее на свой риск и нисколько не сожалел. Фрау Бетке об этом даже не знала. Во время прогулки он действовал очень осторожно, особенно держался на расстоянии от полиции и от военных в советской форме одежды. Откуда последние появлялись, верзиле было непонятно. По словам Анны русские из Фогельбурга ушли три месяца назад. Желание побродить по городу у него подогревалось еще и тем, что в конце каждого месяца по всей стране проходили фломаркты, подобие советских барахолок. Беглый и раньше об этом знал, он уже был два раза на рынке вместе с Фаридом в Дахбау. Возможность в очередной раз посетить рынок спокойно и без нервов появилась у него только сейчас. Поисками барахолки в незнакомом городе он себя не затруднил. Неподалеку от железнодорожного вокзала он сразу же заметил длинные ряды торговых точек, куда, как ему казалось, собрались все жители города. Александр мгновенно окунулся в людскую толчею, здесь было намного безопаснее. Чего только не было на этих прилавках и столиках! А каким было разнообразие языков и диалектов среди тех, кто торговал или хотел что-либо купить?! Людской разноголосицы дезертир не боялся, все это ему очень нравилось. Не пугался он и русской речи. Сделав пару кругов по рынку, он и совсем успокоился. Полиции и советских патрулей не было...

Память о пребывании советских войск в городе и на рынке все-таки продолжала жить. На многих торговых столиках лежала всевозможная атрибутика военной формы. И это еще не все. Подозрительные типы, бродящие неподалеку от торговых точек, по предположению Александра, могли предложить и кое-что серьезнее. Подходить к этим типам сначала он не решался, боялся через них попасть в руки полиции. Только через пару часов бесцельного времяпровождения он решил рискнуть. Для этого, как ему казалось, были подходящее место и подходящая персона. Надежным субъектом для верзилы стал небольшого роста парень с

густыми черными волосами, которые закрывали его большие уши и лоб. Он был похож, скорее всего, на армянина или на грузина. Кузнецов и сам не мог понять, почему он выбрал этого «русского», который крутился возле столика с всевозможными значками и погонами военнослужащих Советской Армии. Привлекала его и бледнолицая девушка, стоящая за прилавком. Она частенько «стреляла» глазами в сторону «русского».

Александр подошел к столику в тот момент, когда «русский» что-то шептал блондинке на ухо. Он слегка ударил рукой по его плечу и тихо произнес:

- Привет Кацо, как поживаешь?... Я тебя давненько не видел...

Дальнейшее поведение «русского» беглого солдата просто ошарашило. Кацо резко повернулся в его сторону, затем пару шагов сделал назад и прошипел по-немецки:

- Извините, я тебя не понимаю, господин...

На какой-то миг собеседник блондинки замолчал, потом поднял голову вверх. Человеку, который его ударил по плечу, он был чуть-чуть выше младенческого пупка. Молчание коротышки длилось недолго. Он, наверное, еще и сам не «врубился» в какой стране живет, и без всякого стеснения на русском языке начал «чесать» незнакомца отборной матерной бранью. Верзила на «приветствие» крепыша никак не реагировал, он только громко смеялся. Сомнений у него не было, перед ним стоял земляк, который только что снял военную робу.

Александр в своих предположениях и догадках в принципе не ошибся. В этом он убедился, когда Тигран повел его в небольшую пивнушку. На правах хозяина и заказчика был «Кацо», у верзилы в кармане было пусто. За час с небольшим беглый очень многое узнал от нового знакомого. Многое, как ему казалось, тот говорил с толком, кое-что и привирал. Кузнецов не верил в то, что рядовой Саркисян из танкового полка может торговать среди белого дня на рынке в десяти километрах от части. Однако в том, что перед ним стоит настоящий или бывший солдат Советской Армии, он нисколько не сомневался. О себе он не сказал ни слова...

Визит подопечного в город Анна Бетке не заметила, сам он об этом умолчал. Считал ненужным лишний раз тревожить нервную систему женщины. Она только из-за него стала плотнее прикрывать входную дверь и тише ходить по комнате, когда привозила продукты питания. Каждое посещение, как правило, было очень коротким. Анна приветливо здоровалась, справлялась о самочувствии молодого человека и тут же покидала убежище. О большем она не расспрашивала, не задавал лишних вопросов и беглый...

Наступил октябрь. День и ночь моросил дождь. Осенняя непогода сильно давила на отшельника. Короткие пробежки по ночам по пустынным улицам города ему настроения не прибавляли, от безысходности иногда хотелось выть. От пустого времяпровождения, которое заключалось в поедании продуктов питания и во сне, его иногда тошнило. Не помогали ему и книги, которые из-за незнания немецкого языка невозможно было прочитать.

Включать телевизор немка ему строго-настрого запретила. Она, скорее всего, хандру молодого человека понимала и делала все возможное для ее искоренения. Хотела сделать лучше, получилось хуже. После месяца заточения она увеличила узнику «пивной» рацион. К следующему приезду она ужаснулась. Русский за неделю выпил целый ящик пива, и ни в одном глазу. Парень хандрил с большим рационом, продолжал хандрить и с маленьким. Немка продолжать эксперимент с пивом больше не стала, у нее просто-напросто не было денег. Из-за этого она стала для русского «выделять» одну бутылку в день. Верзила проглатывал ее в один присест, как только Анна закрывала за собою дверь. Потом для него опять наступала скука, притом очень ужасная. Он довольно часто открывал настежь форточку и высовывал голову наружу. Ему хотелось не только подышать свежим воздухом, но и на какой-то миг ощутить человеческую свободу.

Невольник частенько злился на свою попечительницу, которая была категорически против его прогулок по городу. Бродить днем по улицам иногда и сам он боялся. Ночью было еще опаснее. Одинокий прохожий был куда заметнее для полиции, чем людской поток. В наиболее тяжкие моменты верзила ничком падал на кровать и давал волю слезам. Плакал он очень своеобразно, глубоко уткнувшись в подушку. Он все еще боялся посторонних людей и полиции. Порою, как ему самому казалось, у него ехала «крыша». Иногда возле входной двери ему мерещился полицейский или кто-то стоял возле окна. Он вставал и тщательно проверял замок, затем очень осторожно выглядывал из-за шторы. Эти «операции» беглый добросовестно проделывал несколько раз днем и ночью. Проделывал день за днем, ночь за ночью...

Очень странно реагировал отшельник и на звуки полицейских машин, которые довольно частенько проносились возле его дома. Сначала он переносил это довольно спокойно, после месяца заточения его словно подменили. Ему казалось, что через несколько секунд дверь откроется и в сопровождении кавалькады полицейских войдет очень довольная фрау Бетке. От этой страшной мысли он еще плотнее задвигал гардины на окнах и еще тише ходил по комнате. Страх за свою жизнь иногда вынуждал его при диком вое сирен действовать очень решительно. Беглый быстро подбегал к шкафу и вынимал оттуда боксерские перчатки, затем их надевал. С подарком прапорщика Чернова он никогда не расставался. Пару дней он вообще перчатки не снимал с рук, все боялся очередного нашествия полиции...

Одиночество русскому дезертиру в благоустроенной квартире давалось нелегко, однако он никогда не намеревался покинуть свое убежище. Это заточение было для него куда лучше, чем фазенда в заброшенном саду или многомесячные лесные скитания. С этими благими мыслями он мирно уживался. Они позволяли ему безропотно сидеть и надеяться на лучшее...

Период заточения для беглого в определенной мере закончился в начале октября.

Произошло это по инициативе госпожи Бетке, которая пригласила его к себе в гости. До этого она его никогда не приглашала. Сам отшельник на визиты к женщине не напрашивался. Он благодарил ее за то, что она дала ему ночлег и кусок хлеба. На ее «хавчике» он прибавил пару килограммов, а может и больше.

Восьмого октября погода нисколько не отличалась от прежней, все также моросил дождь. До пяти вечера узник «давил на массу», от сна страшно болела голова. Приход немки для русского в этот невоскресный день был полной неожиданностью. Анна осторожно вошла в комнату и включила ночной торшер, ее Саша еще спал. Время на сборы хозяйка ограничила. Кузнецов натянул на себя спортивный костюм и прихватил военный билет. Он с ним никогда не расставался. В случае облавы полиции у него был настоящий документ, не страшили его с этим документом и советские патрули. На неожиданные встречи с «контролерами» у беглого в голове было несколько версий-заготовок, которые он «создал» за время своего скитания. Наиболее реальные он знал назубок.

В квартире госпожи Бетке русский основательно привел себя в божеский вид. Хозяйка находилась в другой комнате, дверь которой была плотно закрыта. Званый гость смиренно сидел в мягком кожаном кресле и внимательно рассматривал на стене политическую карту объединенной Германии. Старые земли его одновременно страшили и также радовали. Ему почему-то казалось, что на западе, даже в случае его поимки, будут приветствовать советского солдата, который сбежал к ним из армии тоталитарного режима. Он был не против даже послужить в армии бундесвера, там в морду не бьют и очки в туалете не заставляют драить...

Часы на стене стали бить семь часов. Хозяйка из комнаты вышла в тот момент, когда раздался последний удар. Ее появление для гостя было не столько неожиданным, а сколько впечатляющим. Он, словно ошпаренный, привстал с кресла и на какой-то миг не мог ничего сказать. Он внимательно смотрел на блодинку и только. Она в этот миг была молодой и очень красивой. Заметив замешательство и растерянность на лице мужчины, Анна громко рассмеялась. Раскатистый смех делал ее еще красивей и еще моложе. Безмолвие красивого верзилы в конце концов положило конец кокетству хозяйки. Она решительно подошла к гостью и так же решительно произнесла:

- Александр, пойдемте в столовую, там нас ожидает стол...

Блондинка легко взяла мужчину за плечо и они вошли в небольшую комнату, которая одновременно была кухней и столовой. В центре комнаты стоял небольшой столик, на котором все уже было накрыто. Кузнецов медленно присел на стул и изумленно уставился на хозяйку, Она, словно ничего не произошло, продолжала смеяться и лукаво смотреть на русского. Через несколько мгновений она успокоилась. Затем она взяла бутылку шампанского и наполнила им два бокала. Русский сидел за столом и все не мог понять причину неожиданного торжества. Анна встала из-за стола, и озарив его ослепительной

улыбкой, на чистом русском языке весело произнесла:

- Александр, у меня сегодня торжественный день, день моего рождения... Он был вчера, в день образования Германской Демократической Республики... Вчера я делала торжество для моих друзей и знакомых... Сегодня для нас с тобою...

Последние слова именинница произнесла с каким-то непонятным для недавнего узника надрывом. На какое-то время она замолчала, у нее что-то запершило в горле. Это заметил даже Александр, который, словно бука, сидел и все наслаждался очень броской красотой уже немолодой женщины. Не добавила ему смелости, не говоря уже об ораторском мастерстве, и эта неожиданная информация немки. Нет, он не был против дня рождения этой очаровательной особы. Его удивляло совсем другое. Он никак не предполагал, что она именно в свой день рождения приготовит такой щедрый стол не только для себя, но и для беглого солдата Советской Армии. И это несмотря на то, что весь Запад лил ушаты грязи на тех, кто держал всю Европу, да и весь мир, в страхе и в покорении...

Кузнецов быстро встал и решительно протянул свой бокал в сторону хозяйки. Она, несколько покраснев, громко чокнулась и поднесла бокал к своим губам. Молодой гость последовал ее примеру...

Некоторое время застолье пожилой красивой женщины и молодого красивого мужчины держалось на официальном уровне. Все формальности почти закончились после того, как Александр произнес здравицу в честь гостеприимной хозяйки. Этот тост он произнес экспромтом, без всякой подготовки. Раньше в своей жизни он этого никогда не делал. В школе и в ПТУ, ни говоря уже об армии, этим премудростям его не учили. Тост получился коротким, но очень веселым. Он почти без изменений пересказал все то, что когда-то говорил сосед дядя Петя на дне рождения его матери. С того времени очень много воды утекло. Немка от здравицы в ее честь была без ума. Она громко смеялась и немного всплакнула, когда ей пожелали крепкого сибирского здоровья и кавказского долголетия. Супруги Бетке всегда хранили теплые воспоминания о Черном море и о тех людях, которые там жили и работали...

Кузнецов после застолья очень быстро отключился, отключился по причине нервного напряжения и чрезмерного употребления спиртных напитков. Последние привели его к тому, что буквально через пару часов он на вопросы немки почти не реагировал. Не помнил он и того, почему оказался на диване. Проснулся он поздно ночью, минут через пять настенные часы пробили три раза. Он сначала не мог понять, где он и почему у него так страшно болит голова. Его мозг, несмотря на «перегрузки», постепенно вводил его в курс совсем недавнего прошлого. Он тотчас вспомнил торжество хозяйки, ее семейный альбом. Она также показывала ему свою медаль за трудовое отличие при освоении новой техники в социалистической Германии...

Вспоминать или размышлять русский больше не стал, ему хотелось видеть хозяйку. Он

быстро встал с дивана и очень осторожно вошел на кухню, включил свет. Праздничный стол был уже убран. Он открыл холодильник и вытащил бутылку минеральной воды. Вода была очень прохладной, что на какое-то время освежило его голову. Затем верзила присел за стол и прислушался. В квартире была абсолютная тишина. Желание увидеть Анну вновь овладело беглым. Он осторожно покинул кухню и на цыпочках подошел к закрытой двери комнаты, где она спала. На какое-то время он замер, как бы раздумывая, будет ли приличным занятием стучать в дверь пожилой хозяйки, которая после забот и тревог должна крепко спать. Кузнецов решил в дверь не стучать, он очень осторожно повернул ручку и также очень осторожно открыл дверь...

К его большому удивлению в комнате хозяйки горел свет. Беглый раньше в этой комнате никогда не был и поэтому несколько мгновений ее рассматривал. Хозяйка «отыскалась» в самом углу большой спальни. Ее кровать была занавешана красивыми шторами из тюли или чем-то ему подобное. Рядом стоял большой торшер с розовым абажуром. Александр очень осторожно приблизился к кровати и остолбенел. Анна лежала в постели голой и листала книгу. Вошедший нисколько не сомневался, что она его не заметила и поэтому вела себя непринужденно. Он, словно нашкодивший кот, стоял перед шторкой и внимательно разглядывал женщину. Он «прожигал» это стройное тело, которое было очень розовым и страстно влекущим. От нахлынувшего желания овладеть женщиной, ему стало не по себе. Он с силой рванул занавеску и тут же остановился...

Именно в этот момент немка почувствовала присутствие постороннего человека в своей спальне и решила среагировать. Она слегка приподняла голову, на какую-то секунду опешила. Перед ней стоял очень высокий и стройный молодой человек, он был абсолютно голый. Замешательство нагой блондинки исчезло так же мгновенно, как и появилось. Она спокойно положила книгу на прикроватную тумбочку и внимательно посмотрела на русского. Глаза пожилой женщины и глаза молодого мужчины на какой-то миг встретились и тут же разминулись. Эти глаза друг другу ничего не говорили и ничего друг у друга не просили. Александр покраснел и медленно опустил шторку. Затем он сделал пару шагов в сторону и сам, не зная почему, опять рванулся назад. В одно мгновение он оказался возле постели хозяйки и в этот же миг опустился на колени. Анна на неожиданное возвращение своего гостя никак не прореагировала. Она лежала в постели и почему-то безразлично смотрела в потолок. Нагая никак не реагировала и на то, что дальше с ней делал этот русский великан. Кузнецов приподнялся и стал осыпать поцелуями лицо женщины, ее шею, груди, от которых исходил запах духов и еще что-то ему доселе незнакомое и неведомое, но очень-очень его влекущее. Поцелуи молодого человека были неумелыми, в какой-то мере даже детскими. Это Анна почувствовала сразу, как только задыхающийся от страсти и от осознания реальной возможности овладеть ее телом, беглый с силой раздвинул ее стройные ноги. Она и сама, не зная почему, этому опять не противилась. Лишь после того, как член русского

«пронзил» ее руки, которыми она закрывала свое влагалище, она с силой оттолкнула мужчину и громко заплакала...

Остаток ночи хозяйка и гость не спали. Каждый лежал в своей комнате и думал о своем. У Кузнецова, после несостоявшейся попытки овладеть Анной, хмель прошел мгновенно. Он то и дело воспроизводил свой визит в ее спальню, и приходил к неутешительному выводу. Он, как мужчина, очень сильно ее обидел. Его несколько раз подмывало чувство вины. Он вставал и подходил к двери ее комнаты, стоял и вновь уходил. Сейчас ему было стыдно за себя, что он поступил, как подонок, с той женщиной, которая на свой страх и риск его приютила. Иногда от своих праведных мыслей мужчина отрекался, животная страсть побеждала его разум. Александр опять, словно наяву, видел перед собою красивое и нежное тело немки. Он все больше и больше приходил к уже другому, даже вполне законному выводу. Нагая блондинка могла стать его, ежели бы он, как мужчина, проявил больше настойчивости, а может даже и любовного искусства. От этой мысли у парня скребли кошки на душе. Ему сейчас было очень стыдно за себя. За всю жизнь он так и ни разу не переспал в постели с женщиной. В том, что и Анна не стала его первой женщиной, он винил только себя и никого больше...

Фрау Бетке еще за месяц до своего дня рождения сочла необходимым пригласить русского беглого на торжество. Она видела и чувствовала, что он очень сильно страдает от одиночества. Ей хотелось хоть чем-то эту тоску скрасить и сделать для него что-то приятное. В том, что ее Саша давненько не кушал домашних деликатесов, она также нисколько не сомневалась. Анна специально сходила в русский магазин и купила там бутылку водки, и книгу о русской кухне. Затем строго по рецептам сварила наваристый борщ и мясо с картофелем. Откровенно говоря, эти русские блюда она считала некстати к своему торжеству, но ее опасения прошли мгновенно. Гость на радость и даже на зависть хозяйке очень усердно уплетал за обеи щеки все родное. Повариха то и дело интересовалась у дегустатора качеством приготовленных ею блюд. Тот в ответ ничего не говорил, а только поднимал кверху большой палец. Немка при виде этого знака громко смеялась и довольно частенько наливала в пустую рюмку гостя очередную порцию русской водки. Она не решилась выставлять русскую водку своим друзьям, не по причине жадности. Кое-кто из ее окружения стал «брезговать» некогда любимыми спиртными напитками, произведенными в Советском Союзе. Да и тема разговоров на кухне и за столом у бывших строителей социализма стала совсем иной. Все больше говорили о новых машинах и о заграничных турах.

Анна Бетке после смерти мужа дорогостоящей машины не купила, не была она и на Гаваях. Хотя кое-кому из ее подруг и знакомых после падения стенки удалось преуспеть, даже очень. Изольда, соседка по лестничной клетке, почти за день переметнулась «из грязи в князи». Преуспела она из-за своей красоты. Пятидесятилетняя женщина, как и Анна,

похоронила своего мужа сравнительно давно. Раньше жила на копейки. Сейчас же от денежного вливания, которое она получает от старика, расцвела. Владельцу прибыльной фирмы очень понравилась коричневая от летнего загара смазливая женщина. Плешивый ее сразу приметил, когда она плечом к плечу сидела с ним в парилке сауны. Изольда «охмурила» мужчину в тот же вечер. Она целый час стерегла парковочную площадку, пока старая кляча намылась и напарилась. Женщина с привлекательной попой и грудями, сославшись на головокружение, решила воспользоваться новеньким спортивным автомобилем недавнего соседа по парилке. Через час она уже была в его шикарных апартаментах. После постели она очень тщательно моется и чистит зубы. От гнилых зубов миллионера, которые он не «ремонтирует» по причине своей жадности, красивую вдову иногда тошнит. Соседка себя не относит к разряду длинноногих проституток и поэтому довольствуется всем тем, что ложил ей на лапу импотент. Бывает и приворовывает, особенно после застолий. Выпить и пожрать старик очень любит, словно чувствует, что скоро надо идти к Богу...

Анне Бетке такой образ жизни соседки очень претил, она не понимала таких женщин и мужчин. Она даже во время сплетен своей подруги плакала, когда вспоминала об Александре, рано ушедшем из жизни. Она никогда не сомневалась в порядочности своего мужа. Сейчас даже появление нагого русского в своей спальне она восприняла без всяких стрессов. Анна допускала, что тот явно перепил и и еще не до конца освоился в ее квартире, только и всего. Дальнейшее же поведение званого гостя ее обескуражило, правда опять только на миг.

Она после ухода из ее спальни молодого мужчины поняла, что именно в этот момент она лишилась удовольствия, которое, как ей казалось, не испытывала уже целую вечность. Красивая блондинка, лежа в постели и размышляя о происшедшем, будто наяву чувствовала страстные поцелуи мальчишки. Ей казалось, что вот-вот его большой член войдет в ее влагалище, и через несколько мгновений они вместе окунутся в море желанной страсти и любви. И об этом она никогда бы не сожалела. Осознавая это, она тихо плакала, затем вскакивала с постели и осторожно приближалась к двери. За этой дверью был мужчина, которому она была далеко небезразлична. Он не спал, как и она, в этом фрау Бетке нисколько не сомневалась. Она со слезами на глазах осторожно прикасалась руками к ручке двери и вновь уходила в постель...

На какое-то время очаровательная блондинка, плененная томными мыслями, начинала усиленно массировать пальцем свой клитор. Охваченная экстазом, она одновременно целовала свои груди и плечи. В этот миг ей очень хотелось целовать груди и плечи Александра, своего мужа и того, кто совсем недавно страстно желал ее, как женщину. Через некоторое время Анна успокаивалась... Спокойствие возвращало ей трезвый разум. Теперь она нисколько не сожалела о несостоявшейся интимной связи с ночным посетителем.

Умерший муж опять оставался для нее мерилом нравственных ценностей. Бетке, несмотря на свои шестьдесят, не считала себя старухой, однако в ее постели мужчины были довольно редко. Отношение к молодому Александру в эту ночь у нее было двоякое. Она была почему-то уже к нему неравнодушна, особенно после его жадных поцелуев. Одновременно ее пугала большая разница в возрасте. Женщина бывшей социалистической Германии воспринимала любовь и брак по-иному...

Решение покинуть квартиру госпожи Бетке, покинуть навсегда, возникло у русского поздним утром после мучительных раздумий. Он то и дело поглядывал на дверь ее комнаты, в которой она спала. Длительное пребывание женщины в постели его раздражало. Он неоднократно вставал и подходил к двери, намереваясь бесцеремонно ее открыть и войти в спальню Анны. Злость проходила мгновенно, как только он начинал думать о своих прошедших скитаниях. Солнечные лучи все настойчивее проникали через тюлевые шторы. Часы пробили восемь утра. Хозяйка все еще из спальни не выходила. Кузнецов встал, после туалета привел себя в порядок, затем оделся. Прошел еще час. Хозяйка почему-то все еще не выходила. Теперь уже гость нисколько не сомневался в правильности своего решения. Он был безразличен для нее. Очень порядочная женщина никогда ему ночной визит не простит. Он решительно подошел к книжному шкафу и вытащил тетрадь. Затем вырвал лист и на нем красным карандашом написал:« Я ухожу, ухожу навсегда. Спасибо за все. Кузнецов». После этого верзила пошел на кухню и положил записку на стол, за которым всего несколько часов сидел вместе с Анной и отмечал ее день рождения. Он вспомнил о русском обычае и присел на стул, затем быстро вышел на улицу и пристально посмотрел на окна гостеприимной немки. Из-за штор никто не выглядывал...

До рынка беглый шел пешком. Шел очень медленно, «пережевывал» в своей голове все то, что произошло прошлой ночью. Чем меньше оставалось идти до рынка, тем меньше в его сердце и в душе оставалось боли. Идущий прекрасно осознавал, что эта пожилая немка никогда не станет ни только его женой, но и подругой. Он даже сейчас, и сам этого не понимая, благодарил ее в душе за то, что она не отдалась ему в постели. Ему хотелось только одного, чтобы Анна в его памяти осталась очень порядочной женщиной, матерью, протянувшей руку помощи своему заблудшему сыну. Сын на мать обид не держал...

Небольшое здание железнодорожного вокзала появилось неожиданно. Признаком рабочего дня стало отсутствие барахолки, что не прибавило оптимизма беглому. Побродив вокруг вокзала, он ни за кого и ни за что « русское» не зацепился. Не было и Тиграна, тот, словно сквозь землю, провалился. Страх вновь остаться одиноким в этом городе молниеносно охватил верзилу, он присел на скамеечку перед вокзалом и закрыл глаза. Минут через пять его кто-то осторожно толкнул в плечо. Александр открыл глаза. Перед ним стоял заросший молодой человек с протянутой рукой. В другой руке он держал большой бокал пива. Он ничего не говорил, а только внимательно смотрел на сидящего. Ничего не

говорил и русский. Только через несколько мгновений он «врубился» и похлопал руками по карманам своего спортивного костюма. Денег и в самом деле у него не было. Бомж без слов понял знак и сел рядом с ним на скамеечку.

Мысль посетить пивнушку, где когда-то состоялся разговор с земляком, у верзилы возникла мгновенно, как только он почувствовал рядом с собою запах пива, густо исходящий от нищего соседа. Забегаловка была почти пустая. За буфетной стойкой стоял небольшого роста мужчина с пышными усами и о чем-то разговаривал по мобильному телефону. Он говорил не на немецком и не на русском языках. Кузнецов подошел к стойке ближе, безразличие к его персоне было полнейшее. Он, сделав независимую физиономию, мгновенно выскочил из помещения и засмеялся. Сомнений у него не было, в забегаловке работали земляки рядового Саркисяна. Верзила решил ждать Тиграна, ждать до победного конца.

Во время бесцельного хождения по городу голова беглого была полна тревожными мыслями. Он опять оставался один на один со своей судьбой. Рядом с ним не было даже Каштанки, которую он любил больше всех на свете. Жалость к любимому существу все больше и больше «перекочевывала» к самому себе. Ровно в двенадцать дня он вновь зашел в пивнушку. Усатого не было, вместо него за стойкой стояла молодая девушка. Она обслуживала в тот день столик, за которым сидели два бывших солдата. Александр осторожно подошел к ней и очень тихо ее спросил:

- Скажите, а когда появится Тигран? Он сегодня работает...

Девушка внимательно посмотрела в глаза посетителю и недоверчиво прошептала:

- Он мне вчера о Вас ничего не говорил... Он будет только в пять вечера...

Саркисян пришел ровно в пять. Александр еще издали заметил бывшего танкиста в цивильной одежде, тот неспеша держал путь от парковочной площадки в сторону гаштедта. Кузнецов решил не спешить появляться на глаза своему соотечественнику. Он в пивнушку зашел минут через десять. Тиграна он приметил сразу, тот сидел в самом углу, сидел не один. Рядом с ним за столиком сидели еще четверо молодых мужчин. Александр сразу же уловил важность фигуры своего бывшего сослуживца по ЗГВ. Говорил только один танкист, остальные внимательно его слушали и поддакивали. Кузнецов, увидев знакомую девушку, ее поприветствовал и быстро вышел на улицу. Он решил переждать. «Кацо» был очень занят и вел деловой разговор. Минут через тридцать верзила вновь зашел в забегаловку, в углу за столиком уже никого не было. Вскоре из подсобки вышел Тигран. Мужчины крепко пожали друг другу руки и вышли на улицу.

Вопрос беглого о трудоустройстве не застал врасплох молодого армянина. На жизненную проблему своего «земели», так стали называть друг друга бывшие солдаты, Тигран прореагировал очень спокойно. Он высоко приподнял голову, дабы увидеть лицо верзилы, и на полном серьезе произнес:

- Знаешь земеля, я тебе помогу, помогу без проблем... Ты же прекрасно знаешь, что я здесь даже не завхоз и не советский продавец... Украсть или обвешать тебя, не говоря уже о местных немцах, никак не могу... Работу тебе дам, притом работу «черную». Здесь многие работают по-черному... Даже многие богатые здесь также работают и воруют по-черному... Все деньги хотят...

После философских размышлений бывший танкист опустил голову вниз, затем ее опять задрал кверху и спокойно продолжил:

- Чего эта работа значит, ты, земеля, после узнаешь... Пока у меня к тебе очень большая просьба. Наш разговор держи за зубами, ты понял меня, земеля....

Александр на убедительную просьбу бывшего воина Советской Армии ничего не ответил. Он крепко обнял своего спасителя и с силой пожал ему руку.

Работодатель за земляком приехал на следующий день рано утром, часы на здании вокзала показывали ровно пять. На улице уже чувствовался холодок приближающейся осени. Прошедшую ночь дезертир Советской Армии провел в небольшом лесу, находящимся в двух километрах от вокзала. Эта ночь на редкость была холодной и дождливой. Он весь продрог, он все время то кашлял, то чихал. Мучил его и голод, недавнее застолье в желудке долго не сохранилось. Вместо мягкого дивана и теплого одеяла беглый спал на куче сушняка, одеялом ему было темное и холодное небо...

Тигран оказался для Александра настоящей находкой. Он убедился в этом сразу, как только машина подъехала к небольшому двухэтажному особняку, обнесенному ровным рядом молоденьких елей. Затем земляки стали ждать появления хозяина. Минут через двадцать новенький «Мерседес» шефа медленно выехал из гаража и стремительно понесся по автостраде. Старенький «Опель» Тиграна едва успевал за ним. По дороге Саркисян в прямом смысле «задолбал» новенького всевозможными инструктажами. Верзила во всем и вся соглашался. Он прекрасно понимал, что именно благодаря своей послушности и кротости он впервые в этой стране может заработать деньги, притом свои деньги. От новоиспеченного раба требовалось делать только три вещи: добросовестно работать, всех слушаться и молчать. Ему также запрещалось вступать в какие-либо контакты с начальством. Тигран предупредил, что новый немец бывшей ГДР не хочет марать руки по всяким неувязкам. Организацию работы и ее оплату сослуживец брал на себя.

Только к позднему вечеру бывший солдат мотострелкового полка завершил свой первый трудовой день на территории объединенной Германии. От тяжелой физической работы у него страшно болела спина, тряслись руки и что-то гудело в голове. Последнее было следствием голода, желудок был абсолютно пустой. У беглого за время работы неоднократно возникало желание что-либо из себя «выдавить», но «естество» приходилось тормозить. Тормозил по причине производственного процесса, он работал на крыше пятиэтажки, бывшей советской казармы. Он вместе с напарником, тот был тоже русским,

срывал старую черепицу и складировал ее на землю. Небольшое туалетное сооружение зеленого цвета находилось на передвижной тележке, неподалеку от здания. В самом начале работы новичок в туалет умудрился сделать две ходки и не без пользы. Очередная вылазка оказалась неудачной. Престарелый немец, скорее всего, один из родственников шефа, со злобой посмотрел на верзилу и громко прокричал по-русски:

- Ты, новый, чего не работаешь? Кто будет оплачивать твое дерьмо?... Давай работай товарищ...

На суровое замечание немца бывшей социалистической Германии гражданин бывшего могучего Союза ничего не сказал. Он только дежурно улыбнулся и стремительно рванулся на чердак. В эту ночь дезертир Советской Армии спал очень крепко, как никогда в своей жизни. Спал он на сеновале у немецкого фермера и от этого быта был доволен, даже очень счастлив. Тигран не только трудоустроил своего земелю, но и позаботился об его отдыхе. За ночлег и за литр молока с хлебом в день беглый потел на ферме по субботам. У немца было есть чем занять русского силача...

Первая трудовая неделя на немецкой земле у Александра пролетела стремительно. Каждый рабочий час и день он крутился, словно юла. Крутилась и вся «черная» бригада, в ней было было около десятка мужчин. За это время верзиле так и не удалось что-либо узнать из личной жизни трудоголиков. Больше половины из них говорили на своих языках, непонятных для него. Были среди них и двое русских, однако они почему-то не контачили с новеньким. Руссаки и между собою не водили дружбы, они лишь изредка перекидывались словами, да и то в большинстве матерными. Попытки беглого здороваться с земляками почти сразу же потерпели неудачу. Никто из них на его приветствия не реагировал. Странности тех и других коллег вскоре вообще отбили у него желание с кем-либо общаться. Он, как и все, замкнулся в себе. Он также не исключал среди «черных» наличие стукача и поэтому игру в молчанку стала для него вполне обычным явлением.

Ровно через неделю появился Тигран, появился он ночью. Верзила в это время спал на раскладушке в хлеву, рядом с коровами. Ночной «сервис» верзилы Саркисяна рассмешил и он произнес:

- Ну и ты даешь, Санек... У тебя все здесь рядом, кровать и молоко, даже мясо рядом... Не переживай, я такой путь сейчас вспоминаю только за кружкой пива...

Разговор у заинтересованных друзей получился довольно коротким. Маленький шеф куда-то торопился. В эту ночь беглый получил свою первую зарплату не только на территории объединенной Германии, но и в своей жизни. Получил ровно сто немецких марок. Он, взяв купюру, с удивлением посмотрел на своего сослуживца. Тот прореагировал на это совершенно спокойно:

- Мой земеля... Ты еще не знаешь, что такое капитализм.. На меня не обижайся... Я ведь тоже жить хочу, как и все... Везде и за все надо платить...

На прощание Тигран крепко сжал руку своего подопечного и очень серьезно его предупредил:

- Санек! Заруби себе на носу следующее... Если тебя захапают местные власти или полиция, то мы друг друга не знаем и не виделись никогда. Наш большой шеф также тебя никогда не видел и не знает. Не видели тебя в глаза и те, кто рядом с тобой работает. Ты же сам видишь, что на нашем объекте работа очень тяжелая и низкооплачиваемая. Сюда только одни кретины идут работать... Я честно говоря, боюсь за тебя, поэтому не спрашиваю твои документы...

Прошла еще одна трудовая неделя. Верзила на червонец получил больше, еще через неделю - еще на столько же. В ноябре разнорабочего уже ждал другой объект. Он по ночам драил складское помещение для технических изделий. Затем была овощная база, потом ферма... Страстный мечтатель о безоблачной жизни на немецкой земле порядочно поднаторел на «чернухе». Работали на востоке страны, так как их большой шеф боялся чужбины. Тяжелая работа не только выматывала его физические силы, но и в какой-то мере разгружала нервную систему беглого солдата. В свободное время он довольно часто впадал в депрессию, свое одиночество он глушил пивом или водкой. Пьянствовал он, как правило, в ночь с субботы на воскресенье. Пьяный угар, как ему казалось, давал возможность отдохнуть не только его телу, но и душе. После самовольного ухода из квартиры гостеприимной фрау Бетке у русского денно и нощно на душе скребли кошки. Ему уже было двадцать с хвостиком, но он еще так и не стал мужчиной. Сейчас же ему было опять не до женщин. На местных немок он не претендовал, руссачек здесь не было. Да и для поиска тех или других у него не было времени. Шеф обращался с «черными», словно с рабами, которые работали под неусыпным контролем его родственников. Больных для жадного начальника не существовало, беспощаден он был с неугодными и с алкоголиками. В этом верзила убеждался неоднократно...

Перед Новым годом немец нашел «сытый» объект. Денежным он был только для него, «чернота» всегда получала копейки. Кто сколько получает за свой труд новенького интересовало в первый же день его работы. Его попытки узнать об этом всегда заканчивались провалом. Все молчали, словно в рот воды набрали. Молчал и Николай, аусзидлер, который пришел в бригаду за месяц до Нового года. Александру он сразу понравился, понравился не только своей физиономией, но и производственной сноровкой. У того всегда и везде получалось. В том, что русский немец на «чернухе» не новичок, верзила нисколько не сомневался. Колька во время присутствия всевозможных начальников был усердным, без них - тянул волынку. С коллегами по работе общался очень сухо, даже без желания. О себе ничего и никому не рассказывал. От других он отличался тем, что от него всегда попахивало спиртным. Верзила сначала от него нос воротил, потом привык. Сам же беглый на работу приходил «чистый», словно стеклышко. Каторжная работа была для него

было не только источником существования, но и давала надежду на лучшее будущее.

Близкое знакомство дезертира с бывшим соотечественником произошло за три часа до наступления Нового года, произошло оно по производственной причине. Последние два дня декабря пятерка «черных» работала у старой немки на строительстве гаража. Старуха, несмотря на важность религиозных праздников, слезно просила шефа закончить «долгострой» в старом году. Двое русских и три поляка работали на совесть, руководил на объекте лично сам шеф. После обеда новенькая «Хонда» владелицы трехэтажного особняка стояла в новом гараже. От радости немка чуть не прыгала. Вскоре она и шеф удалились в дом. Рабочие присели на скамеечку неподалеку от входа в особняк. Никто из них не сомневался в предновогодней щедрости счастливой миллионерши. Шеф обещал в порядке исключения произвести рассчет на месте. Время шло. Шефа с деньгами не было. Работяги стали нервничать, кое-кто затянулся сигаретой. Прошло еще полчаса. К особняку неожиданно подъехал Тигран и на всех парах рванулся в дом. Оттуда он вышел минут через десять и сразу же метнулся к своей бригаде. Его невозможно было узнать, лицо его было черным, руки тряслись. Заикаясь, он с тревогой в голосе прокричал по-русски:

- А ну, интернационал, беги на построение, сейчас шеф будет рассчитывать... Морда у него хуже, чем у страшной обезъяны... Я его давно таким не видел...

Через пару минут интернациональная бригада стояла в двух метрах от гаража, каждый косил глаза на парадную дверь особняка. Из нее никто не выходил. Бригадир не вытерпел и направился в дом. Возвернулся он, злее прежнего. У Александра тревожно екнуло сердце, на лбу выступила испарина. Он почувствовал что-то неладное и не ошибся. Тигран, едва закрыв за собою дверь парадного входа, перешел на отборный русский мат, который, скорее всего, впервые звучал во владениях богатой старухи после окончания второй мировой войны. Этот мат понимали и поляки, не говоря уже о русских. После того, как армянин исчерпал свой матерный запас, он разъяснил причины всего происшедшего. Во время работ из подвала немки исчез целый ящик дорогостоящего вина десятилетней выдержки. Бабка хотела вином побаловать родственников по случаю приобретения нового автомобиля и постройки нового гаража. Сейчас она обвиняла строителей в исчезновении дефицита, шеф этому страшно противился. Он целый час обхаживал старуху, доказывая честность своих рабов и престижность своей фирмы. Ему было жалко терять свои «премиальные», «черноте» кидать добавку он уже не намеревался. Господин Оттке, бывший владелец небольшого магазинчика в социалистической Германии, предчувствуя плачевный исход встречи, решил не пачкаться с «интернационалом» и позвонил по телефону бригадиру. Молодой армянин вполне устраивал немца, даже несмотря на то, что тот довольно плохо говорил по-немецки. Пробелы в какой-то мере компенсировал сам шеф, когда-то изучающий русский язык в школе. Тигран для него был основным поставщиком бесплатной рабочей силы. Бригадир и сам не требовал больших денег...

Перепалка между фирмачами и бабкой продолжалась. На улице опустились сумерки. Старуха решила использовать все, чтобы в полном смысле «раздеть» шабашников. Саркисян, постоянно курсируя в дом хозяйки, иногда до хрипоты доказывал своему шефу и немке о непричастности своих подопечных в винном злодеянии. Женщина наотрез отказывалась платить ворам, никто из работающих к числу оных себя не относил. Все вместе и каждый в отдельности возмущался поклепом старой шизофренички. Никто не уходил и не уезжал, все ждали денег. Неизвестно еще как долго тянулась волокита, если бы ни жизненный опыт и смекалка бригадира. Он построил подчиненных и стал каждого тщательно обнюхивать. Нарушителем трудовой дисциплины оказался Николай, который еще совсем недавно грозился старой немецкой блядешке разбить морду за поклеп на его собратьев. Аусзидлер не стал что-либо доказывать бригадиру и коллегам, он сразу же ринулся в особняк. Все с нетерпением ожидали развязки, та наступила минут через двадцать. «Черный» вышел из дома красный, как рак, вышел почему-то веселый. К собратьям он не подошел, сел в машину и укатил в неизвестном направлении. Вскоре появился и сам шеф. Александр в своих расчетах сильно ошибся, получил он вдвое меньше. По словам Тиграна львиную долю ожидаемых денег пришлось отдать на погашение материального ущерба.

До наступления очередного нового года оставалось несколько часов. Кузнецов, очень уставший и злой, неспеша брел вдоль автострады. На последний маршрутный автобус он опоздал. До деревни, где его жильем был хлев, было километров семьдесят. Надежда остановить попутную машину таяла с каждой минутой, никто из водителей не проявлял интереса к высокому мужчине. Возле очередного поворота путник решил передохнуть. Неподалеку от обочины дороги он увидел небольшой столик и пару скамеечек, своеобразный бивак для автомобилистов. Здесь стояла и иномарка с включенными подфарниками. Какого-либо интереса к машине верзила не проявил. Стало холодать. Затем внезапно пошел мелкий дождь со снегом. Рабочая одежда беглого мгновенно промокла. Он встал со скамеечки и начал вокруг нее бегать, немного согрелся. Прежде чем двинуться в путь, он сходил в лесок по легкому. После этого он решил подойти к машине, надежда найти попутку все еще теплилась в его душе. Он подошел к автомобилю и от радости чуть не вскрикнул. Старенький «Мерс» серого цвета принадлежал Николаю, аусзидлеру. Сомнения ушли прочь, как только он открыл дверь. На появление знакомого водитель никак не реагировал, Он спал, притом спал очень крепко. Александр посмотрел на часы, они показывали без двадцати минут десять вечера. У него тотчас же появилось желание выпить за очередной новый год, компанию в этом ему мог составить его напарник. Кузнецов стал будить водителя, тот не заставил себя долго тормошить. Аусзидлер очень спокойно прореагировал на появление «черного». Ехать в деревню и встречать в хлеву праздник он наотрез отказался. Его встречное предложение поехать к нему и хорошенько «врезать»

Александр принял с удовольствием. По дороге молодые люди разговорились. Сон в машине водитель обьяснил тем, что хотел немного отдохнуть от стресса, который ему навязала старая немка. Трухнул он и перед полицией, которая жестоко наказывала любителей спиртного.

Николай Геншер жил в деревне Зутен, которая находилась почти под боком от небольшого городишки, где молодые люди только-что «чернили». Они по приезду сразу же принялись смывать с себя грязь и потный запах. Особенно усердствовал Александр, который под душем от удовольствия по-дикому визжал. Он, переодевшись в халат хозяина, после душа стал осматривать хоромы молодого аусзидлера. Они были царскими по сравнению с его домишком в Найденовке, не могла соперничать с ними и квартира фрау Бетке. Николай жил в большом доме на земле, на втором этаже жили его родители. Гостю нравилась не только современная мебель, но и большой туалет.

Новый год друзья встречали на славу. Произносили тосты довольно часто, с учетом часовых поясов всей планеты. Пили они шампанское, водку и вино богатенькой немки. Верзила в винах понятие имел довольно смутное, но пропустил довольно много... Попойка длилась до позднего утра, «черные» напились и нажрались до упора. Гость все больше нажимал на «хавчик», хозяин на спиртное. Тамадой за столом был Николай. Его друг почему-то все больше молчал. Несмотря на радушный прием и хлеб-соль, Геншер оставался для беглого солдата довольно загадочным существом. Причиной недоверия к нему было его воровство у бабки, из-за которого каждый «черный» потерял пару десятков марок. Верзиле эти деньги нужны были позарез. Сейчас у него было около тысячи марок, такие деньги здесь ничего не значили.Чем больше сидели друзья за столом, тем больше гость входил в курс жизни молодого хозяина прекрасной квартиры...

Семейство Геншеров на историческую родину предков приехало через год после падения стенки, ехали сюда с большими надеждами на лучшее будущее. На переселенческом пункте прибывшим выдали деньги и немалые, ликованию не было предела. В Казахстане они таких денег за всю жизнь в руках не держали. Через полгода у новеньких все и вся устроилось. Николай и его жена Валентина нашли работу, дочь Оксана и сын Вовка пошли в школу. Сытное и счастливое начало детей и внуков также радовало родителей младшего Геншера. Старики на немецкой земле стали получать приличную пенсию. Еще через полгода на семейном совете решили взять кредит и купить дом на два хозяина, решили и сделали. Кредит взяли без проблем, без проблем купили и дом. Родители свою пенсию отдавали за дом, сын с супругой оплачивали текущие расходы. Деньги были и на другое. Младший Геншер с женой за два года успел побывать в пяти странах мира, за это же время купили два автомобиля. Николаю машина нужна была для престижа, он работал в двух шагах от дома. Купить железного коня его супруге заставляла производственная необходимость. Валентина работала в тридцати километрах от Зутена. Молодой мужчина по этой причине

довольно частенько кухарил сам, кухарил на радость родителям и любимой жены. В прекрасном особняке на двух хозяев царил мир, спокойствие и счастье...

Через год в большое семейство постучала беда, принесла ее жена Николая, русская Валя. На исторической родине предков мужа она встретила свою первую любовь Владимира. С ним она когда-то училась в сельскохозяйственном институте. Молодые люди вместе ездили по стране, вместе строили животноводческие комплексы, вместе проводили свободное время. Однажды они под открытым небом окунулись в океан любви... Предыдущий новый год Валентина к общему праздничному столу семейства Геншеров не приехала, хотя обещала быть. Она с детьми уже неделю была у подруги в Мюнхене. Ее муж себе места не находил. Он звонил ее подруге почти через каждый час, никто не брал трубку. Прошел день, второй, прошла неделя... Звонил снова и снова, телефон молчал. От безысходности работяга и заботливый муж сильно напился, напился до чертиков. Родители вызывали скорую. Валентина в доме Геншеров больше никогда не появилась. Значительно позже через знакомых до Кольки дошли слухи, скорее всего, правдивые. Его любимая жена уже давненько крутила роман с бывшим однокурсником, который приехал сюда на пять лет раньше. Младший Геншер до сих пор не может понять, почему от него сбежала эта русская сволочь...

Алкоголь все больше и больше вызывал к откровенному разговору хозяина. Он кушал очень мало, все больше пил. Гость иногда от страха, что его друг может вообще «сгореть», довольно часто его рюмку отставлял в сторону. Николай на это не злился, он спокойно вставал из-за стола и шел к холодильнику. Через некоторое время он приносил новую бутылку, садился за стол и ее открывал. Беглый был бессилен что-либо с мужчиной сделать. Перед тем, как оказаться в постели, хозяин предложил верзиле выпить на посошок. Зыркнув осоловелыми глазами на гостя, он со вздохом промолвил:

- Ты, Санек, даже и не знаешь, в чем мое счастье, наше человеческое... Я думал, что теперь у меня все здесь есть... Да и в родной Селивановке я жил без проблем... На нашем Тоболе рыбы было жутко много, хоть трусами греби...

На некоторое время пьяный умолк. Затем опять продолжил, продолжил со слезами:

- Я, братуха, в Москве не сидел... Я всю жизнь крутил баранку, кое-что и воровал... Коммунисты хоть и сами воровали, но и простым смертным разрешали... А здесь мне хана, здесь даже воздух продают...

На грустные рассуждения хозяина пьяный гость уже никак не реагировал. Он только очень внимательно глядел на его физиономию и плакал. Голова аусзидлера перед ним почему-то то исчезала, то удваивалась... Первый день наступившего года для выходцев из бывшего Советского Союза мало чем отличался от предыдущего. Они спросонок вновь уселись за стол, потом вновь отошли ко сну. Лишь на третий день друзья приобрели человеческое обличие, и то не полностью.

Пьяного сына и его нового собутыльника старший Геншер заметил сразу, как только вошел во двор. Старик со старухой встречали Новый год в соседней деревне у давних знакомых, тоже аусзидлеров. Супруги сразу почувствовали что-то неладное в своем доме. Первым «вскипел» мужчина. Бывший учитель географии сторонился высоких людей, они всегда казались ему тупыми и недобропорядочными. Совладелец особняка, словно коршун, подскочил к незнакомцу и со слюною на губах закричал:

- Молодой человек, тебе не стыдно пьянствовать в моем доме?... Или у тебя нет семьи? Сидел бы в России и бил баклуши... Вот сейчас вызову полицию, она тебя сразу приберет...

Появление старого человека во дворе его друга для пьяного верзилы было столь же неожиданным, как и его оскорбительная реплика. В родной Найденовке с этим дедом он разговаривал бы по-другому, он и сейчас был не прочь почесать кулаки... Однако упоминание о полиции на беглого подействовало мгновенно и отрезвляюще. В этой стране он был даже не поздний переселенц, а только военный дезертир из бывшей ЗГВ. На подобных изгоев могла тявкать любая дворовая собака. Кузнецов с мужчиной не стал пререкаться и стремительно покинул двор. Деревня словно вымерла, никто и ничего вокруг не двигалось. Лишь на окнах немногих домов висели праздничные гирлянды. Его бесцельное шатание по улицам продолжалось недолго. .Жажда тепла и домашнего уюта вынудили его вновь войти в дом Геншеров. Дверь во дворе, как и в квартире, на ключ не была закрыта. Младший Геншер был уже в курсе происшедшего. Не успел еще верзила робко открыть дверь, как он быстро выскочил из-за стола, и обняв продрогшего пришельца, зычно прокричал:

- Эй, Санек, не бери все это в голову. Мой предок часто меня воспитывает, а мне все, как с гуся вода... Лучше давай ударим по водочке, да закусим русским огурчиком и грибками... Я ужасть грибы люблю...

Гость после такого приглашения осмелел, он и сам удивился своей наглости. Вновь появившуюся возможность выпить и пожрать нахалявку, он решил не упускать. Через несколько мгновений Александр, который был на пять лет младше радушного хозяина, оказался за столом. Друзья расслаблялись до поздней ночи, расслаблялись основательно, с душой, так могут делать только русские люди...

Со старшими Геншерами беглый нашел общий язык на следующий же день. Родители его друга, дядя Ваня и тетя Марфа оказались на деле и не такими занудами. Он, осознавая свою вину, лично сам зашел к ним и искренне извинился. Они его извинение также с пониманием приняли и усадили некогда пьяного аболтуса за стол. Сразу же завязалась беседа. Старики первыми раскрыли свою душу и поделились своей болью. Они в один голос жалобились на непутевого сына, которого за пьянство уволили с лакокрасочного завода. В семействе мгновенно возникли проблемы с кредитом. Предки молили Бога, чтобы тот послал ихнему сыну путевую женщину.

Кое-чем со стариками поделился и друг младшего Геншера. Узнав о том, что молодой человек приехал сюда на заработки из Украины, Иван и Марфа в один голос пригласили сироту для проживания у своего сына. Он мог проживать до окончания визы, почти полгода. Аусзидлеров не интересовал ни заграничный паспорт, ни другие документы нового знакомого. Они верили этому мальчику, он был для них родным, советским человеком. В первую ночь пребывания на законных основаниях в доме Геншеров верзила долго не спал. Он все время ворочался, сладостные мысли не покидали его голову. В его душу на полгода также могло вселиться простое человеческое спокойствие. Утром Колька определил туристу комнату, у которого через неделю и все остальное пошло, как по маслу.

Аусзидлер и беглый по-настоящему впряглись в работу, работали по заказам Тиграна. За тяжелый физический труд они получали негусто. Простоев и выходных у них практически не было. Туриста такая организация труда вполне устраивала, Николай от издевательства немца иногда смачно матерился. Он сам довольно часто делал попытки найти постоянную работу, дабы заработать лишние пару марок. «Рабочие слезы» водителя, слесаря, каменщика и плиточника не устраивали, все эти специальности он получил еще в бывшем Советском Союзе. Не давал ему спокойно жить и арбайтсамт, который почти каждую неделю присылал ему бумажки или звонил. Работа, предлагаемая чиновниками, не устраивала молодого человека. Ему не хотелось собирать окурки на улицах или перебирать на каком-то складе яблоки. Немец из Казахстана очень злился, когда ему, как профессионалу, платили значительно меньше, чем тому, кто имел немецкие корочки и работал значительно его хуже.

У молодого «украинца» проблемы были совсем другого плана. Корочек, подобных у друга, у него не было. Да и все то, что когда-то он учил в ПТУ, он все и вся забыл. Александр на всех работах всегда был подсобником. Таскать кирпичи или рыть лопатой канавы большого ума не требовалось. На свою голову и на руки он нисколько не обижался, как и не обижался на вполне законный больший заработок своего друга. Вместе с тем, он сильно ему завидовал. Николай имел прекрасную квартиру, на законном основании мог жить и работать в этой стране. Надежным тылом для него были и родители. Чем больше жил и общался верзила со своим напарником по работе, тем больше убеждался в его порядочности. Он уже нисколько не сомневался, что аусзидлер долго холостяковать не будет и найдет себе подругу жизни. По вечерам мужчины довольно часто смеялись над объявлениями, которые печатались в русскоязычной газете «Земляки». Количество женщин, страдающих по мужчинам, превышало иногда в разы тех, кто искал представительниц слабого пола. Младший Геншер, как правило, невестам звонил только по воскресным дням и «под газом». Те просили еще раз перезвонить, некоторые назначали встречи. На утро дамоискатель обо всем этом уже забывал. Желание найти подругу жизни возникало и у беглого, возникало неоднократно. Однако он для этого ничего не делал, даже не пытался. В этой стране он был вне закона. Своими тайнами и бедами, да и мечтами, он, как и прежде, никогда и ни с кем не

делился. Все хранил за семью печатями, однако он ошибался...

В один из воскресных дней друзья решили съездить в сауну. Николай частенько восхищался «нагишным» миром ее посетителей. Турист из Украины также горел желанием поглазеть и основательно попариться. Он, постепенно втягиваясь в райскую жизнь страны, хотел человеческих прелестей вкусить все больше и больше. Сауна была в районном центре, билет стоил недешево. Гидом был младший Геншер, он беспрестанно тараторил другу о прелестях финской сауны и все нахваливал «махача», который так искусно «вышибал» пот. Александр сначала вел себя среди голых женщин и мужчин очень робко, потом стеснение стало исчезать, исчезать с каждой минутой. Он чаще и чаще покидал своего друга, который все время сидел в парилке, и сам, словно гусь, дефилировал по просторному залу. Бывший житель деревни Найденовки, которого Бог наградил правильными чертами лица и фигуры, что в человеческом мире принято называть красотой, несколько раз подходил к большому зеркалу и невольно собою любовался. Божий дар прибавлял нагому не только смелости, но и наглости. От ощущения сверхчеловеческой демократии и изобилия женщин ему в некоторые моменты становилось не по себе. Он устремлялся на лежак, закрывал глаза и мгновенно ударялся в философские размышления. Сомнений у него не было. Образ бывшей советской сверхдержавы тускнел перед всем тем, что сейчас видел и чувствовал ее бывший гражданин, беглый солдат. Здоровый организм, как ему казалось, раз и навсегда очистился от длительного страха, унижений и мучений, которые ему пришлось за все это время перенести. Слезы радости невольно текли из глаз великана, он хотел быть счастливым целую вечность...

Через некоторое время он вновь опускался на грешную землю и открывал глаза. Вокруг него также все было по-райски. Мелькающие голые женщины, словно специально, подогревали его мужской «аппетит». Среди представительниц прекрасного пола он находил очень многих по своему вкусу. Дабы избежать «боевого» положения своего пениса, верзила опускал полотенце ниже живота и со всей силой его завязывал. В «подвязанном» состоянии он лежал довольно долго, пока все и вся не успокаивалось. Затем он вставал с лежака и мчался в парилку. Ее обитатели, разные по возрасту, полу и цвету кожи, все больше и больше нравились туристу. Он нисколько не сомневался, что среди них не было дезертиров Советской Армии. Это его радовало и одновременно пугало.

Друзья к парковочной стоянке автомашин пришли только под вечер. Николай завел двигатель и вырулил на дорогу. Метров через сто перед ним неожиданно появилась полицейская машина, мигающий световой указатель просил его остановиться. Он, состроив удивленную физиономию, быстро ударил по тормозам. Он все еще не мог понять причину вынужденной остановки. За весь день он в свой рот не брал ни капли спиртного, тем более, перед посещением сауны. Полицейский подошел к автомобилю и попросил у него водительское удостоверение. Геншер, сделав дежурную улыбку, вежливо протянул

документы. Офицер тщательно проверил права и внимательно посмотрел на сидящего за рулем. Затем попросил его выйти из машины. Затем двое мужчин удалились к машине с мигалками. О чем они говорили беглому было неизвестно. За время пребывания в доме Геншеров он убедился, что все они очень неплохо говорят по-немецки. Проверить реальное знание языка турист не мог по понятной для него причине.

Николай вернулся минут через десять. Александр сразу же заметил, что его друг был чем-то расстроен. Младший Геншер молчал до самого дома, молчал и беглый. Он в своей голове перебирал десятки вариантов, которые могли испортить настроение аусзидлеру. Утром и в сауне у них все было «намази». Колька обязанности гида выполнял на отлично, иногда даже очень острил, когда видел вокруг себя нагих красивых женщин. Сейчас его словно кто-то по голове чем-то тяжелым ударил.

Колька «раскололся» только поздним вечером и то после того, как «размочил» себя, выпив полный стакан водки. Постоялец на вредную привычку хозяина среагировал однозначно. Он мгновенно сделал серьезную мину и убрал со стола «посудину», что означало «конец пойлу». Раньше это он делал также без проблем. Он дал слово старикам вывести их сына на праведный путь. Об этом младший Геншер прекрасно знал. На этот раз он был готов ударить по физиономии того, кто намеревался запретить ему выпить. Он резко схватил верзилу за руку и с ненавистью произнес:

- Ты, бестолковый верзила... Благодари Бога, что сегодня тебя полиция не попутала. Они искали пропавшую машину, мой номер разнился только в последней цифре... Да и это меня не страшило, мой паспорт и машина в порядке.... Старший полицай хотел проверить твои документы, хорошо то, что ему кто-то позвонил по рации... Тебе каюк мог прийти одним махом, не пощадили бы и меня...

Выражение лица и информация Николая, словно стрела, пронзили сердце и душу постояльца. Он присел на стул, схватился рукой за краешек стола и застыл, словно бука. Молчал и хозяин, который почему-то безразлично смотрел на потолок, словно там кто-то написал ему рецепт спасения беглого солдата. Длительное молчание живого источника вины в конце концов вывело младшего Геншера из себя. Он быстро встал и налил стакан водки, почти машинально вытащил из банки большой огурец. Потом закрыл глаза и опрокинул содержимое стакана в рот...

Кузнецов со слезами на глазах смотрел на своего друга, он его сейчас не узнавал. Через несколько мгновений рот алкоголика «размокнулся» и то, что он произнес, его «убило» наповал:

- Ты, стрелок-зенитчик Кузнецов Александр Николаевич... Почему мне мозги квасишь?... Я ведь знаю, кто ты есть и кто ты был всего три года назад... Свои небылицы можешь вешать на уши моим старикам, они люди очень доверчивые... Я тебя раскусил еще в прошлом году... У туристов при виде полицейских машин руки не трясутся. А ты, такой большой и

сильный, все мочишься в штаны, значит много грешных дел сотворил...

Последнее злопыхательство хозяина верзилу вывело из себя. Он, не долго думая, напыжился и со всей силой ударил низкорослого и худого мужчину в подбородок. Удар получился очень мощный и очень резкий. Бывший боксер не сомневался, что от этого удара его кормилец и спаситель будет отходить пару недель, не меньше. Он и сам до сих пор чувствовал удар капитана Макарова.

Этой ночью постоялец не спал, ему было не до сна. Его грызла совесть, он сильно сожалел, что так по-скотски поступил со своим другом. Колька сделал для него очень многое. Он сейчас уже нисколько не осуждал его за то, что он сунул нос в документы своего постояльца. Верзила и сам так бы поступил. Дальнейшее пребывание туриста в доме теперь зависело от того, кто без движения лежал в постели. От страха за жизнь своего друга и свое будущее он неоднократно заходил в комнату Николая, прощупывал его пульс. Все было в норме.

Хозяин проснулся рано утром и был несколько удивлен, когда увидел перед собою мрачную «рожу» туриста. Посмотрев на страдальца, младший Геншер привстал с постели и начал усиленно тереть руками свою левую скулу. Затем с ехидцей произнес:

- Вот так, этих русских свиней и выращивай, все равно никогда не угодишь... Ты, салага, еще не понимаешь, что под какой монастырь садишь моих стариков... Они довольно много хлебанули горя при Советской власти, да и здесь им не мед...

После некоторого раздумья он опять промямлил себе под нос:

- Между прочим, я также человек и хочу жить, но не так, как ты... Я, например, собираюсь ехать в родной Казахстан и привести к себе невесту... Из-за тебя, лжетурист, не хочу попадать властям на компьютер... Мне достаточно того, что нас проверяли пять лет, чтобы запустить сюда и то с намордником...

Лжетурист на назидательный монолог хозяина ничего не отвечал, он стоял и молчал. Николай только к вечеру «размяк» и то после извинения несостоявшегося чемпиона дивизии по боксу. После мировой мужчины пошли прогуляться по лесу. За время продолжительной прогулки беглый не только подышал свежим воздухом, но и кое-что успел «намотать» себе на ус. Его мозг усердно впитывал все то, что говорил его друг. Колька довольно часто задирал голову и устремлял свой взор на физиономию своего недавнего обидчика. В глазах рядом идущего была тоска и безысходность. Это для него означало то, что его постоялец опять кривит душой. За все время прогулки верзила от старшего товарища каких-либо жизненных установок не получил, не давали их ему и старики Геншеры. Они почти мгновенно заметили перемену отношений между сыном и красивым парнем из Украины. Попытки узнать о случившимся для пожилых людей заканчивались неудачей. Сын молчал и загадочно смеялся. Турист с серьезным видом успокаивал дядю Вану и тетю Марфу, и заверял, что ничего не случилось. Вскоре старики окончательно успокоились, дальше и на

самом деле все пошло хорошо. Друзья о встрече с полицией старались никогда больше не говорить. Ежели и когда-то доходило до ругачки, то сор из избы они не выносили. Боялись подорвать неважнецкое здоровье стариков. Особенно хандрила мать Николая, перенессшая три операции.

Для политического и жизненного просвещения младший Геншер рекомендовал своему другу посетить аусзидлера Фридриха, который частенько бывал в гостях у своих земляков. Александру настоятельно рекомендовалась свою «биографию» держать за зубами..

Фридрих Шмидт на исторической родине предков был почти старожилом, приехал он еще в начале семидесятых годов. В настоящее время жил в социальной квартире вместе с женой. Они всегда и везде были вместе, как иголка с ниткой. Трудовую деятельность начали в Сибири, преподавали математику в одном и том же вузе. Детей у них не было, это наложило определеный отпечаток на их жизненные «причуды», а может и нет. Вне стен института интересы супругов разнились, притом очень сильно. Беспартийный глава семейства в свободное время ударялся в политику, его половинка носилась по полям и лесам в поиске разнообразных бабочек. Каждый из них считал свое увлечение только самым важным и необходимым, увлечение другого в счет не бралось. Анти-хобби приводило нередко к семейным ссорам. Любящие друг друга люди на некоторое время покидали общий диван и ложились спать по углам однокомнатной квартиры. Причуды двух умниц одновременно и их сближали. Местом сближения была небольшая кухня, где каждый отдавался своим увлечениям. Математик очень внимательно читал газеты и журналы, математичка с большим интересом рассматривала очередную неизвестную для себя бабочку. Завсегдатаем на кухне был мужчина, был неспроста. Увлечения жены были очень короткими, только во время отпуска. Зимой в Сибири бабочки не летали. Политика же для ученого мужа была и оставалсь во все времена года, днем и ночью. Особенно приходилось «припахивать» Фридриху после партийных съездов и пленумов ЦК КПСС, свет на кухне горел иногда до самого утра. Опробование единства политики партии и естественных наук куратор осуществлял на студентах своей группы. Собирал он своих подопечных, как правило, в общежитии. Студенты его «чудачество» переносили стойко, математика выносилась на государственный экзамен. Институтские чиновники в один голос стали хвалить молодого ассистента, затем кандидата наук, потом доцента за преданность идеям партии. Однако такая «масштабность» не стала его устраивать. Однажды он пришел в партийный комитет вуза и предложил свои услуги. Для подтверждения своей «напичканности» Фридрих Иванович принес толстую тетрадь, в которой были очень добросовестно законспектированы материалы партийных решений. После первого же визита в самую ответственную и мудрую организацию беспартийный получил первое партийное поручение, стал помощником руководителя группы политических занятий. До самого отъезда на историческую родину своих предков он «тянул» лямку среди младших

научных и инженерно-технических работников. Он учил их очень добросовестно, даже слишком. Слушатели группы иногда при виде «красного» немца ретировались в сторону. Ученость и умопомрачительная принципиальность помощника однажды обошлась боком руководителю группы. Старый профессор, доктор исторических наук в прямом и в переносном смысле доживал до пенсии, на кафедре его никто не трогал. Не трогали не только по старости, но и по важности. Старичок с небольшой челкой седых волос на большой плешине был настоящим светилом исторической науки не только в многотысячном городе, но и далеко за его пределами. Все и вся в институте знали об его бесчисленных почетных должностях и о «членах». Знал об этом и помощник руководителя занятий, который почти год ходил перед профессором, как по струнке. Потом все-таки он решил «высунуться» и это ему удалось. Во время ожесточенной полемики на семинарском занятии слушатели группы отдали предпочтение простому клерку. После этого Фридрих Иванович ходил гоголем не только по «хрущевке», но и по всему городу. Супруга смеялась над своим умницей, который все еще не мог понять бессмысленность партийной болтологии...

В Германии господин Шмидт успокоился, успокоился основательно. Причиной этому было не отдаленность от Москвы или от Сибири. Сама жизнь очистила его от плевел. Он понял то, что многолетняя болтовня партийно-советской номенклатуры была всего-навсего фикцией и профанацией. Отошла от своего хобби и доцентша Наталья Ивановна. Ловить бабочек на предельно ухоженных полях ей стало неудобно, да и возраст уже не тот. Не бывает у стариков и скуки по сибирским просторам, не говоря уже о желании постоять в больших очередях за куском вонючего мяса. О жизни в бывшем Союзе они информированы нисколько не хуже, чем те, кто там живет. Современная техника творит настоящие чудеса. Историческая родина пожилых людей не обидела. Они имеют приличную пенсию и прекрасную квартиру, свободного времени у них с лихвой. Не забыли они и о предстоящей смерти...

О появлении высокого и красивого сироты из Украины супружеская чета Шмидтов узнала от Геншеров. Те и другие приветствовали стремление паренька подзаработать и кое-что купить для себя. Переселенцы искренне переживали, когда узнавали о нищете бывших соотечественников в той или иной республике бывшего Советского Союза. К приходу молодого гостя кандидаты физико-математических наук успели даже кое-что для него сделать. Они побывали на приеме у госпожи Штоффнер, которая работала в немецком Красном Кресте. Она отличалась особой порядочностью, ей были близки к сердцу все беды и страдания людей, независмо от возраста и континетов. Многие жители знали ее служебный и домашний телефон. Они в любое время суток ей звонили и предлагали одежду и обувь. Немка с удовольствием приняла заказ от знакомых аусзидлеров, никто не сомневался в необходимости самой лучшей одежды для сироты.

О визите своего друга Николай сообщил Шмидтам рано утром. Встречу назначили на

вечер. Старики, словно к ним приезжал самый близкий родственник, почти целый день были заняты приятными приготовлениями. Хозяйка напекла пирожков из капусты, они у нее особенно удавались. Хозяин вел себя куда спокойнее. Большой холодильник под самую завязку был набит продуктами из пяти стран мира, в том числе из России. В довольно вместительном баре стояло около десятка видов спиртного. Не забыл он и о своем хобби, он намеревался на этот раз основательно «припахать». Фридрих Иванович прекрасно знал, что все средства массовой информации в основном брешут, турист же мог рассказать ему только правду. Бывший приверженец коммунистической утопии на листке бумаги набросал коротенький план. От предвкушения жарких дебатов старый математик в прямом смысле плясал по просторной квартире, как он плясал от радости полвека назад, когда получил малогабаритную «хрущевку».

Гости пришли ровно в шесть часов вечера. Младший Геншер по-русскому обычаю принес для хозяев бутылку русской водки. Старики со всех сторон разглядывали круглую сироту из Украины, тот и вправду был неплохой. К их удивлению он был прилично одет, одежда на нем была вся немецкая. Переселенцы за время проживания в Германии научились кое-что различать, да и времена уже наступили совсем другие. В бывшем Союзе два молодых математика ради каких-то дефицитов довольно часто экономили на желудке. Фридрих полгода откладывал деньги, чтобы купить себе шикарную меховую шапку. Молодой талант сгорал от стыда, когда некоторые двоечники подъезжали к парадному крыльцу вуза на новеньких «Жигулях» или обедали в столовой на целых два рубля.

Надежды пожилых людей на живого носителя свежей информациии о бывшем Союзе не оправдались. Мальчик на поставленные вопросы отвечал почему-то очень сухо, некоторые вообще оставлял без ответа. Почти безмолствовал он и о прекрасном городе Киеве, откуда только что он приехал. Стрелочником в «трудных» вопросах и ответах между учеными и студентом был Николай, он то и дело изменял тему разговора. В конце концов все встало на свои места. Молодые уступили дорогу старикам, точнее старику. Фридрих Иванович взял бразды в свои руки и почти два часа говорил о том, что было в его мозговом «запаснике».

Посещением старого ученого беглый солдат остался доволен. Ему казалось, что сама судьба, сам Бог намеревается помочь в дальнейшей жизни. Он неспеша «переваривал» все то, что узнал от семейства Геншеров и Шмидтов. Сейчас перед ним предстала довольно четкая картина политических потрясений, которые произошли за время его службы и отшельничества. Он с большим удовольствием «перелистывал» страницы истории Западной группы войск...

Январь 1991 года, начало планового вывода советских войск из объединенной Германии. В марте выводится 207 мотострелковая дивизия из города Стендаля... Летом советские войска покидают немецкие города Нойрупин, Галле, Мезербург... На следующий год они вышли из Йены, Ризы, Цербста, Дрездена... В апреле 1993 году состоялись торжественные

проводы частей в Шверине... 31 августа 1994 года Германию покидают солдаты и офицеры 6-ой отдельной мотострелковой бригады, участники последнего торжественного марша в Трептов-парке...

Бывший солдат благодарил щепетильного старика-ученого, что тот так добросовестно сохранил вырезки из русских газет и журналов о выводе советских войск. Чем больше Александр читал при свете настольной лампы листки газетной бумаги в просторной гостиной новых знакомых, тем сильнее сжималось его сердце. Он на какой-то миг вспомнил умного и честного капитана Макарова, свою родную роту. Верзила гордился сослуживцами, которые внесли посильный вклад в осуществление самой крупнейшей в мире операции по передислокации войск с запада на восток.

С января 1991 года по август 1994 года из Германии на территорию России и в другие страны СНГ были выведены 6 армий в составе 22 дивизий и 49 бригад, 42 отдельных полков, общей численностью 546200 человек. Также было выведено 123629 единиц техники и вооружений. Вывезено 2 миллиона 750 тысяч 530 тонн материальных средств...

В этот вечер у дезертира бывшей Советской Армии довольно часто глаза были влажными. Дабы скрыть душевное напряжение от сидящих, он уходил в туалетную комнату и давал волю своим слезам. Он очень тихо плакал, плакал не от обиды за многолетние и бессмысленные скитания. Нет, это было далеко не так. Рядовой, в один миг исчезнувшей в некуда мощной армии, плакал от радости, что он удостоился служить в ГСВГ, ЗГВ. История человечества еще не знала такой уникальной по составу, по предназначению и по уровню профессионализма группировки войск за рубежом.

Остаток ночи, который остался после визита к Шмидтам, дезертир бывшей ЗГВ и сержант запаса бывшего Закавказского военного округа просто-напросто пьянствовали, кутили и гудели. Молодые люди все это делали славненько. Александр Кузнецов смачно рассказывал своему другу о своем мужественном поступке, когда он вынес из горящего дома пятилетнюю немецкую девочку. За этот подвиг гвардеец получил именные часы от командующего армией и отпуск на Родину. Сержант Геншер спас от гибели взводного командира во время тактических учений...

Семейная пара Шмидтов все больше и больше проявляла симпатии к туристу из Украины. Тот почти все свободное от работы время околачивался в их квартире. Пожилой мужчина и молодой парень в ней долго не засиживались, они после сытного угощения хозяйки сразу же улетучивались на улицу. Старик очень любил прогулки, постепенно привыкал к ним и гость. Ему также нравилось бродить по довольно большому парку. Живой уголок природы благоухал запахом разнообразных цветов. Сначала мужчины после обильной пищи с удовольствием садились на чистые скамеечки и предавались своим размышлениям. «Самостоятельность» продолжалась недолго, первым начинал разговор двухметровый верзила. После первой встречи со старыми математиками он решил в корне изменить

тактику своего поведения. Превратиться из молчуна в относительного говоруна способствовала душевная доброта старых аусзидлеров, и не только она. У него возник огромный интерес к жизни объединенной Германии, ко всему миру. Страх быть наказанным за воинское преступление все больше и больше уходил на второй план, он уже не считал себя преступником. Советский Союз развалился, не было и Советской Армии. В объединенной Германии он жил пятый год...

Политическая наивность и простейшая неосведомленность молодого человека из Украины все больше и больше подкупала семейство Шмидтов. Паренек на законных основаниях интересуется политикой и шарахается от изобилия продуктов, машин и другой всячины. Они и сами двадцать лет назад, приехав из страны тоталитарного режима, не могли вдоволь накушаться. Они с утра до вечера шлялись по магазинам, все и вся щупали, пробовали на язык. Покупать также на что было. Не проходило и недели, чтобы на их конто не поступали деньги. Местные немцы были очень благосклонны к тем, кто прошел сталинские лагеря и перенес нечеловеческие муки. Через год изгнанные поехали в Советский Союз, побывали в родной деревне на Волге. В 1941 году отсюда маленького Фридриха с родителями погрузили в скотские вагоны и перевезли в Сибирь. Не обошли стороной немецкие туристы и сибирский город, в котором они начинали свою трудовую биографию. Им все еще не верилось, что совсем недавно большинство горожан и институтских коллег с позором их выпроводили, как отщепенцев и предателей, на их историческую родину. Семейная пара обиды забыла. Часть своих сбережений она подарила многодетной семье уборщицы в институте, часть отдала дому инвалидов. Деньги отдавали лично в руки. Боялись того, что начальники могли их прикарманить себе.

Шло время. Фридрих Иванович все больше и больше «кормил» Сашеньку всевозможной информацией. Довольно часто они бывали и в магазинах. Кое-что в поведении туриста у жизненного аналитика вызывало подозрение. Мальчик мало интересовался дешевыми тряпками из Красного Креста, не ходил он и на танцульки. Вызывали подозрение у старика и его вопросы. Почему-то почти все они касались жизни бывшей ЗГВ и тех, кто сбежал из частей и подразделений. От тех выводов, которые сами себе напрашивались, математику иногда становилось не по себе. Турист из Украины на какое время представал перед ним в обличии офицера КГБ или шпиона. Господин Шмидт намеревался поделиться своими тревожными соображениями с женой, но всегда передумывал. Наташенька в последнее время все больше и больше жаловалась на свое здоровье. Подходящей фигурой для «проверки» своих выводов аусзидлер считал младшего Геншера, тот умел держать язык за зубами. Сейчас же он почти не бывал у Шмидтов. Коленька все ездил с отцом в больницу к матери, ее беспокоило сердце.

Однако после очередной встречи со студентом Фридрих Иванович вновь успокаивался. Он уже не считал его шпионом, да они сейчас никому не были нужны. Бывшая

партноменклатура бывшей страны Советов давно выдала на-гора все мыслимые и немыслимые секреты Западу. Да и зачем ему, старику, искать в молодом парне классового врага? В его личной жизни подобного было очень много. Сейчас только и время пожить сытно, пожить без проблем. С этими благостными мыслями пожилой мужчина провожал гостя и направлялся к постели, с ними и просыпался...

Аналогичное состояние души было и у студента. «Рыбалка» на информацию у старого немца не давала сбоев, который делился всем тем, что знал. Делился добросовестно, словно собирался уходить в иной мир. В этом верзила убедился во время посещения русского ресторана. Ресторан находился неподалеку от дома Шмидтов и поэтому они довольно часто его посещали. «Русская душа», так называлось питейное заведение, в какой-то мере связывало их со страной, где они родились и прожили свои лучшие годы. Математикам нравилось не только его название, но и все то, что было внутри ресторана. Нравились им и хозяева, которыми были молодые аусзидлеры. В дни больших советских праздников в помещении не хватало мест, «руссаки» приезжали изо всей округи. Шмидты в дни нашествий не появлялись, они любили рабочие дни. В это время в ресторане было намного спокойнее и уютнее.

Господин Шмидт, пригласив Сашеньку в ресторан, хотел не только просто с ним поболтать, но и намеревался кое-что рассказать ему о своей поездке в Россию. Он с супругой там был прошлым летом. Сейчас они решили больше туда никогда не ездить. Тяжелая дорога, да и возраст, давали о себе знать. Предложению наставника турист очень обрадовался. Без ума он был и от того, что увидел в ресторане. В нем было все русское, многое для него также было неведомое и незнакомое. Гидом был Фридрих Иванович, который сразу же повел гостя за свой любимый столик. Кузнецов, едва присев на стул, чем-то напоминающий чурбан из сосны, стал рассматривать помещение. Он был поражен изобретательностью русских хозяев. Вся мебель была из березы или сосны. На каждом столике стояли русские самовары, чисто русской была и посуда. Шмидт заказал себе любимые пельмени, Александр «усилил» свой заказ гороховым супом. Ему казалось, что его он не кушал уже целую вечность. В спиртных напитках разногласия не было. Мужчины заказали бутылку русской на двоих.

После первой рюмки водки старый ученый опять ударился в философские размышления. На этот раз верзила был ошарашен его откровениями. Он никак не думал, что у пенсионера могут быть какие-то проблемы в этой сытой стране. Насторожила его и форма изложения этих откровений.

- Ты, мой милый человек, - начал Шмидт, - наверное, думаешь о том, что у нас со старухой нет проблем... Правильно я говорю, мой Сашенька?...Ты также считаешь, что в этой стране все счастливы?

После заковыристого вопроса он с хитринкой в глазах посмотрел на собеседника, тот

молчал. Молчал, словно воды в рот набрал. Его молчание нисколько не обескуражило старика. Он опять продолжил, продолжил без всякого подвоха:

- Я тебе сразу же скажу, что ты ошибаешься, притом сильно ошибаешься, на все сто процентов... У меня здесь в принципе все есть, но душа осталась там, в бывшем Советском Союзе. Она осталась в суровой и холодной Сибири, где я прожил все сознательную жизнь. На этой земле погиб мой отец, он не вернулся из трудармии... Там же похоронена моя мать, нашли вечный покой и два моих брата...

На какое-то время немец опять замолчал и внимательно посмотрел на своего собеседника. Кузнецов ничего не говорил, он молчал и усердно водил ложкой по тарелке с супом. Он все еще не мог понять, чем были вызваны откровения этого старого человека. За все время знакомства из супругов Шмидтов никто не сетовал на свою жизнь. Сейчас же старика почему-то «прорвало». Александр пристально смотрел на него и своих глаз не отводил, не хотел выдавать свое непонимание. Не реагировал он и на слезы аусзидлера. Внимательно вглядываясь в глаза благополучного и интеллигентного человека, он теперь уже нисколько не сомневался в своих новых умозаключениях. Перед ним сидел человек очень сложной судьбы, непонятной и загадочной для окружающих, непонятной и для беглого солдата. Вопросы и проблемы, которые он хотел обсудить со своим жизненным кумиром, невольно отступили на второй план, отступили на неопределенное время. Только после второй рюмочки русской водки господин Шмидт немного повеселел, высохли и его слезы. Дабы не терять нить своих прошлых размышлений, он весело спросил у своего подопечного:

- Сашенька, ты думаешь, что я забыл о чем только-что говорил?... Конечно, нет же, я и сейчас считаю себя великим Лобачевским... Мой старый компьютер не дает сбоев... Я вновь готов к рассуждениям после русской водочки и русских пельменей...

В подтверждение любви к последним, он по-озорному «забросил» в свой рот пару пельменей. Александр к этому моменту опорожнил тарелку с супом. Детский азарт, появившийся у собеседника, придал ему смелости. Он отодвинул тарелку в сторону и, как бы невзначай, спросил :

- Фридрих Иванович! Вы считаете, что здесь люди плохо живут? Я ведь прекрасно знаю и вижу, что они неплохо живут. У них есть почти все, никто из немцев не ест сухой кусок хлеба...

Вопрос, доселе молчавшего студента, очень сильно рассмешил бывшего преподавателя вуза. Он громко засмеялся. Смеялся он от души, не скаля зубы, как это делали многие местные жители. После смеха наставник молодому человеку ничего не ответил. Он только весело ему подмигнул и ударил краешком своей рюмки по его рюмке. Мужчины почти одновременно опрокинули содержимое хрустальных стаканчиков в рот. Спиртное придало Шмидту новый импульс размышлений. Он, словно старый лис, лукаво посмотрел на Александра и с улыбкой произнес:

- Ну, дружище, ты и даешь... Сразу видно, что ты практичный человек, точнее, материальный... Я, несмотря на свой возраст, как-то мало об этом задумывался... Мне такие люди, как ты, иногда даже нравятся...

Дальше он ничего не стал разъяснять. Он опять лукаво улыбнулся, и желая основательно подискутировать с молодым человеком, поставил вопрос на вопрос:

- Сашенька! Ты, наверное, думаешь, что сытость человека, который пусть даже живет в золотой клетке, самое главное?... Величайшая ошибка и величайшее заблуждение, молодой человек! Это еще далеко не все, на все сто процентов еще не все... Я не отрицаю, что остаюсь старым мешком и старой головой, из которых выпадают социалистические мысли...

После своих умозаключений ученый рассмеялся. Его смех в какой-то мере раззадорил молодого собеседника, который никогда философию не изучал. Сейчас у него сомнений не было, последователь Лобачевского ошибался. Он привстал с чурбана и вскинул руку вверх, словно Ленин на броневике. Его поза и выражение его лица очень понравились старому математику. Он заразительно засмеялся, вспомнив эпизод из очень когда-то популярного фильма о революции. Господин Шмидт, одновременно видя торжествующий взгляд молодого человека, на некоторое время опешил и тихо произнес:

- Ну, Сашенька! Ты опять меня втягиваешь в сферу политиканства. Честно говоря, мне политграмота не вседа нравилась, особенно в конце этого столетия... Хотя и сейчас я вспоминаю кое-какие мысли из коммунистических классиков... Многое отпало, многое и по сей день за душу берет... Жалко то, что те, кто их так усердно трактовали, сегодня эти идеи предали и великую страну разрезали по-живому...

На какое-то время «теоретики» взяли тайм-аут и замолчали. Передышку решил в полной мере использовать беглый солдат, его голова на какой-то миг «застыла». На рассуждения старого человека он ничего не мог ответить. Его мозг, как ему казалось, давал сбои. Он не мог понять, когда это серое вещество его обманывало. Сейчас или тогда, когда он бежал из части и бродил по лесам. Страх за содеянное и одновременно, появившаяся безысходность за свое будущее, передались его душе и телу. Александр мгновенно вспотел, появилась дрожь в коленях, он на какое-то время закрыл глаза. Неожиданно раздался голос его собеседника:

- Для меня, мой Сашенька, пылинка с могилы родителей намного дороже любого «Мерседеса»... Родимая земля была и остается воздухом для моей души. Человек без души - птица без крыльев. Именно душой мы отличаемся от всех животных. Иногда наша душа фальшивит, особенно, если сытости через край. Из-за этого ведутся войны, делаются разные пакости...

К столику подошла официантка. Симпатичная блондинка наклонилась к старику и с улыбкой его спросила:

- Фридрих Иванович, Вас все у нас устраивает?

Затем, повернувшись в сторону Александра, с такой же обворожительной улыбкой повторила вопрос:

- Молодой человек, Вас также, как и Вашего дедушку, все устраивает ? Или может Вам музыку включить?

Кузнецов от неожиданного появления молодой девушки и от ее неожиданного вопроса несколько смутился, лицо его стало красным. Он, стараясь не показывать своего стеснения, привстал и нараспев молодой особе прогнусавил:

- Да, будьте добры, нам только хо-ро-шую му-зы...

Дальше он осекся и виновато стал смотреть то на своего собеседника, то на молодую женщину. Вывела его из нервного оцепенения та же официантка. Она, словно ничего не произошло, с улыбкой по-немецки произнесла:

- Господин Шмидт, эти русские песни только для Вас...

После этого она горделиво приподняла голову и удалилась. Через несколько минут по небольшому залу полилась песня об оренбургском пуховом платке. Песня сразу же взяла старика за душу, он сильно сгорбился, глаза его повлажнели. Музыка и слова песни «задели» за живое и Александра. Перед его глазами возникли образы родителей, его мать была без ума от этой мелодии. Саньку в те еще не столь далекие времена ее причуды не «колыхали». Здесь же, в нескольких тысячах километров от Найденовки, слова и музыка песни доставали его до самого сердца. Его глаза повлажнели, когда он вновь вспоминал заказ матери. Она часто просила свою кровинушку, чтобы та купила пластинку с ее любимой песней в районном центре. Непутевый Санечка этого не сделал... Сейчас же он, словно заколдованный, с большим вниманием слушал любимую песню умерших родителей. Мать и отец, ушедшие в мир иной, покоились на одном кладбище, покоились на родной земле. Непутевый их сын сидел в чужом ресторане с русским названием и плакал, плакал по этой же земле...

Дабы вообще не разрыдаться от нахлынувших воспоминаний, беглый быстро выскочил на веранду. Затем он подошел к зеленому полю, на котором мальчишки лениво гоняли футбольный мяч. Он вернулся за столик минут через пятнадцать, в зале в это время выполняли его заказ. Звучала песня о любви парня к молодой блондинке, Александру сейчас было не до женщин. Мысль о том, что у него на этой земле нет ни родителей, ни близких ему людей, со страшной силой дерзала его душу. Его состояние прекрасно понимал и старый Шмидт. Он терпеливо молчал и ждал момента, когда его Сашенька успокоится. Старик злился и на себя. Его философствование о жизни серьезно травмировало душу круглого сироты, о котором переживал не только он один. Он успел приметить, что симпатичная официантка довольно часто проходила мимо их столика и почему-то с тревогой смотрела на одинокого старика. Она даже успела поинтересоваться у него причиной отсутствия молодого и красивого внука. Дед той ничего не ответил, он только

загадочно улыбался...

Предложение немецкого «дедушки» выпить за здоровье украинского «внучка» Кузнецов принял с улыбкой на устах. После очередной порции водки мужчины разговорились. Решился на этот раз «развязаться» и Александр, опять только до определенного предела. Он рассказал чистую правду о своей жизни в Найденовке, ничего он не утаил и о своих родителях. Фридрих Иванович неожиданный монолог своего внука слушал внимательно и старался его не перебивать. Молодого рассказчика это иногда радовало, иногда и очень пугало. Он почему-то сомневался, что этот мужчина, убеленный сединой, может ему поверить, поверить снова. Тяжелое и одновременно беззаботное детство сибиряка старик воспринял с большим сочувствием. Детство у него самого было далеко не мед, ему куда больше пришлось хлебнуть горя, чем этому безусому юнцу. Наставник был также на стороне Сашеньки, который решил приехать на заработки. Он, хоть и сирота, как и все люди на этой земле, должен кушать и прилично одеваться. Во время его монолога в голову немца неожиданно пришла мысль об усыновлении молодого парня. Господина Шмидта не пугала бумажная волокита в этой сытой стране. У супружеской четы никогда не было своих детей, от этого «недостатка» они очень страдали. Это сострадание усилилось здесь, когда появился определенный достаток и спокойствие. Пожилая пара довольно часто гуляла по парку и видела маленьких детей, которые могли быть ихними внуками и правнуками. Этот же красивый мальчик за очень непродолжительное время для старого мужчины стал родным и близким человеком. Фридриху сейчас хотелось прикоснуться к его руке и сказать ему, как родному сыну, что-то теплое и сокровенное, которое он еще никогда и никому из мужчин за семь десятков лет своей жизни не говорил. Мощная рука Сашеньки была рядом, надо было только чуть-чуть продвинуть свою руку или шевельнуть губами. Душа старого немца полностью была на стороне красивого парня, однако почему-то его разум был против. Чем больше и внимательнее он вглядывался в голубые глаза рассказчика, тем тревожнее билось его сердце. Сомнений у него не было: он что-то не договаривал, где-то лукавил. Желание расставить все по своим местам взяло верх. Фридрих Иванович, как бы невзначай, спокойно промолвил:

- Сашенька! Как идут у тебя дела на материальном поприще? Ищешь иномарку подешевле? С Николаем, наверное, уже давно примерились?... Осталось сесть в машину и промчаться через пару границ...

Вопрос был с подвохом, никто из сидящих в этом не сомневался. Кузнецов от вопроса опешил, несколько мгновений приходил в себя. Он, сжав обеими руками лоб, словно намереваясь освободить свой мозг от алкогольного тумана, резко поднял голову и посмотрел на наставника. Тот, словно сфинкс, замер и внимательно смотрел ему в глаза. Физические и душевные силы вновь на какой-то миг оставили беглого солдата. Он прекрасно знал, что старик ждал от него правды и только правды. Ложь сейчас была

неуместна. Сама жизнь заставляла дезертира держать своеобразный экзамен на человеческую порядочность, ему предстояло сделать это впервые в своей жизни. Его собеседник это делал в своей жизни неоднократно. Последний экзамен он «сдавал» на расширенном заседании ученого совета. Маститого ученого «секли» беспощадно, секли, как провинившегося школьника, только за то, что он решил выехать на историческую родину, тем самым изменив идеалам социализма той страны, которая вложила за его обучение большие деньги... Особенно усердствовал ректор института, известный на всю округу бабник и подлец...

«Схватка» поколений продолжалась недолго. Вгляд далеко немолодого мужчины, словно скала, давил на беглого солдата. Он, пристально вглядываясь в морщинистое лицо сгорбленного существа, которое в своей жизни всегда было человеком с большой буквы, приходил к однозначному выводу. Старик в данный момент не простит ему даже маленькой толики лжи. Он давным-давно его «вычислил», ему осталось только проверить свои результаты и гипотезы. Александр низко опустил голову, и сжав зубы, со вздохом произнес:

- Фридрих Иванович! Вы для меня сегодня своеобразное чистилище перед памятью моих родителей и моего прадеда, который погиб в Германии....

На этот раз настоящая исповедь беглого солдата состоялась. Его очередной монолог получился небольшим, но довольно четким. Он и сам этому радовался, что сбросил с себя тяжелый груз, который он носил все эти годы. Раньше он ни перед кем не исповедовался, скорее всего, не делал по причине отсутствия близких ему людей. Каштанка служила для него лишь отдушиной, которая на страдания человеческой души реагировала не так, как люди. Она лишь смотрела на плачущего хозяина и изредка лаяла. Он через некоторое время опять оставался со своими мыслями и бедами наедине. Не нашел он настоящей поддержки и со стороны Насти...

Господин Шмидт очередной монолог Сашеньки слушал с большим вниманием. Прерывать первую исповедь в жизни молодого человека он считал кощунством. Душа дезертира Советской Армии плакала и самоочищалась. После монолога он поднял голову и посмотрел на старика, который впервые в жизни стал ему самым близким человеком. Покаянный со слезами на глазах ждал от него реакции, любой реакции. Фридрих Иванович почему-то продолжал молчать и очень спокойно чертил вилкой какие-то замысловатые фигуры на дне пустой тарелке из-под пельменей. Разбирать его чертежи грешник не намеревался, ему было не до этого. Молчание пожилого мужчины его страшно угнетало, он уже стал сомневаться в порядочности немца. Ему хотелось сорваться с места и опять убежать в лес или рассеяться в толпе людей. От волнения он вспотел и стал озираться по сторонам. За ним, за дезертиром, как ему казалось, опять следил и гонялся весь мир. К числу «гончих» принадлежал и этот неказистый старичок, который так ловко вывернул его душу, вывернул без остатка....

Господин Шмидт, словно понимая опасения своего собеседника, еще раз внимательно посмотрел ему в глаза. Затем он медленно встал и крепко обнял его за шею. Мужчины от близости расплакались и быстро покинули ресторан. Яркое солнце, выходящее из своего зенита, продолжало еще щедро дарить свои лучи людям, снующим по чистым и ухоженным улочкам старой немецкой деревни. Прохожие, несмотря на всевозможные жизненные проблемы, были вежливы и обходительны друг с другом. Не уступали им в человеческой вежливости и автомобили. Огромного роста парень, держащий под ручку приземистого седого человека, то и дело подставлял свое лицо солнцу. Душа его ликовала, она ликовала не только от порядка и размеренной жизни на этом кусочке земли. Александр только сейчас понимал значение всего того, что он совсем недавно сделал в русском ресторане. Исповедь давала ему основание для реальной оценки происшедшего и происходящего с ним. Этим судьей в самый тяжелый период его жизни стал немец из бывшего Советского Союза. Кузнецов то и дело бросал взгляд на старика, тот все еще продолжал молчать. Прочитать его мысли ему было неподвластно. Наставник не промолвил ни слова до самого парка.

Лишь после того, как он удобно разместился на скамеечке под сосной, он опять по-философски произнес:

- Да, Александр Николаевич... У тебя очень сложное положение. Честно говоря, тебе и не позавидуешь... Хочу сразу сказать однозначно, твою ситуацию никто не может разрешить. Тебе в твоих делах и в грехах не поможет ни Бог, ни правитель, тем более, и ни я... Один только ты, и только ты, можешь найти этот выход... Я тебе уже сегодня говорил, что ежели твоя душа и сердце «тукают» одновременно, тогда ты сделаешь все, что замыслил. Если в этой связке будет сбой, то человек уже никогда не найдет покой на этой земле... Здесь не поможет никакая философия... Это мое твердое убеждение...

Очередные философские рассуждения старика в какой-то мере обескуражили покаянного. Он с удивлением смотрел на своего жизненного наставника. Он ожидал совсем другого ответа, такой разворот событий его явно не устраивал. Семидесятилетний мужчина ничего конкретного не предлагал для реализации задуманного, ради чего он в лесах «прокоптил» ни один день...

Совершенно спокойное поведение немца все больше и больше его раздражало. Дабы не сорваться и не нагрубить ему, он крепко сжал зубы и продолжал смотреть на старца. Тот, немного поразмыслив, опять продолжил:

- Человек, живущий по инструкциям, еще не есть человек. Это робот и не больше. Меня учили по единой программе, да и не только меня... И что получилось?... Вся система рухнула... Я думаю, что каждый должен идти к счастью только по своей тропе. Для некоторых, чем сложнее и извилистее эта тропа, тем они счастливее. Тропу для себя выбирает тот, кто намеревается ее пройти... Я тебе, мой сынок, желаю успеха в достижении личной вершины. Только в этом случае ты будешь счастлив. Даже весь человеческий мир

не даст тебе каких-либо рецептов, оные просто-напросто отсутствуют...

Словесная «вода» в конце концов вывела молчуна из себя, он сквозь зубы прошипел:

- Фридрих Иванович! Я до этого Вас с большим нетерпением слушал. Одно хочу сказать, что Ваши идеи и мысли меня сейчас не греют, также и не кормят. Я здесь беспомощный раб. Поставьте себя на мое место или даже на место своего сына... Неужели Вы не помогли бы своему сыну?..

Нервное возбуждение и вопрос грешника какого-либо озлобления у немца не вызвали. Он только улыбнулся и приложил палец к губам. Этот знак предлагал молодому человеку спокойно посидеть и помолчать. Александр с предложением наставника согласился. Ему также захотелось отдохнуть от мудрых мыслей и он стал без всякого интереса созерцать по сторонам. На этот раз молчанка продолжалась довольно долго, до самого дома. Лишь перед тем, как открыть калитку своей ограды, господин Шмидт протянул ему руку и с улыбкой произнес:

- Сашенька, я сегодня понял то, что ты и в самом деле хочешь взять свою судьбу в свои руки. Ты очень молод и это тебе удастся... Мои советы не забывай... Я пока сидел на солнышке и пришел к мыслям... Они чем-то напоминают математические схемы. Мое твердое убеждение, как математического старика, состоит в том, что для счастья всех и каждого из нас наше общество должно остаться без трех вещей. Первое - без власти; второе - без денег; и третье - без древней профессии...

После прощания со стариком Александр решил вновь побродить, философские размышления старого математика не выходили из его головы. Он раньше никогда в своей жизни в высшие материи не влазил, ему было все до лампочки. К власти он не стремился, да и этим мусором никогда себе голову не забивал. В Найденовке управляющего Ивана Лопушкина, главного начальника в деревне кликали по-разному. Кое-кто называл его Иванушкой дурачком, кое-кто прозывал Лопухом. Для верзилы он был и тем, и другим. В армии власть держалась на кулаке, это узнал и почувствовал он сразу же, как только одел солдатскую робу. Генералов стрелок-зенитчик видел очень редко, да ему они были по одному месту. Для него хватало ротного и стариков... Денег, как таковых, у предков верзилы никогда не было, пустой карман был у него и сейчас. Историю беглый солдат знал очень слабо и поэтому не мог что-либо рассуждать о древней профессии...

Деревня начала погружаться в ночные сумерки, когда Кузнецов вошел в квартиру младшего Геншера. Тот лежал уже в постели и читал книгу. Хозяин, заметив удручающий вид вошедшего, сразу же его спросил:

- Ты, чего сегодня такой смурной, что-то не клеится? Фридрих Иванович пару часов назад звонил и кое-что рассказал о вашем посещении ресторана. Старик вроде ничего похоронного не предсказывал...

Мужчины в эту ночь не спали. Александр на этот «раскрылся» перед своим другом, но не

до конца. Старому Шмидту он больше доверял, чем ему. Реакция аусзидлера на исповедь грешника разительно отличалась от реакции бывшего преподавателя. Она была в значительной степени оптимистической, что придало настроение подавленному верзиле. Николай, который уже успел немного выпить «для сугрева», сразу же отмел в сторону кое-что из доводов старого Шмидта. Он, ловко щелкнув пальцем по носу своего друга, весело произнес:

- Эх, Санек, наши родичи... Они всю жизнь жили по так называемым человеческим принципам... А что у них получилось? Да ничего, одни баранки... Лично я тебя ни в чем не обвиняю, что ты хочешь красивой жизни. Все ее хотят, даже негры... Я вот был в Париже, там в десяти метрах от Эйфелевой башни африканец трахал белую бабу на зеленой травке, трахал на виду у прохожих всего мира... Мы с тобою также люди. Ты же ведь тоже человек, и ничем не отличаешься от тех, кто у нас ворует и нас обманывает, и жрет как свинья....

После этих слов он внимательно посмотрел на беглого солдата, тот почему-то молчал. Молчание его не приостановило, он весело подмигнул верзиле и протяжно пропел:

- А кто не хо-чет хо-ро-ше-е-ей жизни, ска -жи-ка мне, дру-жи-ще, ска -жи же мне, дру-жи-ще...

После этого Николай стремительно рванулся к холодильнику, из которого он вытащил бутылку водки и кастрюлю с русской окрошкой... Друзья заснули поздно утром, проснулись только к обеду. С Александра вчерашний испуг словно рукой сняло. Он, «примерив» философские размышления Фридриха Ивановича и практические советы друга пришел к выводу, что его жизнь может в недалеком будущем и не очень плохо сложиться. Нарастающий оптимизм ему в большей степени придала ночная информация молодого хозяина, который о реальной жизни в деревне и за ее пределами знал куда больше, чем математик с философским уклоном. Александр, как ему казалось, в эту ночь превзошел самого себя. В разгар застолья он, словно гордый воробей, после каждой выпитой рюмки стучал себя в грудь мощным кулаком и при этом повторял один и тот же вопрос:

- Колян, а чем мы хуже других, ну чем же хуже?... Я ведь тоже хочу хорошо жить, иметь бабу, приличную тачку. У меня тоже все будет... Правду я говорю?..

Хозяин на его размышления словесно никак уже не мог реагировать. Вместо этого он ловко запрыгнул на стол и стал танцевать. Он, неуклюже перемещаясь по столу, непонятно почему постукивал себя кулаком по голове и гладил рукой свое интимное место.Такое поведение смешило полупьяного Александра, который, также как и его друг, с удовольствием поглощал рюмку за рюмкой русскую водку и смачно хлебал русскую окрошку.

Спиртное все больше и больше выдавливало информации из «котелка» аусзидлера. Александр даже немного протрезвел, когда узнал о беглых солдатах, которые несколько лет назад дали деру из «распиздяйской армии». «Пьяная» информация друга моментально повысила его жизненный тонус, скосила его страх перед наказанием за содеянное.

Оказалось, что в Германии по сей день бродят сотни беглецов из ЗГВ. О них говорят по телевизору и пишут в газетах. Не упустили возможность посмаковать о бывших соотечественниках и некоторые русскоязычные газеты. В его памяти прочно «закрепился» эпизод, рассказанный Николаем, о таком же собрате, как и он, который вел подобный образ жизни. Дезертир прожил целых пять лет в машине, дабы не попасть в лапы немцев или русских. Не улетучился из его головы и факт о том, как одна молодая девушка, служащая Советской Армии, ради земного счастья решила обручиться с местным немцем, инвалидом. Жизнь без документов для беглянки была настоящим адом, да и калека оказался подлецом и извергом. Он довольно часто специально оправлялся в постель, заставляя красивую брюнетку убирать свое дерьмо. Она все это терпела, молча она переносила и половые прихоти своего вынужденного сожителя. По этим фактам Александр решил кое-что у рассказчика переспросить, однако тот не удосужил себя комментариями. Он только недоуменно посмотрел на своего друга и сказал, что эти и другие сплетни он продает за столько же, за сколько купил их у парней на дискотеке...

Прошла неделя после того, как младший Геншер по пьянке поделился с постояльцем своими откровениями о сотнях беглых солдат бывшей Советской Армии. За это время друзья не только выработали план совместных действий, но и кое-что сделали для внедрения верзилы в реальную жизнь страны. Через своих знакомых Николай узнал о том, что в соседнем городке Либерозе есть постоянная «чернуха». Владелец дискотеки нуждался не только в рабочей силе, но и в мощном парне, который мог бы навести порядок среди молодежи. Название городка Александр запомнил быстро, запоминающим для него был и шеф дискотеки. Первая встреча вышибалы и хозяина состоялась в небольшом дачном прицепе. Многие немцы использовали такие прицепы во время вылазок на природу. Посредником в деловой встрече был Николай, он был и переводчиком. Александр остался довольным исходом встречи. Лично сам шеф у него большого доверия не вызывал, причиной этому служила не только хитрая физиономия пожилого мужчины, но и его собака. Маленькая шавка постоянно чихала и почему-то огрызалась на новенького. Он ее нисколько не боялся. На работу он устроился на законных основаниях и без посредников, которым надо было давать на лапу. Поэтому он с большим вниманием по дороге домой слушал Николая, который рассказывал ему об особенностях рынка рабочей силы на исторической родине своих предков. Александра, все еще несведущего в этом деле, многое удивляло. Он все еще не мог понять того, почему немец не сказал ему об его зарплате. Его опасения водитель воспринял совершенно спокойно. Он по привычке щелкнул языком и по-философски произнес:

- Ты, салага, в этой стране просто-напросто раб, чернорабочий... Официальные власти это называют по-другому... Поэтому спрашивать тебе о том, сколько положит в твой карман этот жирный немец с его дохлой собачкой еще рано, даже очень рано...

Ночь перед выходом на «черную» работу для Кузнецова была самой короткой и не потому, что было лето. Он опять был погружен в серьезные раздумья. Он решил покинуть гостеприимный дом аусзидлеров. У беглого першило в горле, когда он на миг представил то, что больше никогда не увидит семейство Геншеров и Шмидтов. Особенно привязался он к Фридриху Ивановичу, который, как ему казалось, чем-то напоминал его погибшего прадеда. Правнук так и ничего не сделал для поиска могилы своего предка. Николай решение своего друга об уходе признал вполне мудрым и правильным. Он, крепко обняв высокого парня, со слезами на глазах проговорил:

- Ты, земеля, прости меня за все то, что было не так.... Я думаю, тебе надо идти дальше... Иди очень осторожно, власти не любят тех, кто переступает черту закона...

Александр на предупреждения друга не злорадствовал. Он прекрасно понимал, что он своим присутствием каждодневно подвергает опасности людей, которые предоставили ему не только кров, но и больше... Деньги за его проживание младший Геншер не взял. Он с силой оттянул руку верзилы, который пытался засунуть деньги в его карман, и на полном серьезе произнес:

- Санек, береги эти копейки... Они тебе еще очень сильно пригодятся... Германия дорогая страна, здесь без денег ничего не происходит... Запомни это навсегда....

Александр от своего намерения не оступал, и продолжая втискивать руку в карман друга, так же серьезно проговорил:

- Я, хоть и нищий, но не хочу пользоваться твоей добротой... Я скоро заработаю миллионы и тогда мы с тобою гульнем, как богатые....

После этого умозаключения он громко рассмеялся, засмеялся и Геншер. Молодые люди смеялись не от того, что они и вправду могут когда-то заработать миллионы. Они прекрасно знали, что в этой стране они никогда не станут богатыми. Здесь все уже давно схвачено и распределено. Свой жизненный расклад каждый из них знал наперед, знали это и многие другие... Младший Геншер, словно намереваясь подвести итог несбыточных фантазий, с усмешкой сквозь зубы процедил:

- Санек, я, между прочим, к большим богатствам и не рвусь... Я не хотел бы иметь миллионы и не слазить каждый час с унитаза от страха. Меня бы тошнило от запаха дерьма, на котором следы обмана и насилия целых поколений... Я также не сомневаюсь, что сытые когда-то получат свое...

Затем он злорадно засмеялся и провел ладонью по шее своего друга. От неприятного ощущения тот несколько вздрогнул и сделал кислое выражение лица.

Беглый солдат, за плечами которого был объемистый рюкзак, гостеприимный дом аусзидлеров покинул рано утром, хозяева еще спали. В левом кармане его брюк лежало ровно две тысячи марок. Еще двести марок находилось в его правом кармане, деньги за проживание Геншер так и не взял. Весь этот капитал бывший постоялец накопил за все

время, как покинул военный городок в Дахбау...

Глава четвертая. Привкус счастья.

Первый рабочий день у русского вышибалы получился комом. Причиной этому явилось незнание немецкого языка. С самого начала владелец дискотеки господин Фишер совершил «турне» по объектам. Александру, кроме основного предназначения стоять возле входа и бдить порядок, предстояло еще наводить чистоту не только внутри огромного зала, вмещающего около пятисот танцующих, но и далеко за его пределами. Фронт предстоящей работы молодого человека нисколько не обескуражил. При получении ценных указаний он то и дело бросал взгляд на рыжего шефа. Немец в глазах русского парня видел огоньки преданности, и поэтому все больше и больше фантазировал. У него не было сомнений, что этот русский дурак все перевернет ради вонючего пфеннига. Тому и в самом деле очень сильно хотелось работать. Деньги из его кармана исчезали так, как испаряется вода на палящем солнце.

С первого же часа своего пребывания на объектах верзила заметил, что он почему-то не вызывает симпатии у долговязого немца. Старик на своего работника смотрел с явным безразличием, он все метался в поисках шапочки для своей маленькой собачки. Та от стоящей жары нудно скулила. На невнимание к своей персоне новенький решил наплевать, ему были нужны только деньги. Он все время продолжал пристально и преданно смотреть в рот шефу или на его тощие руки, которыми он довольно часто разводил во время ценных указаний. Кузнецов содержание указаний практически не понимал, он только все время раскрывал свой рот до ушей и улыбался. Его ослепительная улыбка иногда импонировала немцу. Господин Фишер с большим удовольствием потирал свои ладони, на его «объекты» приходили только одни иностранцы. Нашелся и этот русский дурак...

Через час работы с нового «раба» пот лился рекою. Внутри палатки и вокруг нее было столько грязи, какой не было за все время его пребывания в клубе родной Найденовки. С началом темноты к дискотеке потянулись стайки молодежи. Блюститель порядка, одетый в черный костюм и в белую рубашку с галстуком в крапинку, ощутимо контрастировал с теми, кто приходил на танцы. Подавляющее большинство пришедших были одеты небрежно. Кое-кто из них напоминал ему бомжа дядю Ваню, который по вечерам шатался по районному центру Изумрудное. Новенький вышибала с самого начала работы дискотеки практически ничего не делал. Он только стоял возле входа и с очень ответственной физиономией бдил, бдил и только. Многие молодые ребята пытались завести разговор с красивым стражем

порядка, все было бесполезно. Он в ответ им ничего не говорил, а просто усердно моргал глазами и с таким же усердием указывал рукой в направлении кассы или зала, откуда раздавалась душераздирающая музыка. Танцульки продолжались до самого раннего утра. За все это время вышибала отлучился от своей рабочей точки пару раз и то по естественным надобностям. Лишь после того, когда в зале осталось около десятка самых заядлых меломанов и танцоров, он решил ослабить бдительность. Он стал неспеша прогуливаться вокруг палатки. Неожиданно издалека раздался оглушительный свист. Кузнецов невольно оглянулся и увидел на парковочной площадке несколько парней. Они стояли возле машины и о чем-то между собою спорили. Он решил на все это не реагировать, через несколько мгновений свист опять повторился. Он вновь повернулся, один из парней отчаянно махал рукой в его сторону. Вышибала нехотя подошел к парням, их было шесть человек. Приметил он и двух девушек, они сидели в новеньком «Опеле». К подошедшему сразу же подскочил парень маленького роста, от которого страшно несло перегаром. Коротышка оживленно жестикулировал руками и что-то громко говорил по-немецки. Кузнецов на призывы или указания запоздалого танцовщика никак не реагировал. Не реагировал он и на ручонки немца, которые, как ему казалось, вот-вот вцепятся в его горло или в физиономию.

Противостояние продолжалось недолго. Молодой немец, скорее всего, «авторитет» небольшой толпы сотоварищей, в конце концов окончательно разгневался. На его отборную брань этот верзила никак не реагировал. Спиртное придало ему силы для дальнейшего диалога с вышибалой, которого он видел с самого начала открытия дискотеки. Даниил еще тогда понял, что ее хозяин нашел на вечер очередную жертву или пешку, коими всегда были иностранцы. Этот же «субъект» разительно отличался от предыдущих белых и черных, молодых и старых. Сегодняшний вышибала был очень высокого роста и прилично одетый, да и неурод. Красота и кротость поведения особенного иностранца очень злили пьяного повесу, он решил окончательно «разрядиться». Он еще ниже опустил свои джинсовые брюки, почти по самые «муди» и решительно продвинулся к молчащему великану. В своем успехе он не сомневался, как и не сомневался в том, что после победы займется сексом со смазливой Ангелой, сидящей в его машине. Он сделал пару шагов вперед, тихоня никак не реагировал. Не реагировал он и после того, как стал пускать в лицо верзилы клубы дыма от сигареты, кидая ее на своих губах в разные стороны...

Александр продолжал стоять и с недоумением смотреть на проделки неказистого двуногого существа, которое явно «переборщало». В родной Найденовке он давно бы ему «вставил» зубы. Сейчас же беглый солдат сдерживался. Он навсегда запомнил высказывание младшего Геншера, что немцы улыбаются во время работы не от ее удовольствия, а от страха ее потерять. Он сейчас это прекрасно понимал и поэтому продолжал терпеть обезьяньи проделки юнца. Он то и дело переводил свой взгляд то на

коротышку, то на его собутыльников, то на девушек, сидящих в «Опеле». Все они «ржали», как сытые лошади. Коротышка и вовсе разошелся. Он начал беспардонно тыкал пальцем в плечо верзилы и перечислять все национальности, которые знал. Высокий парень, как это понял сам немец, не относился ни к туркам, ни югославам... Лишь после того, как повеса произнес слово «руссе, швайне», реакция от вышибалы последовала и притом очень быстро. Через мгновение коротышка в широких штанах оказался в воздухе и в очередное мгновение «приземлился» на капот красного «Опеля». Александр со всей силой «посадил» двуногое существо, посадил так сильно, что раздался оглушительный не то треск, не то скрежет. Молодые немцы от неожиданной развязки, словно по команде, закрыли рот и перестали ржать. Мгновенно прекратился смех и в салоне. «Авторитет», еще не успевший отойти от смешного «оргазма» над русским, понуро сидел на капоте своей автомашины и со страхом смотрел на разъяренное лицо Ивана. В национальности русского медведя он уже нисколько не сомневался. Кузнецов и на самом деле был похож на огромного зверя, которого довольно долго не кормили, а потом вместо жирного куска мяса дали обглоданную кость. Ему теперь даже толпа пьяных молодчиков была не страшна, он был готов удушить любого, кто посмел бы еще раз его оскорбить. Этому уроду он позволял оскорблять себя только из-за боязни потерять свою работу...

Противостояние русского и пьяной толпы закончилось довольно быстро. Александр не решился дальше распускать кулаки, тем более, ребята явно струсили перед его силой. Наступило относительное перемирие. Кузнецов решил этим воспользоваться и направился к небольшому столику, стоящему неподалеку от входа в дискотеку. За столиком он сидел минут пять и все скрежетал зубами. Страха, как такового, у него не было. В случае нападения юнцов он намервался использовать столик, который без всякого сожаления размозжил бы на головах пьяных немцев. К его счастью, этого делать не пришлось. Через некоторое время красный «Опель» на бешеной скорости сорвался с места и исчез в темноте, вскоре за ним последовала еще одна машина...

Этой ночью русский вышибала не спал по причине подавленного настроения. Он нисколько не сомневался, что завтра о происшедшем узнает господин Фишер. Как и не сомневался, что на очередной дискотеке ему не сдобровать от немцев. Закон толпы действовал не только в его родной Найденовке, но и здесь.

Утром новенького разбудили очень рано. Прибежавшая немка, неплохо знающая русский язык, передала ему просьбу хозяина. Ему предстояло посторожить у подъезда дома, в котором проживала мать шефа. К ней должны прийти водопроводчики. Кое-что из указаний Александр понял, кое-что до него не доходило. Он так и не мог понять, почему он должен сторожить подъезд от каких-то фирмачей. Переспрашивать у женщины он побоялся. Его хозяин не любил тех, кто не понимал его указаний с полуслова. Он также не исключал и то, что эта смазливая домработница вполне могла быть любовницей шефа и без проблем ему

«настучать». В конце концов Кузнецов пришел к однозначному выводу. Ему предстояло встретить водопроводчиков и сопроводить их на третий этаж, где жила престарелая бабка, мать господина Фишера. После утвердительного кивка новенького вышибалы озабоченная немка улыбнулась и мигом исчезла. Она была довольна, что русский понял указания фрау Эммы Фишер. Старуха очень переживала за свою собачку Кати, которую могли неожиданно разбудить работники фирмы. Поэтому она решила выставить сторожа, которому предписывалось очень осторожно постучать в дверь. Старуха, как и ее псинка, кроме основного сна имела еще днем два часа «государственного покоя». С часа до трех часов дня по всей стране в жилых домах господствовал покой. В это время все замирало, особенно в тех домах и в подъездах, где жили пенсионеры. Они использовали эту «добавку» на все сто процентов для своего сна. Нарушители покоя для многих соседей становились настоящими врагами. Госпожа Фишер за себя была спокойна, на протяжении девяти десятков лет сон и аппетит у нее был в норме. Она только очень боялась нарушить покой своей четвероногой подружки, которая почему-то с самого утра плохо кушала. У собаки болел живот. Она во время прогулки несколько раз оправилась на зеленой полянке, на которой шалуны-мальчишки гоняли мячик. Детей старуха всю жизнь не очень праздновала. Собачка Кати, которая была очень милой сердцу и душе хозяйки, этих мальчишек также очень боялась...

Александр к дому матери своего шефа подошел за тридцать минут до указанного времени и сразу же начал добросовестно бдить. В ходе курсирования он все еще не переставал размышлять о предстоящих последствиях за вчерашнюю драку. Его почти до обеда шеф к себе не вызывал, это его успокаивало и одновременно настораживало. Он то и дело «стрелял» глазами снующих мимо дома людей, надеясь увидеть своего начальника и попытаться объяснить ему свою невиновность.

Работник фирмы появился ровно в час дня. Александр сразу же среагировал на появление маленького микроавтобуса, по бокам которого были нарисованы всевозможные трубы. Из машины вышел молодой мужчина и увереннным шагом направился к дому, возле которого на жаре «пасся» Кузнецов. Постовой на всех парах двинулся навстречу идущему и очень громко поприветствовал его на немецком языке. Немец, в руках у которого была папочка и небольшой дипломат, что-то буркнул себе под нос и с независимым видом продолжал двигаться в сторону подъезда, где проживала фрау Фишер. Александр, намереваясь исполнить свои обязанности прилежно и добросовестно, стремительно его обошел и с усердием нажал на кнопку звонка напротив фамилии своего шефа. Для убедительности он нажал еще раз, потом еще раз... После того, как дверь в подъезде открылась, он стремительно, словно на крыльях, взметнулся наверх, дабы первым приблизиться к заветной двери...

Визит к матери шефа для Александра Кузнецова был первым и последним в его жизни. Не

успел он еще открыть дверь квартиры, как перед его носом появилась старческая физиономия матери господина Фишера. На вид бабке было лет сто, не меньше. Увидев перед собою высокого человека она мгновенно преобразилась. Челюсти старушонки стали трястись, горящие ненавистью глазки, словно стрелы, намертво впились в физиономию стоящего. В сей миг она больше походила на покойницу. Александр от страха на некоторое время опешил. Он все еще не мог понять причину странного поведения старого существа, которое бережно держало в своих руках небольшую тощую собаку с большими обвисшими ушами. Животное лениво скулило и тыкалось своей маленькой головкой под тощие груди женщины, которая то бросала гневный взгляд на работника своего сына, то опускала свою седую голову вниз и ласково целовала морду псинки. Из глаз старухи текли слезы...

Неизвестно, что произошло бы дальше, если бы из-за спины верзилы не появилась физиономия работника фирмы, который весело улыбнулся и решительно вошел в квартиру. Бабка перед ним мгновенно преобразилась. Она протянула ему руку и расцвела в широкой улыбке. От «изобилия» зубов хозяйки Кузнецов невольно отпрянул. В этот же момент буквально перед его носом закрылась дверь. Фирмач вышел из квартиры минут через пять, верзила все это время усердно бдил возле двери. Он хотел довести свою работу до конца, хотя и все еще не мог понять того, почему старуха была так неравнодушна к нему и так приветлива к фирмачу. Водопроводчик с определенной долей недоверия посмотрел на статного красавца, послушно стоящего на лестничной клетке, и на чистом русском языке произнес:

- Ну, что, руссачок... Я вижу то, что ты еще только первые шаги на этой земле делаешь... Зачем старуху так разгневал? Да и ее псина тобою также недовольна...

Александр начал было оправдываться:

- А причем здесь собака и я?... Я... я... все правильно сделал...

Фирмач стал спускаться вниз по лестнице, Кузнецов последовал за ним. Уже перед тем, как закрыть за собою дверь кабины микроавтобуса, водитель скороговоркой проговорил:

- Ты, красавчик, тебя сразу же по русской роже же можно вычислить... Я, мой земляк, здесь двадцатник разменял. Моя рожа уже заросла, она также заросла и у этой бабки, которая когда-то приехала из Чехословакии...

После этого немец из бывшего Советского Союза завел мотор и стремительно скрылся за домом. Александр еще долго стоял возле парковочной площадки и размышлял над словами своего бывшего соотечественника, которого так любезно встретила престарелая бабка. Уходить, не попрощавшись с матерью своего шефа, он не собирался. Ему хотелось вновь увидеть эту женщину и просто-напросто себя «зафиксировать», дабы при встрече с ее сыном хоть в какой-то мере оправдаться за вчерашний казус. Сегодняшний же для него был вообще непонятен. На этот раз он решил на кнопку звонка в подъезде вообще не давить и воспользовался открытой дверью, через которую прошли две девочки. Через несколько

мгновений он оказался возле двери и очень осторожно в нее постучал. Хозяйка, увидев перед собою непонятливого русского, мгновенно приняла «звериный» облик и со слюной на губах стала истошно кричать:

- Раус, раус, раус....

До самого наступления темноты Александр бродил по городу. Его голова в прямом смысле трещала от нервного перенапряжения, у него все шло насмарку. Он то и дело до мельчайших подробностей воспроизводил все произошедшее вчера вечером и сегодня днем. Вывод был неутешительный. Шеф никогда ему не простит нервного потрясения своей матери. Она боялась, что работник фирмы своим звонком нарушит покой ее любимой собаки Кати и поэтому решила выставить русского возле подъезда своего дома. Благие намерения немки русский «раскусил» только сейчас, но было уже поздно. Стычка с пьяными юнцами по сравнению с этим ЧП отходила на второй план.

Желание покинуть этот «балаган», да и и своего шефа, все больше и больше преследовало Александра. Он решительно направился в сторону своего жилья. Включать свет в вагончике, стоящем неподалеку от палатки, он не решился. Он боялся не только засветиться перед кем-либо, но и экономил деньги на электроэнергии. Он наощупь открыл дверь шкафа, затем достал из него три сосиски и три булочки. Такой провиант ему определил сам хозяин за день его работы. Питание для новенького было очень скудное, экономить на собственном желудке его заставляла сама жизнь. Он сейчас проходил у немца «пробецайт». Продолжительность испытательного срока, как и зарплата, для вышибалы оставалась тайной за семью печатями. За своими размышлениями он не заметил того, как в один присест проглотил всухомятку свои съестные припасы. Решение уйти от хозяина дискотеки у полуголодного русского было однозначным. К богатому немцу у него уже вопросов не имелось...

На перроне небольшого вокзальчика царило безлюдье и безмолвие, что сильно удивило беглого. На перроне и в самом вокзале железнодорожной станции Изумрудное днем и ночью всегда были люди. Здесь же он был абсолютно один. С рюкзаком за спиной он почти два часа бесцельно прогуливался вокруг вокзала и по прилегающим улицам, так и никого не встретив. От безделья и от безысходности ему становилось иногда дурно, каких-либо решений и новых мыслей в его голове также не было. Кузнецов решил удлинить свой прогулочный маршурт. Возле бензозаправки, которая находилась на самом конце городка, его внимание привлекла небольшая карта города и его окрестностей. Восточная часть карты верзиле больше нравилась, там было больше лесов, было и озеро. Недавнее отшельничество его опять стало манить, не только по причине свежего воздуха. Беглый солдат и военный преступник, которыми еще он продолжал себя считать, надеялся найти в лесу пропитание и надежное укрытие...

К лесу, находящемуся неподалеку от озера, где Александр намеревался временно

осесть, добирался он очень долго и очень осторожно. Доехав последней электричкой до небольшого полустанка с комическим названием «Киндерблюмен», что по-русски означало «Детские цветы», дальше он пошел пешком. На пути следования зашел в деревню, ночевать в ней не решился. Селение было очень небольшое, все дома были видны, словно на ладони. Пугала его и молодежь, горланящая возле культурхауса. Путник решил не искать здесь приключений и решительно направился в сторону озера. Минут через десять он увидел лес, невольно ускорил шаг. Затем он подошел к опушке леса и внезапно остановился. Ночное небо, доселе темное, неожиданно стало розовым от множества молний, раздались оглушительные раскаты грома. Через несколько мгновений на землю обрушились мощные потоки воды, лес от сильного ветра зашумел и даже застонал. От натиска сил природы Александр мгновенно опустился на землю и горько заплакал, заходить в лесную махиню сейчас он боялся. Такого страха у него уже давненько не было, лес всегда был его другом и безопасным пристанищем.

Мощный шквал воды, обрушившийся на человека и лес, закончился очень быстро. Вместо некогда розового неба появилось огромное одеяло темно-синих облаков. Вокруг установилась тишина. Отшельник, весь мокрый и усталый, лежал в траве и боялся шелохнуться, сейчас он боялся всего и вся. Через некоторое время он заснул, заснул мертвецким сном, будто эта ночь была для него последней на этой земле...

Проснулся он рано утром. На земле все еще продолжала господствовать темнота. На какое-то время страх у проснувшегося человека отступил и он стремительно ринулся в постепенно расступающуюся перед ним темноту. Чем глубже входил он в глубину леса, тем боязнее ему становилось. От страха он довольно часто озирался по сторонам. Ему казалось, что кто-то прячется в траве или в кустах. Нагоняли страх еще и очень высокие сосны, которые хотели на него упасть и его придавить. Он все быстрее и быстрее двигал ногами и руками, надеясь погасить этим свой страх. Через некоторое время он замедлял бег и останавливался. После очень короткой передышки он вновь бежал. Однако силы все больше и больше его покидали. Возле огромной сосны от усталости он присел на корточки и на ощупь стал рвать валежник для постели. Через несколько мгновений он заснул...

Яркое утреннее солнце вновь вернуло беглого солдата к жизни. Природное светило его не только разбудило, но и очень сильно напугало. Он, открыв глаза, несколько мгновений не мог прийти в себя. Ему казалось, что в его глаза кто-то светит электрическим фонариком. Кузнецов стремительно привстал и так же стремительно взметнул обеи руки за голову, надеясь найти там автомат. Оружия рядом с ним не было, не было рядом с ним и Каштанки. Минут через пять он окончатекльно пришел в себя... Осознание того, что он сегодня, как и вчера, остается преступником повергло его в отчаяние. Он медленно опустился на спину, и сквозь набегающиеся слезы, стал смотреть на солнце. Безысходность и апатия к жизни господствовали в его душе почти до самого обеда. Неизвестно сколько бы такое состояние у

него еще продолжалось, если бы он на своем пути не увидел небольшую хижину, подобие шалаша, который довольно часто сооружают охотники, устраивая засады для уток или зверей. Беглый решил здесь осесть. К обеду у него уже было новое жилище, оно мало чем отличалось от того, что предоставил ему господин Фишер. Александр был без ума и от озера, которое находилось в трехстах метрах от его нового пристанища. Успел он произвести разведку и по окрестностям, оживленных дорог поблизости не было. Определенную опасность сначала для беглеца представляла немецкая деревня, находящаяся в пяти километрах от озера. Это селение с труднопроизносимым и непонятным названием он обошел два раза, стараясь «просечь» какие-либо важные объекты. Полиции и других опасных субъектов он в ней не обнаружил. Искать советские гарнизоны в этой местности он также считал бессмысленно. К вечеру он окончательно успокоился. И не без оснований.

Жилище у него было, полным был и его желудок. Отшельник довольно основательно закупился в магазине непонятной деревни. Деликатесов он не брал, экономил деньги. Ради этого решил больше нажимать на естественный промысел. Озеро было не только очень красивым, но и богатое рыбой. На орудия ловли беглому просто повезло. В очень густом кустарнике, находящемся от десятке метров от воды, он нашел самодельную удочку с двумя крючками. Добыть червей для него большого труда не представляло. Здесь же он нашел и бачок, сильно покрытый черной копотью. В том, что бачок и удочка принадлежали его соотечественникам, бывший солдат нисколько не сомневался. От находки он чуть было не подпрыгнул от радости. После длительной очистки песком и травой ему удалось придать посудине почти первоначальный вид. Во время работы он благодарил в душе советских солдат и офицеров, которые совсем недавно проводили свое свободное время на лоне природы и лакомились свежей рыбой. Не остался без нее и отшельник. Он успел к своей первой ночлежке наловить около десятка небольших рыбешек, название которых он не знал. Мальчишка в Сибири очень редко рыбачил и всю пойманную рыбу относил к карасям. Не полностью он освоил рыболовное ремесло и с прапорщиком Черновым.

Этой ночью беглый спал очень спокойно. Он впервые в своей жизни сегодня перед сном помолился, помолился «по-самодельному». Содержание какой-либо молитвы он не знал, его никто этому никогда не учил. Учителя в школе в один голос заявляли, что Бога нет. Все школьники с этим соглашались, не исключением был и он. Петька Сорокин, сосед по улице, верил в Бога и за это довольно часто расплачивался. Он был на два года старше Саньки и постоянно плакал, когда приходил к юному верзиле играть в городки или в чижик. Не проходило и недели, чтобы родители Петьки не побывали в школе у директора или в конторе. Их везде ругали за то, что они и их сын живет не по советскому образу жизни. Старшие Сорокины самогонку не пили, не имели они и телевизор. Младший Сорокин в октябрятах и в пионерах не состоял, хотя учился очень хорошо. Предки Саньки Кузнецова

никогда не верили в Бога и поэтому с большим подозрением относились к «выкрутасам» верующих односельчан. Санькина мать поверила в Бога лишь после того, как исчез Николай, ее муж. Она сходила к соседям и взяла у них небольшую иконку. Она в тот же вечер поставила ее в переднем углу, затем развернула небольшой листок бумаги и начала читать молитву. Сын случайно наблюдал за этим и видел слезы на лице своей матери. Он в то время не придавал большого значения ее слезам и причитаниям. Он больше надеялся на милиционеров, которые обещали найти его отца. Шло время, отца все не было. Безразличие к молитве у молодого парня все больше и больше улетучивалось...

Желание помолиться перед сном у него во многом было вызвано теплыми воспоминаниями о своем детстве и о своем дне рождения. Мать довольно часто рассказывала о том, как народился на свет ее непутевый Санька. Мальчик родился осенью, в конце сентября, тогда был очень жаркий день. Роды у молодухи принимала мать соседки, Дарьи Сорокиной. Бабка Акулина причитала и просила Бога, чтобы ребеночек у Кузьминых рос красивым, умным и здоровым. Родители довольно часто благодарили знахарку за причитания, сын рос не по дням, а по часам. Санька к пятнадцати годам был самым высоким в Найденовке, не обидел его Бог и красотой. На голову же, он немного «хромал». Это признавали почти все селяне, кое-что не отрицал и сам он. Больше всего от завихрений сына страдали родители, для которых он всегда оставался родным чадом. Они в день рождения любимого непутевого покупали один и тот же подарок - сгущенное молоко. Банки с наклейками синего цвета стояли на прилавках магазина во все времена года и при всех правителях. Санька всегда ждал и радовался своему привычному подарку. Мать в этот день покупала две банки сгущенки. Именинник с улыбкой брал себе сразу обе, затем их руками «взвешивал». «Легкую» брал себе, «тяжелую» отдавал родителям. Содержимое подарка исчезало мгновенно. Мальчишка острым шилом в крышке банки делал несколько дырок и тут же высасывал молоко. Родители держали часть подарка от сына до ужина, который и вечером успевал полакомиться своим любимым блюдом. Воспоминания о родителях вызвали в эту ночь у беглого добрый жест и к Богу. С его помощью у него опять зажегся огонек надежды на лучшее будущее...

Из своей «квартиры» Кузнецов вышел только к обеду, вышел он в одних плавках и осторожно направился к озеру. К его берегу с противоположных сторон были пристроены два небольших мостика, с них можно было не только прыгать в воду, но и позагорать. Перед тем, как начать купаться, беглый еще раз основательно «прошарил» окрестности. Страх перед немецкой полицией и военными патрулями заставлял его это делать всегда и везде. По периметру озера каких-либо источников опасности не было. Только в самом его центре он заметил человека, который спокойно лежал на надувном матраце и также спокойно шлепал руками по воде. Александр на всякий случай решил выждать, не рисковать. Он присел и спрятался в густой траве, которая окаймляла озеро. Лишь возле мостиков трава

была очень аккуратно скошена. Сидящий в засаде, и сам не зная почему, решил все-таки разглядеть того, кто загорал на плавсредстве. Дабы удовлетворить свой интерес, он опустился на колени и очень осторожно по-пластунски пополз в сторону, близ стоящего мостика. Он не сомневался, что пловец или пловчиха в любом случае приплывут сюда. Другой мостик, стоящий на противоположной стороне озера, беглый почему-то исключал. В своих предположениях он не ошибся. Минут через двадцать плавсредство, на котором лежал человек, стало приближаться к берегу. Кузнецов, спрятавшись за небольшим кустарником, все пристальнее вглядывался в того, кто спокойно, как и раньше, лежал на животе и неспеша болтал руками. Лишь после того, как средство причалило к мостику, верзила отбросил все сомнения. На надувном матраце была девушка. Еще метров за пятьдесят от берега он начал различать ее длинные черные волосы, которые ниспадали с ее головы и иногда концы ее локонов бороздили воду. Девушка быстро приподнялась с матраца и легко вступила на мостик. От увиденного беглый чуть было не вскрикнул. Она была голой. Лучи яркого солнца, словно клинки, играли на ее загорелом и очень стройном теле. Незнакомка уверенно ступала стройными ногами по деревянному настилу, при ходьбе ее тугие груди слегка покачивались...

От неожиданного появления красивой особы Кузнецов решил перевести дух и слегка шевельнул ногой. Сейчас же раздался хруст, под его ногой треснул сухой сучок или небольшая палка. В этот же миг нагая остановилась и оторопела.... В десяти метрах от нее за кустом сидел незнакомый мужчина, от страха она громко вскрикнула и стремительно бросилась в воду. Александр привстал и на какое-то мгновение замер. Он все еще не мог понять, почему голая пловчиха опять рванулась в озеро. Через некоторое время раздался пронзительный крик, это был зов о помощи. Кузнецов в этом нисколько не сомневался, он быстро выбежал из-за укрытия и подбежал к мостику. В метрах двадцати от берега он увидел девушку, которая и на самом деле тонула. Несчастная сильно била руками по воде, создавая вокруг себя большие фонтаны брызг. Она то и дело издавала отчаянный крик о помощи. Верзила, долго не раздумывая, разбежался и с силой оттолкнулся от края мостика. Метров десять он бежал по воде, бежал до тех пор, пока вода не стала подступать ему под горло. На какие-то доли мгновения он остановился, остановился от осознания того, что он сам по-настоящему не умеет плавать. В Найденовке реки не было, в мотострелковой роте проводилось всего два занятия по плаванию. Стрелок-зенитчик получил два неуда, несмотря на то, что командир взвода погонял его толстой палкой по заднице. Плавание мощного сибиряка кроме смеха у зевак в военной форме ничего не вызывало. Подчиненный капитана Макарова мог без проблем захлебнуться, ежели бы не его рост...

Сейчас думать ему об этом было некогда. Ему и самому угрожала смерть. Он, словно ее предчувствуя, решил действовать, действовать ради спасения своей жизни и спасения жизни той, которая по причине страха перед незнакомцем почему-то бросилась в воду.

Александр с неимоверными усилиями стал вокруг себя разгребать руками воду и одновременно неестественно дергать ногами. Через несколько мгновений он понял, что его мощное тело продвинулось несколько вперед. Это придало ему уверенность в своей силе и в возможность спасти девушку, которая продолжала неистово кричать. Ее голова то появлялась, то исчезала. Через несколько мгновений он подплыл к утопающей и громко закричал по-русски:

- Бери меня руками за шею, только быстрей... Быстрее...

Кузнецов ничего не мог больше говорить, его самого затягивало в воду. От страха быть погребенным под водой, он отчаянно хлестал руками. Это ему почему-то не помогало, его голова то и дело скрывалась под водой. Страх перед надвигающейся смертью вновь призвал молодого человека действовать спокойно и рассудительно. К этому его призывал еще в детстве Юрка Басаргин, одноклассник, который был настоящим королем небольшого котлована. Он везде и всегда искал приключений на воде. «Кучерявый», одетый в «семейные» трусы, так дразнили его по деревне за маленькую плешинку на затылке, первым в истории Найденовки «освоил» заброшенный колодец из-под водонапорной башни, находящийся в соседней деревне. Мальчишка прыгал в глубокую яму без всякой страховки. Санька Кузнецов, самый рослый из ребят своего класса, как всегда, перед водой трусил...

Утопающая быстро схватилась одной рукой за шею мужчины, другой стала медленно грести. Александр, как будто ему по воле Божьей вернулась сила и спокойствие, последовал примеру девушки. Молодые люди пришли в себя лишь после того, как вступили на берег. Вступили и сразу же повалились на землю. Они лежали друг возле друга на расстоянии вытянутой руки и тяжело дышали. Никто из них не хотел открывать глаза и не только потому, что светило яркое солнце. Юноша и девушка сейчас воспроизводили в своих головах все то страшное, которое могло случиться с каждым из них буквально несколько минут назад. И это самое страшное для людей называлось человеческой смертью. Кузнецов, лежащий на берегу в двух метрах от воды, еще не до конца осознавал важность своего благородного поступка. Ему все еще не верилось, что он сам живой и может, как и раньше, дышать и думать. Мысль о том, что он, и никто другой, по сути дела явился причиной неординарных действий незнакомки, чуть было не приведших ее к бессмысленной смерти, заставила его открыть глаза и посмотреть на девушку. Он полуоткрыл глаза и осторожно приподнял голову, и тут же ее опустил. Незнакомка лежала рядом с ним с закрытыми глазами и тихо всхлипывала. Из ее глаз текли слезы...

Лучи яркого солнца все больше и больше заявляли о своем присутствии. Кузнецов уже ни о чем и ни о ком не думал. Его здоровое и сильное тело отдыхало, отдыхала и его душа. Он нехотя приподнял голову и обомлел. Молодая девушка с длинными черными волосами продолжала спокойно лежать, словно вокруг нее никого и не было. Она только немного поджала под себя свои стройные ноги, словно стараясь скрыть свою наготу. Кузнецов

несколько осмелел и вновь осторожно привстал. На таком близком расстоянии он впервые в своей жизни видел голое тело женщины. Спокойное поведение молодой особы все больше и больше разжигало его половые инстинкты. Он все больше и больше задерживал пристальный взгляд на ее лице. Оно было с правильными чертами, худое и продолговатое. Он не мог только видеть ее глаза, они были плотно закрытыми. Дабы немного приостыть и показать свою порядочность, он опустился на спину. Минут через пять он опять приподнялся. Сомнений у него не было, красивая соседка спала. Во время сна она почему-то тихо всхлипывала и изредка тяжело вздыхала. Александру показалось, что ей стало плохо, и он быстро вскочил на ноги. Он встал так быстро, что у него что-то хрустнуло или щелкнуло в левой ноге. Он только сейчас понял, что его организм, как начинающего пловца, в недавних экстремальных условиях перенес очень тяжелую нагрузку. Однако ему сейчас было не до болячек. Мужчина с мощной фигурой и исполинской силы пристально рассматривал абсолютно голое тело спящей девушки. Рассматривал он его очень спокойно и им восхищался. Тело поистине было очень молодым и очень нежным. Он даже успел отметить, что та, которую он только что спас, рискую своей жизнью, очень аккуратно следила за собою. Ногти на ее красивых пальцах рук были аккуратно подстрижены и покрашены красным лаком с серебринками. Он перевел свой взгляд на ее лицо, затем вниз, еще вниз... Его взгляд остановился и замер на влагалище, которое было обрамлено вьющимися черными волосами. Дальше созерцать все это он был уже не в силах. Он мгновенно опустился на песок и с львиной силой раздвинул стройные ноги девушки. Почти одновременно он вставил свой член в ее влагалище и страстно прижался своими губами к губам красивой незнакомки....

Лишь после того, как на небе появились редкие тучки, благодаря которым стали падать мелкие капельки дождя, нагие молодые люди забежали в пристанище дезертира. За все время, когда они занимались любовью и лежали на солнцепеке, никто из них не проронил ни слова. Сейчас они почему-то без всякого стеснения разглядывали друг друга и почему-то очень весело смеялись. Кузнецов не мог понять, почему смеется эта нагая красавица. Его лицо становилось розовым, когда он ловил на себе пристальный и страстный взгляд девушки, которая совсем недавно стало первой любовью в его жизни.

К вечеру сильный ветер прогнал темные тучи и погода разъяснелась. Незнакомка вышла из шалаша и направилась к одиночной сосне возле озера, где в большой сумке была ее одежда. Александр немку не провожал, он только с тоской смотрел вслед своей первой любви. От этого понимания ему на душе становилось легко. За свои четверть века, прожитые на земле, он никогда не был так счастлив, как сегодня. Нахлынувшие чувства радости, словно мощный вихрь или ураган, в один миг смели всего его проблемы и заботы. Он быстро плюхнулся на самодельную кровать и мгновенно заснул. В этот вечер он забыл помолиться...

Эрика Крюгер в шалаш к своему спасителю пришла только через три дня, хотя хотела сделать это куда раньше. Желание вновь оказаться в объятиях молодого и красивого русского возникло у нее буквально в тот же вечер, когда она приняла душ и одела халат. Она довольно часто подходила к платяному шкафу, намереваясь выбрать себе самую лучшую одежду. Подходила, открывала шкаф и опять его закрывала. Колебалась она допоздна, пока темное одеяло летней ночи плотно не опустилось на маленькую деревню. Ей также ничего не стоило нанести визит русскому и ночью, ежели бы не черные тучи и мелкий дождь. Затяжные дожди Эрика никогда не любила. Она в эти дни, как правило, филонила как в школе, так и на заводе, где глазуровала кухонную посуду. Больших денег у нее никогда не было, не могли материально ей помочь и ее родители. Свою мать Эрика не помнила, она умерла через год после ее рождения. Вскоре отец привел в дом другую женщину, однако с ней не ужился. Взрослеющая дочь никогда его не спрашивала, почему он все время живет бобылем. Он умер буквально за месяц до падения Берлинской стены. Инженер с большой энергией строил социализм на немецкой земле, с такой же энергией его в 1989 году и разрушал. Относительно молодой мужчина скончался после третьего инсульта. Умер в тот день, когда Эрике исполнилось ровно восемнадцать. Вместо умершего отца на многолюдные улицы вышла его дочь. Она со слезами на глазах до боли колотила своими маленькими кулачками по злосчастной стене и в эту незабываемую ночь пила пиво той страны, которую совсем недавно ее учили не любить, а может, даже и бояться... От эйфории по сытому капитализму молодая рабочая отошла очень быстро. Через полгода небольшой завод закрыли, она осталась без работы.

Однако в этот вечер в голове красивой брюнетки радостных мыслей было куда больше, чем грустных. Источником ее радости был молодой парень, которого она совершенно случайно встретила на озере. Он ее очень сильно напугал и одновременно спас от неминуемой смерти, и не только это. Эрика, находясь в мягкой постели, на какой-то миг отключалась от сего мира и ей казалось, что она вновь окунулась в море страстных поцелуев и нечеловеческой страсти, которое дал ей этот незнакомый человек. Она, лежа сегодня днем на берегу под палящим солнцем, не заметила того, как ее глаза закрылись. Они закрылись от страха и страшной усталости, когда она неистово звала кого-нибудь на помощь и хлестала руками по воде, дабы оказаться на желанном берегу. Ее спасителем оказался именно тот, кто непонятно почему сидел за кустом. Чем больше она рассуждала о нем, тем меньше сомневалась в своем выводе. Тот, кто протянул ей руку помощи первым, был русским парнем. В этом она убедилась сразу, когда он что-то ей очень громко кричал на озере. О чем просил и что говорил этот сильный мужчина, Эрика тогда ничего не могла понять. Страх господствовал в ее душе и в ее сердце. Сейчас она также довольно спокойно размышляла о том, почему оказался русский на этом озере. Из районного центра Цунден советские войска ушли почти два года назад. За годы их пребывания она кое-что изучила из

повадок и привычек русских. Они в совсем недалекие времена, как правило, на озеро приходили большими компаниями или парами. Они очень редко отдыхали или пили в одиночку. Многое из жизни Советской Армии она узнала и от отца. Ганс Крюгер работал на железной дороге и занимался отправкой эшелонов русских с боевой техникой и личным составом на учения. Он несколько раз брал свою дочь в русский магазин. Эрика любила русские вафли, отцу нравилась русская водка...

Александр с нетерпением ждал прихода Эрики, ради этого он довольно часто прохаживался вокруг озера. За время ее отсутствия, он успел сделать две вылазки в Шпрингер, близлежащую деревню. Ему почему-то казалось, что она может проживать именно здесь. Красивой девушки с длинными вьющимися волосами на улицах он не встретил. Не было ее и в небольшом магазинчике, где одновременно продавались продукты питания и промышленные товары. Первая ночь после совершения благородного поступка и его первой любви с красивой особой была для него очень спокойной и даже несколько божественной. Последующие ночи для беглого солдата были настоящим кошмаром. Он постоянно ворочался и все не мог заснуть, кровать для него стала неимоверно жесткой. По этой причине он довольно часто выходил из шалаша, рвал целые охапки травы и папоротника. Затем все это он равномерно раскладывал по деревянному настилу. Не проходило и часа, как он опять начинал ворочаться. Неизвестно откуда появились какие-то букашки, которые ползали по его телу. Исполин из-за этого часто чесался, чесался так сильно, что под его ногтями оставались капельки крови или остатки кожи. Дабы хоть как-то снять с себя зуд, он выбегал к озеру и плюхался в воду. Вода была очень теплой и одновременно освежающей.

Немка, которая, как показалось Александру, отсутствовала целую вечность, пришла к озеру через три дня. Пришла в пять часов вечера. В это время он рыбачил, рыбачил с большим удовольствием. Чем больше он брался за самодельную удочку, тем больше его мозг «кумекал». К вечеру рыба всегда клевала больше и этого его радовало. На берегу уже лежало четыре «карася», притом довольно крупных.

Эрика Крюгер с замиранием сердца подходила к знакомому лесу и к знакомому озеру. Она нисколько не исключала, что след ее спасителя уже давно простыл. И все эти три бессонные ночи были для нее всего-навсего пустыми страданиями. Она осторожно вышла на опушку леса и стала внимательно осматривать озеро по всему периметру. Ее сердце радостно забилось, когда она заметила знакомую фигуру высокого парня. Он, спрятавшись в густых зарослях травы, внимательно наблюдал за поплавком. Посторонний человек вряд ли бы заметил рыболова, на голове которого «сидел» большой венок из веток березы и папоротника. «Робинзон» очень рассмешил Эрику, и она, сдерживая смех, решила незаметно подойти к месту рыбалки парня, который подарил ей настоящую любовь. При этой мысли, она, как бы невзначай, вспомнила Петера, которому решила впервые в своей

жизни отдаться. Разочарование у нее наступило в первую же ночь. Напарник по работе сразу выдохся, как заяц. Она на следующий же вечер неудачника отшила, который сам, скорее всего, понял свой грех и уже никогда больше ее не тревожил.

Тактический трюк разыграть и напугать русского немке не удался. Александр место рыбалки выбирал в этот день особенно тщательно, причиной этому была жаркая погода. Он не сомневался, что в такую жару на озеро приедут многие любители покупаться и позагорать. Он не ошибся. С самого раннего утра в лесу и вокруг озера раздавался рокот автомобилей и мотоциклов. Посетителями прекрасного и тихого озера были в основном молодые ребята. Многие из них громко орали, кое-кто устраивал смешные концерты на воде. Присутствие людей Кузнецова очень злило, он с самого утра находился в страхе и в бегах. Он даже покинул свой шалаш и спрятал рюкзак в глубине леса. Он не был уверен, что какая-нибудь парочка не решится уединиться в его шалаше. Страх то и дело его преследовал, вынуждал его действовать очень осторожно. Он опять, как и прежде, делал все возможное и невозможное, чтобы замести свои следы или приготовить запасной вариант для успешного бегства. За час до рыбалки во время вынужденной прогулки по лесу он нашел два круглых белых щита с красной окантовкой, на которых было изображен солдат и написано по-русски «Стой! Здесь стреляют!». Кузнецов находке очень обрадовался. Через несколько минут на обочине тропинки, неподалеку от которой находился его шалаш, он с радостью поставил эти предупредительные знаки. Он был уверен, что местные немцы побоятся сунуться в его шалаш, когда увидят почти всем знакомые слова на русском языке. Лишь после такой защиты беглый решил идти заниматься рыбной ловлей. В безопасности своего жилища он почти не сомневался.

Эрика, конечно, ничего не знала о странностях и проблемах своего парня, и тихо хихикая, словно кошка, осторожно подходила к месту его рыбалки. В метрах двух она остановилась и оторопела. В зарослях не было ни ее спасителя, ни его удочки. На какой-то миг она погрузилась в разочарование, даже в тоску по тому, кто ее три дня назад вытащил из воды. Она медленно повернула голову в сторону и в этот же миг оказалась в сильных объятиях русского, который совсем недавно впал в ее сердце и душу. Он взял ее на руки и страстно поцеловал ее в губы. И все остальное для нее было, словно в божественном тумане. Куда ее нес этот русский исполин она не знала. Она только сильнее и ближе прижималась к его могучей груди. Ее даже не смущал запах мужского тела, который был вперемежку с запахом рыбы и травы. Через некоторое время они оказалась в глубине леса. Она не могла не заметить и не почувствовать то, с какой осторожностью этот могучий и очень красивый великан положил ее на землю, и затем раздвинул ее ноги. Красивая немка с длинными черными волосами звериной силе и мужской нежности русского нисколько не сопротивлялась...

Этот вечер и эту ночь Эрика Крюгер провела в шалаше русского солдата. Для нее

прекрасным был не только этот вечер, но и эта ночь. Прекрасными были и те, кто находился в шалаше. Александр сидел на стуле, который то и дело скрипел, и на своих коленях держал голую девушку. Нагим был он и сам. Молодая парочка красивых природных созданий и сама не могла понять, почему они выбрали такую форму одежды. «Модельером», скорее всего, была Эрика, которая любила плавать на матраце нагишом, хотя всегда ложила под живот свои плавки. В тот же день ей было не до плавок. Незнакомец вытащил ее из воды абсолютно голой и в таком же виде положил ее на берег. Как тогда, так и сейчас, высокий парень и стройная девушка наготы своей не боялись. Наоборот, они ее страстно хотели, даже жаждали, словно путники, которые были изнеможенные не только от многодневного перехода, но и умирали от жажды, которая была намного страшнее самой смерти. Нагота красивых людей, влюбленным друг в друга с первого взгляда, служила для них нечеловеческим эликсиром страсти, который их затягивал, затягивал, словно непроходимая трясина. На какое-то время они освобождались от этой трясины и предавались ласкам, затем вновь погружались в мир доселе неведомых для них чувств и неземного блаженства. Молодые люди прекрасно осознавали, что в этом мире они делают только первые шаги. Чем больше они это делали, тем меньше верили разным учебникам и суждениям, которыми кое-кто старался заткнуть бреши так называемой сексуальной тупости. Для немки и русского не существовала азбука секса. Мерилом всех и всего была их любовь, любовь с первого взгляда.

За стол молодые люди сели только глубокой ночью, свет луны уже давно господствовал над тихим озером. Александр был очень рад тому, что Эрика принесла бутылку коньяка и около десятка жареных сосисок. Она, поцеловав его в щеку, на ломаном русском языке поблагодарила своего спасителя:

- Спасибо тебе, мой русский парень, за то, что я вылезла на берег... Из-за тебя я осталась живой... Еще раз спасибо...

Необычное содержание тоста и сильный акцент в произношении русских слов очень рассмешил верзилу. Он громко засмеялся, и прижав к себе нагую красавицу, также по-русски произнес:

- Я очень счастлив, что спас такую красивую рыбку, какой ты являешься...

Затем он крепко поцеловал девушку в губы. После выпитого коньяка Кузнецов внимательно посмотрел на немку и тяжело вздохнул. Он сейчас сомневался, что та поняла содержание его тоста, его намек. Она, скорее всего, еще не могла осознать того, кем она сейчас является для беглого солдата, который остался без родины и несколько лет скитается по чужой стране...

Рассказать правду о себе Александр Кузнецов не решился ни в этот вечер, ни через неделю. Его же очередной версии немка сразу поверила, поверила без всякого подвоха. Лживую заготовку он выдал ей на-гора во время ее очередного визита. Эрика с огромным

интересом слушала аусзидлера, у которого жена и дочь уехали в Россию, а он отдыхает по собственному усмотрению. Информация парня очень сильно опечалила брюнетку, ее словно подменили. На следующий вечер она не пришла к озеру, она целую ночь проплакала в своей постели. Весь мир ей был немил. Визиты ее к спасителю становились все реже и реже. По времени они были также все короче и короче. Любовь молодой девушки к русскому немцу с каждым днем иссякала. В шалаше и во время прогулок по лесу Эрика не плакала. Она, дабы не разрыдаться, довольно часто смотрела по сторонам или меняла тему разговора. Она не могла также не заметить и странного поведения русского, который довольно часто молчал или говорил иногда что-то невпопад. Однако все его странности она ставила только себе в вину. С русским языком у нее в школе всегда были проблемы.

Нервная разгрузка для красивой немки наступала дома. Она, словно испуганная кем-то или чем-то, запирала квартиру на ключ и опускала шторы на окнах. Не прикасалась она и к телевизору, который раньше смотрела день и ночь напролет. Ей казалось, что именно темнота поможет навсегда забыть русского парня, который подарил ей первую любовь и ласку. Самоотречение от внешнего мира не спасало ее от главного. Эрика всей своей душой и сердцем поняла, что без красивого великана она не может жить на этом свете. Этой страшной мысли она очень боялась и поэтому делала все возможное, чтобы ее выбросить из своей головы. Сделать это удавалось только на несколько мгновений. После очередного визита к озеру несчастная зарекалась в том, что завтра она никогда не переступит порог шалаша. Да и сама жизнь вносила коррективы в отношения между немкой и русским. Местные чиновники обещали девушке дать через неделю курсы секретарши для работы в бюро. Эрика решила не противиться, ее могли лишить пособия...

Александр после своей байки о том, что он аусзидлер и приехал из России, не мог не заметить разительных перемен в поведении немки. Его первая любовь с каждым визитом к нему угасала, что его очень страшило. Он видел и чувствовал, что только из-за него эта красивая девушка переживает и страдает. В том, что она в своих чувствах к нему была искренней, он уже нисколько не сомневался. Это его очень радовало, он и сам был по уши влюблен в стройную девушку. Отшельник не находил себе места, когда Эрика под любым предлогом стремилась, как можно быстрее, покинуть его шалаш или прервать прогулку вокруг озера. Уходила она, как правило, не удосужив его своим поцелуем. Александр довольно часто ее «недостаток» компенсировал. Эрика его поцелуй воспринимала как дежурное явление, и равнодушно бросив взгляд на своего любимого верзилу, быстро удалялась.

Безразличие любимой девушки к своей персоне очень сильно бесило русского беглого. После ее ухода он еще очень долго не мог успокоиться, все переживал. Он то уходил в глубину леса, то подолгу лежал в своей кровати, тупо уставившись в одну точку. Каких-либо дум ни в лесу, ни в шалаше у него не возникало. Да и было бессмысленно изобретать

велосипед. Ему надо было только честно рассказать свою биографию, особенно после того, как он сбежал из воинской части. Затем надо было также спокойно ждать ответной реакции молодой девушки, которая, как считал он, даже сильно о нем переживает. Его запоздалая информация могла привести к самому худшему. Чувства любимой девушки к нему испарялись с каждым днем, а то и с каждым часом. После очередного ухода немки он давал себе слово, что к следующему ее приходу обязательно «расколется». Она приходила вновь и уходила опять, все оставалось по-старому.

Не раскололся Кузнецов и тогда, когда он на свой страх и риск вместе с Эрикой совершил вылазку в деревню Шпрингер, где она жила. Они неспеша прогулялись по главной улице, утопающей в зелени, затем они зашли в магазин. При выходе из магазина они увидели небольшую группу парней, которые почему-то громко смеялись и почему-то с нескрываемым интересом глазели на высокого парня, который шел рядом с красивой девушкой и молчал. Эрика, видя то, как один из парней направился в ее сторону, быстро взяла Александра за руку и ускоренным шагом засеменила в сторону небольшого парка. При этом она почему-то с волнением тихо прошептала:

- Опять этот шайзе мне дорогу переходит... Он мне сильно надоел...

О ком говорила его спутница, русский не стал спрашивать. Ему неудобно это было делать. Он надеялся, что она сама в состоянии разобраться с местными парнями. Он также не хотел попадать под «горячую» руку Эрики, у которой сегодня что-то совсем не клеилось. В этот день она почти все время молчала и о чем-то думала. Со слезами на глазах она и простилась со своим другом. На какой-то миг душа у Александра раскрылась и он, крепко взяв ее за руку, ласково и загадочно произнес:

- Эрика, приходи завтра вечером... Я тебе хочу что-то важное, очень важное рассказать... Это важное надо и тебе знать, ибо так дальше нам жить нельзя...

Из-за этого очень важного у своего любимого друга Эрика целую ночь не спала. Она искала в своей голове тайны завтрашней встречи, но ничего такого важного для себя не находила. Эта ночь была самая тревожная и сама длинная для нее после того, как она по-настоящему влюбилась в русского немца...

Александр Кузнецов лег спать после двенадцати ночи, которая была сегодня на редкость теплая и какая-то особенная. Он, одетый в спортивный костюм и кеды, еще очень долго сквозь небольшое окно своей «хижины» наблюдал за луной. Верзиле иногда даже чудилось, что она ему немного подмигивает, словно дает добро на завтрашнее душеисповедание. С этими благими чувствами он и заснул. Скорее всего, он продрыхнул до самого обеда, если бы его не разбудил страшный не то скрежет, не то шум. Что это было, спящий сначала не мог понять. Он открыл глаза и опешил. Над ним было одно только небо ... Возникшая мысль ошеломила беглого, на его хижину кто-то напал. И не только напал, но и ее поджег. Небольшие языки пламени лизали шалаш со всех сторон и все настойчивее заявляли о

себе. Кузнецов, словно пружина, на какой-то миг сжался в единый комок и быстро выскочил вон. Через несколько мгновений он оказался вне шалаша и в этот же миг что-то тяжелое опустилось на его голову. Он медленно присел на землю, копна его густых черных волос стала почему-то влажной. Александр, превозмогая боль, приподнялся, затем опять опустился на колени. Страх за свою жизнь вынуждал его мощный организм бороться. Он, несколько пошатываясь, ринулся в глубину леса. Метров через двадцать он оглянулся назад. Сомнений у него не было, за ним кто-то гнался. Из-за темноты он не мог видеть лица тех, кто почему-то решил с ним так жестоко расправиться. Чем быстрее он двигал руками и ногами, тем больше оставляли его силы. Он уже чувствовал прерывистое дыхание живых невидимок, они все ближе и ближе приближались к нему. Внезапно перед ним появились две фигуры. Александр со всей силой одну невидимку «протаранил» своим телом, другую сшиб кулаком и опять продолжил бежать. Позади раздались не то крики, не то стоны. На какое-то время, как казалось беглецу, преследователи отстали. Однако он жестоко ошибался. На пути его движения из глубины леса опять кто-то появился. Он решил сейчас действовать наверняка, он сам двинулся навстречу невидимке. Поравнявшись с ней, он со всей силой размахнулся и ударил преследователя в живот. Тотчас же раздался душераздирающий крик. В этот же момент что-то острое коснулось спины беглого солдата и на несколько мгновений задержалось на его бедре. Лишь после того, как он выбежал на дорогу, ведущую к деревне Эрики, он почувствовал, что его оставляют силы. Он, словно его кто-то околдовал, медленно опустился на землю...

Эрика Крюгер на важное свидание с русским наряжалась довольно долго, но оделась очень просто. Любуясь перед зеркалом, она не сомневалась, что голубая кофточка с очень короткими шортами черного цвета ее знакомому очень понравятся. Она сейчас, как никогда еще раньше, и сама себе нравилась. Густые длинные волосы, которые были перевязаны белой ленточкой, и образовавшийся длинный «хвост», ее очень красили. Она то и дело перебрасывала этот хвост со одного плеча на другое, и смеялась от радости. На какое-то мгновение она залюбовалась и своими стройными ногами, которые за лето основательно загорели и имели цвет темного шоколада. Съестных припасов на этот раз она с собою не взяла. Она планировала на маршрутном автобусе, который проходил неподалеку от озера, вечером «махнуть» с другом в соседнюю деревню, в ресторан. Питейное и съестное заведение было очень маленьким, однако оно ей всегда нравилось. Она еще с отцом в социалистические времена довольно часто там бывала. Ганс Крюгер никогда не изменял своему правилу, он «прожигал» премиальные на приличной закуске и на выпивке. Быть в компании отца дочь считала большим удовольствием. Она за обеи щеки уплетала отбивную с зеленью и смеялась на тем, как ее полупьяный отец спаивал молодую официанку на свои кровные...

Услышать что-то очень важное из уст любимого аусзидлера немке в этот вечер не

суждено было. Он почему-то не встречал ее возле развилки дорог, хотя раньше это он всегда охотно делал. Не было его и на рыбной «стоянке». Далеко не джентльменский сервис русского сильно обеспокоил госпожу Крюгер. Она со слезами на глазах направилась в сторону его хижины. Ей чуть было не стало дурно, когда она еще издали заметила полусгоревшие останки шалаша. Запах гари и дыма чувствовался еще на берегу, когда сильный ветер «приглаживал» траву и кустарниковые заросли. Все это тогда не тревожило молодую особу. То, что она сейчас увидела, привело ее в шок. Она медленно опустилась на землю и заплакала. На том месте, где они совсем недавно сидели и занимались любовью, было настоящее пепелище. Шалаша, как такового, не было. О недавнем присутствии оного напоминали лишь четыре высокие металлические стойки, на них когда-то крепилась крыша хижины. Огонь «съел» почти все вокруг, даже достал две маленькие березки, на которых красивый аусзидлер только вчера сушил своих карасей.

Негодование и ненависть к русскому мужчине мгновенно вспыхнули в душе плачущей. Она уже нисколько не сомневалась, что этот русский медведь просто-напросто ее использовал и надругался над ее любовными чувствами. Эрика впервые в своей жизни полюбила мужчину, коим оказался молодой и красивый парень с чисто русской фамилией. Он сейчас от нее сбежал и решил замести все следы. От этого ей было очень обидно и горько. Она шла домой пешком и все время плакала. Она решила раз и навсегда покончить с этим человеком, и также навсегда выбросить его из своей головы. Она поклялась больше никогда не связываться с мужиками. От свой клятвы молодая девушка не намеревалась отступать...

Утро Александр Кузнецов встретил в десяти километрах от деревни Шпрингер, где он совсем недавно был в магазине с Эрикой. Рана, нанесенная ножом одним из преследователей, оказалась не очень большой, но глубокой. К его счастью кость бедра была целой, его тревожило сильное кровотечение. Он уже чувствовал потерю крови, его голова постоянно кружилась. Он довольно часто отдыхал, отдыхал и опять двигался в неизвестном направлении. Беглый прекрасно осознавал, что чем дальше он уйдет от этого «родного» края, тем ему будет безопаснее. Он опять превратился в затравленного и беззащитного зверька, которого все и вся преследовали, преследовали днем и ночью. Раньше он боялся полиции и военных патрулей, сейчас он стал бояться молодых людей. В том, что ночью за ним гнались именно они, сомнений у него не было. Пожилые или старики не могли с такой бешеной скростью его преследовать. Чем дальше Александр уходил от шалаша, тем он все больше и больше терялся в догадках, кто навел на его след подонков. Виновником в произошедшем он себя не считал, он никогда не «следил». Осторожность, помноженная несколько раз на страх, заставляла его постоянно держать себя начеку. В своих размышлениях он все чаще и чаще останавливался на любимой девушке. Он не исключал того, что она могла кое-что наболтать своим подругам. Часть вины Александр брал и на себя. Он так и не удосужился напомнить Эрике о мерах предосторожности во

время ее визитов в лес, и к чудесному озеру. Жуткие мысли о прямом предательстве немки у русского уходили на задний план. Он не мог представить, что эта красивая девушка могла специально навести на его след полицию или каких-то подонков. Он довольно часто воспроизводил перед своими глазами образ Эрики, ее страстную любовь. Ему тотчас же становилось стыдно от той напраслины, которую он городил на девушку. Она была ему дороже всех на свете...

Отто Шредер, одноклассник Эрики был сильно взбешен, когда увидел в магазине свою подругу с красивым и очень высоким парнем. Он с самого детства искал к соседке пути-дороги, которая всегда держала его на расстоянии. Этот же хахаль ему был незнаком. Прибавило ему ярости и странное поведение девушки. Она, словно не замечая своих молодых односельчан, демонстративно взяла своего верзилу за руку и потянула его в сторону парка. Отто нисколько не сомневался, что он далеко не конкурент тому, кто так бережно держался за руку девушки. Он впервые увидел ее с кавалером. Соседка почему-то всегда сторонилась парней. Он после окончания школы делал все возможное и невозможное, чтобы «закрутить» с ней роман. Она ухаживаний влюбленного не замечала, как и не замечала других ребят. В последнее время недотрога стала по вечерам куда-то исчезать. Это почти все в деревне заметили. Ее не было ни дома, ни на танцах, она словно сквозь землю провалилась. Появление Эрики, да еще с таким красавцем, подлило огонь зависти и ненависти к ее избраннику. Отто, который был низенького роста и довольно полный, решил недотроге отомстить, отомстить по-настоящему, чтобы запомнила на всю жизнь...

В этот вечер Отто Шредер и его четверо друзей решили не бить стекла в квартире молодой и красивой гордыни. Никто из них нисколько не сомневался в том, что она сейчас находится в объятиях длинного дебила. Все только терялись в догадках того, где эти встречи происходят. Друзья, наверное, еще довольно долго рассуждали о месте пребывания влюбленных, если бы не Гюнтер, лучший кореш Отто. Он пару дней назад видел парочку на берегу озера. Молодые люди, основательно нагрузившись спиртным, поздней ночью сели в старенький советский «Москвич» и поехали к озеру. Влюбленных на озере не оказалось, решили основательно прочесать лес. В нем увидели шалаш...

Только на второй день после того, как Александр Кузнецов был вынужден покинуть свое убежище, он решил основательно передохнуть. Он был не против и дальше двигаться в таком же темпе в неизвестном направлении, если бы не давала о себе знать его рана. Кровь продолжала течь, несмотря даже на то, что он снял свою майку и сделал из нее подобие бинта. Раненый исключал возможность обращения в больницу, не намеревался он обращаться и за помощью к людям. Любой немец при виде окровавленного человека позвонит в полицию. Силы оставляли его с каждым часом, давал о себе знать и голод. Только глубокой ночью, когда в округе все стихло, беглый решил приблизиться к одному из

населенных пунктов. Он незаметно подполз к небольшому домику, стоящему на окраине и увидел зеленый ящик, в котором жители складировали остатки пищевых продуктов. Он, сильно прихрамывая на правую ногу, приблизился к контейнеру и осторожно его открыл. Ящик был полный и это его очень сильно обрадовало. Он наугад взял в руки два целлофановых мешка и незаметно скрылся в темноте. Провиант оказался не очень богатым. В одном мешке из продуктов питания было два блина и полбанки сметаны. Другой мешок до отказа был набит картофельными очистками и женскими прокладками... Еще через час Кузнецов на противоположной окраине этой же деревни с бельевых веревок снял теплое одеяло и пару простыней. В эту ночь его рана немного успокоилась.

Утром, когда первые лучи солнца опустились на просыпающуюся землю, беглый основательно занялся своим лечением. Постоянная ходьба только вредила заживлению раны. Он также боялся и людей, которые могли его засечь и сообщить полиции. Поэтому он решил днем отсиживаться, а ночью двигаться. Из-за отсутствия каких-либо медикаментов на рану он прикладывал небольшие листья всевозможных трав, находящихся в лесу и на полянах. Какие это были травы, помогали ли они ему, он и сам толком не знал. Сейчас сама жизнь заставляла его прибегать к этому. Чудодейственную силу трав и настоек он никогда не отрицал. Ему на память пришла бабушка Елизавета Яшина, которая была настоящей травяной целительницей. За помощью к ней обращались все жители Найденовки. Помогла она и отцу Александра. Не без ее помощи он навсегда забыл о болях в животе. К бабке обращался и сам Санька, когда ему в драке сосед Мишка ударил палкой по руке. Врачи районной больницы намеревались нижнюю часть его сильно распухшей руки ампутировать. Родители несчастного ребенка со слезами ринулись к Елизавете. Через месяц у школяра опухоль исчезла. У семидесятилетней целительницы вместо ножа были настои из трав и молитва. Содержание молитвы мальчишка не мог понять. Женщина ее очень тихо шептала себе под нос. Однако это его нисколько не пугало. Он не сомневался, что баба Лиза просила Бога изгнать злой дух из болячки юного пионера.

Прошла еще одна ночь. За это время беглый «отмахал» километров двадцать, не меньше. Каких-либо ориентиров на пути он не намечал, в этом он не видел смысла. Он шел просто так, шел наудачу. В его душе и в сердце в очередной раз поселился холод и пустота. Людям он не верил, для него они были никчемными существами. Не пылал он уже любовной страстью и к Эрике. Сейчас он опять стал человеком без определенного места жительства и без определенного гражданства. Бомж и Бог в одном лице. Нагрянувшее одиночество его полностью поглотило. Днем он отсиживался в лесу или скрывался в полосах подсолнечников. Он ложился на землю, и положив под голову одеяло, моментально засыпал. Будили его, как правило, оглушительные звуки медицинских карет или кошмарные сны, которые почему-то преследовали его почти постоянно. Донимали его также голод и жажда.

На третью ночь беглый сделал очередную вылазку за продуктами питания. На этот раз ящик для пищевых отходов был абсолютно пуст, что его очень сильно разозлило. Он от досады повалил контейнер на землю. Неожиданно все вокруг потемнело и раздались оглушительные раскаты грома. Затем пошел дождь, такой сильный, что его спортивный костюм моментально промок до ниточки. В потрепанных кедах зачавкала вода, сильно заныла рана. Кузнецов внимательно вглядывался в темноту, надеясь найти для себя хоть какое-нибудь укрытие. В хозяйственные постройки и дома деревни он решил не соваться, очень боялся «засветиться». Вдруг неподалеку от себя он увидел силуэты забора. В центре не то площадки, не то какой-то стоянки горел большой фонарь, который висел на высоком столбе. На какое-то время он прислушался. Вокруг стояла ночная тишина, которая то и дело нарушалась мощными раскатами грома. Он, озираясь по сторонам и сильно прихрамывая, медленно двинулся к источнику света...

Минут через пять верзила сидел уже на скамейке под козырьком небольшой кирпичной башенки и внимательно разглядывал, расположенные напротив его и вокруг, могильные кресты. Он сейчас их нисколько не боялся, хотя в детстве он на деревенское кладбище один никогда не ходил. Трусил он быть там в одиночестве и взрослым. Ему всегда казалось, что мертвые односельчане просто-напросто могут его укусить или забрать к себе. Этой же ночью многолетний страх у него куда-то исчез. Скорее всего, причиной его храбрости были чужие покойники, которых он никогда не знал и не собирался знать...

Мысль о том, что на этом кладбище могут быть захоронены советские люди, у Александра появилась совершенно случайно. Равнодушие к вечно покоящимся немцам так бы и осталось у него, ежели бы не жуткий холод. Его знобило не только от холодного дождя, но и от сидячего положения. Он без всякого желания приподнялся и стал лениво прохаживаться по довольно большому кладбищу. Через несколько минут гром прекратился, лишь вдалеке на горизонте кое-где вспыхивали молнии. Установилась по-настоящему гробовая тишина, даже моросящий мелкий дождь ее не нарушал. Однако на все это человек, бесцельно бродящий среди крестов, не реагировал. В самом углу кладбища он увидел небольшой памятник. В отличие от других, больших и маленьких, на этом памятнике была пятиконечная звезда. На какую-то долю секунды его сердце тревожно екнуло, он прибавил ходу и тотчас же оказался у могилы. В том, что это было захоронение советских людей, беглый уже нисколько не сомневался. Он присел на корточки и стал внимательно читать фамилии погибших офицеров и солдат. Все надписи были на русском языке. В середине металлической пластины он увидел и тихо прочитал: « Кузнецов Иван Пантелеевич. 25. 09. 1910 - 05. 05.1945 гг.». Молодой человек от неожиданности опустился на землю, ему стало невыносимо душно. На какое-то время силы его оставили, в таком состоянии он был довольно долго. Ему все еще не верилось, что он так совершенно случайно найдет могилу своего прадеда. Он вспомнил сон своей матери и заплакал. Он сейчас уже нисколько не

сомневался в пророчестве умершей матушки, которая от имени Бога просила свою единственную кровинушку идти по жизни смело и решительно. Он ласково гладил рукой то холодные буквы из металла, то большую пятиконечную звезду и сильно рыдал. Его плач в гробовой тишине раздавался словно тревожный набат, который всегда собирал людей в очень трудные для них времена. Правнук погибшего солдата ни того набата, ни своего плача нисколько не боялся. Через этот плач его душа, душа праведника и грешника очищалась. Иногда сквозь пелену тумана, застилающую его глаза, он вновь обращал свой взор на русские фамилии. Все двенадцать советских офицеров и солдат погибли за три дня до великой Победы. Среди погибших был и его прадед, гражданин Советского Союза, простой солдат Советской Армии, которая спасла мир от коричневой чумы фашизма. На какое-то время правнук погибшего победителя ударился в размышления. Он, стоя на коленях перед обелиском погибших, ругал себя за то, что не знал родословную своих предков. Санька, будучи школьником, да и взрослым парнем, был просто-напросто шалопаем. Он никогда не интересовался жизнью ни своего деда, ни своей бабушки. Его мать, да и то однажды, очень скупо обмолвилась, что его прадед погиб в самой Германии. О месте его захоронения она и сама не знала. Антонида всегда отдавала дань памяти и уважения не только прадеду своего сына, но и всем погибшим. Кузнецовы вместе с сыном ходили к памятнику советскому солдату, который стоял возле клуба. Это всегда делалось в день Победы. К этому празднику в магазине раскупались искусственные цветы.

Смутное понятие имел беглый и о своем деде. Он когда-то жил в Найденовке и был неплохим конюхом. Погиб он совершенно случайно и даже нелепо. Мужчина ремонтировал крышу зернохранилища и с нее сорвался. Крыша была не очень высокая, однако дед упал неудачно и сильно себя покалечил. Через год он умер. Воспитанием единственного сына Николая, отца Александра занималась жена погибшего. Бабушка прожила также недолго. Старший Кузнецов остался круглой сиротой в восемнадцать лет...

Часы на деревенской ратуше пробили ровно три часа ночи. Удары курантов на какое-то время прервали размышления позднего посетителя. От свежего, даже несколько холодного воздуха, он то и дело ежился. Сделать пробежку по дорожкам и основательно согреться ему мешала рана, она опять кровоточила. Он присел на скамеечку и сделал перевязку. Боль утихла, не стала сочиться и кровь. Все это приподняло настроение беглому и он опять направился в стороны дорогой ему могилы. Он пристально посмотрел на знакомую фамилию и расцвел в улыбке. Он только сейчас понял, что его прадед и он, его внук, родились в один и тот же день. Случайное или роковое совпадение придало ему новый импульс для размышлений. Сейчас у него уже не было никаких сомнений в подлинности своего предка. Тем более, он вспомнил и его отчество. Мать ему его когда-то называла. Имя Пантелей для мальчишки почему-то было очень труднопроизносимым. Он иногда его вспоминал и то с большим трудом, ежели перед ним возникал образ дядьки Пантелея

Винтенко, единственного водителя в деревне. Шофер он был первоклассный, мог по любой дороге и в любую погоду выполнить наказ управляющего. В голове верзилы односельчанин «появлялся» чаще не как водитель, а как небесный, даже святой человек. Святость Пантелея была проверена на практике. Однажды он пригласил своих друзей на гулянку, хотел обмыть свою новую машину. Совхозный «ЗИЛ» и вправду был шикарный. Мужчины поехали на котлован, покупались и сели пировать. Внезапно погода изменилась, разразилась страшная гроза. Молнии то и дело рассекали небо. И здесь случилось страшное. Во время пирушки один из раскатов угодил в тройку закадычных друзей. Двоих убило наповал. Лысый Пантелей отделался легким испугом...

Чем больше сидел правнук у могилы погибшего прадеда, тем больше он ненавидел себя. Ненавидел за то, что он так бесшабашно прожил два десятка лет на этой земле. Прожил не так, как жило большинство людей, даже не так, как жили его сельчане и одноклассники. Память о героическом подвиге офицеров и солдат, лежащих в братской могиле, выворачивала его душу наизнанку. Он все больше и больше осознавал свою трусость. Именно благодаря ей, он все еще не мог прижиться в этой стране, дабы получить какое-либо благополучие для себя. От осознания собственной никчемности он впадал в истерику и начинал громко рыдать. Вскоре все это ему надоедало и он принимался шептать что-то себе под нос. «Общение» земного живущего и ушедшего в иной мир длилось довольно долго. Что говорили они друг другу, никто не знал и не слышал. Все это было ведомо только одному Богу, который по своей воле определил судьбу прадеда и его правнука. Александр только сейчас в своей исповеди перед предком честно признал, что красноармеец Иван Кузнецов за свои тридцать пять лет сделал в жизни куда больше, чем он, дезертир из ЗГВ. Он убежал не только, как настоящий подонок и трус, но и стал предателем той страны, ради которой отдали свою жизнь миллионы людей...

Часы пробили пять раз. Внезапно подул сильный ветер. Он был такой силы, что верзиле, сидящему в углу кладбища, казалось, что он вот-вот вырвет с корнем одиноко стоящую сосну, которая соседствовала с захоронением советских солдат. Через несколько мгновений небо стало страшно черным и озарилось всполохами молний. Раздались оглушительные раскаты грома, от которых одиночка замирал. Иногда ему казалось, что Всевысшний разгневался и решил жестоко его наказать за предательство. От внезапного страха перед Богом и перед своей душой он вздрогнул и невольно прикоснулся рукой за гранитный постамент могилы. В этот момент что-то яркое и непонятное пронеслось возле его уха и ушло в сторону одинокой сосны. В сей миг раздался оглушительный раскат грома...

Ночной посетитель кладбища очнулся минут через двадцать и не мог понять своего состояния. Он медленно шевельнул руками, затем открыл глаза. Небо над ним было чистое, без облаков. Часы пробили ровно шесть раз, удары курантов снова вернули его к жизни. Он медленно приподнялся и посмотрел в сторону одинокого дерева, одна из его веток

полностью обгорела. Кое-где маленькие язычки пламени лениво лизали мощный ствол, все еще надеясь спалить сосну. При виде этого у беглого по спине пробежали мурашки. Он невольно оглянулся назад и мгновенно замер. Из подножья братской могилы струился дым... Он от страха рванулся прочь....

Лишь после того, как отшельник оказался в лесу, он кое-что начал соображать. Учитель физики неоднократно рассказывал старшеклассникам о шаровых молниях, которые могли не только что-либо сжечь, но и также убить человека. Это же явление, которое произошло возле братской могилы, Александр считал ничем иным, как небесным наказанием прадеда за проступок, который совершил его правнук. В этом он нисколько не сомневался...

Эрика Крюгер целую неделю была в плохом настроении. Причиной этому стало предательство русского, который с самого начала ее обманывал. Она дабы забыть все это, решила сходить на дискотеку, отвести душу. Многие ребята были не против потанцевать с молодой и красивой девушкой, она никому не отказывала. Отто Шредер появился на дискотеке поздно вечером. Эрика к этому времени уже прилично устала и решила отдохнуть. Она вышла на улицу и перед ней сразу же появилась знакомая фигура одноклассника, который был пьяный и вел себя бесцеремонно. Он подошел к ней и с силой стал ее тянуть к себе, затем сделал попытку ее поцеловать. Эрика решительно оттолкнула от себя навязчивого кавалера. Оттолкнула так сильно, что тот плюхнулся на землю. Вокруг раздался смех, заразительно засмеялась и бывшая недотрога. Она с нескрываемой радостью смотрела на побежденного. Он сейчас ей был особенно противен. Коротышка неспеша поднялся с земли и сквозь зубы со злостью процедил:

- Ну, смотри у меня... Я твоего долговязого наказал... Скоро и тебя накажу...

После этих слов он как-то неестественно засмеялся и решительно направился в помещение, откуда раздавалась громкая музыка и смех танцующих.

Слова и угрозы одноклассника, словно молния, пронзили сердце и душу молодой немки. Она рванулась домой. Эту ночь она не могла очень долго заснуть. Все ворочалась и думала о русском парне, который стал для нее настоящей любовью. Все плохое, что у нее возникло после пожарища, мгновенно улетучилось. Теперь она думала и думала о том, когда же опять появится этот аусзидлер, самый милый и дорогой для нее человек. Он нравился ей не только внешне, он нравился ей и как настоящий мужчина. Во время коротких встреч с ним она чувствовала себя, как за каменной стеной. Однако волна радостных воспоминаний и очередных надежд у нее все больше и больше улетучивалась, когда она ставила себя на место жены русского. Ей никак не хотелось, чтобы будущий муж ей изменял. Она хотела того, чтобы он был на свою жизнь у нее единственным мужчиной. Жительница объединенной Германии еще в какой-то мере находилась в плену социалистической морали, социалистического образа жизни. Отец всегда учил ее строго блюсти порядки и нравы своей страны. В жизни того общества, она, как член союза свободной немецкой

молодежи, находила для себя многое полезное и необходимое. Она и по сей день сильно отличалась от своих ровесников, которые в полном объеме «пожирали» плоды пришедшей демократии. Кое-что свое и старое она находила и у русского Александра, который вел себя очень достойно. Заметила она и то, что он не сорил деньгами. Последнее она к достоинствам и к недостаткам любимого не относила. У нее самой, безработной и круглой сироты, в кошельке так же было пусто. Опустошали ее кошелек и всевозможные экономические эксперименты. С каждым месяцем цены на товары и услуги взлетали вверх...

Воскресное утро для очаровательной Эрики имело доброе начало. Погода стояла словно по ее заказу. Часы показывали только десять утра, а солнце уже «работало» вовсю. Она привела себя в порядок и вышла на улицу. Везде было безлюдно, многие еще нежились в постели. Отсутствие людей ее обрадовало, она неспеша прогулялась по родным улицам. Затем она вышла на окраину и медленно побрела в сторону озера, где неделю назад при странных обстоятельствах «простилась» с русским. Желания, как такового, в очередной раз посетить озеро у нее не было. Она прекрасно понимала, что женатый мужчина навряд ли сунет нос на это озеро. Да и семья Александра должна была приехать два дня назад.

Неожиданно перед ее носом пролетела машина и тотчас же раздался скрип тормозов. На ослепительно черный «Мерседес» она пристального внимания не обратила. У ее друзей в карманах было не так густо, чтобы купить дорогой автомобиль. Из машины выскочил молодой человек и пошел ей навстречу. Затем, поравнявшись с ней, стал на ломаном немецком языке спрашивать у нее дорогу. Эрика без всякого желания отвечала незнакомцу на его поставленные вопросы. Она нисколько не сомневалась, что этот чернокожий не хуже ее знает дорогу. Он просто пытался подцепить случайную девушку для долгой дороги или для приключений. В своих предположениях она не ошиблась. Через некоторое время «топограф» уже не спрашивал дорогу. Он, наоборот, усердно предлагал свои услуги по транспортировке красивой девушки в любую точку Европы. От навязчивых услуг водителя Эрика вежливо отказалась. Затем она двинулась в сторону деревни...

Мысль о том, что Александр, вполне возможно, в это воскресенье изъявит желание порыбачить у озера, возникла у идущей только при виде маршрутного автобуса, который подруливал к остановке. Она, не долго думая, быстро запрыгнула в автобус и через несколько мгновений в ее голову пришла страшная мысль. Ей никак не хотелось верить в то, что Отто и его собутыльники могли убить любимого русского...

К месту пепелища, где когда-то стоял шалаш, она подошла в последнюю очередь. Здесь уже ничего не напоминало о тех страстных ночах, которые она провела с русским. С тяжелыми думами Эрика стояла возле бывшего жилища, ее душили слезы. Неожиданно позади себя она услышала голос, который бы узнала из миллиона голосов:

- Эрика, Эрика... Я здесь, иди сюда и помоги мне...

Сначала молодая особа опешила. Ей казалось, что это был неземной голос, но он

принадлежал ее любимому. В этом она нисколько не сомневалась. Через некоторое время знакомый голос повторился, На этот раз она среагировала и обернулась назад. Затем сделала несколько шагов к сосне и остановилась. Сделала еще шаг вперед и замерла. Идти дальше у нее просто не было сил. Возле дерева лежал до боли в сердце знакомый ей человек, близкий и одновременно чужой. В лежащем мужчине она некоторое время не признавала своего любимого, который раньше был красив и статен, сильный и нежный. Этот же, кто лежал и просил о помощи, своим внешним видом ее пугал.

Эрика со страхом рассматривала немощного человека, волосы которого были сильно всклоченные. Почти через всю верхнюю часть его головы виднелся широкий шрам от какого-то удара. Мужчина тяжело хрипел и манил рукой к себе девушку, замершую от страха. Она все продолжала стоять в недоумении. Непонятный страх и непонятное отчуждение к настоящему бомжу, количество которых даже в ее маленькой деревне с каждым днем прирастало, не давали ей силы для дальнейшего движения. Пугало ее и лицо мужчины, оно было осунутым и бледным. Заросшая борода и щетина на впалых щеках значительно его старили.

Отталикивала Эрику и одежда лежащего. Его спортивный костюм во многих местах был изорван, на коленях сияли большие дыры. Через них были видны большие кровоточащие ссадины... Рассматривать немощного и окровавленного незнакомца у стоящей больше не было сил. Она вскрикнула и сделала пару шагов вперед. Затем остановилась и вновь стремительно рванулась вперед, потом опустилась на колени и истошно закричала... Голубые глаза мужчины были ей очень знакомые, они принадлежали тому, кого она впервые в своей жизни полюбила, полюбила по-настоящему. Не только полюбила, но и подарила ему всю свою любовь без остатка. Чем больше красивая женщина вглядывалась в глаза бомжа, тем на нет улетучивались сомнения в достоверности ее спасителя и любимого. Она, стоя на коленях, тихо запричитала:

- Саня, Сашенька, ты опять со мною... Я тебя так долго ждала и переживала.... Ты, милый мой...

Во время причитаний Эрика то и дело смахивала со своих глаз слезы. Она, глядя на любимого человека, также старательно вытирала своими нежными руками слезы на глазах и на впалых щеках русского, которого несколько минут не могла признать. Это вызывало у нее очередной прилив жалости к нему. Александр, как и его подруга, своих слез не стеснялся. Он, скорее всего, их не замечал. Слезы для него были своеобразной отдушиной за все пережитое. Со слезами на глазах он возвращался опять сюда назад, когда понял то, что без любимой немки ему невозможно на этой земле жить. Лишь после того, как Эрика окончательно его признала и успокоилась, она его страстно обняла и крепко поцеловала. Он ответил тем же. На какой-то миг их губы разомкнулись. Девушка опустила голову вниз и тут же ахнула. Нижняя часть правого бедра у Кузнецова вся была в крови, некогда белая

повязка была красной и грязной. Она дрожащими руками прикоснулась к ране и чуть было не потеряла сознание. Из довольно толстого слоя ткани мгновенно выступила кровь...

Эрика быстро вытащила из кармана джинсов мобильный телефон и начала набирать номер телефона скорой помощи. Однако она не успела еще набрать и пару цифр, как услышала очень слабый, но одновременно властный голос Александра:

- Не звони, я очень прошу тебя, - вопрошал он. - Не звони, Эрика...

Она на какой-то миг оставила телефон и с недоумением взглянула на лежащего. Его жалкий вид и его слезы ее очень насторожили. Она все еще не могла понять, почему он не хочет квалифицированной медицинской помощи. Непонимание, даже тупость русского ее сильно взбесили. Страх перед тем, что из-за потери крови он может лишиться ноги или даже своей жизни, заставил ее вновь решительно действовать. Она вновь нажала кнопки мобильника... И в этот же момент Кузнецов, превозмогая нечеловеческую боль в ноге, быстро вскочил и кулаком выбил телефон из рук женщины. От неожиданного удара та громко вскрикнула и упала на землю. Через несколько мгновений она оказалась в сильных объятиях бородача. Он, осыпая поцелуями ее лицо, со слезами на глазах настойчиво просил:

- Эрика! Не делай этого, я тебе все потом позже объясню... Не делай этого, моя любимая...

Повергнутая, все еще не понимая загадочного поведения своего победителя, с удивлением смотрела в его голубые глаза и тихо шептала:

- Я тебя не понимаю... Я тебя все равно не понимаю... Саша, не понимаю...

Первую ночь после непонятной и загадочной разлуки дезертир Западной группы войск Кузнецов и безработная немка Крюгер провели в лесу, неподалеку от озера. Эрика до того, как они вместе соорудили постель из мягких сосновых веток и папоротника, успела съездить домой и привести все необходимое для лечения. Привезла она и кое-что из продуктов питания. Александр не ожидал, что его любимая окажется настоящей кудесницей медицины, хотя она никогда этому не училась. Она тщательно продезинфицировала рану спиртом, затем наложила на нее стерильную повязку. Не хуже она обработала около десятка ссадин, которые были почти на всех участках тела великана.

К вечеру молодые люди, удобно расположившись на валежнике, мирно сидели напротив друг друга и кушали. Эрика очень строго следила за тем, чтобы ее любимый не переусердствовал за «застольем». Александр, немного подкрепившись, решил окончательно «расколоться», отступать ему было некуда. Понимала его состояние и Эрика, которая довольно часто всматривалась в его голубые глаза и напряженно чего-то ждала. Очень важное, которое русский обещал сказать ей еще неделю назад, она связывала с его странным поведением сегодня. Она и сейчас еще не могла понять, почему он боится медиков. Дальнейшее поведение бородача ее вообще разочаровало. Вместо серьезного объяснения русский начал вести себя, как маленький ребенок. После принятия пищи он

весело похлопал себя по животу, что-то пробубнил себе под нос и начал рассказывать о том, как он в детстве на железной печи жарил семена подсолнухов. Затем он перекинулся на школьные истории. Расстроенная Эрика из монолога своего любимого не все понимала. Однако по мере оживленного рассказа и таких же жестов Александра, она невольно втягивалась в беседу. Она многое переспрашивала, когда не могла понять причины заразительного смеха своего напарника. Тот почему-то так и не мог ей по-настоящему объяснить значение русского слова из деревенского жаргона «чокнутый». Каких только слов ее любимый не «отыскивал» в своей голове, чтобы перевести это слово на немецкий язык. Не помогло ей и его объяснение о том, что «чокнутых» в его Найденовке становится с каждым днем все больше и больше. В конце концов учитель русского языка прибег к жестам. Он опустился на колени, и слегка ударив рукой по своей голове, трижды громко прокричал:

- Я чокнутый, ты чокнутая, они чокнутые...

Непонятливая от циркачества любимого учителя громко рассмеялась и начала, как и он, стучать кулаком по свой голове и с большим усердием орать:

- Я чокнутой... Я капут, оно капут, ты капут... Я чок-ну-той...

С этого момента в разговорном лексиконе двух влюбленных появилось новое выражение «господин Капут». Александру оно очень понравилось...

После комического рассказа о своем детстве русский предложил Эрике прогуляться вокруг озера, та не отказалась. Он этой прогулкой хотел доказать ей, что он чувствует себя значительно лучше. Это было и на самом деле. Рана напоминала о себе лишь при быстрой ходьбе. Эрика вскоре и вправду успокоилась. Она, обняв великана за спину, все спрашивала и спрашивала его о Сибири, и вообще о Советском Союзе. Кузнецов на одни вопросы отвечал очень коротко, на другие давал пространные объяснения. О том, что происходит в бывшем Советском Союзе, он и сам ничего не знал. Поэтому он довольно часто «уходил» в сторону. Ему сейчас было не до политики и не до медведей на Чукотке. Он все готовился к своей исповеди перед любимой девушкой...

Первая ночь после неожиданной разлуки для молодых людей была особой, в какой-то мере одухотворенной. Гражданин бывшего Советского Союза Александр Николаевич Кузнецов, он же дезертир ЗГВ, основательно излил свою душу перед любимой немкой. Одно он только утаил от нее. Посещение братской могилы, в которой покоился прах его прадеда, он оставил за семью печатями. Он считал себя по сравнению с героем простым ничтожеством...

Эрика в отличие от его предыдущего рассказа о жителях Найденовки, сейчас в исповедь русского парня не вмешивалась. Она не вмешивалась, несмотря даже на то, что кое-какие слова, даже его предложения, она не понимала. Переспрашивать она также не решалась. Она только очень внимательно смотрела в глаза своего друга и молчала. Даже в темноте, которая все больше и больше скрывала не только его глаза, но и его лицо, она ощущала

душевные переживания любимого человека.. Ей иногда самой хотелось взять на свои плечи, в свое сердце и в свою душу какую-то толику страданий и переживаний, которые обрушились на плечи беглого солдата. Дабы хоть в какой-то мере его поддержать, она то и дело сжимала его мощную руку...

Кузнецов после почти часовой исповеди быстро встал с «кровати» и пошел к озеру. Эрика осталась сидеть одна. Она прекрасно понимала, что ему сейчас очень тяжело. Тяжело не только от многолетней физической усталости, но и от всего пережитого. Одновременно она не только его жалела, но и гордилась им. Русский набрал мужества и в конце концов излил свою душу, которая все это время кровоточила и ныла.

Уединение от внешнего мира нужно было сейчас не только беглому русскому, но и ей самой. Она, как и он, как и все люди, вчера и сегодня хотела счастья, простого человеческого счастья. Ради него она совсем недавно рушила своими кулаками Берлинскую стену, которая не давала возможности людям быть счастливыми. Вчера и сейчас она не представляла свою жизнь без этого русского парня, который переступил черту закона тоталитарного общества. Он, как и она, хотел и хочет быть счастливым человеком. От этих размышлений девушка неожиданно заплакала. Она только сейчас в этому лесу и в эту ночь твердо поняла, что человеческое счастье не может быть в одиночку, оно может быть только с любимым человеком.

Александр вернулся к своей подруге через полчаса. Вернулся возмужавшим и окрыленным. Он, сидя на мостике возле озера, твердо решил связать свое будущее с черноволосой немкой. Именно она сейчас могла определить его дальнейшую судьбу. Для беглого было только два пути выхода из создавшейся ситуации. Если немка его правильно поймет и поддержит его жизненный выбор, он останется в этой стране. В противном случае, он сейчас же поедет туда, где родился и вырос. Деньги на дорогу у него еще имелись, в кармане находился и военный билет с красной корочкой.

Возвращению любимого бородача Эрика очень обрадовалась. Она прекрасно понимала, что именно она, и никто иной на этой земле, в данный момент определяет его судьбу. Быть или не быть с ним, она даже и не сейчас решила. Она это определила еще раньше, когда они впервые встретились на озере. После мужской исповеди чувства любви и нежности к русскому великану у нее во стократ приумножились. Радовалась она еще и тому, что он в пух и в прах развеял свои небылицы о семье и детях. Не пугали сейчас ее и предстоящие трудности, которые могут у них появиться завтра, через неделю. Жизнь в стране с каждым днем «тяжелела». Вместо обещанной демократии и кисельных берегов, которые обещали политики объединенной Германии, она, да и сотни тысяч подобных ей, получили дырку от бублика... Вдвоем же все эти трудности преодолевать было куда проще и легче...

Русский очень осторожно опустился на кровать и замолчал. Эрика уверенно подошла к нему и крепко его поцеловала. Затем со слезами на глазах произнесла:

- Ты, мой любимый мученик... Я буду только на твоей стороне... Я не хочу, чтобы нашу жизнь определяли какие-то политики или военные... Нашу любовь никто и никогда не разрушит... Ты согласен с этим, мой дорогой?...

Ответа не последовало, однако это нисколько не беспокоило молодую женщину. Сильные и нежные руки мужчины ее уже раздевали...Через несколько мгновений она оказалась в пучине страсти и томной нежности. Ее также очень радовали нежные слова любимого человека:

- Спасибо тебе, моя дорогая... Бог и моя мать услышали наши просьбы... Они указали нам верный путь, путь счастья и любви... Я люблю тебя, моя Эрика...

Рано утром молодая пара на маршрутном автобусе приехала в Шпрингер. Почти две недели Александр не высовывал носа на улицу, усердно лечил ногу. Он делал все возможное, чтобы рана быстро затянулась. Влюбленные намеревались «мотануть» в Испанию, хотели там отдохнуть и позагорать. Кузнецов из-за своей немощи сильно переживал, как и очень радовался деловой активности своей любимой. Она через газеты умудрилась найти частную квартиру на берегу Средиземного моря в живописном районе Испании Ллорет Демар. Тысяча марок на пару и отдых на две недели для нее казалось настоящей находкой. Они почти бесплатно добрались и до моря, их на автомобиле доставил сын друга умершего отца Эрики. Петер был без ума не только от шикарного лимузина, но и от блондинки, которая имела современное чудо техники. Карин, проживающая в Мюнхене, по объявлению в газете нашла себе друга на лето. Молодые люди пока об этом нисколько не жалели. Дочь богатых родителей и сын безработных младших научных сотрудников обосновались в комфортабельном отеле. Александр и Эрика направились на частную квартиру.

Однокомнатная квартира находилась на третьем этаже небольшого дома, который соседствовал с большим рынком. Близость рынка с многочисленными продавцами и покупателями молодых не пугала, они намеревались все время купаться и загорать. Хозяйка непонятной национальности очень радушно приняла русскоговорящих постояльцев. За свои семьдесят лет она стойко переносила всевозможные проделки и выходки многоязычных клиентов, деньги нужны были и ей. За полвека работы с отдыхающими у нее никогда не было проколов. Она всегда ладила с местными властями и с полицией. Без проблем приезжали и уезжали также ее поселенцы. И эта молодая пара из Германии у нее каких-либо проблем не вызвала. Старуха внимательно просмотрела паспорт красивой фрау Крюгер и снисходительно улыбнулась, когда ее молодой парень почему-то не мог найти свой паспорт. Вполне возможно, владелица незавидного особняка попыталась и пороптать на русского, ежели бы ему не помогла сообразительная его подруга. Она вытащила из сумки кошелек и на чистом немецком языке предложила хозяйке деньги за все время проживания. Бабка с улыбкой деньги положила в небольшой сейф. К немцам у нее было больше

доверия, чем к русским. Не исключала она и то, что эта парочка, как и многие ее клиенты, досрочно покинут ее жилые апартаменты. Это взаимное исключение приносило ей неплохие доходы. Она еще раз улыбнулась и указала рукой на лестницу. Александр, не то от страха, не то от неожиданной счастливой развязки с паспортом, сильно покраснел и, словно ошалевший, рванулся наверх.

Новенькие поселенцы, бросив свой чемодан под кровать, сразу же ринулись к морю. До него было пять минут ходьбы. Оно было сказочно красивым. Яркое солнце, словно приветствуя вновь прибывших, весело играло на широкой глади воды, которая уходила далеко за горизонт. Александр впервые в своей жизни был у моря и некоторое время от радости прыгал возле воды, с усердием набирая в свои легкие целебный морской воздух. Затем он решил на свой страх и риск проплыть самостоятельно несколько метров. Он решительно двинулся вперед, вода подступила ему под самое горло. Потом, он, словно одержимый, сильно задвигал руками и ногами. Через несколько секунд морская вода новичка каким-то образом приподняла и он уже без всякого страха проплыл два десятка метров. Его примеру последовала и Эрика. Влюбленные, вдоволь накупавшись и позагорав на пляже, зашли в небольшой ресторанчик, который находился почти у самой воды. Кузнецова привлекло не само заведение, а его русское название. «У самовара» посетителей было немного, из десятка столиков только два были заняты. Александр галантно усадил подругу за стол, затем сделал заказ. Эрику меню и все остальное нисколько не интересовало. Она смиренно сидела за столиком и с улыбкой наблюдала за своим другом, который прекрасно общался на русском языке с молодым официантом Антоном. Она также смиренно и с большим удовольствием поделила с другом русскую водку и сибирские пельмени. После ресторана молодая парочка бродила по чистым улочкам небольшого города. В этот вечер им нравились не только его улицы и шикарные отели, но и люди со всех концов планеты Земля. Первый день пребывания в солнечной Испании они закончили на рынке, где русский купил Эрике скромный сувенир. Бусы из янтаря ей очень понравились и она ласково чмокнула своего джентльмена в щечку. Счастливый Кузнецов легко приподнял девушку на руки и посадил ее на плечи. На его сильных плечах она «доехала» до двери своей квартиры. Кровать хозяйки в этот вечер была для влюбленных на редкость уютной и очень сладкой...

Солнечная страна с прекрасным морем все больше и больше увлекала немку и русского в свои объятия.Они почти каждый час открывали для себя здесь что-то новое и неизведанное. Свидетельством этому была Барселона. Двое экскурсантов, приехавшие сюда на автобусе в составе небольшой группы себе подобных, посетили почти все знаменитые места города. Особенно усердно «глотал» все и вся Александр. Эрика сфотографировала его на площади возле памятника Колумбу и возле легендарного кубинского революционера Эрнесто Чегевары в музее восковых фигур. На какое-то время русский даже забывал о присутствии

красивой девушки, та на это не обижалась. Она прекрасно понимала, что его родная Найденовка явно уступала по обилию достопримечательностей в ее деревне Шпрингер, не говоря уже о красавице Барселоне.

К концу первой недели туристы из Германии успели порядочно загореть. Опять здесь преуспевал Александр. Эрика по этому поводу иногда сильно злилась, злилась не потому, что ее друг филонил и лежал часами под палящими лучами солнца. Причина была совсем иной. Ее беспокоила красота и мощное телосложение простого парня из далекой сибирской дервени, на которого то и дело оглядывались молодые девушки. Да и не только они... Эрика однажды во время прогулки чуть было не нагрубила старушке, которая, как и она, сидела на скамеечке под кипарисом напротив Александра. Он сидел в плавках с закрытыми глазами и о чем-то думал, не обращая никакого внимания на людской поток. Очаровательная брюнетка довольно пристальное любопытство бабки к своему другу заметила сразу. Она даже сняла солнцезащитные очки, дабы поймать ее томный взгляд. Старуха продолжала глазеть. Эрика, словно наэлектризованная, быстро встала и начала дефилировать вокруг скамейки, на которой сидела незнакомка. Опять ноль эмоций и никаких движений. Дабы наверняка отвлечь нахалку от дурных мыслей о своем любимом, она не выдержала и стремительно ринулась прочь. За ней тотчас же последовал и ее удивленный верзила. Он все еще не мог понять, какая муха укусила на солнцепеке его любимую. Через некоторое время Эрика не удержалась и повернула голову назад. Любопытная, приложив руку ко лбу, продолжала пристально смотреть в сторону удаляющейся парочки...

Предпоследний день пребывания на берегу Средиземного моря приподнес Александру Кузнецову настоящий сюрприз, который был связан с его службой. В этот день влюбленные решили больше никуда не ездить. Впечатлений у них и так было уже предостаточно. В оставшееся время они намеревались просто отдыхать и беречь физическую энергию. Эрика накапливала силы для поиска работы, тешил себя очередной надеждой и верзила. Он все еще надеялся найти место для приработка, ему не хотелось сидеть на шее немки. Была и другая причина. Довольно скромный образ их жизни возле моря постепенно стал им также надоедать. Из-за нехватки денег они все больше и больше прибегали к солнечным и водным «процедурам». Красивые «шоколадки», словно по команде, отворачивали свои физиономии от ресторанов, откуда исходил приятный запах вкусных блюд. За три дня до отъезда они вынуждены были перейти на жесточайшую «диету». Они покупали в день на брата бутылку молока и две булочки. На большее у них не было денег.

Часы показывали около одиннадцати дня, когда они пришли на пляж. Александр сразу окунулся в воде и тотчас же растянулся на песке. Эрика очень любила морскую воду и продолжала купаться. Верзила, закрыв глаза, иногда кимарил, иногда пускался в размышления. В метрах десяти от себя он услышал русскую речь, которая здесь была не исключением. На какой-то миг он прислушался. Незнакомый мужчина настойчиво просил

какую-то Аллочку его поцеловать, та в ответ только хохотала и весело приговаривала:

- Ну, ты, мой кормилец, если я тебя поцелую, то повезешь меня на кораблике на дно морское рыбок посмотреть...

Кормилец некоторое время молчал, затем громко произнес:

- Ну и эти бабы, все им давай за что-то и за кого-то... Я будто тебе не все еще дал...

Голос мужчины показался лежащему на какой-то миг очень знакомым, однако он решил не поднимать голову. Он на все сто процентов был уверен в том, что здесь у него нет ни родственников, ни друзей. Он перевернулся на живот и закрыл глаза. Палящее солнце все больше и больше клонило его ко сну...

Неизвестно сколько времени Александр проспал, если бы не Эрика, которая осторожно провела влажной ладонью по его макушке. Затем она щелкнула пальцем по его уху и на немецком языке весело проговорила:

- Господин Капут! Ты так и весь день проспишь, и мне ничего не оставишь...

Кузнецов на щелчок девушки и на ее голос никак не прореагировал. Он что-то промурлыкал себе под нос и еще больше «втиснулся» своим телом в цветное полотенце. Горячий песок, словно раскаленная печь, не давал ему по-настоящему заснуть. Неподалеку от него опять раздалась русская речь. Звонкий и мелодичный голос неизвестной Аллы на какой-то миг опять привлек его внимание. И не только это. Женщина, словно ее кто-то щекотал, громко произнесла:

- Ну, ты, мой Сарсенбайчик, пойдем в отель... Я уже на испанском пляже не только нажарилась, но и кое-что хочу... Конечно, мой любимый, только не здесь на виду этой толпы...

Сексуальное предложение какой-то Аллочки к неизвестному мужчине очень сильно верзилу заинтриговало. Даже несколько знакомый голос невидимого Сарсенбайчика его сейчас не интересовал, тот был ему до лампочки. Его интересовала внешность девушки, которая, как он предполагал, должна быть очень смазливой. Он медленно приподнял голову и через несколько полуголых тел увидел ту, которая только что намекала поделить постельное ложе к каким-то Сарсенбайчиком. В своих предположениях любопытный нисколько не ошибся. Аллочка и взаправду была красавицей. Особенно бросалась в глаза ее пышная прическая. Белые волосы, несмотря на свою неаккуратность, вызванную лежанием на песке, были эффектны. Александр только сейчас заметил, что не только он один, но и рядом лежащие мужчины, то и дело впивались глазами в эту стройную и коричневую от загара русскую девушку. В его голову сразу же пришел известный ярлык, которым награждались почти все незамужные женщины бывшего Советского Союза. Он нисколько не сомневался в том, что слово «блядь» не забыли и те, кто по каким-то причинам оказался за пределами некогда великой страны. Мужчины разных возрастов и цветов кожи со всех континентов, имея толстые кошельки, в прямом смысле скупали русских красавиц...

На этих мыслях любопытный философ и успокоился. Он повернулся на бок и ласково чмокнул Эрику в щеку, которая под лучами солнца по-тихоньку засыпала...

Через пару минут любопытство к соотечественнице у Александра проявилось вновь. Он приподнял голову. Мужчина с блондинкой сидели к нему спиной. Он медленно встал, затем поправил плавки и неспеша пошел к воде. На пути к воде он остановился и искоса посмотрел на незнакомого Сарсенбайчика, который в прямом смысле облизывал лицо красивой женщины. Со стороны могло показаться, что этот седой мужчина с азиатскими чертами внешности и эта красивая девушка, страстно целующиеся друг друга, через несколько мгновений пойдут на эшафот, где им отрубят головы. Азиат первым заметил пристальное любопытство высокого мужчины в черных плавках. Он на мгновение оставил без внимания свою молодую забаву и с презрением сквозь зубы по-русски процедил:

- Ал-ля, Аллочка... А что этот двуногий член хочет от нас?... Че он на нас так глазами бодает, словно я ему что-то должен...

После этих слов он повернулся к блондинке и вновь оказался в ее объятиях. Кузнецов не выдержал и громко хмыкнул. Настойчивое пребывание высокого незнакомца и вовсе вывело влюбленного азиата из равновесия, Он, словно коршун, вскочил и опять со злостью прошипел:

- Ты че, морда нерусская?... Жить надоел или хочешь по морде схлопотать?

Ярость и гнев маленького карлика нисколько не смутили физически накачанного туриста из Германии, который продолжал оставаться спокойным, даже очень спокойным. Он только весело смеялся и почему-то по-озорному скалил зубы. Такое неординарное поведение верзилы у азиата вызвало очередной прилив ненависти. Коротышка пригнулся и сильно размахнулся, надеясь ударить незнакомца в зубы. И в этот же миг он ощутил сильную боль в левой руке. Александр от удара ловко уклонился и почти молниеносно завернул руку противника за его спину. Нападавший от страшной боли сильно вскрикнул и медленно опустился на колени. Тотчас же к Кузнецову сзади подбежала Аллочка и на чистом русском языке стала отпускать в его адрес такую матерную брань, что кое-то из русских, лежащих на песке рядом и за километр, не без удовольствия стали оглядываться в сторону источника родной речи. Неизвестно чем закончилась игра слов и мышц, ежели бы не Александр, который по-озорному упал на песок рядом с коротышкой и громко закричал:

- Ну, ты, Фарид, ты даже меня не узнаешь... А ну, давай признавай своего земляка и сослужица...

Казах, несколько оправившись от мертвой хватки мощного верзилы, с явным непониманием и недоверием стал вглядываться в своего обидчика. Через несколько мгновений он быстро вскочил и прокричал:

- Ну ты, Кузнец.... Сразу же чувствуется твоя лошадиная сила... Ну и даешь, мой земеля...

С этими словами он опять опустился на колени и со всей силой плюхнулся на тело

верзилы, который что-то бубунил себе под нос. Друзья в единый миг превратились в живой клубок двух мужских тел, которые еще довольно долго катались по горячему песку и лупасили друг друга кулаками. Вскоре чисто мужское занятие им надело, и они, сопровождаемые взглядами разбуженных, а то и испуганных зевак, мирно побрели к воде, чтобы привести себя в порядок.

Через некоторое время на берегу Средиземного моря образовалась небольшая группа отдыхающих, в составе которой были двое мужчин и две женщин. Фарид и Александр все еще продолжали внимательно друг друга изучать. Иногда они с большим усердием хлопали друг друга то по плечам, то по голове. Женщины вели себя куда спокойнее. У Аллочки сразу же после знакомства появилась интересная подруга из сытой Германии, которая к тому же неплохо говорила по-русски. У Эрики блондинка также вызывала симпатию. Ей очень нравилась ее прямота и доступность в общении.

Александр с большим трудом признавал в седом мужчине бывшего старика Советской Армии рядового Исхакова. Фарид, которому не было еще и тридцати, сильно постарел. Его седая голова свидетельствовала, что после прощания возле КПП у земляка верзилы жизнь была не сахар. Предложение обмыть встречу подал Фарид, однополчанин с удовольствием его поддержал. Друзья неспеша направились в отель «Розамар». Пятиэтажное здание, находившееся в нескольких десятков метрах от моря, ярко выделялось среди остальных построек. На вопросительный взгяд бывшего стрелка-зенитчика о том, что же делать с женщинами, Исхаков с улыбкой посмотрел в их сторону и весело пропел слова из известной песни: « Первым делом, первым делом самолеты, а девушки, а девушки потом...». Женщины, заметив исчезновение своих мужчин, весело помахали им вслед руками. Это означало, что каждая парочка сегодня проводит свой вечер по своему усмотрению.

Отель поразил Александра не только своим внешним видом, но и внутренним великолепием. Роскошным был и номер Фарида, состоящий из трех комнат. Кузнецов на правах зеваки ходил по жилым апартаментам друга минут десять, пока тот принимал душ. Особенно восхищался он просторной спальней с широченной кроватью, на которой, без всякого сомнения, уместилось бы зенитное отделение с командиром роты впридачу. Нравился ему и небольшой дубовый столик возле постели, на котором стояла большая ваза с красивыми розами. В громадном холодильнике у друга находилось несметное количество вин, водки и пива. Роскошь номера, в котором отдыхал Фарид с Аллочкой, разительно, даже очень разительно, отличалась от той комнаты, где жили двое молодых людей, приехавших из сытой и благополучной Германии. Исхаков принял душ и вошел в комнату. Его друг с жалким видом сидел на мягком кожаном кресле и о чем-то думал. Заметив это, он очень серьезно его спросил:

- Ну ты, Санек, что нос повесил? Мы столько лет не виделись и зачем грустить... Для такой кислой рожи сегодня нет оснований.... Я буду сейчас кумекать, как лучше угостить своего

однополчанина и друга, а ты беги в ванну и мой свой живот...

Через час друзья покинули шикарный номер и опустились вниз, где находился ресторан. Здесь все также было очень красиво. Гостя особенно поразила красота блестящих стен и зеркального потолка. Мужчины присели за небольшой столик в самом углу, тут же подошел официант. Фарид сделал заказ. После первой рюмки русской водки бывшие армейские дембеля разговорились. Верховодил во всем Фарид. Кузнецов только изредка отвечал на вопросы своего армейского товарища и то очень коротко. Он и на этот раз не изменял своему железному правилу: не высовывать нос и держать язык за зубами. Да и хвалиться ему было нечем. За годы своего отшельничества по объединенной Германии он, дезертир, еще ничего не сделал для реализации своей желанной мечты. Да и в Испанию он попал совершенно случайно. Две недели грел свой живот не без помощи Эрики.

Замкнутость бывшего однополчанина нисколько не раздражала Исхакова. Боксер молчуном и тихоней был и в армии. Фарид после второго «стопаря» вообще разошелся. Он страшно хотел рассказать своему лучшему другу все то, что он пережил за эти годы. Александр очень внимательно наблюдал за своим земелей, который то тараторил как из пулемета, то стучал кулаками по столу. Иногда ему казалось, что он вот-вот стукнет кулаком по огромной голове официанта, который обслуживал их столик. Чернокожий паренек, поняв то, что маленький азиат с седой головой довольно богатый посетитель, решил основательно за ним поухаживать. Делал это он превосходно. Он успевал вовремя доливать в его рюмку спиртное, с усердием он также вытирал шваброй на полу смачные харчки, которые «испускал» изо рта пьянеющий рассказчик. Не проходило и пяти минут, чтобы негр не прошаркивался возле столика, за которым очень громко говорили и очень громко матерились. Русского языка прислужник не знал, но это не мешало ему хорошо «калымить». Где-то через час Фарид очень основательно поднагрузился и решил немного опорожниться. Официант мгновенно уловил желание своего клиента. Он ловко подхватил его под руку и осторожно сопроводил его до туалетной кабины. Минут через десять друг верзилы не без помощи того же негра осторожно приземлился на небольшую кожаную кушетку. Клерк очень мило раскланялся и даже трижды низко кивнул головой, когда новый казах с улыбкой одарил его купюрой стоимостью в сто долларов. Кузнецов купеческий жест своего друга приметил сразу же. Он улыбнулся и тихо произнес:

- Земеля!... Я вижу то, что ты опять продаешь боеприпасы нашей славной Группы войск в Германии... Фарид, ты уже генералом стал или у тебя сейчас есть другие каналы?...

Исхаков с некоторой недоброжелательностью посмотрел на того, кто ему сейчас задал вопрос. Некоторое время он молчал. Скорее всего, переваривал в своей голове вопрос друга. Он сегодня часто вглядывался в довольно грустные глаза некогда преуспевающего армейского боксера и старика. Он все еще не мог понять душевного состояния Александра, который значительно уступал ему в употреблении спиртного. Он, понимая его подвох, кисло

ухмыльнулся и произнес:

- Ну, ты, боксер, что с Луны свалился?... Я сейчас сорю этими теньгами и долларами потому, что они у меня сейчас есть... Да и на завтра я уже накопил...

Исхаков на некоторое время опять приумолк. Молчал и Кузнецов, которому не терпелось узнать истоки больших капиталов у своего друга, который в армии ничего собой выдающегося не представлял. Новый казах с ответом явно медлил. Подобную реакцию верзила ожидал. Мало кто из богатых людей отваживался говорить о подноготной своих барышей. На какое-то время лицо казаха озарилось улыбкой и он небрежно опрокинул рюмку водки в свой рот. Затем он ткнул вилкой в тарелку и также небрежно закинул в рот пару ломтиков красной рыбы. Александр с большим вниманием наблюдал за его действиями. Он уже нисколько не сомневался в том, что Фарид раскроет свои карты. Его душа даже несколько ликовала, когда его друг опрокинул очередную рюмку водки в рот и сквозь зубы проговорил:

- После армии жиз-ня у меня была, словно чер-ная туча... У нас в городе все и вся прихватизировали бывшие партийные, советские и комсомольские работники. Я же в этих домиках не жил и не работал. Честно скажу тебе, зема... Начинал я с самого нуля... До палочки с нулями пришлось идти довольно долго... Сначала ездил в Москву за тряпками. Заработок у меня был негустой, все отдавал бабам... Тогда я был очень голодный на эту живность, они же сильно бедствовали по деньгам. Я ведь красотой ни тогда, ни сейчас не блещу...

Размышления нового казаха о женщинах и о мужской красоте рассмешили собеседника. Ему захотелось выпить за мужчин и за женщин. Фарид его тост с удовольствием поддержал. Некоторое время друзья занимались поглощением блюд. Александр все еще почему-то не мог четко определить, что за деликатесы он кушал и кто их заказывал. Улыбающее лицо молодого негра к нему то приближалось, то куда-то проваливалось в некуда. После тоста за сильный и слабый пол Фарид включил свой «мозжечок» на полную катушку. Он, как это было возможно сделать, с силой притянул друга к своей физиономии и со вздохом произнес:

- Ты, паря, не думай то, что я на тряпках сделал большие деньги... Эти деньги я искал очень долго... Закупал скотинку в своей округе, затем чуть подальше. С напарником научился воровать, Сибирь ведь большая... Зелененькие дали простор и к бабьим утехам... Эти суки меня раньше на пушечный выстрел не подпускали, сейчас только выбирай... Сегодня забавляюсь Аллочкой, месяц назад была Машенька... Секретуток я лично сам выбираю, выбираю при одном условии... Они без всякой балды соглашаются...

Отбор женщин по «половому» принципу рассмешил полупьяного Александра. Он дружелюбно посмотрел на покорителя женских сердец и по-озорному сказал:

- Ну, ты, мой земеля, молодец... Я вижу, что ты очень многому добился в этой жизни... Не скрою, что я тебе чуть-чуть даже завидую, особенно твой Аллочке...

Чисто человеческая зависть друга нисколько не смутила Фарида. Упоминание об Аллочке, очередной его любовнице, только подлило ему масло в огонь. Он в данный момент был готов выложить перед земелей все свои мыслимые и немыслимые тайны. Подкупала его и зависть друга к его успеху. Фарид от радости заплакал. Затем с явным усердием крякнул и скороговоркой протараторил:

- Ты, мой старший брат мой младшей чурки... Я тебе обязательно сделаю сегодня женский сюрприз... Вот клянусь тебе, даю тебе слово дембельское...

На клятвенные заверения своего земели верзила никак не реагировал. Он только очень внимательно вглядывался в смуглое лицо друга и почему-то смеялся. Почему он сейчас смеялся, над кем или над чем, он сам толком не мог понять. Одно он знал очень четко. Его смех был со значительной долей горечи и сожаления за свое прошлое, и с еще большей долей страха за свое будущее.

Молодые мужчины в номер пришли в полночь. Александр на правах относительного трезвенника с большим прилежанием раздел своего друга и уложил его на широкую кровать. Аллочки в постели не было. Гость лег в соседнюю комнату на диван и сразу же заснул. Разбудили его ровно в четыре часа ночи. Он нехотя открыл глаза и увидел перед собою молодую девушку, плечи которой облегала красная накидка. Через несколько мгновений накидка стремительно опустилась на пол и перед ним предстала обнаженная женщина. Запах ее духов пьянил его и он протянул блондинке руки...

После ночной попойки друзья окончательно пришли в себя только поздно утром. К этому времени для них уже был приготовлен завтрак. Александр к столу явно запаздывал. Он сидел в просторной ванне и все обдумывал ночное посещение красивой блондинки. В том, что она была русской, у него сомнений не было. Как и не было сомнений, что ночной бабочкой была не Алла. Он, усердно оттирая мочалкой свое мощное тело, в какой-то мере сожалел, что этой ночью изменил Эрике. Она очень многое сделала полезного для него не только как для человека, но и даже, как для военного преступника. Он намеревался с ней жить и дальше.

Фарид сразу же заметил угрюмое лицо своего друга и поэтому решил его немного развеселить. Он с улыбкой пригласил его за стол и по-озорному проворковал:

- Ну, как дела, мой земеля? Я ночью был бобылем, а ты с блондинкой вижу очень славно поработал. Морда твоя почему-то тусклая, словно ты где-то побывал на учениях или таскал тачку с кирпичами...

Кузнецов на саркастическое замечание друга ничего не ответил. Он только взял большой стакан русской водки и залпом его выпил... Через час мужчины сидели за небольшим столиком на самом берегу моря и лениво потягивали прохладное пиво. Закусь и пиво заказывал Фарид. Александр с каким-то унынием смотрел на бывшего однополчанина, который всегда улыбался при том или ином заказе. Улыбался он и при рассчете. Новый

казах и впрямь сорил деньгами, таких денег у туриста из Германии не было, не было никогда. В заднем кармане спортивных брюк у него была единственная купюра стоимостью в двадцать марок. Эти деньги он планировал истратить во время встречи с земляком. Чем больше общался беглый солдат со своим некогда армейским коллегой, тем сильнее скребли кошки в его душе. Фарид не только имел большие деньги, но и был в курсе всех событий, которые происходили как в Казахстане, так и в Испании. Он то и дело «крутил» свой мобильный телефон и вел с кем-то разговоры то на русском, то на казахском языках. Кузнецов с завистью смотрел на своего друга, который был при деле, а может просто-напросто гнал картину перед «немцем». Александр деловые и неделовые разговоры нового казаха пропускал мимо ушей, они его не интересовали. Он сидел на песке и вглядывался в море. Огромная масса воды, сливающаяся с горизонтом, располагала к мыслям о прошлом и о будущем. Он весело усмехнулся, когда вспомнил урок географии, на котором его любимая учительница Галина Ивановна поставила самому вредному и тупому верзиле большую двойку. Санька не только ничего не рассказал о Средиземном море, но и не мог его показать на географической карте. Он только тупо смотрел на женщину и почему-то улыбался...

Друзья пролежали на пляже до самого обеда. Никто из них не собирался идти на обед, все были сыты. Не тревожили их и женщины. Фарид еще утром, находясь в постели, позвонил своей Аллочке. Подруги ночь провели весело и беззаботно. Они катались на туристическом автобусе и любовались ночным пейзажом. Алла предупредила своего шефа, что если им будет скучно, то она обязательно приедет. Узнав о прекрасном настроении женщин, Александр успокоился. Его душа также постепенно успокаивалась после «греха». Про себя он отметил, что ночная блондинка была не только милой, но и очень страстной...

Жара все больше и больше заявляла о себе. Друзья, вдоволь належавшись и накупавшись, решили погуляться. Прогулка по гористой местности была для них полезной и необходимой. Прохладный ветерок приятно освежал их головы и способствовал новым разговорам. Как и раньше, заводилой был Фарид. Он, скорее всего, от потока новых мыслей даже страдал и частенько делал остановки. Он то присаживался на небольшие скамеечки, напоминающие собой толстые чурбаны, то садился на раскаленные горные глыбы. Интерес к деловой болтовне своего друга у Александра все больше и больше пропадал. Он все больше и больше замыкался в себе. Чем больше хвалился Фарид о своих успехах в бизнесе, тем сильнее было желание у нищего русского уехать в родную Сибирь и организовать там свое дело. В собственном успехе он нисколько не сомневался.

На одной из горных вершин друзья решили основательно перекурить и отдохнуть. Фарид присел на каменный лежак, затем вытащил пачку сигарет и с жадностью затянулся. Александр от курева отказался. Его в такую жару уже подташнивало от обильной пищи и пива. Для Исхакова обильное застолье и курево было повседневной нормой. Глубокие

затяжки дорогостоящих сигарет прибавляли ему силы и он опять ударился в жизненные размышления. Он в очередной раз смачно затянулся, затем посмотрел на несколько смурного друга и со вздохом произнес:

- Эх, Кузнец, если бы мы с тобою раньше знали, какая разница существует между болтовней нашего замполита и реальной жизнью, то дров куда меньше было... Я к родичам приехал с дембельским чемоданом и с альбомом... У них также было пусто, скудную зарплату годами не выдавали... Положение у твоего земели было тухлое, очень тухлое... Иногда даже хотел идти учиться на прапора, они никогда в армии не голодали...

После этого он стянул с себя белую футболку и шорты. Затем он, оставшись в одних плавках, растянулся на лежаке. Через пару минут он захрапел. Верзиле загорать или спать не хотелось, он сидел возле своего друга и молчал. Палящее солнце продолжало основательно припекать. Ему на какой-то миг вновь захотелось спуститься вниз и погрузиться в воду. На его предложение пойти назад на пляж и покупаться, Фарид никак не прореагировал. Он, заложив руки за голову, продолжал с закрытыми глазами лежать и тихо сопеть. Через некоторое время его напарник также разделся и прилег на лежак. Кузнецов закрыл глаза, однако сон не шел. Думать ему также не хотелось, в его душе и в его голове было почему-то пусто. Через некоторое время его кто-то сильно дернул. Он нехотя открыл глаза. Перед ним сидел Фарид, который усердно отдирал руками облезшую кожу со своего живота. Такое занятие Александра рассмешило. И он, словно извиняясь за свою нетактичность, с усмешкой спросил своего друга:

- Фарид, что ты новое приготовил для меня за время своего сна? ... Я тебя внимательно слушаю...

Казах лукаво улыбнулся, и похлопав себя по красному животу, по-философски произнес:

- Одно, мой друг, ты и я должны уяснить четко... Ни одна власть, ни красная, ни белая и никакая другая рабу не даст счастья... Простой человек это счастье должен брать своими руками и своей головой... Я пять лет назад был мелкой сошкой... От нищеты и бессилия довольно часто плакал...

Он неожиданно на некоторое время замолчал, затем повернулся спиной к Александру и сказал:

- Вот, Санек, посмотри на мою спину... Это следы моих богатств... Они у меня и до сих пор болят, особенно ночью... Плохо и то, что в последнее время мое сердечко пошаливает. Оно в армии было еще надорвано, к начмеду ходил...

Кузнецов быстро спрыгнул с лежака и стал внимательно рассматривать спину тощего и неказистого мужчины. Поперек его спины виднелся широкий след от ножа или от другого острого предмета. Он с сожалением посмотрел на своего друга. Вчера и даже сегодня он не обратил внимания на этот шрам. На какой-то миг глаза молодых мужчин встретились, никто из них не отвел взгляд в сторону. Фарид, тяжело вздохнув, с каким-то облегчением

произнес:

- Мне в ту ночь помог Бог... Мне еще очень глупому мог прийти большой каюк...

Короткая история, рассказанная другом, до глубины души потрясла беглого солдата. Исхаков ради денег воровал домашнюю и совхозную скотину, затем ее перепродавал. Во время одного набега на усадьбу зажиточного крестьянина хозяина разбудила сторожевая собака. Он сразу же рванулся в хлев, где стояло около десятка упитанных бычков. Напарник Фарида успел смотать удочки, он же пожадничал. Ему не хотелось уходить без добычи, за что и пострадал. Хозяин, увидев бандита, сорвал со стены хлева косу и со всей силой ударил вора. Страшная боль молниеносно пронзила его спину, не помогла ему и толстая рубашка. Упитанный владелец бычков не стал добивать низкорослого казаха. Он схватил его за шиворот и протащил его через весь огород. Затем со всей силой перекинул его через небольшой ров, которым была опоясана усадьба... Фарид опять продолжал воровать...

Кое-что рассказал он и о своем дальнем родственнике, который работал в милиции. Майор не воровал, однако деньги имел приличные. Перепродажа иномарок приносила недавнему афганцу куда больше прибыли, чем какие-то коровы бывшего солдата ЗГВ. Не без помощи его Фарид организовал свое дело. У владельца автомастерской сразу же появились клиенты. Через год он открыл продовольственный магазин. Еще через год подобных магазинов у него было уже три...

После прогулки друзья спустились к морю. Затем они покупались и сели за столик. Явного желания напиться до чертиков ни у кого не было. Воспоминания о недавней военной службе разжалобили мужчин. Фарид немного всплакнул, повлажнели глаза и у Александра. Молодые люди, встретившиеся через несколько лет, понимали, что армейская служба была и осталась для них настоящей школой жизни. Лишь после того, как пляж полностью опустел, они решили расстаться. Фарид на прощание крепко обнял своего друга и со слезами на глазах произнес:

- Знаешь, Кузнец, если надумаешь мотать из Германии, то приезжай ко мне. Я тебе всегда помогу... Даю честное слово. .. И еще тебе напоследок скажу... Мне об этой притче еще мой дед говорил. Родина есть всегда родина. Я хоть и казах, пусть даже чурка, но чурка родная. И это мне дает силы... Ты там сытно жрешь, но ты там чужой, чужак... Чужая страна у тебя только силы забирает...

У Кузнецова неожиданно выступили слезы. Они, скорее всего, вызвали у Фарида очередной виток доверительных мыслей. Он еще раз с силой прижал к своей груди своего друга и уверенно произнес:

- Эх, мой земеля... Я вижу у тебя дела совсем плохие, ежели у такого силача и такого красавца бегут слезы... Я тебе всегда буду рад, клянусь памятью своей матери и отца. Санька, приезжай к нам... У нас есть где разгуляться, на наш век всего хватит... Я, честно говоря, иногда боюсь этих голодранцев и все в моем трехэтажном замке закрываю... Я все-

таки думаю, что они не посмеют на нашего брата руку поднять, не говоря уже о каких-либо революциях...

Кузнецов после теплого и трогательного прощания с бывшим однополчаниным еще пару часов бродил вдоль моря. В маленькую комнатенку испанской старухи ему не хотелось идти, не тянуло его и к Эрике. Душевное смятение, появившееся после слезного прощания с Фаридом, полностью им овладело. Он не кривил душой, что у этого казаха и непутевого солдата жизнь получилась, притом довольно неплохая. От зависти к успехам своего друга у бесцельно бродящего мужчины до боли сжималось сердце. Из его глаз текли слезы. Ему было стыдно перед своим соотечественником, который сумел нагрести столько денег, которые ему, красивому и сильному человеку, никогда и не снились...

Эрика со слезами на глазах встретила своего любимого. Он была встревожена его долгим отсутствием. Аллочка пару часов назад ей звонила и сообщила, что ее Сарсенбайчик уже давно пускает пузыри в постели. Кузнецов в эту ночь не прикоснулся к телу своей любимой немки, не протягивала ему руки и она. Она лежала рядом с ним и терзала себя мыслями о том, что же произошло в тот вечер и в ту ночь, когда она оставила своего русского наедине с казахом Фаридом. Имя и внешность друга Кузнецова очень смешили молодую девушку. Загадочное поведение красивого и высокого мужчины ее очень беспокоило и настораживало. С этими тревожными мыслями она и заснула. Перед сном она просила Бога о том, чтобы в завтрашний день отъезда домой, да и во все последующие, у нее с Александром все было хорошо...

Первый день после отпуска для молодой пары ничего радостного не принес. Не было у них радости и на следующий день. На третий день определенная надежда для радости появилась, появилась только для Эрики. На двери продуктового магазина в районном центре Цунден она совершенно случайно увидела объявление о том, что срочно требовались продавцы. Через пару минут она уже сидела в кабинете директора и слушала его указания. Мужчина непонятной национальности на ломаном немецком языке с большим непонятным акцентом рассказывал ей о предстоящей работе в качестве кассирши. О том, сколько ей будут платить, он ничего не сказал. Не спрашивала об этом и пришедшая. В конце беседы господин Шварц подвел молодую особу, жаждующую работать, к большому портрету, на котором был изображен владелец десятков, а может, даже и сотен магазинов объединенной Германии. Очень длинную фамилию продуктового магната до падения Берлинской стенки Эрика никогда не слышала. С трудом выговаривала она ее и сейчас. Старика с большим горбатым носом и с огромными оттопыренными ушами она никогда раньше не видела, и не знала. Да и в настоящее время он ей особой радости не приносил. Цены на продукты питания в этом магазине росли с каждым днем. Красивая женщина для приличия очень внимательно разглядывала старое, но очень богатое существо. Тому, кто его увидит в магазине первым, предстояло сразу же бежать в кабинет и информировать

начальство.

Магазин открывался в восемь часов утра. Новенькая приехала на работу почти за час до его открытия. Шефа в кабинете еще не было, вместо него сидела незнакомая женщина средних лет. Эрика, оскалив почти все свои зубы, вежливо поздоровалась и мило откланялась неизвестной начальнице. Затем она подошла к кассе и легко запрыгнула на небольшое кресло. Оно, как ей казалось, было сделано специально для нее. Покупатели в магазине отсутствовали, что также ее обрадовало. От нахлынувшего блаженства она даже размечталась. Кайфовать ей пришлось совсем недолго. Минут через пять пришла замдиректора магазина и повела ее на склад. После очень короткого инструктажа начальницы Эрика принялась загружать тележки всевозможными пакетами и овощами. Потом она, надрывая пуп, толкала тележки в торговый зал и раскладывала продукты на прилавки. Успела она побывать и в холодильнике, из которого выгрузила пару сотен куриных тушек. Господин Шварц, словно забыв о вчерашнем инструктаже, через свою заместительницу давал новенькой все новые и новые указания.

Только около двух часов дня у Эрики появилась первая возможность немного передохнуть. Она, еле-еле передвигая ногами, вышла через заднюю дверь складского помещения и села на скамеечку, на которой сидели два бомжа. Старики лениво потягивали пиво из маленьких бутылочек и о чем-то болтали. Работница от усталости закрыла глаза и стала жадно вдыхать свежий воздух. Появившееся чувство голода на некоторое время ей удалось приглушить. Неожиданно зарокотала машина. Сидящая девушка открыла глаза и обомлела... Из новенького «Мерседеса» вышел сгорбленный старичок, который был одет очень неряшливо. В руках у него был целлофановый мешок. Внешний вид владельца супермашины Эрику не испугал. К специфической одежде некоторых жителей она уже привыкла. Ее сейчас пугало совсем другое. Старик, как две капли воды, был похож на того, чей портрет красовался в магазине. Она, от внезапно появившегося страха перед начальником, привстала и громко ойкнула. Затем бросилась к центральному входу супермаркета. Через несколько секунд она уже была в кабинете директора. Шеф от внезапного визита продуктового магната сильно растерялся. За все время работы он и сам никогда в глаза не видел старика. Одно он знал точно, что у него в банках были сотни миллионов марок и три любовницы. Почему три, не больше и не меньше, господин Шварц и сам не мог понять. Ему об этом на ушко совсем недавно рассказал корреспондент местной газеты, написавший большую статью о магазине.

Дальше события разворачивались очень стремительно. Всем и вся руководил директор супермаркета. Он в срочном порядке отправил новенькую бдить за дальнейшими действиями прибывшего магната, Ей, как самой молодой и красивой, также надлежало хоть на какое-то время придержать богача. Как это сделать, никто ей рекомендаций не дал. Она решила действовать на свой страх и риск. Сначала она для убедительности подбежала к

огромному портрету. Сомнений у нее не было. Этот старик и тот на улице были близнецами. Она еще раз убедилась в том, что прокола в ее действиях не было. После этого она очень уверенно вышла из магазина и с ослепительной улыбкой продефилировала в сторону небольшого зеленого скверика. На ее удивление там было спокойно, даже очень... Богатое существо сидело на скамеечке, и обнажив огромную плешину под тусклые лучи солнца, лениво потягивало пиво. Уже знакомые ей старики занимались тем же. Поведение начальника очень обрадовало Эрику. От радости она присела на противоположную скамеечку...

В супермаркете в это время происходил настоящий переполох. Господин Шварц, прижав руку к сердцу, бегал по магазину и в прямом смысле буйствовал. Почему он кричал, почему сильно размахивал руками, он и сам не понимал. Однако в том, что все подчиненные его понимали, он нисколько не сомневался. Минут через десять все и вся было в полнейшем порядке. Его заместительница внесла важные изменения в некоторых бумагах. Благополучно убежали и три африканца, которые перебирали на складе овощи за символическую плату. Успели также испариться две темнокожие ученицы продавцов. Госпожу Крюгер шеф не трогал. Она сейчас выполняла очень важную миссию...

Эрика с магнатом появилась только через полчаса. Старику очень нравилась обходительность и очаровательная улыбка красивой девушки. При входе в супермаркет он с молодой особой тепло распрощался и даже слегка поцеловал ее руку. Новенькая от неожиданного счастья была на седьмом небе. Со счастливой физиономией она подошла и к директору, который был почему-то очень серьезный и, словно часовой, стоял у огромного портрета всегерманского продуктового магната. У мужчины непонятной национальности почему-то дергалась левая рука. Он, скорее всего, от нервного напряжения подошедшую брюнетку не замечал. Дрожали руки и тряслись колени у всего обслуживающего персонала супермаркета. Ожидалась очередная волна сокращений, никто не хотел быть выброшенным на улицу. Присутствие большой персоны или вероятность крупного воровства почувствовали и многочисленные покупатели. Кое-то из них стал очень внимательно разглядывать друг друга, надеясь найти в соседе важную персону или вора...

Развязка наступила минут через пять. Миллионер, почему-то стоящий в очереди, спокойно подошел к кассе и начал вытаскивать из небольшого целлофанового мешка пустые бутылки из-под пива. Директор и Эрика очень внимательно следили за каждым его движением. Никто из них не мог понять очень неординарного поведения старика. Новенькая неожиданно для себя повернула голову в сторону и увидела двух заросших бомжей. Они стояли у входа в магазин и почему-то махали всесильному старику руками... У нее сразу же душа ушла в пятки. В том, что она жестоко ошиблась в определении личности настоящего владельца несметного количества магазинов, она уже нисколько не сомневалась. Со слезами на глазах она посмотрела на портрет большеухого старца, затем перевела взгляд на бомжа и

медленно пошла вон. Через некоторое время ей вдогонку донеслось на ломаном немецком языке одно только слово «шайзе», что по-русски означало «дерьмо»...

Несмотря на неудачу устроиться в магазине, Эрика не сдавалась. Она все продолжала искать работу. Приличной не находила, это ее очень злило. Она от безысходности довольно часто приходила домой очень грустной, иногда со слезами. Александр горю своей подруги ничем не мог помочь. Он и сам себе места не находил, когда день и ночь протирал задницей диван или смотрел телевизор. Ему было очень стыдно смотреть в глаза свой любимой, для которой он был обузой и настоящим нахлебником. От этого он часто бесился, ему хотелось забыться от жизненных проблем и по-настоящему напиться. Однажды это он сделал, основательно нализался. Эрика впервые видела своего друга таким пьяным и очень испугалась. Она замерла от страха, когда великан взял ее на руки, и обдавая перегаром, понес в постель. В эту ночь он был как никогда страстный, но и одновременно очень грубый. Она безропотно покорялась мощному существу. Лишь после того, как он натешился и повернулся к ней спиной, она дала волю своим слезам. Она никогда в жизни так горько не плакала. Она плакала не только потому, что ее любимый русский был так сильно пьян. Ее это даже не так страшило. Она все еще не могла отойти от того, что произошло с ней сегодня, буквально несколько часов назад.

Эрика в первый день после отпуска бросилась искать свежую газету с объявлениями на работу. Приемлемых для себя она нашла три, сразу же стала звонить. Два первых ей пришлось вычеркнуть, вакансии уже были заняты. На третий звонок никто не отвечал. Позвонила на следующий день, еще через день, через неделю. Опять никто не отвечал. Лишь через две недели из трубки раздался мужской голос. Эрика уже через полчаса была у хозяина небольшой фирмы, которая занималась распродажей детских товаров. Шеф фирмы, мужчина лет пятидесяти, с большой бородавкой на левой части подбородка у нее особых симпатий не вызвал. Его поведение с первой минуты ее почему-то настораживало. Господин Мюллер почему-то очень пристально рассматривал лицо своей будущей секретарши, у которой была не только очень симпатичная мордашка, но и очень стройные ноги. После довольно продолжительной беседы он заверил Эрику в стопроцентном трудоустройстве. Оставалось дело за документами. Она решила обо всем этом своему русскому ничего не говорить, дабы не сглазить. Она намеревалась устроить ему сюрприз в первый день своей работы.

Все последующее разворачивалось явно не по плану молодой немки. Госпожа Крюгер пришла с необходимыми бумагами к шефу ровно в десять часов утра, как они и об этом ранее договаривались. Хозяин был уже на месте и радушно встретив девушку. Затем он очень внимательно просмотрел ее документы. Какого-либо криминала в ее биографии не нашел. Она и сама за это была спокойна. Коммунистом в бывшей ГДР не была, к судебной ответственности не привлекалась. О том, как ломала Берлинскую стенку, она решила

умолчать. Ее тогда рушили сотни тысяч ей подобных...

Будущей секретарше неведомо было знать о том, что сам господин Мюллер на площадях не горланил и стенок не рушил. При бывшей социалистической власти он был маленьким клерком, но все же чиновником. В этот город, расположенный на берегу Эльбы, он приехал пять лет назад, дабы окунуться в мир неизвестности. И не только поэтому. Он буквально через месяц после исчезновения ГДР на политической карте мира развелся со своей женой. Магда была не только красивой женщиной, но и занимала очень высокий пост в их родном городе. Герхард сразу же усек, что с такой некогда важной персоной жизни у него не будет. Он нисколько не сомневался в том, что новые власти их в покое не оставят. Здесь же было лучше и куда спокойнее. От приятных воспоминаний о прошлом мужчину часто мучила бессонница. Он глотал таблетки или прикладывался к коньяку.

Официальная встреча шефа с молодой красавицей заканчивалась очень удачно. Господин Мюллер показал молодой госпоже Крюгер ее рабочее место секретарши. Комната была небольшая, однако очень уютная и светлая. Девушке очень нравился стол и кресло, она даже успела в нем посидеть. Заметила она в самом углу комнаты и небольшой стеклянный столик, на котором стояла бутылка шампанского и лежало несколько бананов. От предложения шефа выпить за успешное начало своей работы Эрика не отказалась. С большим удовольствием она выпила бокал шампанского и за его здоровье. Больше ей шампанское пить не предстояло. Виной этому явился сам шеф. Не успела она отойти от второго бокала шампанского, как неожиданно оказалась в его сильных руках. Через несколько мгновений он начал обеими руками стягивать с нее джинсы. Пыхтел при этом он, как перегруженный паровоз. Эрика сразу не поняла, что с ней происходит. Она только по-настоящему пришла в себя тогда, когда фирмач разорвал ее розовые плавки и прижал свою руку к ее влагалищу. Что происходило дальше и почему это происходило в приемной директора фирмы, она помнила очень смутно. Дальше она действовала, словно обреченная львица, на которую вооруженные люди делали облаву. Она, лежа на спине на стеклянном столике с задраннами ногами, со злостью и с ненавистью смотрела на своего насильника. Он, скорее всего, надеясь на покладистость новенькой, на какое-то время потерял бдительность и спокойно начал снимать свои брюки. Этим и решила воспользоваться Эрика. Она повернула свою голову в сторону и увидела на самом краешке столика недопитую бутылку с шампанским. Она мгновенно ее схватила и с силой ударила ею по голове шефа, с члена которого уже капало...

О происшедшем в приемной фирмача Эрика решила в этот вечер Александру ничего не говорить. Да и ему было не до ее проблем. Он спал, как убитый. Она в эту ночь очень долго размышляла о смысле совместной жизни мужчин и женщин, пришла к довольно интересному выводу. Для большинства мужчин секс вперемежку с насилием является самым главным в их жизни. Не исключением был и ее русский дезертир, которого она только

вчера так сильно любила. В эту ночь в ее душе что-то надломилось по отношению к этому человеку. Почему это произошло, она сама еще не до конца понимала...

Не везло в поиске работы и Александру, несмотря даже на неимоверные усилия его подруги. Эрика пересматривала практически все газеты. Работа была, как правило, тяжелая и очень низкооплачиваемая. Однако это не пугало русского. Он согласен был на все и на вся. Эрика его прекрасно понимала и с любым пригашением на работу «расправлялась» до конца. Она сама лично звонила и назначала термины, на которые приходила вместе с другом. Все было бесполезно. Без необходимых документов не брали. Не брали также и по причине незнания немецкого языка. Неоднократные попытки Александра «онемечить» свою голову и мозги заканчивались неудачей. Почему это так происходило, он и сам не мог понять. Хотя для «языка» у него были неплохие условия. Эрика довольно часто начинала говорить с ним по-немецки, через пару минут он почему-то скатывался на русский. В итоге получалось, что не она учила его немецкому, а он учил ее русскому языку. В своей душе он уже не скрывал того, что желание учить язык обитателей сытой страны у него постепенно стало пропадать. Особенно после встречи с Фаридом у моря...

Найти себе работу Кузнецову удалось лишь через год и то к концу лета. Нашел он ее в соседней деревне, неподалеку от Шпрингера. Нашел не без помощи своей подруги. Односельчанина господина Кремера Эрика знала, как облупленного. При коммунистах и при демократах старик ничем не отличался. У пенсионера ни в молодости и ни в старости хозяйственной жилки не было. Противоположностью отцу был его сын, который, непонятно для Эрики, быстро разбогател. Он имел свой магазин в Дрездене, где когда-то учился. О том, что ему надо пару мужчин на месяц, она узнала совершенно случайно, когда встретилась с отцом предпринимателя на автобусной остановке. Утром следующего дня она представила своего русского перед тем, у кого он намеревался работать. Шефу было лет тридцать, не больше. Его молодость вызвала у Александра к нему определенные симпатии и не только по этой причине. Он с завистью смотрел на новенький супермаркет, который по планам хозяина должен был открыться первого сентября. Работодателя устраивало все то, с «чем» пришел русский. Документов он у него не спрашивал, специальностью также не интересовался. Немец обещал платить ему пять марок в час. Сколько он платил напарнику Кузнецов не знал и не интересовался. Да и у самого негра, с кем предстояло ему работать, невозможно было об этом спросить. Молодой парень с темной кожей прекрасно говорил на английском языке, немецкий он вообще не знал. Хозяин основную ставку делал на негра, который и взаправду оказался неплохим специалистом. Майкл умело настилал линолеумом пол, красил окна. Александр служил у него подсобным рабочим. Каждое утро «черные» персонально получали от шефа свой объект работы, который стремился держать их на значительном расстоянии друг от друга. Он очень злился, когда видел вместе черного и белого. Замечаний по этому поводу им он не делал. На следующий день он просто-напросто

вносил коррективы, дабы еще уменьшить непроизводственные потери рабочего времени. Сам шеф иногда на какое-то время исчезал, оставляя вместо себя для присмотра свою дочку. Девочке, которой было лет десять, не больше, то и дело шныряла по супермаркету. Кузнецов к концу работы сильно выматывался, однако самое тяжелое и противное еще было у него впереди. Удо, так звали хозяина, после тщательной проверки выполненной работы заглядывал в свою записную книжку. Затем делал в ней какие-то пометки. Лишь после этого он производил оплату. Во время распределения на работу и при рассчете господин Кремер всегда говорил на немецком языке, что очень бесило русского. Он, не зная языка, ничего не мог сказать против надменному и очень хитрому немцу. Он нисколько не сомневался в том, что бывший инженер значительно лучше знает русский язык, чем он немецкий.

У владельца супермаркета все было расписано по нотам, как у талантливого музыканта. Его научной эксплуатации «черных», русский нисколько не удивлялся. Он уже раньше убеждался в этом у других на своем горьком опыте. По этой причине он не лез в «бочку», все было бесполезно. Профсоюзов здесь не было, не было и замполита. Александр при рассчете только внимательно смотрел на стол, на котором лежало несколько бумажек и небольшая кучка мелочи. О том, что немец не любил рассчитываться большими купюрами, он это заметил сразу. Да и за десять часов тяжелой работы гражданин бывшего Советского Союза до крупных купюр не дотягивал. Он, получив деньги, быстро вылетал из бюро и на ходу их пересчитывал. Затем поворачивался в сторону супермаркета и смачно по-русски матерился...

Эрика очень радовалась тому, что ее друг нашел работу. Она всегда его встречала на автобусной остановке. Усталый, но светящийся от радости, верзила лихо спрыгивал с подножки на землю и нежно ее обнимал. Затем они шли в пивнушку, которая находилась рядом с остановкой. Кузнецов со своей подругой здесь завсегдатаями не были. Даже сейчас, когда он стал работать, они не шиковали. Они заказывали на брата по маленькому бокалу пива и пакетик соленой соломки. За столиком также они долго не сидели. У «черного» от тяжелой физической работы гудели руки и болела спина, ему страшно хотелось полежать на диване. Эрика лишь изредка интересовалась производственными успехами своего любимого. Он, как правило, на подобные ее вопросы отделывался молчанием. Иногда лукаво смотрел ей в глаза и улыбался. Она до истины и не докапывалась. Она прекрасно знала, что ее Сашенька не депутат бундестага и не протирал задницей мягкое кресло, а что-то возил или таскал. Русский лично и сам был не в восторге от своего производства. О том, что он мыл полы или разравнивал землю возле магазина, Эрике и на самом деле было бы не интересно слушать. Он также считал неприличным занятием докучать вопросами и об ее трудоустройстве, не хотел лишний раз сыпать соль на ее рану. Его подруга все еще оставалась без работы.

Основной работы у нее и на самое деле не было. «Чернуху» все-таки она нашла. Свой маленький приработок она держала втайне от своего русского. После того, как он уезжал на работу, она садилась в автобус и ехала в районный центр Цунден, в квартиру престарелой бабки. За уборку комнат и стирку женщина наличными почти не платила. Рассчитывалась она всевозможные побрякушками или новые тряпками. Эрика все это «спускала» на рынке возле вокзала. Покупатели у нее всегда были. В основном это были иностранцы и аусзидлеры. С одним из них она встретилась совсем недавно, когда вместе с Александром проходила по фломаркту. Ему очень понравился небольшой будильник в виде русского медведя, да и стоил он всего десять марок. Ее попытки уговорить его не брать часы были безуспешными. Он все-таки добился своего. Он ничего особенного в поведении продавца не заметил, зато Эрика себе места не находила. Она стояла возле столика и лишь изредка бросала взгляд на «руссака», которому два месяца назад продала будильник за пятерку. Николай своей продаже был очень рад. Он, приняв молодую парочку за родных аусзидлеров, успел бросить им вдогонку народную прибаутку, от которой у госпожи Крюгер покраснели не только уши, но и нос...

«Чернуха» у беглого пролетела очень быстро. Шеф черного и белого работника продержал на объекте тютелька в тютельку, ни часа больше. Очередной объект применения своих физических сил Александр нашел по объявлению в русско-язычной газете «Земляки», которую купил в киоске. Объявление его очень заинтересовало и он позвонил. Складское помещение, где предстояло ему работать, находилось в районном центре. Он, едва переступив порог очередной рабочей точки, неслыханно обрадовался. Здесь все было для него родное и русское: люди, объявления и надписи на стенах. Исключением были только ценники на всевозможных пакетах и мешках, которые были на немецком языке. Организацией работ на складе занималась женщина, аусзидлерша. Она не только умело отдавала всевозможные распоряжения, но и прекрасно объяснялась на специфическом жаргоне с мужчинами. Новенький в самом начале своей работы был в каком-то шоке, когда видел и слышал то, как «худосочное» существо, которое называлось по-простому русской бабой, очень искусно бранило непутевых работников. Через несколько минут шок у него прошел. Все стало, как всегда и раньше. Работа на складе была примитивная, каких-либо приспособлений для разгрузки или погрузки товаров не было. Все и вся делалось при помощи живота. До обеда трое парней, в число которых попал и беглый, разгрузили два мощных большегруза. Шахиня, так прозывали начальницу между собой мужики, сиеминутно перекинула троицу на другую часть склада, перетаскивать мешки с картофелем. Перекура, как такового, ни советского периода, ни армейского, не было. Он наступил совершенно неожиданно, когда начальнице кто-то позвонил по мобильному телефону. Она, известив работяг о том, что через двадцать минут снова прийдет на склад, уверенно двинулась к выходу. Затем она с независимым видом стала закрывать двери. От ее неожиданных

действий новенький чуть было не проглотил язык. Ему уже давненько хотелось сходить по естественной нужде в туалет, находящийся во дворе. Он, не долго думая, сделал несколько шагов в сторону проворной шахини, которая уже вытаскивала из кармана ключ, чтобы закрыть ворота с обратной стороны. На какое-то мгновение он остановился. Он все еще не мог в своей голове «культурно» обработать личную просьбу сходить по-тяжелому и выдать ее на-гора той, которая была ему чуть ниже его пупа. Неожиданно из толпы раздался тонкий мужской голос:

- Анна Ивановна! Вы пожалуйста не закрывайте нас... Кое-кто хочет и на ветерочек сходить...

Почти ангельское обращение довольно интеллигентного мужчины, который на цыпочках подошел к женщине, какого-либо воздействия на нее не возимело. Просьба вызвала у нее раздражение. Она презрительно бросила взгляд на своего временного работягу и сквозь редколесье зубов процедила:

- Ты, гляди, какой ушлый нашелся... Ему на ветерок захотелось... Я таких засранцев сколько перевидела... Я целый день трусы не снимаю и все по причине вашего ветерка... Благодаря ветерку мы теряем сотни марок...

Дальше она решила не глаголить. Скорее всего, звонок был очень важный или ей самой захотелось сходить на ветерок. Пятеро мужчин, словно первоклашки, смиренно наблюдали за тем, как руссачка закрыла дверь и провернула ключом замок. Не успела она еще сесть в машину, что было видно через большое окно, как Колян, так звали напарника интеллигентного мужчины, неизвестно откуда принес бутылку русской водки. Мгновенно образовался мужской круг. Присоединился к нему и беглый. Он, сдерживая свои естественные необходимости, с удовольствием опрокинул полстакана водки и закусил огурцом. Не прикоснулся к спиртному лишь Иннокентий, интеллигент. Он почему-то во время пирушки молчал. Молчание передалось и тем, кто «раздавил» бутылку. Через некоторое время тишину нарушил Колян. Перед тем, как раскрыть свой рот, он со всей силой швырнул пустую бутылку в глубину склада. Стекляшка, совершив пируэт, опустилась на какие-то ящики и разбилась. Он от радости крякнул, и повернувшись лицом к интеллигенту, с гордостью заявил:

- Знаешь, Икона... Я здесь уже пару недель торчу и меня все это устраивает... Я честно говорю, мне хорошо здесь... Здесь все родное, даже наша русская водочка...

Затем он повернулся к Александру и весело спросил:

- Ну, а тебе, молодой человек, разве здесь ничего и нисколько не нравится?

Увидев недоуменный взгляд мощного верзилы, он почему-то осекся, и словно провинившийся котенок, направился к двери склада. Больше никто ни о чем и ни о ком не говорил. Все разбрелись, кто куда. Кузнецов, уже чувствуя, что его вот-вот «вырвет» из одного места, решил больше двигаться. В движении он на какое-то время забывал о туалете

и о том, что он давно там хочет сделать. Ему казалось, что наглая руссачка уже забыла о своих подопечных. От этой страшной мысли его бросало в пот. Он чуть было от радости не закричал, когда двери распахнулись и шахиня с улыбкой на устах прошипела:

- А ну, господа засранцы... Кто хочет в туалет, давай бегите... Да не забывайте, что вы все на моем производстве...

Под веселый хохот женщины и тройки мужчин Александр и Иннокентий рванулись к выходу. После таулета они решили не спешить идти на склад. Инициативу подал интеллигент, предложив молодому человеку немного побродить. Свежий воздух и долгожданное естественное облегчение предрасполагали к этому, но прогулка не состоялась. Мужчины не успели еще и «вырулить» по пешеходную дорожку, как из двери склада появилась физиономия Коляна. Он неистово махал рукой в стороны тех, кто намеревался чуть-чуть посачковать.

Восемь часов работы на складе пролетели быстро. Русская шахиня, как и немец Кремер, рассчитывала работников поодиночке. Александр, как новенький, вошел в бюро последним. Анна Ивановна с улыбкой встретила рослого парня, улыбался и он. Он внимательно вглядывался в глаза еще относительно молодой женщины и терзал себя мыслями, чем «озолотит» его сегодня эта персона. Большой зарплаты он не ждал. Мужчина по телефону обещал ему пять марок за час. Шахиня вытащила из своего кошелька двадцать марок и протянула их «черному», который недоуменно начал лупать глазами. Она, скорее всего, подобную реакцию работника ожидала. Она спокойно встала из-за стола и также спокойно подошла к большому шкафу. Затем его открыла и вытащила из него небольшой целлофановый мешок. Потом она опять присела за стол и с олимпийским спокойствием произнесла:

- Кроме оплаты наличными, у нас обязательная оплата всем тем, чем богат наш склад...

Кузнецов не знал, что было в этом мешке. Открывать его он также не намеревался. Он только кисло улыбался и молчал. Возмущаться «подарком» в первый день своей работы он не рискнул. Он не знал, что его ожидает завтра в этой сытой и чересчур демократической стране. «Культурное» поведение новенького обрадовало аусзидлершу. Она впервые видела на складе такого красивого и ладно сложенного мужчину. Он ни в какое сравнение не годился ее мужу, который когда-то крутил баранку в небольшом киргизском городке. Почти тридцать лет назад она, молодая немка, впервые в своей жизни села в машину с шашечками возле железнодорожного вокзала. В этот же день она также впервые дала свой домашний адресок молодому водителю Пете. Первая брачная ночь таксиста и студентки также прошла в государственном автомобиле. Ее муж выдающимися способностями ни там и ни здесь не выделялся. Он везде глушил пиво. «Левых» денег он почему-то также никогда не приносил. Из-за этого дома разборки были почти каждый день. Опытный таксист и инженерша с «двухкопеечной» зарплатой до светлого коммунизма не дожили. Их, как и

миллионы других простых смертных, коммунисты просто-напросто обманули...

На исторической родине своих предков у дипломированного металлурга, откуда не возьмись, появилась настоящая хватка торговать. Сначала было очень тяжело, сейчас легче. Проблем было еще меньше, ежели бы нашелся подходящий парень для ее единственной дочери Танечки. Все упирается в женихов, достойных ей нема. Шахиня, кося глаз на красивого парня, как женщина, даже завидовала его девушке, которая, наверняка, у него была. Такие мужчины очень редко живут в одиночестве. Она и сама была не прочь окунуться с ним в мир молодости...

Анна Ивановна сейчас, конечно, боялась сразу же выдавать на-гора свои подспудные мысли мало знакомому человеку. Однако намек в отношении своей дочери она решила все-таки подать. Авось, сейчас клюнет, а может и позже. Ведь все в этой жизни бывает. Она и сама никогда не думала, что ей под старость придется жить в Германии, да еще и кое-что иметь...

Она, прощаясь с новеньким, с улыбкой протянула ему руку. При этом, внимательно глядя ему в глаза, умиленно прошептала:

- Молодой человек... Я завтра буду ждать тебя в такое же время и только на моем складе...

Кузнецов молча протянул руку женщине и с кислой улыбкой вышел из бюро. Возле автобусной остановки он присел на скамеечку, и затаив дыхание, раскрыл упаковку. От увиденного у него чуть было не выпала челюсть. В мешке был небольшой пакет картофеля и два пакета моркови. В магазине такой «довесок» тянул на пять марок, не больше.

Эрика столь раннее возвращение своего друга явно не ожидала и поэтому была очень удивлена. Еще больше был удивлен Александр, когда он открыл дверь и вошел в зал. В центре комнаты стоял стол, «нагруженный» до отказа всевозможными блюдами. Часть из них он давненько не кушал. Жизнерадостная хозяйка ни на какие его вопросы не отвечала. Она специально молчала, сжав губы, и весело кружилась то вокруг своего любимого, то вокруг стола. Иногда она напевала себе под нос какую-то немецкую песенку. Не раскрыла она тайну своего радостного настроения и праздничных приготовлений и за столом. Русский с восхищением и с недоумением смотрел на свою красивую женщину и также радовался чему-то неожиданному и загадочному. Он радовался непонятному, как маленький ребенок. Он сейчас не узнавал Эрику, которая поровну поделила с ним целую бутылку шампанского. От спиртного она нисколько не пьянела. Она только по-детски смеялась и тыкала пальчиком ему в висок.

Открыла она свою тайну любимому только ночью, когда он поднял ее на руки и понес в постель. Оказавшись в истоме любовных чувств, она с легким вздохом ему прошептала:

- Мой любимый Сашенька.... Ты скоро станешь гражданином нашей страны....

Кузнецов до конца еще не понимал, о чем шептала ему на ухо любимая девушка. Одно он знал точно, что она говорила ему что-то очень важное, ради которого он так долго страдал.

Страдал не только он один, страдала и она, немка бывшей ГДР, которая по-настоящему полюбила его, военного дезертира. Он пристально смотрел на ее красивое лицо и вытирал слезы, которые маленькими ручейками текли из ее глаз. Своих слез, слез прошлых переживаний и предстоящих надежд, он не замечал.

Утром Кузнецов работать на склад не пошел. Влюбленные считали это бессмысленным занятием. Да им и не до этого было. Информацию о том, что руководство Германии и России приняло решение не преследовать дезертиров из бывшей Западной группы войск, Эрика узнала из немецкой газеты. Газеты она покупала почти каждый день, надеясь найти себе работу. Она перечитывала эту небольшое сообщение несколько раз, перечитывала со слезами на глазах. Она была счастлива, как никогда. Сейчас у нее, как и у всех людей, появилась возможность приобрести обыкновенное человеческое счастье. Ее счастье невозможно было без русского солдата, который переступил черту закона ради того, чтобы жить и любить. С этими мыслями она накрывала праздничный стол, стол настоящей и будущей любви для единой семьи. Об этом она думала и в постели, когда до крови кусала страстные губы любимого русского.

К ратуше они подошли ровно в десять часов утра. Оба волновались, особенно Александр. Ему еще не верилось в возможность такого решения. На всякий случай он даже подстраховался, не стал заходить в помещение и остался на улице. Он стоял возле небольшого скверика, и то и дело озирался по сторонам. Эрика пришла к нему минут через двадцать, пришла с подавленным настроением. Он сразу это заметил. Узнав о том, что местные чиновники никаких циркуляров в отношении русских дезертиров не получали, он сильно расстроился. Он начал колотить кулаками по рядом стоящему дереву и материться. Эрика, наблюдая за ним, внезапно заплакала и принялась что-то шептать себе под нос. Два дня недавние ходоки в ратхаус не выходили из квартиры. Они никого не хотели видеть и слышать. Особенно буйствовал верзила. Он повыкидывал из шкафа все немецкие газеты и чуть было не раскроил «голову» телевизору. Ему казалось, что все о чем пишут и говорят, есть брехня. Молодая парочка из душевного «запоя» вышла только через неделю. Вышла к своей радости и к своему удивлению даже окрепшей. Они решили не сдаваться.

Прошел месяц. Для них он оказался на редкость удачным. Эрика в райцентре устроилась в дом престарелых уборщицей. В ее деревне работы вообще не было, почти все сидели на социальном пособии. Всевозможные курсы для молодых немцев были просто-напросто профанацией. Корочки не давали гарантии в трудоустройстве. О престижной работе никто не мечтал. Кое-кто продолжал уезжать на запад страны, там были свои проблемы...

Кузнецов после того, как Эрика трудоустроилась, все чаще и чаще предавался размышлениям, которые его нисколько не кормили. Желание вернуться на русский склад у него то возникало, то пропадало. Он в принципе был не против там поработать, но его не устраивала почти символическая зарплата. Безысходность все больше и больше брала

верх над молодым мужчиной. Он, дабы вообще не чокнуться и не сойти с ума, нередко садился в автобус и ехал в Цунден. Этот небольшой городишко все больше и больше притягивал его к себе. Многие улицы были ему почти знакомыми, даже родными. Здесь он оказывался в потоке людей, что в какой-то мере поднимало его жизненный тонус. По городу бродил он иногда часами, но он никогда не заходил в единственный дом престарелых, где работала его любимая. Он прекрасно знал, что ей было не до русских анекдотов. Он и сам видел, что она очень устает на работе и стесняется своей «профессии». Из местных немок, особенно молодых, никто не работал в этих заведениях. После работы Эрика очень долго сидела в ванне и тщательно мыла свое тело. Затем она сильно душилась, словно хотела доказать ему, что на ее нежном и молодом теле нет остатков старости или каких-либо человеческих болезней. Сам русский никогда не заводил речи о стариках или о каких-то альтхаймах. Он всегда щадил ее самолюбие. Да и на это он не имел право. Он, сильный и здоровый бездельник, сидел на мизерной зарплате доверчивой и порядочной немки. Одно, что он мог сделать полезного для семейного бюджета, это экономить. Необходимость этой «процедуры» он понимал с каждым днем и с каждым часом. Кое-что в этом отношении ему удавалось сделать. Он по деревне все больше и больше ходил пешком. В самый дешевый магазин «Альди» ездил на велосипеде. Резко сократил он поездки и в райцентр. Эрика его экономику не признавала. Она делала все возможное, чтобы холодильник всегда был полным. Однако все это не успокаивало нервную систему беглого. Санька Кузнецов из глухой сибирской деревни хотел большего в этой жизни. Не ради дешевой бутылки пива он скитался по лесам и жил почти все это время отшельником.

Александр вновь и вновь возвращался к своему мужскому идеалу - Фариду. От зависти к богатствам однополчанина ему иногда хотелось плакать. Мысль о том, что надо набрать номер телефона и позвонить земеле преследовала его почти каждый день и ночь. Он иногда открывал записную книжку и вновь ее закрывал. Стыд в прямом смысле его душил. Он, дабы не смалодушничать перед другом, записную книжку все чаще и чаще прятал подальше от себя. В некоторые минуты отрешения от человеческого мира он обращался к Богу и просил у него помощи, возвращался и к пророческому сну родной матери...

Наступила суббота. Александр в этот день, как правило, приезжал в Цунден, чтобы встретить свою Эрику. Она в три часа дня заканчивала работу и после этого они гуляли по городу. До встречи на вокзале у него оставалось около часа. Он направился в парк, в котором всегда было очень многолюдно. Неподалеку от его входа находилось несколько торговых палаток. Всевозможные тряпки и безделушки на этот раз Александра не интересовали. Он неспеша подошел к небольшому искусственному озеру и невольно залюбовался мощным фонтаном, который был установлен в самом его центре. Неожиданно его кто-то по имени окликнул, он повернулся. От увиденного Кузнецов чуть было не присел. За одним из столиков, расставленных на берегу вдоль озера, сидел неудачливый

«засранец» Иннокентий, Икона. Рядом с ним сидела Эрика, которая также, как и он, все еще не могла прийти в себя от неожиданной встречи со своим другом. Мужчины, словно давние знакомые, весело смеясь, двинулись навстречу друг другу и по-русскому обычаю трижды обнялись. Никто из них не ожидал, что им когда-то опять придется встретиться. Верзила в свой единственный день работы на складе, честно говоря, и не придавал большого значения личности молчаливого мужчины. Интеллигент был уже в годах, новенькому он был до лампочки. У каждого были свои проблемы, свои головные боли. Сейчас же, скорее всего, сама судьба заставила работяг вновь увидеться. Иннокентий был рад встрече с верзилой. Его глаза вообще заискрились огоньками, когда он узнал, что этот молодой парень является другом красивой немки Эрики, с которой он познакомился на барахолке не без помощи русского торгаша Николая.

Тройка бывших строителей социализма буквально через пару минут нашла общий язык. Мерилом единства была не только русская водка, но и немецкие сосиски с горчицей. Мужчины после первой рюмки принялись болтать, Эрика в разговор не вступала. Она сидела и наблюдала за потоком людей, который нескончаемо двигался вокруг прекрасного озера. Иногда она поднимала голову вверх и подставляла лицо к солнцу, которое, несмотря на закат лета, продолжало дарить гуляющим щедрость своих лучей и тепла. Кузнецов при разговоре с Иконой держался настороженно. Он все боялся о чем-либо важном из своей жизни проговориться. В принципе в его жизни ничего сверхестественного и не было. Он еще раз в этом убедился, когда услышал исповедь о поистине уникальной жизни своего собеседника.

Иннокентий Поляков после окончания военного училища служил в ГСВГ, пять лет пролетели незаметно. Затем был Кахазстан, потом дембель. Майор в запасе подался в Молдавию, где в молодости познакомился с симпатичной немкой. После развала Советского Союза он решил уехать на историческую родину предков своей жены, русской немки Полины Рудель. Бывший офицер до самой последней минуты не верил в то, что ему судьба будет благоволить выехать за бугор. Один из чиновников припугнул еще относительного молодого мужчину, что немцы навряд ли пустят к себе тех, кто совсем недавно с оружием в руках защищал тоталитарный режим. Поляковы ждали документы на выезд ровно пять лет. За это время Икона сильно поседел. Приехали сюда и здесь проблемы. Немецкие власти направили переселенцев на восток, где жизнь с каждым днем затухала. Руссакам предстояло три года жить на одном месте, иначе помощи никакой. Бывший военный инженер просил жену попытаться найти пристанище на западе страны, та была решительно против. Через год после приезда семейная пара посетила небольшой городок Росслау, где тридцать лет назад молодой лейтенант начинал офицерскую службу. Съездили они и в Лейпциг, последнее место службы в ГДР. Казалось, все здесь было так, как и раньше. Однако это только казалось... Здесь все было другое: люди, дома и даже воздух...

Чем больше отставник вел разговор о своей жизни, тем больнее становилось на сердце верзилы. На какой-то миг он опять оказался в роте капитана Макарова, в кругу своих сослуживцев. От теплых воспоминаниях о пребывании в ЗГВ ему даже отдыхающие становились роднее и ближе. Сейчас он нисколько не отрицал, что многолетнее отшельничество его ожесточило, сделало даже диким. Только благодаря своей любимой он постепенно снимал с себя маску ненависти и отчужденности к людям. Он повернулся и внимательно посмотрел на Эрику. Его пристальный взгляд она заметила и весело улыбнулась. Александр незаметно продвинул свою руку к девушке. Через несколько мгновений их ладони слились в единое целое...

Неожиданно кто-то сзади подошел к Иннокентию и хлопнул его по плечу. Молодая парочка на появление незнакомой женщины сначала никакого внимания не обратила, каждый занимался своим делом. Александр, раскрыв рот, продолжал слушать монолог Иконы. Эрика по-тихоньку тянула прохладное пиво и глазела вокруг. Лишь после того, как Иннокентий быстро выскочил из-за стола и стал обнимать женщину, верзила перевел на нее взгляд. Она была по возрасту ровесницей мужчины, симпатичная и стройная. Появление Иры, так представила она себя молодым людям, в корне изменило прежний «режим» времяпрепровождения отдыхающих. Икона позиции своеобразного тамады почти сразу же «сдал». Ведущей за столиком стала новенькая, которая вела разговор с Иконой то на немецком, то на русском языках. Это и привлекло к ней внимание верзилы. Он уже намеревался покинуть столик и прогуляться с Эрикой вокруг озера.

На какое-то время за столом наступила пауза. Передышку использовал Иннокентий. Он быстро сбегал в небольшой ресторанчик, находящийся почти в двух шагах от озера, и принес оттуда бутылку коньяка и четыре больших бокала пива. После первого тоста за здоровье гостьи старшие продолжили разговор вновь. Молодые им не мешали. Они молчали и с улыбкой наблюдали за теми, кто очень непринужденно рассказывал друг другу о своей жизни. Новенькая все больше и больше становилась для верзилы близкой и даже в некоторой степени родной...

Война по-живому разрезала немецкую семью, которая жила в Кенингсберге. Дед Иры в это время служил в гитлеровской армии и защищал Берлин от советских войск. Ее мать, будучи еще маленькой девочкой, попала в плен и была изнасилована советским солдатом. Потом она оказалась в Литве, где два года работала в доме зажиточной женщины. Затем пятнадцатилетнего подростка направили в детский дом в город Гродно, в Белоруссию. Каких-либо документов, удостоверяющих ее личность, у нее не было. Магда пробыла здесь два года, почти каждый день плакала. Язык своих врагов она не знала, но руки у нее были золотые. Руководству нравилось трудолюбие немецкой девочки. Не последнюю роль сыграло и то, что она хорошо вышила портрет Сталина, за который получила грамоту. После этого начальство доверило ей учить вышивке других. В этом же детдоме

молоденькая учительница труда познакомилась с шофером Евгением. Белорус давненько присматривал за красивой девушкой. Они решили пожениться. У Магды сразу же возникли проблемы. Ей было шестнадцать лет, но она была без паспорта и без фамилии. Директор уговаривал ее взять фамилию русскую или революционную. Однако она не хотела быть ни Петровой, ни Ивановой, не говоря уже о Советской или Октябрьской. Она хотела быть только немкой и носить фамилию своих предков. Местные власти все-таки пошли ей навстречу, однако, не до конца. Они ее полностью советской не признали, ей дали только вид на жительство. Документу, в котором было написано, что Магда Мюллер является гражданкой Германской Демократической Республики, учительница была чрезмерно рада. Вскоре молодые люди поженились, жениху было 23, невесте семнадцать. Через год семейная пара переехала в деревню Андрушовка Щучинского района Гродненской области, к родителям Евгения. Здесь родилась и Ира, дочь немки социалистической Германии и отца из советской республики Беларусь...

Рассказ женщины очень сильно заинтриговал подвыпившего Александра. Много нового от нее сейчас узнавал и Поляков, который, еще будучи советским офицером, совершенно случайно познакомился с Ирой, когда отводил своего сына в немецкий детский садик. В его глазах были слезы. Дабы и совсем не разрыдаться, он переводил взгляд то на Александра, то на Эрику. Много воды утекло после того, когда семейная чета Мюллеров проводила военного инженера, выполнившего интернациональный долг по защите передовых рубежей социализма, в Советский Союз, к новому месту службы. Поляков, приехав на землю предков своей жены и на прежнее место службы, решил разыскать прелестную Ирочку. Друзья быстро нашли друг друга и довольно частенько встречались. Жительнице прекрасного города Лейпцига небольшой городишко Цунден был очень хорошо знаком. Здесь родился и вырос ее муж Вольфганг, учитель рисования. Сегодня он не приехал, был на курсах. Не пришла и Полина, жена Иннокентия, она умерла полгода назад.

Монолог Иры вызывал у сидящих не только слезы или сожаление, но и смех. Бывшая учительница русского языка заставила мужчин в прямом смысле хвататься от смеха за животы. Заразительно смеялась и Эрика, когда гостья рассказывала о рождении своей сестры. Ее появлению способствовали офицеры КГБ. Магда и Евгений в то время жили в небольшом городе Лида. Супруги работали на заводе, где также работали и специалисты из социалистической Германии. Офицер КГБ, узнав о том, что Магда Мюллер прекрасно владеет немецким языком, вызвал ее к себе в кабинет. Задание было очень простым. Ей предстояло передавать все то, о чем говорили немцы. Машинистка крана попыталась отказаться. Начальник очень сурово посмотрел на строптивую русскую немку и резко произнес:

- Товарищ Мюллер, в наших руках вся ваша судьба... Одно хочу сказать,что хорошая работа будет очень хорошо поощрена...

Дальше офицер не стал ничего объяснять, немка и сама догадывалась. О пребывании в кабинете чекиста Магда своего мужа не информировала, боялась за его здоровье. У Евгения очень часто прихватывало сердце. Она решила по-другому увильнуть от спецзадания. Она забеременела. Забеременела, несмотря даже на очень плохие бытовые условия. Супруги снимали маленькую комнатенку у старой бабки на самой окраине города. Зимой в ней было просто невозможно жить. Питьевая вода в бачке иногда замерзала. Довольно часто им приходилось спать в верхней одежде. Интерес к беременной женщине у офицера Комитета Государственной безопасности вскоре пропал. Специфическое появление сестры вызвало всеобщий хохот слушателей. Рассказчица, окинув взглядом сидящих, весело произнесла:

- Одним словом, господа настоящие и вчерашние товарищи... Давайте выпьем за нашу жизнь... Я не скрою, что она в прошлом была и не так всегда хороша... Несмотря на это, я с большим удовольствием еще раз прошлась бы по прекрасным улочкам социалистического прошлого...

Все дружно подняли рюмки и также дружно чокнулись. Александр в один миг опрокинул содержимое в рот и уставился на Иру. Она была сейчас для него своеобразным символом женщины и человеческого достоинства. Он нисколько себе не лукавил, час назад эта незнакомка была для него просто чужой. Да и сейчас он не намеревался с ней искать каких-либо контактов. Его волновало совсем другое, которое у него, как у мужчины, как у молодого и красивого парня, отсутствовало. Осознание того, что у него никогда не было силы воли и то, что он всегда спасовал перед трудностями, приводило его в бешенство. Он довольно часто отводил глаза от сидящих и сжимал зубы. Сейчас он ненавидел себя за трусость, за неспособность постоять за свои жизненные идеалы. Сравнивая себя с сидящими и с тем, что эти люди пережили, он приходил к далеко неутешительным выводам.

Всю дорогу домой Александр молчал. Он, уставившись в окно автобуса, все думал и думал. Лишь временами он крепко сжимал ладонь своей любимой девушки. Та отвечала ему такими же крепкими рукопожатиями. Любви в эту ночь у молодых людей не было. У беглого просто-напросто не было настроения. Он также чувствовал упадок своих физических и душевных сил. Лежа в постели, он все больше и больше осознавал никчемность своего пребывания в этой стране. Молчала и Эрика, которая очень сильно переживала за своего русского. В эту ночь они впервые за все время совместного проживания не пожелали друг другу спокойной ночи. Они также не поцеловали друг друга. Госпожа Крюгер утром на автобусную остановку пошла одна, Кузнецов остался в постели. В ней он провалялся почти до самого обеда. К холодильнику он также не прикоснулся. Ему ничего не хотелось делать, ему все было безразлично. Только после обеда он вышел на улицу и решил более спокойно и трезво взглянуть на себя со стороны. Мысли, словно назойливые мухи, заползали в его голову и жалили, и жалили...

Александр на этот раз решил не ездить в город. Ему необходимо было спокойствие и одиночество. Его опять потянуло в лес, там он надеялся уединиться. До леса было километров пять, а то и больше. Приличное расстояние не испугало молодого человека. На окраине деревни он зашел в небольшой ресторанчик и купил «горбатого». Водку «Горбачев» он брал лишь однажды и почти полдня плевался. Даже и не потому, что он дико презирал бывшего советского правителя. Он не любил водку, которая не дотягивала до сорока градусов. В немецких магазинах таковая была большой редкостью.

Кузнецов подошел к лесу и остановился. Лес опять неумолимо манил его в свои объятия. На какое-то время он закрыл глаза и отключился от внешнего мира. Лесной воздух приятно щекотал его ноздри, шелест деревьев успокаивал его нервную систему. Вдоволь надышавшись целебным воздухом, он открыл глаза и уверенно пошел в глубину леса. Через несколько метров он присел на сильно согнутую березу, которая соседствовала с могучей сосной. Слезы все падали и падали из глаз мощного исполина, падали на нежную белую кору березки. Отшельник вновь оказался в плену грустных мыслей. Дабы погасить ненависть к своей персоне и на некоторое время забыться, он приложился к горлышку бутылки. Водка почему-то не «шла» и это его очень злило. Он закрыл глаза и широко открыл рот. После нескольких глотков он с презрением посмотрел на ребристую бутылку и на синюю этикетку. Затем он смачно выругался и громко зарыдал. Его душа вновь оказалась в плену равнодушия и апатии. Беглый через некоторое время опять раскрыл рот, и зажав зубами горловину ребристой бутылки, сильно запрокинул голову...

Дезертир некогда могучей армии вернулся на квартиру немки Эрики Крюгер поздно вечером. Вернулся он с твердым намерением покинуть Германию. Ему надоел бродячий образ жизни в этой сытой стране. Сейчас он уже нисколько не сомневался, что его решение покинуть часть и дезертировать, было роковой ошибкой. Не утешала его и Эрика, которая отдавала ему всю свою душу и любовь. Красивая немка не могла заполнить его душевную пустоту, понимание его собственной никчемности. Сейчас ему претили также всевозможные богатства и ценности этой страны, для приумножения которых лично он ни грамма усилий не приложил.

Дома Александра ждал очередной сюрприз. Сделала его опять неугомонная Эрика, которая почти смирилась со своей участью уборщицы в доме престарелых. Очередное пьянство любимого человека она приняла, как должное. Она прекрасно знала, что большинство русских мужчин в случае больших неудач и также больших праздников, да и не только больших, часто впадают в пьянку. Не исключением был и ее русский. В том, что сегодня господин Капут напьется, у нее сомнений не было. Она еще вчера заметила довольное странное, даже несколько отрешенное, состояние своего друга. Ее сюрприз Санечка «получил» рано утром, когда основательно проспался. Бледный, словно мел, он сразу же рванулся к холодильнику и опустошил бутылку холодного пива. Затем он вышел на

балкон и закурил. Эрика вышла минут через пять, вышла нагой. Она знала слабости своего русского, который всегда любовался ее голым телом. Он довольно часто скидывал с нее в постели одеяло. Русский и на этот раз на ее приманку клюнул. Он небрежно бросил окурок через балкон и с силой привлек ее к себе...

Информация Эрики на какое-то время, словно смерч, опрокинула все планы беглого. Он в очередной раз решил попытаться найти счастье на родине своей любимой женщины. Он никогда не думал, что это очень хрупкое создание будет так мужественно бороться за его счастье. Именно благодаря Эрике, немка Ира Мюллер обещала сделать все возможное и невозможное для того, чтобы он, военный дезертир бывшего Советского Союза, получил в Германии вид на жительство. Молодой парочке обещал также помочь и Иннокентий. Кузнецов взял время на размышление до нового года, дальше метаться уже было бесполезно. Беглых, подобных ему, в сытой стране было достаточно много.

По данным организации защиты прав человека ФРГ(немецкое общество мира) до вывода Западной группы войск из ее состава было зарегистрировно 600 беженцев, которые попросили политического убежища в стране. До 1997 года немецкие власти отказывали в политическом убежище русским дезертирам, несмотря на то, что секретные службы убеждали их в том, что дезертирам на их родине грозит тюремное заключение до 20 лет или смертная казнь. Только под давлением депутатов Бундестага всех фракций власти изменили свое решение. Дезертиры Советской Армии получили право политических беженцев.

До Нового года оставалось почти два месяца. У молодых все текло по-старому. Эрика работала, Александр лоботрясничал. Он никак не мог найти себе работу. Он был не только безработный, но и без определенного гражданства. Бороться за право жить в этой стране у него опять не хватало мужества и воли. Зайти к чиновнику для него большого труда не стоило. Его беспокоило совсем другое. Оно было самым страшным и пугающим. Он нисколько не сомневался, что немецкие чиновники не простят ему лжи. Им нужна только правда и только правда. Ему предстояло рассказать о перестрелке с полицией, о парикмахере и даже о том, как он чистил магазины и дворы. Сомнения все больше и больше закрадывались в его душу. Своими тревожными мыслями он с Эрикой не делился, у той и своих забот было достаточно. Безысходность вновь господствовала в душе беглого. Он опять стал раздражительным, он все больше и больше прикладывался к бутылке. Эрика с ужасом наблюдала за тем, как молодой мужчина из-за нервных стрессов преображался. Это замечала не только она, видел это и он сам. Буквально за месяц после «сюрприза» в его густой шевелюре появились седые волосы, их с каждым днем прибавлялось и прибавлялось. Он, дабы не пугать своей сединой Эрику, сделал короткую прическу. «Сдало» и его лицо. На лбу и под глазами появились первые морщины, которые уже не «смывались» ни днем и ни ночью. Ухудшился и нравственный климат среди некогда близких людей.

Русский днем и ночью молчал, молчала и немка. Она все больше и больше находила свою отдушину в слезах. Плакала она, как правило, после работы, когда уставшая бродила по улицам Цундена, дабы выработать очередной план спасения своего друга, который все больше и больше от нее отдалялся. Она стала избегать встреч и с теми, кто намеревался ему помочь. Причиной этому было довольно странное поведение русского парня, который до сих пор не мог определить свою судьбу. Почему он так мучает себя, и не только себя, такой вопрос она ставила перед собою неоднократно. Ответа она не находила. Несмотря на это, она все продолжала искать пути спасения своего любимого человека. Очередной из них представился совсем скоро.

В первый день рождественских праздников молодых к себе в гости пригласила Ира Мюллер. Они приглашению очень обрадовались. Особенно радовался этому Александр, который очень хотел увидеть большой город. Он, будучи солдатом, довольно часто слышал от офицеров лестные отзывы об одном из самых красивейших городов социалистической Германии. Приглашенные поехали к почти незнакомой женщине и нисколько об этом не сожалели. Компания, состоящая из десятка людей, была в некоторой степени родной. Здесь был Икона и также женщина-аусзидлерша. Была и супружеская пара немцев, проживающая в соседнем подъезде дома. Гости быстро познакомились друг с другом и сели за стол. Затем они пошли гулять по ночному городу. Город и на самом деле был красавцем. На следующий день вечером Эрика и Александр были уже дома. Они почти до позднего вечера делились своими впечатлениями о Лейпциге и о тех, кого они впервые в своей жизни встретили. Видя счастливое лицо своего друга, Эрика надеялась на то, что лед вот-вот «тронется» и он начнет жить полнокровной жизнью. Однако в этом она сильно ошибалась. Встреча с русской немкой Бертой Бэр и с немцем Петером Райманом только добавила Александру размышлений. Эти размышления во многом отличались от того, о чем он думал только вчера и даже час назад. Чем больше он вникал в жизненный путь новых знакомых, тем сильнее сжималось его сердце от своей беспомощности и даже от какой-то животной кротости.

Беглого особенно поразила история, рассказанная аусзидлершой. Берта принадлежала к послевоенному поколению. Немецкая деревня с русским названием Семеновка, где она родилась, находилась на реке Тобол. Девочка рано познала цену труда и цену знаний. После средней школы обладательница серебряной медали поступила в Карагандинский торгово-экономический институт. Затем была работа, должности. Пришла и первая любовь, которая оказалась непрочной. Муж стал ей изменять, развод оформили без всяких нервов. Почти месяц молодая женщина не находила себе места, она очень тяжело переживала. Причины для этого были, притом весомые. Ее муж, бывший электрик, благодаря ее настойчивости и таланту, заочно закончил институт и стал инженером. Через некоторое время горлопана заметили и избрали зампредседателя профсоюзного комитета фабрики.

Отец двух маленьких детей почти все время пропадал на общественной работе. Он дома палец о палец не ударял. Все по хозяйству делала его жена. Она варила и стирала, делала в квартире ремонт. На ее хрупких плечах были коровы и свиньи. Общественник сначала пристрастился к вечеринкам, потом к женщинам...

Грянула перестройка. Нищета и беспредел все больше и больше стучались в двери некогда зажиточной семьи. Берта после долгого раздумья решила уехать на историческую родину своих предков. Приехала туда через год после падения Берлинской стены, попала на восток страны. Власти сюда направляли все новые и новые потоки аусзидлеров. Всевозможных курсов здесь было хоть пруд пруди, работы не было. Берте, благодаря знанию немецкого и русского языка, удалось устроиться переводчиком в одну из фирм. Материально стало немного легче. Вскоре и сама жизнь у нее приобрела какой-то смысл. Она познакомилась с мужчиной, который был старше ее на двадцать лет. Владимир был русским, приехал из России. Приехал он сюда не ради сладкого калача, а ради душевного успокоения. В бывшем Союзе жизнь у него складывалась сначала довольно хорошо. После окончания университета работал в райкоме партии, потом подался в науку. Он успешно защитил кандидатскую диссертацию, через два года написал монографию. Молодой ученый все больше и больше работал на-гора: читал лекции, печатался в газетах, писал книги. Шли годы. Человек с большими способностями, как теоретик и мыслитель, не мог не видеть водораздела между теорией и практикой руководящей партии. Он стал писать письма в партийные издания, в которых высказывал свою точку зрения. Она довольно часто не совпадала с генеральными установками. Строптивого верхи заметили мгновенно. Без пяти минут профессора вызвали в райком, затем в горком партии. Там слегка пожурили, предупредили. Он все не унимался, поехал в столицу. Через неделю состоялось заседание бюро райкома партии. Кожаное кресло партийного вожака занимал Филатов, бывший инструктор отдела, которым когда-то руководил маститый ученый. Секретарь при рассмотрении персонального дела бывшего коллеги в глаза правдоискателя так и не посмотрел. Он все время внимательно изучал какие-то бумаги. Чиновник, скорее всего, вспоминал кое-что из своей жизни, когда «стучал» первому секретарю райкома партии о том, что творилось среди ответственных работников серьезного учреждения. «Парилка» для ученого продолжалась почти час. Коммуниста Морозова и здесь не поняли. Да и никто его не хотел понимать. Сидящие за большим столом обеими руками и ногами были за генеральные установки престарелого руководства партии. Никто из них не хотел лишаться всевозможных привилегий и подачек. Завершение разборки персонального дела в какой-то мере носило исторический оттенок. Один из членов бюро все-таки отважился высказать индивидуальное мнение по отношению заблуждающегося коммуниста. Директор хладокомбината, которого Морозов прекрасно знал, бросив взгляд в сторону районного вожака, с явным непониманием произнес:

- Товарищи члены партийного бюро... Владимира Ивановича я знаю давно... Все поручения, которые он получал от нашей Коммунистической партии, он всегда их с честью выполнял... Этого коммуниста, даже его враги, называют гениальным человеком и способным организатором... Сегодня наша партия выработала очередную стратегию на длительную перспективу... У нашего товарища по партии есть еще все возможности приобщиться к нам... Он должен показать себя только с лучшей стороны... Я все еще не пойму, почему коммунист Морозов так неординарно стал мыслить...

На некоторое время в зале наступила тишина. Все почему-то опять уткнулись в свои бумаги. Молчал и председатель, он всегда боялся Морозова. Боялся в отделе, боялся и сейчас, когда сел в кресло районной власти. Морозов, используя наступившую тишину, поднял голову и внимательно посмотрел на сидящих. Эти люди почти все были ему знакомые. Они совсем недавно ему лебезили и предлагали свои услуги. От всевозможных деликатесов он всегда отказывался. Он лично сам отвез на квартиру директора мясокомбината большую сумку с колбасой. Утром он очень строго отчитал подхалима. Сейчас же ученый видел совсем других людей. Он был с ними в одном помещении, на одной земле, даже в одной партии... Однако взгляды на развитие общества, на эту жизнь у него и у них были иными, даже противоположными...

Морозов поднял руку и попросил слова. Он решил много не говорить, противостоять сидящим он был бессилен. И это понимание в какой-то мере придало ему уверенность. Коммунист с двадцатилетним стажем сухо и четко произнес:

- Один из членов бюро очень правильно подметил, что коммунист Морозов неординарно стал мыслить... Этого я не отрицаю, как и не отрицаю того, что с таким неординарным мышлением я живу всю жизнь. Благодаря этому же неординарному мышлению, я стою и сейчас здесь на этом ковре...

В зале раздался смех. Засмеялся на этот раз и Филатов. Смех «вонючки», так некогда называли лысоватого мужчину женщины общества «Знание» за его многоразовые посещения туалета, Морозова нисколько не разозлил. Он только улыбнулся, улыбнулся сам себе. Он уже нисколько не сомневался в своей победе. Пусть она была даже в его мыслях, даже в его теории, но она, как он считал, была его личной победой. От этого осознания он вытащил из внутреннего кармана пиджака партийный билет и положил его на краешек стола, накрытого красным кумачом. Через несколько мгновений он вышел из зала и плотно закрыл за собою дверь. Затем он очень медленно опустился на стул. Его руки были влажными, его лицо покрылось испариной. Сердце беспартийного тревожно билось...

Кузнецов, погруженный в раздумья, все больше и больше симпатизировал русской немке Берте, которая во время прогулки по городу поделилась самым сокровенным, что было между ней и ее другом. Этим пожилым людям он завидовал, завидовал очень сильно. Их жизнь была романтичной и разительно отличалась от многих других. Он улыбался, когда

перед ним на миг появлялся образ красивой аусзидлерши, которая рассказывала о некоторых чудачествах умных обитателей трехкомнатной квартиры. Берта и Владимир прожили вместе всего пять лет и каждый день для них был по-своему интересен. Любая домашняя работа у них не обходилась без философских рассуждений, они иногда даже спорили. Не обходились они без серьезных размышлений и во время зарубежных поездок. У этих людей было единство души и ума, что делало их любовь величественной и сильной. Они, дети социализма, ради которого жили и боролись целые поколения их предшественников, очень тяжело переживали все то, что творилось в мире. Особенно тяжело переживал Морозов, который в свободное время садился за стол и все что-то писал. Через некоторое время Берта узнала, что он пишет любовные истории. Через год они вместе радовались первому его опубликованному роману, затем последовал второй, третий... Творчество прибавляло пожилому мужчине все новые и новые силы. Он вновь ударился в историю. Принялся писать, как он сам довольно часто говорил, очень толстую и очень умную книгу. Владимир умер в день своего рождения, ему в этот день исполнилось ровно семьдесят. Он, несмотря на свой солидный возраст, всегда чувствовал себя прекрасно, был здоровым. Смерть в какой-то мере была предопределена его жизненными установками, которым он никогда не изменял. Кое-что в этом было загадочным и даже чудачеством. Старик основные вехи своей жизни почти всегда приурочивал к своему дню рождения. В этот день он впервые познакомился с Бертой. В день своего ангела он начинал писать свои романы...

В предсмертной записке Морозов размашистым почерком написал: « Я жил на этой земле не так, как существовали и существуют многие... В иной мир ухожу сознательно, надеюсь на свое возвращение...». На столе также лежала рукопись ученого, «очень толстая и умная книга». Автор ее писал, согласно его пометкам, всю свою сознательную жизнь. На титульном листе красным карандашом было четко выведено название его труда «Размышления советского шизофреника». После этих слов стоял очень жирный вопросительный знак. Берта после смерти своего друга сделала все то, о чем он раньше ее просил. Тело Морозова кремировали, его пепел она разбросала по немецкой реке. Через год после смерти по роману писателя в одной из стран СНГ был поставлен художественный фильм. Его рукописью заинтересовался один из историков той же страны. Профессор обещал научной работе умершего коллеги мировое будущее...

Рассказ о жизненном пути Берты Бэр во многом придавал Кузнецову оптимизм, рассказ же немца Петера Раймана этот оптимизм сводил почти к абсолютному нулю. Соседу Иры Мюллер было чуть за тридцать лет, такого же возраста была и его жена Катерина. После падения Берлинской стены бывшему офицеру национальной народной армии ГДР в родных местах работы не нашлось. Да и помочь ему было некому. Многие из знакомых просто-напросто отвернулись от представителя некогда престижной профессии. Бывало и еще

похлеще. Кое-кто из злопыхателей на дверях его гаража писал оскорбительные слова. Однажды даже разбили ветровое стекло старенького «Москвича», стоящего неподалеку от дома. Не давали покоя и жене бывшего офицера. Ее через неделю после образования единой страны уволили из магазина. Молодые супруги унижения переносили стойко. Они старались свое свободное время проводить на природе, вдали от людей. Там они на некоторое время успокаивались, хотя нервы были на пределе. Только через год мужчине удалось найти работу, которая была для него явно непрестижной и малооплачиваемой. Петер сторожил ночью на очень большом заводе на юге страны, домой приезжал только на выходные и то не всегда. Катерина устроилась уборщицей в детском садике. Муж и жена иногда не виделись неделями. Каждый из них радовался только одному, отсутствию детей. Иначе было бы очень туго. Никто из них в силу специфики своей работы не мог дать полноценное воспитание детям. Мало радости получали супруги и от новых коллег по работе. Петера, человека с высшим образованием, довольно часто бесил не только многонациональный состав охранников, но и их умственный кругозор. Не в восторге от персонала в детском садике была и бывшая заведующая магазином. Соседи Иры революционных перестроек в объединенной стране после ими пережитого делать не намеревались. Они смирились со своей судьбою и по-тихоньку тянули лямку. Это Кузнецов понял сразу, как только вступил с ними в разговор. Они, некогда изучающие русский язык, сначала с большой охотой пошли на контакт с красивыми и молодыми друзьями фрау Мюллер. Однако откровенного разговора дальше не получилось. На вопросы Эрики и Александра немцы отвечали почему-то без всякого желания. Через некоторое время они вообще покинули компанию...

Услышанное и увиденное во время пребывания в гостях у Иры, у беглого вызвало двоякое чувство. Он уже нисколько не сомневался в том, что и в этой стране, которая всегда была для него идеалом, есть проблемы, даже очень серьезные. От этого у него на душе становилось тревожно, на глазах появлялись слезы.

Новый год подошел незаметно. Приготовлений к торжеству, как таковых, у молодых не было. Да и не до этого было. Русский не находил себе места. Он, как иногда казалось Эрике, просто-напросто замкнулся в себе. Не только замкнулся в себе, а умирал еще живым. Поэтому она с большим нетерпением ждала развязки. Она ждала эту развязку почему-то именно на этот праздник. Она еще из истории помнила, что у русских принято в дни праздников делать какие-либо трудовые подарки или сюрпризы. В своих предположениях она нисколько не ошиблась. Часы на стене пробили ровно двенадцать раз. Александр на правах хозяина стола произнес тост за здоровье Эрики и пожелал ей успехов в только-что наступившем году. Затем он протянул бокал шампанского в ее сторону и громко чокнулся. Неожиданно раздалась музыкальная мелодия. Эрика быстро взяла в руки мобильный телефон. Она сразу же услышала знакомый голос. Звонил Фарид, друг Александра, которого

она впервые увидела в Испании на берегу Средиземного моря.

Кузнецов мигом рванулся к девушке и выхватил из ее рук телефон. Мужчины поздравляли друг друга с Новым годом, потом что-то еще говорили и говорили. Эрика не придавала этому большого значения. Сейчас ее беспокоило совсем другое. Она очень внимательно смотрела на своего любимого. Мужчина исполинской силы плакал, слезы катились по его впалым щекам. Она кинулась к шкафу за носовым платком, заведомо зная о том, что ее непутевый верзила никогда его при себе не имел, не говоря уже о каких-то салфетках, которыми пользовались почти все жители Германии. Она сделала несколько шагов вперед и остановилась, когда услышала голос Александра. Он, сжимая до боли в руках маленький телефон, уверенно и четко в микрофон произнес:

- Фарид, я обязательно приезду. Я приеду завтра же... Я сделаю все для того, чтобы доказать, что я, Александр Кузнецов, был и есть настоящий мужчина... Фарид, ты в этом нисколько не сомневайся...

Эти слова любимого человека, словно молния, пронзили Эрику. Она, застыв в неподвижной позе, стояла в шаге от красивого парня и не знала, что ей делать дальше. Несколько мгновений назад перед ней был близкий и любимый человек, сейчас же перед ней стоял уже чужой мужчина. Сейчас же между ней и этим русским, которому она отдала всю свою любовь и взяла почти все его проблемы на свои хрупкие плечи, как ей сейчас казалось, ничего общего не было. Со слезами на глазах она бросилась в соседнюю комнату и плотно закрыла за собою дверь. Она уже нисколько не сомневалась в том, что ее даже очень трудное счастье с этим непонятным русским с этого момента исчезло, исчезло навсегда.

Первая ночь наступившего года для молодой немки и для молодого русского была холодной и безрадостной. Они лежали в одной постели в непосредственной близости друг от друга и слышали биение своих сердец. Однако эти люди и их сердца, и даже их души, ничего общего между собой не имели. Каждый молчал и думал только о своем. Эрика со слезами на глазах и в эту ночь делала очередную попытку понять своеобразие характера русского парня с такой сложной человеческой судьбой. Этой ночью ей удалось это сделать. В этом она уже нисколько не сомневалась. Сердце и душа мужчины жаждали жизни, жизни необычной, только ему понятной и никому больше. Мечте любимого человека она решила не препятствовать...

Кузнецов проснулся очень рано. Эрика уже сидела на диване и о чем-то думала. Никто из них не начинал разговор первым. У каждого на душе было скверно. Сборы в дорогу у Александра были очень недолгими. Он вещей никаких с собою не взял. Да их у него и не было. Он положил в карман военный билет и тысячу немецких марок. Это у него было все, что он заработал за прошедший год. Прощание молодых людей было очень сухим. Александр внимательно посмотрел в глаза Эрики и сквозь слезы произнес:

- Эрика, моя Эрика, ты не переживай... Я тебя очень люблю... Ты пойми меня правильно, дорогая... Я мужчина и должен доказать, что я, как человек, еще способен что-то полезное сделать на этой земле... Я нисколько не сомневаюсь в том, что на моей родине у меня это получится...

После этих слов он крепко ее обнял и сильно поцеловал ее в губы. Затем он повернулся и решительно вышел вон. Эрика со слезами бросилась в комнату и прильнула к окну. Ее любимый человек уверенно шел к автовокзалу. Она дрожащей рукой перекрестила окно и упала на колени. Затем она стала просить Бога о помощи в тех делах, которые намеревался совершить беглый солдат из Западной группы войск....

.... Прошло ровно три года после того, как Александр Кузнецов вернулся на Родину. Руководство России и Германии выполнили свои обещания, никто из властей не преследовал военных дезертиров. На деле это означало окончание холодной войны. Заканчивался первый год третьего тысячелетия. Одна из газет Казахстана сообщила о том, что от сердечной недостаточности скончался преуспевающий бизнесмен Фарид Исхаков. Руководство фирмы принял Александр Кузнецов, его заместитель. Новому руководителю было только тридцать лет...

.... Еще через год та же газета информировала своих читателей. Руководитель фирмы Александр Кузнецов, один из состоятельных людей страны зарегистрировал брак с гражданкой Федеративной Республики Германии Эрикой Крюгер... Через девять месяцев у молодых супругов родился сын. Нарекли они его Фаридом...

С о д е р ж а н и е:

Глава первая. Сынок, не опозорь светлую память о нашем прадеде..... 7

Глава вторая. Дьявольское решение..... 90

Глава третья. Собачья жизнь..... 122

Глава четвертая. Привкус счастья.....196

Владимир Великий родился 25 сентября 1950 года в деревне Драгунка Называевского района Омской области Российской Федерации.

Жизненный путь доктора истории, писателя есть повседневное творчество, творчество многоплановое. Он автор и соавтор многих книг, написал около двадцати научных трудов. Среди фундаментальных исследований следует выделить работы, посвященные истории Омского Прииртышья, что оставило заметный след в истории Российского государства. Издал семь романов. Он имеет много публикаций в периодической печати.

Жизнь Владимира Великого была одновременно и тернистой. Его попытка выступить против устоев тоталитарного режима в СССР закончилась трагически. Его насильно упрятали в психушку. Многие годы он находился под контролем партийных и других органов.

«Клятвоотступник» - жизненная драма молодого солдата, переступившего черту закона ради одного – найти свое счастье на чужбине...